

ООО «Наука и образование»

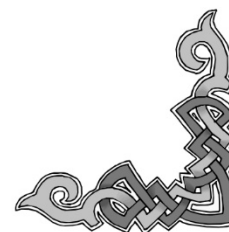
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

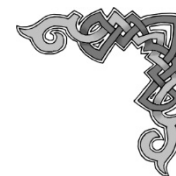

**№ 4
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

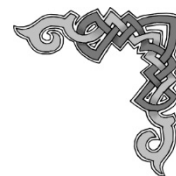
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

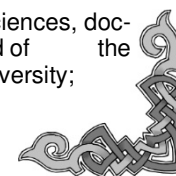
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» РАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузигов Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of RAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Мельников Александр Борисович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
--------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонова Я.С., Зенов П.Е. Экспертное сообщество и трансгуманизм современного общества	15
Артамонова Я.В., Барсуков С.С. Стратегии преодоления рисков распада жизненного мира молодой семьи в условиях поликультурного региона	18
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Специфика взаимодействия экспертов и государственных служащих в процессе определения консолидирующих констант регионального развития: опыт Белгородской области	22
Баландина Т.М., Петров Н.Р. Пути формирования адаптивного социального партнерства в системе социально-трудовых отношений в России	28
Боташева Ф.М. Контроль как элемент социального управления: интеграционный подход	32
Вафин Р.Р., Потеряева О.Б., Хорошкевич Н.Г. Роль государственных органов власти в процессе формирования неформальных политических норм современного общества	35
Викторов А.Ш. Социальная реальность современного капиталистического общества	39
Казибеков И.М., Гереев М.М., Агасиева М.Н., Казибекова Н.А. Совершенствование социальной поддержки семей с детьми	47
Кареева С.Г. К вопросу о национальной безопасности страны: информационное воздействие СМИ на современное общество	51
Кудинова О.Д. Отношение россиян к реалити-шоу: результаты исследования	58
Кузьменко И.С. Значение теории солидарности в современном мире в контексте оппозиции категорий солидаризации и обособления	61
Михалева О.В., Зыков Д.А., Комарова Я.Б. Формирование межкультурной компетентности будущих бакалавров в условиях цифровизации образования	65
Осадчая Г.И., Селезнёв И.А., Киреев Е.Ю., Черникова А.А. Великая Победа и формирование исторической памяти молодежи стран ЕАЭС и ОДКБ (к 75-летию победы в великой отечественной войне)	69
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А. Влияние информации на потребность коррекции поведения для сохранения здоровья	77
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аминова А.М. Историко-теоретические предпосылки совершенствования государственно-территориального устройства в современном мире	83
Арутюнов А.С. Основные виды и особенности проведения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности	86
Вецкая С.А. Генезис преступного поведения несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности	89

Гузеева О.С. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях	93
Ермилов В.Б. Обеспечительные меры по обособленному спору в рамках дела о банкротстве организации	99
Заикин В.Ю., Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности ГИБДД	102
Захаров И.Е. К вопросу о проблемах, возникающих при оспаривании сделок прокурором в арбитражном суде	105
Зеленский В.Д., Безбогин А.К. Способы совершения хищений в строительстве	108
Костюк А.В. Выемка как процессуальное действие в уголовном судопроизводстве	112
Ламсков Д.С. Реорганизация акционерного общества в контексте обеспечения прав кредитора	116
Лизикова М.С. Атомная энергетика как инструмент борьбы с изменением климата	119
Магомадова З.А. «Оковы» определенности	125
Михайлов А.Е., Рябчиков В.В., Семенов С.А. Отдельные аспекты раскрытия и расследования аффектированных преступлений	132
Оспичев И.М. Проблематика оценки и фиксации несчастных случаев на производстве	135
Пирогов Е.Ю. Механизм локального правотворчества органов внутренних дел: особенности и пути совершенствования	138
Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии	143
Прошин В.М. Проблемы правовой обязательности установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, как профилактика преступности	148
Прошин В.М. Криминалистический анализ формирования мотива уголовного преступления	150
Савин А.А. Принудительные меры медицинского характера: критерии применения к психически больным лицам	154
Саидов З.А., Бидова Б.Б. Анализ правового механизма обеспечения национальных интересов	157
Соколова Т.Л. Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х гг. (историко-правовой аспект)	161
Терехова В.В. Основные способы правового регулирования деятельности микрофинансовых организаций в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации	164
Шамне А.Н. Отдельные проблемы в сфере миграционного права на современном этапе его развития	169
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Актуальные проблемы в законодательной сфере, регулирующей правовое положение малолетних и несовершеннолетних граждан в Российской Федерации, и пути их решения	172
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бадмаев О.М. Проблемы МСФО в российской учетной практике	177
Баляев Н.Д. Внутренний государственный финансовый контроль: необходимость развития	179

Волков М.А. Аналитическая модель оценки величины оптимальной долговой нагрузки компании	183
Галстян Д.Г. Некоторые проблемы планирования федерального бюджета	187
Епифанов И.Н. Отражение в консолидированной финансовой отчетности объединения бизнеса	190
Казибекова Н.А., Казибеков И.М., Гереев М.М. Экономический механизм управления устойчивым развитием региона	193
Копысов А.О. Предложения по совершенствованию модели профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в РФ	197
Коркоценко М.Н. Жизненный цикл использования авиационной техники в мирное и военное время	202
Кравцова А.В. Организационно-экономический механизм регулирования конкуренции на рынке предоставления консалтинговых услуг	206
Полбицына Л.Г. Практика закупок у субъектов малого предпринимательства в государственном и муниципальном заказе как ресурс развития российской экономики	209
Семина Д.Ю. Особенности возмещения налога на добавленную стоимость при проведении экспортных операций	213
Шишкина Д.Ф., Савина В.А., Красов И.С., Усов М.А. Роль материальной мотивации в достижении экономической эффективности организаций	219

CONTENTS:

Congratulations	6
------------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Yaroslavna S. Artamonova, Pavel E. Zenov The expert community and transhumanism of modern society	15
---	----

Yana V. Artamonova, Sergey S. Barsukov Strategies to overcome the risks of a breakdown in the life of a young family in a multicultural region	18
--	----

Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval Specifics of interaction between experts and civil servants in the process of determining consolidating constants regional development: experience of the Belgorod region	22
---	----

Taisiya M. Balandina, Nikita R. Petrov Ways to form an adaptive social partnership in the system of social and labor relations of Russia	28
--	----

Fatima M. Botasheva Control as an element of social management: integration approach	32
--	----

Rasheed R. Vafin, Olga B. Poteryaeva, Natalya G. Horoshkevich Role of state authorities in the process of formation Informal political norms of modern society	35
--	----

Alexander Sh. Viktorov Social reality of modern capitalist society	39
--	----

Islam M. Kazibekov, Makhach M. Gereev, Magrifa N. Agasieva, Naida A. Kazibekova Improving social support for families with children	47
---	----

Svetlana G. Karepova On the national security of the country: the influence of mass media on modern society	51
---	----

Olga D. Kudinova The attitude of Russians to reality shows: research results	58
--	----

Irina S. Kuzmenko Value of the theory of solidarity in the modern world in the context of opposition of categories of a solidarization and isolation	61
---	----

Olga V. Mikhaleva, Daniil A. Zykov, Yana B. Komarova Formation of intercultural competence of future bachelors in the conditions of digitalization of education	65
--	----

Galina I. Osadchaya, Igor A. Seleznev, Egor Yu. Kireev, Anna A. Chernikova The great victory and the formation of the historical memory of the youth of the EAEU and CSTO countries (to the 75th anniversary of the victory in the great patriotic war)	69
--	----

Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Influence of information on the need for correction of behavior for health	77
---	----

JURISPRUDENCE

Aliya M. Aminova Historical and theoretical prerequisites for improving the state-territorial structure in the modern world	83
--	----

Alexander S. Arutyunov The main types and features of forensic examinations in the investigation of extremist crimes	86
--	----

Svetlana A. Vetskaya Genesis of criminal behavior of minors under the age of criminal responsibility	89
--	----

Olga S. Guzeeva The status of the offender in criminal law	93
--	----

Valeriy B. Ermilov Interim measures for a separate dispute in the framework of an organization's bankruptcy case	99
--	----

Vadim Yu. Zaikin, Denis N. Lozovsky, Natalya N. Lozovskaya The possibility of using unmanned aerial vehicles in the activities of the traffic police	102
Ilya E. Zakharov To the question of the problems arising when opposition of transactions by the prosecutor in the arbitration court	105
Vladimir D. Zelensky, Alexander K. Bezbogin Methods of theft in construction	108
Anna V. Kostyuk Seeming as a procedural action in criminal proceedings	112
Daniil S. Lamskov Reorganization of the joint stock company in the context of the creditor's rights	116
Marina S. Lizikova Nuclear energy as a climate change tool	119
Zubiydat A. Magomadova «Shackles» of certainty	125
Alexey E. Mikhailov, Vadim V. Ryabchikov, Sergei A. Semenov Certain aspects of detection and investigation of affected crimes	132
Igor M. Ospichev Problems of assessment and recording of industrial accidents	135
Evgeny Y. Pirogov The mechanism of local law-making of internal affairs bodies: features and ways to improve	138
Mihail Yu. Popov, Petr S. Samygin, Sergei I. Samygin To the discussion on the restriction of human rights and freedoms in the context of a pandemic	143
Vladimir M. Proshin Problems of the legal obligation to establish circumstances conducive to the commission of a crime, such as crime prevention	148
Vladimir M. Proshin Forensic analysis of the formation of a motive for a criminal offense	150
Andrei A. Savin Compulsory medical measures: criteria for applying to mentally ill persons	154
Zaurbek A. Saidov, Bela B. Bidova Analysis of the legal mechanism for ensuring national interests	157
Tatyana L. Sokolova Legal regulation in the field of secondary vocational education in the RSFSR in the 1918–1920s. (historical and legal aspect)	161
Valentina V. Terekhova The main methods of legal regulation of microfinance organizations in accordance with the current legislation of the Russian Federation	164
Anton N. Shamne Certain problems in sphere of immigration law at the current stage of its development	169
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva Actual problems in the legislative sphere regulating the legal status of minors in the Russian Federation and ways to solve them	172
ECONOMIC SCIENCES	
Ochir M. Badmaev Ifrs issues in russian accounting practice	177
Naran D. Balyaev Internal state financial control: the need for development	179
Maksim A. Volkov Analytical model of company debt capacity evaluation	183
Diana G. Galstyan Some problems of federal budget planning	187
Ivan N. Epifanov Reflected in the consolidated financial statements business combinations	190

Naida A. Kazibekova, Islam M. Kazibekov, Makhach M. Gereev Economic mechanism for managing sustainable development of the region	193
Anton O. Kopysov Suggestions for improvement of model of professional education of persons with disabilities in Russian Federation	197
Marina N. Korkotsenko Use life cycle aircraft in peacetime and wartime	202
Alina V. Kravtsova Organizational and economic mechanism for regulating competition in the consulting services market	206
Liliya G. Polbitsyna Practice of purchasing from small businesses in state and municipal orders as a resource for the development of the russian economy	209
Dmitrii Yu. Semin Features of value added tax reimbursement in the course of export operations	213
Dar'ya F. Shishkina, Valeriya A. Savina, Ivan S. Krasov, Mikhail A. Usov The role of material motivation in achieving economic efficiency of organizations	219

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Артамонова Ярославна Сергеевна

доктор политических наук,
доцент,
кафедра социальных отношений,
рекламы и связей с общественностью,
Московский технический университет
связи и информатики
mei_2018@inbox.ru

Зенов Павел Евгеньевич

кандидат юридических наук,
кафедра социальных отношений,
рекламы и связей с общественностью,
Московский технический университет
связи и информатики
artamonova@etspir-mtuci.ru

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО И ТРАНСГУМАНИЗМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье представлен взгляд авторов на роль экспертного сообщества в формировании идеологии трансгуманизма современного общества. Данный феномен является многообразным и причудливым элементом не только в социальной структуре современного российского общества, но и занимает значительное место в социально-экономических и социально-политических отношениях других стран. В данной статье представлены позиции различных экспертов, рассматривающих контуры и логику данного процесса. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в современном информационном обществе широкие возможности для быстрого охвата значительной аудитории. Экспертное сообщество должно более ответственно и компетентно использовать свой потенциал для предупреждения социума от угроз, исходящих от крайних течений постгуманизма.

Ключевые слова: трансгуманизм, экспертное сообщество, социальная реальность, современный социум, цифровая школа, социально-политический феномен, социальная структура, социальные процессы, современное Российское общество.

Сейчас происходит историческая вещь: сознание человека изменяется в том направлении, чтобы не просто лишить человека человеческого образа, а превратить его в такой примитивный объект управления, который описан в многочисленных антиутопиях. И сегодня мы видим в нашей социальной реальности многое из того, что было описано у Джорджа Оруэлла, у Олдоса Леонарда Хаксли. Кто сегодня разрабатывает систему ценностей современного социума, которая навязывается всему человечеству?

Yaroslavna S. Artamonova

Doctor of Political Sciences,
Assistant Professor,
Department of Social Relations,
Advertising and Public Relations
Moscow Technical University
of Communications and Informatics
mei_2018@inbox.ru

Pavel E. Zenov

Candidate of Law Sciences,
Department of Social Relations,
Advertising and Public Relations,
Moscow Technical University
of Communications and Informatics
artamonova@etspir-mtuci.ru

THE EXPERT COMMUNITY AND TRANSHUMANISM OF MODERN SOCIETY

Annotation. The article presents the authors' view on the formation of an ideology of modern society's transhumanism by the expert community. This phenomenon is a diverse and bizarre element not only in the social structure of modern Russian society, but also occupies a significant place in the socio-economic and socio-political relations of other countries. This article presents the positions of various experts who consider the contours and logic of this process. The authors of the article come to the conclusion that there is no unambiguous approach to the phenomenon under study in the expert community today.

Keywords: transhumanism, expert communities, social reality, modern society, digital school, socio-political phenomenon, social framework, social processes, modern Russian society.

Неизвестно. Это закрыто. Но уже сегодня механизм изменения сознания обозначен термином – «трансгуманизм». Это идеология превращает человека в киборга и на место человека ставит искусственный интеллект – «сверхразум», основанный на цифре.

Человек, в системе трансгуманизма рассматривается не как личность, а как совершенное существо, которое должно освободиться от тела и соединиться со сверхразумом. Человек не просто

несовершенен, но и не имеет право на существование. Вместо него будет создано более совершенное существо – биомеханоид, который будет представлять собой некую машину для жизни в космосе. Корни этих представлений эксперты видят в оккультных ложах XIX–XX веков.

Постгуманизм, декларирующий в качестве основных целей избавление человека от страданий, отдаление границ смерти и в конечном итоге избавление от нее в рамках виртуального сознания, совершенствование человека, модернизацию его тела и интеллекта за счет массового внедрения роботизации и цифровизации – это безусловное благо или скрытая угроза?

В 1980 году американская писательница Мэрилин Ферсунон опубликовала книгу «Заговор Водолея» [7]. В ней, по сути, дан манифест «Нью Эйдж» – современного движения, цель которого готовить наступление новой эры (эры Водолея), которые заменили старую христианскую эру, где вместо человека появится новое существо.

Движение «Нью Эйдж» включает в себя множество разных организаций, которые, в основном некоммерческие, действующие в области науки, образования. Движение действует открыто, чтобы работать с каждым клиентом, социальным слоем, или возрастной группой. Адепты движения формируют специальные структуры – «секты». Так, для молодёжи было предложено неоязычество, для пожилых – целительство, для менеджеров – саентология и т.д.

А как в России? Какова позиция современных отечественных экспертов? Этот подход трансгуманизма характерен для сторонников цифровизации? Ольга Четверикова как эксперт и автор книги об истоках и механизме цифровизации (кандидат наук, доцент МГИМО) отвечает утвердительно. «Эти люди утверждают эксперт, – делающие невозможным существование человека и человеческого общества, лежат в основе цифровизации и нашей стране... Везде говорят об искусственном интеллекте и роботах, о том, что цифра наш приоритет, а человека вообще куда-то убрали, отстранили...» [2; 11]. Во всех учебных и научных центрах постепенно и незаметно переходят на подобные мировоззрение, оно входит в человека и он уже не может ему противостоять. Возникает цифровая Одержимость. Все начинаю жить по навязанным стандартам.

Исследователи МГИМО показали, что цифровой проект реализуется людьми с измененным состоянием сознания. Потому, их цели и задачи плохо согласуются с возможностью жить и оставаться человеком [1; 10].

В многоступенчатой централизованной системе управления при наличии мощных субъективных факторов на местах благие цели, намеченные руководством страны, могут остаться лозунгами, а

тотальная цифроматизация приведет к таким необратимым последствиям как социальная деградация, полное расчленение (высказывание патриарха Кирилла) и масштабное расслоение общества [3].

У нас есть проект «цифровая школа», который предусматривает введение wi-fi во всех школах [6; 9]. Однако, не все эксперты единодушны во мнении, что это однозначно позитивный процесс. Например, каково мнение министра О.Ю. Васильевой об образовании в «цифре»? 15 февраля 2018 года Министр просвещения Васильева выступила перед участниками дискуссии «Цифровое образование: инвестиции в будущее», которая проходила в Сочи в рамках Российского инвестиционного форума. «Мы сидим у компьютера с утра до ночи, но у нас нет исследований, которые показали бы, как это влияет на подростковую психологию, которая связана с демотивацией... Невозможно привести к «цифре» школу, не зная как она будет влиять на ребенка определенного возраста» [5].

«Цифровая школа» вводится без альтернативны, вводятся электронные учебники, интерактивные доски, новая система оценки (пятибалльная шкала оценок будет упразднена). Система оценок в баллы будет накапливаться в течение всего пребывания в школе. Будет учитываться активность, участие в кружках и тому подобное. Кто не набрал нужное количество баллов в Вуз не поступит никогда. А это ведь творческие контуры цивилизации!

Журнал «Эксперт» через Тихона Сыроева обратился к известному профессору философии и теоретику искусств Борису Гройсу с вопросом о том, почему Google – это философская машина [8].

Google – это машина видео фиксации и распространения изменений, подтверждает философ. И поэтому она изменяет собой мышление. Если есть Google, то помнить ничего не нужно. Всё уже сохранено и представлено. Нужно только достать смартфон и всё. Чем чревата подобная ситуация? Происходит утрата мышления, памяти, деградация человека. В принципе человек не меняется. Человек определяется тем, что он умрет и что он знает об этом. Определяется отношение к смерти [8].

Сегодня уже не только вести говорят об искусственном интеллекте [4], но и соревнуются в его постоянном совершенствовании. Считается, что в недалеком будущем искусственный интеллект станет как человеческий. Для профессора это признак того, что ничего интеллектуального в каких машинах (роботах) нет. Потому что, если бы они действительно были думающие машины, они бы испугались, так же как люди пугаются смерти. Когда мы говорим, что человек ведет себя разумно – это значит, что человек рационален.

Литература:

1. *Артамонова Я.С.* Актуальные проблемы развития экономики в современных условиях / Я.С. Артамонова; Под ред. И.Л. Сурат // *Материалы*

Literature:

1. *Artamonova Y.S.* Current problems of economic development in modern conditions / Y.S. Artamonova; Edited by I.L. Surat // *Materials of the*

международной научно-практической конференции 11 апреля 2018 г., Москва. М., СГУ. 2018. С. 438–442.

2. *Артамонова Я.С.* Становление понятия «информация» // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 318–327.

3. *Артамонова Я.С.* Институты гражданского общества как ресурс обеспечения информационной безопасности демократического государства / Я.С. Артамонова, И.В. Лиханова // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 1. С. 31–37.

4. *Артамонова Я.С.* Аналитическое моделирование ИК-услуг сетей NGN / Я.С. Артамонова, В.Н. Максименко // Инновации и инвестиции. 2015. № 6. С. 136–142.

5. *Васильева О.Ю.* Что такое новый приоритетный проект «Цифровая школа»? URL : <https://цифроваяшкола.рф/blog/o-prioritetnom-proekte-cifrovay-shkola-1> (дата обращения 30.03.2020 г.)

6. *Иванова С.* Цифровизация в системе школьного образования России. URL : <https://zen.yandex.ru/media/digitalteacher/cifrovizaciia-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniia-rossii-5d469c581e8e3f00adc9c05f> (дата обращения 10.11.2019).

7. *Мэрилин Ферсюнон.* Заговор Водолея. URL : <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=54302> (дата обращения: 25.12.2019)

8. *Сысоев Т.* Время глобальных исторических проектов закончилось // «Эксперт». 2019. № 15 (1115). С. 59–60.

9. Федеральный проект «Цифровая школа». URL : <https://sitimedia.ru/federalnyj-proekt-cifrovaya-shkola> (дата обращения 15.11.2019).

10. *Четверикова О.* Путь к цифровому слабоумию // «Завтра». 2019. № 16. С. 1. URL : http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoy_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii (дата обращения 05.01.2020).

11. *Четверикова О.* Цифровая одержимость// «Завтра». 2019. № 42. С. 8. URL : http://zavtra.ru/blogs/tcifrovaya_oderzhimost_ (дата обращения 05.01.2020).

international scientific and practical conference April 11, 2018, Moscow. M., 2018. P. 438–442.

2. *Artamonova Y.S.* Formation of the concept of «information» // Social and humanitarian knowledge. 2009. № 1. P. 318–327.

3. *Artamonova Y.S.* Civil society institutions as a resource of information security of a democratic state / Y.S. Artamonova, I.V. Likhanova // Ethnosocial and ethnic culture. 2019. № 1. P. 31–37.

4. *Artamonova Y.S.* Analytical modeling of the information services and networks in NGN / Y.S. Artamonova, V.N. Maksimenko // Innovation and investment. 2015. № 6. P. 136–142.

5. *Vasileva O.* What is the new priority project «Digital school»? URL : <https://цифроваяшкола.рф/blog/o-prioritetnom-proekte-cifrovay-shkola-1> (date of issue 30.03.2020).

6. *Ivanova S.* Digitalization in the Russian school system. URL : <https://zen.yandex.ru/media/digitalteacher/cifrovizaciia-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniia-rossii-5d469c581e8e3f00adc9c05f> (date of issue 10.11.2019).

7. *Merlin F.* Aquarian conspiracy. URL : <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=54302> (date of issue: 25.12.2019).

8. *Sysoev T.* The time for global historical projects is over // «Expert». 2019. № 15(1115). P. 59–60.

9. Federal project «Digital school». URL : <https://sitimedia.ru/federalnyj-proekt-cifrovaya-shkola> (date of issue 15.11.2019).

10. *Tschetverikova O.* The path to digital dementia// «Tomorrow». 2019. № 16. P. 1. URL : http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoy_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii (date of issue 05.01.2020).

11. *Tschetverikova O.* Digital obsession// «Tomorrow». 2019. № 42. P. 8. URL : http://zavtra.ru/blogs/tcifrovaya_oderzhimost_ (date of issue 05.01.2020).

Артамонова Яна Викторовна

кандидат социологических наук,
преподаватель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
janaserduchenko@mail.ru

Барсуков Сергей Сергеевич

старший преподаватель,
кафедра криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности,
Ростовский юридический институт
МВД России
barsukov1982@yandex.ru

**СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РИСКОВ
РАСПАДА ЖИЗНЕННОГО МИРА
МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА**

Аннотация. В связи активной трансформацией форм семьи, меняются поведенческие стратегии супругов в рамках семейных отношений, увеличивается количество разводов. Авторы статьи проводят анализ стратегий преодоления рисков распада жизненного мира молодой семьи. Исследование выстраивается на основе теоретической концепции социологии жизни и рискологической концепции в молодежной среде. Основываясь на результатах эмпирического исследования, авторы работы выделили микростратегии и макростратегии преодоления рисков разрушения жизненного мира молодой семьи. В результате проведенного анализа авторы работы приходят к выводу о том, что микросоциальные стратегии играют важную роль при преодолении когнитивно-ценностных рисков. Макросоциальные стратегии – это деятельность таких социальных институтов, как государство, СМИ и образование. Снизить риски распада жизненного мира молодой семьи поможет грамотный симбиоз выделенных стратегий.

Ключевые слова: семья, молодая семья, жизненный мир, риск, риски распада жизненного мира, социальное управление, стратегии преодоления рисков распада жизненного мира.

Трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, влекут за собой коренные изменения в различных социальных институтах. Семья не является исключением. Молодая семья – представляет собой один из самых

Yana V. Artamonova

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
janaserduchenko@mail.ru

Sergey S. Barsukov

Senior teacher,
Department of Criminalistics
and Investigation and Search Operations,
Rostov legal institute
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
barsukov1982@yandex.ru

**STRATEGIES TO OVERCOME
THE RISKS OF A BREAKDOWN
IN THE LIFE OF A YOUNG FAMILY
IN A MULTICULTURAL REGION**

Annotation. Due to the fact that there is an active transformation of family forms, the behavioral strategies of spouses are changing within the framework of family relations, the number of divorces is increasing, the authors of the article analyze strategies to overcome the risks of decay of the life world of a young family. The study is built on the basis of the theoretical concept of the sociology of life (Zh.T. Toshchenko) and the riskological concept in the youth environment (Yu.A. Zubok). Based on the results that were obtained during an empirical study in the Rostov region, the authors identified microstrategies and macrostrategies for overcoming the risks of destroying the life world of a young family. These strategies work within the cognitive, value, and behavioral levels. As a result of the analysis, the authors of the work conclude that microsocial. Strategies play an important role in overcoming cognitive value risks. Macro-social strategies are the activities of social institutions such as the state, the media, and education. A competent symbiosis of the selected strategies will help to reduce the risks of the collapse of the life world of a young family.

Keywords: family, young family, life world, risk, risks of the collapse of the life world, social management, strategies to overcome the risks of the collapse of the life world.

важных ресурсов, влияющих на развитие российского общества. В связи с трансформациями экономического, политического и социокультурного характера, формируются новые модели семейного поведения [1]. Молодежь воспринимает

семью как инструментальную ценность [2]. Также, мы наблюдаем ориентированность молодых людей на однодетную модель семьи [3].

Анализ научной литературы по выбранному объекту исследования говорит о том, что исследовательский интерес к молодой семье среди отечественных социологов довольно высок. В отечественной фамилистике активно разрабатываются следующие направления: особенности молодой семьи, факторы мотивации создания семьи [4; 5], жизненные стратегии молодой семьи [6; 7], репродуктивные стратегии молодой семьи и социальное здоровье супругов [8; 9]. В рамках данного исследования также важно обратить внимание на публикации, которые направлены на рассмотрение жизненного мира с социологической точки зрения [10; 11].

Среди большого количества вопросов, которые рассматриваются в рамках выбранной нами проблематики, социологической рефлексии не поддавалось исследование жизненного мира молодой семьи. На наш взгляд, именно молодая семья в России подвержена чаще других различного рода рискам, что актуализирует исследование рисков распада жизненного мира молодой семьи и стратегий их преодоления.

Под жизненным миром молодой семьи мы подразумеваем субъективную модель социальной реальности, отражающую представления молодых супругов о семье, их семейные ценности, установки и практики, детерминированные факторами макро- и микросоциальной среды [12]. Опираясь на положения концепции социологии жизни Ж.Т. Тошченко и рискологической концепции Ю.А. Зубок, мы выявили структуру жизненного мира молодой семьи, которая включает в себя социальную среду с рискогенной обстановкой (макро-, мезо-, микроуровень), акторов (супругов), взаимодействующих друг с другом и формирующих ценностные ориентации, установки и поведенческие стратегии.

При стабильном развитии общества жизненный мир молодой семьи формируется на основе традиционных моделей семейного поведения. В настоящее время если российское общество представляет собой общество риска, то в когнитивном, ценностном и поведенческом компонентах жизненного мира накапливается рискогенный потенциал, который может привести к распаду жизненного мира молодой семьи.

Эмпирической основой данного исследования послужили результаты прикладного социологического исследования «Жизненный мир молодой семьи в Ростовской области». В рамках данного исследования были опрошены 332 человека, проживающие на территории Ростовской области, была использована квотная выборка по полу, возрасту, по типу поселения.

Полученные в ходе исследования данные позволили нам выделить когнитивные, ценностные и поведенческие риски распада жизненного мира молодой семьи. Снижение уровня знаний молодых людей о семье, семейных отношениях и

семейной культуре является когнитивными рисками. Респонденты к когнитивным рискам отнесли:

– снижение уровня семейной культуры в целом (10,4 %);

– низкую защищенность в плане семейного и ювенального права (2,8 %);

– утрату религиозности (2,7 %), что влияет на семейные ценности. Ценностные риски связаны с девальвацией ценности семьи. Из опроса видно, что будущее семьи беспокоит молодых супругов: 25,2 % отметили, что они наблюдают тенденцию разрушения семейных ценностей, но все равно стоит отметить, что в исследуемом регионе семейные ценности и традиции очень устойчивы. Поведенческие риски связаны с тем, что происходит изменение образа жизни молодой семьи. Поведенческие риски возникают при несовпадении когнитивно-ценностных представлений супругов в молодой семье с реальными социальными практиками. Из ответов респондентов видно, что материальное положение молодой семьи влияет на репродуктивные установки, а также – на стабильность внутренних взаимоотношений между супругами.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что жизненный мир молодой семьи в исследуемом нами регионе будет устойчивым в том случае, если молодые люди и социальные институты будут осознавать выявленные риски, а также способствовать их предотвращению. То есть, важным механизмом является процесс риск-рефлексии. В процессе рефлексии рисков рефлексирующий субъект имеет возможность осознать, а также – поддерживать постоянное «теоретическое понимание» осуществляемых действий. Процесс рефлексии задействованных субъектов отражается в макростратегиях и микростратегиях когнитивного, ценностного и поведенческого порядка.

Микростратегии и макростратегии минимизации и преодоления рисков на когнитивно-ценностном уровне выстраиваются на основе деятельности следующих агентов: семьи, образования, государственных и общественных организаций, СМИ. Данные стратегии должны быть направлены на формирование знаний о семье и семейной культуре у молодых людей: 80 % респондентов указали на нехватку знаний о семейной культуре. Родители показывают на своем примере, как должны складываться семейные взаимоотношения, и у детей возникает модель семейного поведения, формируется представление о семье, любви, уважении, прививаются семейные традиции (24 % опрошенных нами респондентов указали, что семья родителей для них является образцом семейных отношений).

На макроуровне нельзя обойти стороной систему образования, которая играет огромную роль в формировании когнитивных стратегий. В рамках проведенного исследования было выяснено, что молодые супруги в Ростовской области (16 %) убеждены в том, что получить знания о семье

можно посредством художественной литературы. Стоит отметить, что в настоящее время на территории Ростовской области существует огромное количество тренинговых мероприятий. Например, проведение в 2015 году в Ростове-на-Дону Форума молодых семей, в котором приняли участие молодые семьи из 23 субъектов РФ.

При формировании стратегий по преодолению рисков разрушения жизненного мира на макроуровне существенную роль играют средства массовой информации. По мнению 28,6 % супругов, участвующих в опросе, дополнительные знания можно почерпнуть из СМИ, так как это – один из основных источников информации.

На поведенческом уровне при формировании микросоциальных и макросоциальных стратегий родительской семье отводится важное место. Поведенческие риски часто связаны с тем, что молодые супруги испытывают материальные трудности, которые часто помогает решать родительская семья. Помимо решения материальных рисков минимизируется риск при рождении ребенка, так как семья родителей может оказывать поддержку.

В формировании стратегий преодоления поведенческих рисков распада жизненного мира участвует государство. Данные стратегии построены на создании качественной политики государства [13], частности, Федеральной целевой программы «Жилище» на 2015–2020 годы. В рамках данной программы существует подпрограмма для исследуемого региона – «Обеспечение жильем молодых семей в Ростовской области» [14].

Литература:

1. *Рощина Я.М.* Неформальный брак в России в 2000–2014 гг. / Я.М. Рощина, М.А. Мальцева // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). 2016. Вып. 6. URL : https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (Дата обращения 01.04.2020).
2. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1. 416 с.
3. Демографический прогноз до 2030 года. Федеральная служба государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/materials/news/doc_127253911207 (Дата обращения 01.04.2020).
4. *Лисовский В.Т.* Молодежь: любовь, брак, семья. СПб.; Наука, 2003. 368 с.
5. *Ростовская Т.К.* Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 73–81.

Также, в начале 2020 года вступили в силу новые правила получения материнского капитала. Основным нововведением является то, что распространение программы также коснется и семьи с одним ребенком, родившимся или усыновленным после 1 января 2020 г. [15]. Помимо целевых программ, работает областной центр «Центр социальной помощи семье и детям», который готов оказать помощь всем категориям семей. В центре можно записаться на консультацию к семейному психологу или юристу, которые смогут оказать квалифицированную помощь. Также, в Ростовской области ведут деятельность некоммерческие клубы молодых семей.

Поскольку молодым семьям необходимо получать знания о семейных отношениях, а также узнавать, каким образом реализуются программы поддержки семьи, то одним из каналов информационной кампании социальной семейной политики могут служить сайты учреждений и организаций.

Таким образом, проанализировав риски распада жизненного мира молодой семьи в Ростовской области и исследовав стратегии преодоления выявленных рисков, мы пришли к выводу о том, что основным условием для обеспечения благоприятного функционирования жизненного мира молодой семьи является симбиоз указанных стратегий. Рефлексия со стороны государства позволит добиться успешной семейной политики, а риск-рефлексия со стороны молодых супругов даст возможность самим молодым супругам активной участвовать в разработке программ, направленных на поддержку молодых семей.

Literature:

1. *Rochina Ya.M.* Informal marriage in Russia in 2000–2014 / Ya.M. Grove, M.A. Maltseva // Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the Higher School of Economics (RLMS HSE). 2016. Issue. 6. URL : https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (date of access 01.04.2020).
2. *Gorshkov M.K.* Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis) : in 2 t. Ed. 2nd, rev. and add. M. : New Chronograph, 2016. Vol. 1. 416 p.
3. Demographic forecast until 2030. Federal State Statistics Service URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/materials/news/doc_127253911207 (Date of access 01.04.2020).
4. *Lisovsky V.T.* Youth: love, marriage, family. SPb.; Science, 2003. 368 p.
5. *Rostovskaya T.K.* Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2015. № 4. P. 73–81.

6. *Ахмедова И.Г.* Образ жизни – как интегративный индикатор функционального состояния молодой семьи // Методология, теория и история социологии. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2012.
7. *Преснякова-Осипова И.В.* Образ жизни семьи в Российской Федерации как объект социологического анализа // Власть. 2011. № 9. С. 83–85.
8. *Архангельский В.Н.* Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
9. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.
10. *Дивисенко К.С.* Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 6–21.
11. *Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социс. 2016. № 1. С. 6–17.
12. *Сердюченко Я.В.* Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах ростовской области) : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Южный федеральный университет. Ростов-н/Д., 2018. 38 с.
13. *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростовский юридический институт МВД РФ. Ростов-н/Д., 2015.
14. Постановление «Об утверждении отчета о реализации государственной программы Ростовской области «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Ростовской области» за 2016 г.» (22 марта 2017 г. № 209). URL : <http://www.azhp.ru/otchet/229-otchet-za-2016-god.html> (дата обращения 01.04.2020).
15. Послание Президента Федеральному Собранию. URL : kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения 01.04.2020).
6. *Akhmedova I.G.* Lifestyle - as an integrative indicator of the functional state of a young family // Methodology, theory and history of sociology. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Rostov-n/D. : Publishing house of SFU, 2012.
7. *Presnyakova-Osipova I.V.* Family lifestyle in the Russian Federation as an object of sociological analysis // Power. 2011. № 9. P. 83–85.
8. *Arkhangelsky V.N.* Reproductive and mating behavior // Sociological studies. 2013. № 2. P. 129–136.
9. *Gafiatulin N.Kh.* Social health of a young family: indicators and assessment levels / N.Kh. Gafiatulin, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9.
10. *Divisenko K.S.* Social studies of the living world // Sociological Journal. 2014. № 1. P. 6–21.
11. *Toshchenko Zh.T.* Life world and its meanings // Socis. 2016. № 1. P. 6–17.
12. *Serdyuchenko Ya.V.* The life world of a young family: features of formation and destruction risks (based on materials from the Rostov region): dissertation abstract for the degree of candidate of social sciences South Federal University. Rostov-n/D., 2018. 38 p.
13. *Lubsky R.A.* Russian statehood as a social reality: a multidimensional research methodology, types, development specifics. The dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-n/D., 2015.
14. The resolution «On approval of the report on the implementation of the state program of the Rostov region Providing affordable and comfortable housing to the population of the Rostov region for 2016» (March 22, 2017 № 209). URL : <http://www.azhp.com/otchet/229-otchet-za-2016-god.html> (date accessed 01/01/2020).
15. Message from the President to the Federal Assembly. URL : kremlin.ru/events/president/news/62582 (date of appeal 01.04.2020).

Бабинцев Валентин Павлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Галина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Жанна Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
shapoval@bsu.edu.ru

**СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЭКСПЕРТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ В ПРОЦЕССЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСОЛИДИРУЮЩИХ
КОНСТАНТ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ:
ОПЫТ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования консолидирующих констант регионального развития, выступающих одновременно результатом исторического наследия региона и целенаправленных действий различных социальных групп, составляющих региональное сообщество. Обосновано, что к числу основных контрагентов, наиболее регулярно включающихся в данный процесс, относятся государственные служащие и представители экспертного сообщества. На основе анализа опыта включенного наблюдения совместной с чиновниками работы над региональными проектами и программами выявлена специфика взаимодействия экспертов и государственных служащих в процессе определения консолидирующих констант, а также - достаточно высокий уровень несоответствия позиций контрагентов. Проведенное исследование позволило выявить барьеры, возникающие

Valentin P. Babintsev

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of Department of Social
Technology and Public Service,
Belgorod State National
Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
shapoval@bsu.edu.ru

**SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN
EXPERTS AND CIVIL SERVANTS
IN THE PROCESS OF DETERMINING
CONSOLIDATING CONSTANTS REGIONAL
DEVELOPMENT: EXPERIENCE
OF THE BELGOROD REGION**

Annotation. The problem of forming consolidating constants of regional development, which are both the result of the historical heritage of the region and the purposeful actions of various social groups that make up the regional community, is considered. It is proved that among the main contractors who are most regularly involved in the process of solving regional problems, and potentially have resources to solve the problem of determining consolidating constants, are civil servants and experts. Based on the analysis of included monitoring experience of joint work with officials in the development of regional projects and programs, the specifics of interaction between experts and civil servants in the process of determining consolidating constants, as well as a fairly high level of discrepancy between the positions of contractors, are revealed. The conducted research allowed us to identify and reveal the barriers that arise in the course of interaction between experts

в ходе взаимодействия экспертов и государственных служащих: дивергенция оценок, несовпадение интересов, различия в детерминантах «горизонтов мышления», асинхронность смыслов.

Ключевые слова: регион, солидарность, социальная консолидация, солидарное общество, экспертное сообщество, государственный служащий.

and civil servants: divergence of assessments, mismatch of interests, differences in the determinants of «thinking horizons», asynchronous meanings.

Keywords: region, solidarity, social consolidation, solidary society, expert community, civil servant.

Решение задачи улучшения качества жизни населения российских регионов существенно затруднено не только дефицитом материальных ресурсов, высоким уровнем социальной дифференциации и низким качеством управления, но и отсутствием в элитарном и массовом сознании членов региональных сообществ системы «определенностей», на которые можно ориентироваться как при выстраивании стратегий развития, так и, что еще более важно, в ходе консолидации регионального сообщества, являющейся необходимым условием его сохранения, воспроизводства и обеспечения безопасности. В качестве консолидирующих констант могут выступать ценностные паттерны, социальные нормы, знаковые системы, поведенческие модели. Они являются одновременно результатом исторического наследия региона и целенаправленных действий различных социальных групп, составляющих региональное сообщество. И в силу последнего обстоятельства эти константы являются «руководными», как, впрочем, в значительной степени «руководными» являются и константы, заложенные в основание социальной дизъюнкции–процесса «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающихся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [3, с. 11]. И если дизъюнкция выступает естественным итогом действий различных социальных групп, объединенных одним общим признаком – установкой на реализацию собственных корпоративных интересов при отказе от попыток согласовать их как с интересами контрагентов, так и с перспективами развития субъекта Федерации и страны, в целом, то весьма проблематичным представляется вопрос о социальных силах, способных сформулировать консолидирующие константы и способствовать их последовательной реализации¹.

К числу основных контрагентов, наиболее регулярно включающихся в процесс решения региональных проблем и потенциально обладающих ресурсами для определения консолидирующих констант, относятся государственные служащие и представители экспертного сообщества. Первые обладают властными полномочиями, позволяющими представить эту задачу в качестве управленческой цели и мобилизовать необходимые для этого средства. Вторые располагают интеллектуальным ресурсом, обеспечивающим концептуальное осмысление стоящей задачи, без которого решение ее с неизбежностью приобретет формально-симулятивный характер.

Безусловно, взаимодействие между ними не исчерпывает всего разнообразия интеракций, складывающихся в ходе регионального управления, но именно они чаще всего выступают в нем в качестве наиболее его активных акторов. Сотрудничество между ними следует рассматривать как один из ключевых элементов партисипативного управления, переход к которому обусловлен объективной логикой развития государственного менеджмента в XXI столетии [1]. Нередко в данном случае говорят о переходе к «делиберативной политике», предполагающей системный общественный диалог, рациональное обсуждение общественных проблем, в результате которого легитимируются управленческие решения [2, с. 58]. Конструктивный диалог экспертов и чиновников рассматривается в данной связи как один из способов такой легитимации.

Однако нельзя не отметить, что далеко не всегда взаимодействие между государственными менеджерами и экспертами, представленными преимущественно учеными, складывается удачно и дает ожидаемый участниками, да и большей частью регионального сообщества, позитивный эффект. В поисках причин этого стороны нередко (прямо или косвенно) обвиняют друг друга, что вряд ли способствует улучшению качества взаимодействия и выстраиванию действенной системы коммуникаций. Природа возникающих барьеров довольно сложна, их причины детерминированы комплексом объективных обстоятельств и субъективных факторов, которые не могут быть установлены на основе принципа «презумпции простых решений».

Авторы данной публикации предпринимают попытку рассмотреть их, опираясь на опыт включенного наблюдения, осуществляемого более 20 лет в ходе совместной с чиновниками работы над региональными программами и проектами. В их числе:

- Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области (2003 год);
- Стратегия формирования регионального солидарного общества на 2011–2025 годы (2011 год);
- проект «Формирование системы общественной оценки органов власти, руководителей, государственных и муниципальных служащих Белгородской области» (2017 год).

Полученные в ходе наблюдения данные неоднократно обсуждались в авторских публикациях и в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных

констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).

выступлениях на конференциях различного уровня.

Следует отметить, что Белгородская область была одним из первых российских регионов, власти которой сформулировали и попытались решить задачу консолидации регионального социума путем разработки Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы», утвержденной Правительством Белгородской области в 2011 году. При этом был определен перечень решаемых задач, среди которых:

- «консолидация общества на основе идеи и идеалов, созидающих духовно-нравственное, морально-политическое и культурное пространство региона, а также патриотические чувства граждан;
- обеспечение участия населения в оценке эффективности и безопасности регионального управления;
- формирование позитивно ориентированных социальных сетей, интегрированных в процесс социально-экономического развития;
- укрепление атмосферы социального оптимизма, взаимного доверия между людьми;
- развитие благотворительности и социальной поддержки групп населения, находящихся в сложных жизненных условиях;
- возрождение и развитие традиций духовности, культуры, повседневного межличностного общения, массового участия в позитивных социально-значимых процессах;
- обеспечение духовной безопасности населения и организация массовой просветительской работы» [4, с. 10–11].

Стратегия изначально разрабатывалась как региональный социальный проект, в котором участвуют, как минимум три группы акторов. Во-первых, государственные и муниципальные служащие, которые, как представлялось, были наиболее компетентны в отношении практических аспектов работы, возникающих при этом организационных трудностей. Во-вторых, представители гражданских институтов, потенциально способные дать общественную оценку принимаемым решениям. В основном, они были представлены в Общественной палате области. В-третьих, эксперты, которые могли бы осмыслить задачу в контексте макросоциальных процессов, реально оценить перспективы, барьеры и риски. Вполне понятно, что они были представлены частью регионального интеллектуального сообщества (одно время в области функционировал под председательством Губернатора Интеллектуальный клуб, представлявший собой так до конца и не реализованную попытку привлечь потенциал интеллектуалов для решения комплекса проблем, среди которых консолидация имела приоритетное значение).

В этой связи следует отметить, что интеллектуальное сообщество в субъектах РФ крайне

неоднородно, недостаточно структурировано и, как правило, ограничено включено в управленческий процесс, что существенно затруднило его участие в решении задачи обоснования консолидирующих констант развития области.

Анализ опыта взаимодействия экспертов и государственных служащих в процессе определения консолидирующих констант регионального развития подтверждает то обстоятельство, что обе стороны относятся к специфическим корпорациям. Для каждой из них характерны особенности мировосприятия и соответствующие им социокоды поведения. Это – своеобразные субкультуры, не учитывая содержания которых невозможно понять интересы и мотивы контрагентов, порождающие, в конечном итоге, комплекс коммуникационных барьеров, которые отразились на результатах осуществления стратегии консолидации регионального сообщества.

Эксперты (при условии, что они действительно являются таковыми, то есть, профессионалами, компетентными в конкретной сфере познавательно-практической деятельности) принадлежат к интеллектуальному сообществу. В регионах эксперты-интеллектуалы – это всегда небольшая группа людей, которые обладают способностями и профессиональной компетентностью, проявляют социальную активность в сфере умственного труда и используют интеллект в качестве ресурса, как для обеспечения жизненного успеха, так и для решения социальных проблем. Им присущ специфический способ освоения социальной реальности, в основе которого лежит ее осмысление в форме понятийно-логических конструкций и использование полученных знаний для разработки научно-обоснованных концепций. Однако не всякий интеллектуал является экспертом, так как экспертная деятельность предполагает приглашение к практической работе и добровольное (или вынужденное) включение в нее.

Такое предложение (публичная оферта) последовало со стороны органов государственной власти Белгородской области, и часть экспертов охотно приняла его, включившись в состав рабочей группы. Этот выбор был обоснован рядом соображений. Во-первых, рефлексией опыта работы над Программой улучшения качества жизни населения Белгородской области, принятой в 2003 году и довольно успешно реализующейся в регионе. В ходе подготовки Программы в состав рабочей группы входили как государственные служащие, так и эксперты, взаимодействие между которыми оказалось довольно эффективным. Во-вторых, новизной поставленной задачи, что предполагало возможность обсуждения и последующей реализации нетривиальных решений, связанных с необходимостью преодоления тенденций распада социальных связей и движения в направлении общественной конъюнкции, насущная необходимость которых к тому времени ощущалась не только учеными, но и значительной частью населения. Не случайно одним из постулатов, заложенных в основу Стратегии, был тезис о неудовлетворенности белгородцев низким качеством человеческих отношений, выражающемся в дефиците взаимного доверия, равнодушия и

безразличия друг к другу [4, с. 7–8]. Фактически, исследования, проводимые в ходе подготовки Стратегии, фиксировали движение к ситуации, которую Ж. Бодрийяр, в свое время, описал как «одностороннее сосуществование. За его фасадом кроется все возрастающее равнодушие и отказ от любых социальных связей» [5].

Однако в процессе работы над стратегией довольно быстро выяснилось, что для чиновников характерен, преимущественно, формальный подход к подготовке проекта, при котором в качестве основного критерия решения поставленных задач выступает наличие текстового документа, соответствующего требованиям, предъявляемым к проектам. Это адекватно отразило особенности бюрократического мышления, к числу которых относятся:

– установка на сознательное упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов;

– деформированный корпоративизм, вследствие которого групповой интерес становится приоритетным по отношению к интересам общества;

– имитационный характер социальных практик, заключающийся в симуляции деятельности, особенно когда проблема требует нестандартных решений;

– адхократическое отношение к социальной реальности, побуждающее ориентироваться на конкретную ситуацию, а не на перспективу;

– преувеличенная символическая демаркация, воплощающаяся в разграничении статуса собственной корпорации, как едва ли не единственного, и уж, по меньшей мере, наиболее последовательного блюстителя государственных интересов и статусов других групп.

Эти особенности формируют в сознании государственных служащих специфическое представление о солидарности, близкое к концепции механической солидарности Э. Дюркгейма, согласно которой личность растворяется в коллективе [6], в то время как эксперты, работавшие над проектом, исходили из идеи органической солидарности, в которой достигается баланс интересов личности и общности.

Однако нельзя не отметить, что государственным служащим присущ ряд позитивных качеств, которые проявились в ходе разработки Стратегии. Во-первых, их поведение, в отличие от многих экспертов-интеллектуалов, вполне предсказуемо, поскольку жестко регламентируется нормативными документами (разумеется, если положения этих норм неукоснительно соблюдаются). Во-вторых, оно постоянно контролируется как за счет внутренних ресурсов системы, так и (особенно в последнее время) за счет внешних акторов (в частности, институтов гражданского общества). В-третьих, они, как правило, более ответственны, чем эксперты.

На этом фоне стало очевидным, что интеллектуальная деятельность укладывается в строгие организационные рамки, не предусматривает

выстраивания сложных иерархических систем. Она предполагает самоорганизацию и саморегулирование, что, с одной стороны, открывало возможности для нетрадиционного ракурса анализа проблем. Но, с другой стороны, выяснилось: поскольку эксперт-интеллектуал обычно ориентирован сам на себя, это – далеко не всегда позитивная черта. Во многих случаях сопротивление внешней регламентации стимулирует безответственность, недооценку дисциплины. В ряде случаев для интеллектуалов типично гипертрофированное представление о своей значимости, что мешает понять и принять требования, обусловленные ситуацией и вполне логично транслируемые чиновниками.

Таким образом, рассматривая опыт взаимодействия экспертов и государственных служащих как специфических коммуникантов в процессе определения консолидирующих оснований регионального развития, следует признать высокий уровень несовпадения диспозиций контрагентов. Это не значит, что диспозиция одной из сторон «хуже», чем другой. Сказанное лишь предполагает, чтобы эта специфика учитывалась, если мы намерены выявить барьеры, возникающие в ходе взаимодействия и ведущие к взаимному непониманию или недостаточно адекватному пониманию.

Наблюдения позволяют выделить среди этих барьеров следующие:

1. Дивергенцию оценок, то есть, их расхождение, возникающее, как правило, в ходе идентификации проблем консолидации, понимания их природы и способов решения. Для экспертного подхода наиболее типичным являются:

а) готовность открыто признать сложность данной задачи и открыто возникающие в ходе ее решения риски;

б) стремление рассматривать проблему консолидации регионального сообщества как следствие более общих процессов развития социума;

в) акцент на необходимости применения широкого спектра социальных технологий, направленных на решение проблем (в последнее время они все чаще замыкаются на концепцию «мягкого управления») с привлечением институтов гражданского общества.

Разумеется, эти позиции могут разделять не все эксперты, но, как правило, они являются доминирующими и базируются на представлении о том, что любая проблема требует не только оперативных технических решений, но глубокой научной проработки. Формулировать эти требования экспертам удается сравнительно легко, поскольку они обычно не связаны ограничениями ресурсного (в том числе и временного) характера. В свою очередь, для чиновников типично:

а) стремление не придавать гласности наличие проблемных ситуаций, полагая, что фиксация их, в перспективе, означает прямое или косвенное признание некорректности постановки целей и – в итоге – недостаточной компетентности;

б) акцент на административных способах решения задач, воплощающихся в системном применении санкций.

2. Несовпадение интересов. Разумеется, в подходе к любой проблеме у экспертов и чиновников имеются общие «точки соприкосновения» интересов, связанные с пониманием необходимости развития региона, повышения качества жизни населения, обеспечения стабильности и безопасности. В их число включается и декларация заинтересованности в определении консолидационных оснований регионального развития. Этот интерес в ходе работы над Стратегией, как правило, публично декларировался. Но в большинстве случаев эти декларации нередко были не более чем заявлениями о намерениях, которые легитимизируют диалог интеллектуалов-экспертов и государственных служащих (следует отметить, что в ходе обоснования задачи консолидации им невозможно обойтись друг без друга), но «лукавая» реальность во всех случаях оставляет значительный простор для субъективной интерпретации общего интереса, его адаптации к корпоративным и личным интересам и – в конечном итоге – довольно частой подмены ими. В таком случае имела место деформация интересов. При этом деформированный корпоративный интерес экспертов, как правило, был связан с использованием ресурсов государственного управления для апробации своих теорий, личный – в получении грантов и заказов на проведение исследований и различных нематериальных поощрений. Деформированный интерес чиновничьей корпорации определялся возможностью формально отчитаться по завершению проекта.

3. Различия в детерминантах «горизонтов мышления», под которыми понимаются пределы осмысления и постановки стратегических задач развития региона. Эти «горизонты» определяются не столько индивидуальными особенностями субъекта (хотя данный фактор может играть довольно существенную роль), сколько характером внешних ограничений. В рассматриваемом контексте, очевидно, что госслужащий действует в условиях, ограничивающих его свободу в постановке целей и принятии решений. Он связан с обстоятельствами ресурсного характера, формально-бюрократическими отношениями, требующими действий по заранее выстроенному алгоритму, обязательствами в отношении населения, руководства и своей корпорации. Высокий уровень внутренней несвободы делает чиновника крайне осторожным при оценке нововведений, которые нередко предлагают ему интеллектуалы. В нашем конкретном случае государственные служащие стремились ограничиться перечислением некоторых общих характеристик солидарного общества, которые в результате и вошли в текст Стратегии. В их числе:

– «формулировка и принятие идей, идеалов, общей цели развития, ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на позитивных духовно-нравственных и культурно-исторических традициях;

– формирование ответственности власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;

– утверждение идеи социального единства, справедливости и милосердия как ведущих принципов взаимоотношений между людьми;

– наличие четкой позитивной общественной морали и норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;

– социальная активность, созидательность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения, в том числе жертвовать собственными интересами;

– постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества» [4, с. 8–9].

Эксперт значительно более свободен в своих проектах. Зачастую он не видит реальных ограничений, либо считает их несущественными. Будучи увлечен форсайт-идеями, он стремится включить в них окружающих, обеспечивая, прежде всего, поддержку со стороны лиц, принимающих решения. Если увлеченный этими построениями руководитель перестает учитывать социальную реальность, такой подход может привести к крайне негативным последствиям и в итоге породить кризис доверия к науке. Экспертное видение предполагало, что определение консолидирующих констант должно вестись по трем направлениям:

– ценности солидарного общества;

– система социальных норм, регулирующих человеческие отношения;

– поведенческие модели, ориентированные на сотрудничество и взаимное доверие. Однако рамки проекта оказались слишком узкими для такого подхода.

4. Асинхронность смыслов, заключающаяся в том, что одни и те же явления получают у экспертов и чиновников различную интерпретацию. Это обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, характером профессиональной деятельности. Одни и те же процессы с неизбежностью будут по-разному восприниматься учеными и практиками. Если первые привносят в это восприятие элементы абстракции, оперируют сложными категориями, операционализация которых требует специального образования, то вторые подходят к реальности с чисто прагматических позиций. Для экспертов и чиновников характерна специфическая рефлексия. Эксперты наиболее склонны при оценке собственного познавательного-практического опыта опираться на неформальные авторитеты, мнения ученых и общественных деятелей. Однако в ходе подготовки Стратегии был выявлен дефицит концептуальных разработок проблематики солидарности, что существенно ограничило возможности экспертов и внесло в их построения элемент спекулятивности.

Рефлексия госслужащих ориентирована на авторитеты формальные, прежде всего, на своих руководителей, лояльность к которым является безусловным требованием бюрократической системы, поэтому их отношение к задаче формировалось «с оглядкой» на позицию Губернатора. А поскольку при всем благоприятном отношении к разработкам в данном отношении он не мог их постоянно держать в сфере своего внимания, активность чиновников характеризовалась чередованием подъемов и спадов.

Комплекс выявленных нами барьеров, разумеется, не исчерпывает всего спектра трудностей,

Литература:

1. *Барабашев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 193–194.
2. *Иванов Д.* Социально-политические аспекты взаимосвязи развития политической коммуникации и формирования гражданской культуры общества // Власть. 2012. № 5. С. 57–59.
3. *Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
4. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 гг.». Белгород, 2011. 80 с.
5. *Бодрийя Ж.* Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–116. URL : <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения 17.02.2020).
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. 572 с.

возникших в ходе взаимодействия экспертов и чиновников при определении консолидирующих констант регионального развития. Однако опыт показал, что любые барьеры могут быть минимизированы и даже полностью преодолены при условии, что у сторон имеется воля к совместному решению региональных проблем. В основе этой воли может лежать лишь общее представление о необходимости консолидации сил регионального сообщества как необходимого условия стабилизации его развития и обеспечения конкурентоспособности в глобализирующемся обществе.

Literature:

1. *Barabashev A.G.* The Crisis of public administration and its impact on the main administrative paradigms of the state and bureaucracy // Questions of state and municipal management. 2016. № 3. P. 193–194.
2. *Ivanov D.* Socio-political aspects of the relationship between the development of political communication and the formation of civil culture of society // Power. 2012. № 5. P. 57–59.
3. *Karmadonov O.A.* Solidarity, integration, the conjunction of // Sociological studies. 2015. № 2. P. 3–12.
4. Strategy «Formation of a regional solidary society for 2011–2025». Belgorod, 2011. 80 p.
5. *Baudrillard J.* The City and hatred // Logos. 1997. № 9. P. 107–116. URL : <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (date accessed 17.02.2020).
6. *Durkheim E.* On the division of social labor. The method of sociology. M. : Nauka, 1990. 572 p.

Баландина Таисия Михайловна

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры истории,
философии, политологии и социологии,
Саратовский социально-экономический
институт (филиал)
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
balandinatm@gmail.com

Петров Никита Романович

аспирант кафедры истории,
философии, политологии и социологии,
Саратовский социально-экономический
институт (филиал)
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
nr_petrov@mail.ru

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ
АДАПТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО
ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание адаптивной модели социального партнерства в системе социально-трудовых отношений России. Обосновывается необходимость отказа от классических принципов формального партнерства, раскрываются условия для становления и развития полноценной адаптивной модели социального партнерства в России: постепенный отказ или снижение уровня государственного участия в социальном партнерстве; возрождение профсоюзов, а также переформатирование их функций, прав, возможностей и обязанностей; выработка новых адаптивных подходов к партнерскому взаимодействию, формирование субсидиарной ответственности субъектов партнерства; развитие способности организаций адаптироваться к неопределенности внешней и внутренней социально-экономической среды.

Ключевые слова: адаптивное социальное партнерство, социально-трудовые отношения, профсоюзы, персонал, трудовой коллектив, работодатель.

В современных условиях преобладают традиционные классические принципы партнерства субъектов хозяйствования в России. Администрация ориентирована на принуждение работающих к заключению трудовых соглашений, непосредственно разрабатывает процедуры, правила, нормы взаимодействия менеджмента,

Taisiya M. Balandina

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Professor of the Department of History,
Philosophy, Political Science and Sociology,
Saratov Socio-economic Institute (branch)
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
balandinatm@gmail.com

Nikita R. Petrov

Postgraduate student of the Department
of History, Philosophy, Political Science
and Sociology,
Saratov Socio-economic
Institute (branch)
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
nr_petrov@mail.ru

**WAYS TO FORM AN ADAPTIVE
SOCIAL PARTNERSHIP IN THE SYSTEM
OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS
OF RUSSIA**

Annotation. The article discusses the essence and content of the adaptive model of social partnership in the system of social and labor relations of Russia. The necessity to abandon the classical principles of formal partnership is justified, the conditions for the formation and development of a full-fledged adaptive model of social partnership in Russia are revealed: gradual elimination or reduction of the level of state participation in social partnership; Revitalizing trade unions and reformatting their functions, rights, capacities and responsibilities; Development of new adaptive approaches to partnership interaction, formation of subsidiary responsibility of partnership entities; Developing the ability of organizations to adapt to the uncertainty of the external and internal socio-economic environment.

Keywords: adaptive social partnership, social and labor relations, trade unions, staff, labor collective, employer.

работодателя, непосредственных работников. В организациях по-прежнему внедряется всеобщая система социально-трудовых практик, за которыми скрываются трудовые противоречия, предпосылки конфликтов, неприязни одних групп работников относительно других, растут различия в системе трудовых интересов менеджмента,

работодателя, а также работника [1]. Тем не менее современные социально-экономические процессы порождают изменения во всех сферах и организациях, что приводит к адаптивной модели социально-трудового партнерства, формированию новых принципов переговоров менеджмента, работодателя, а также непосредственных работников, новых организационных институтов, защищающих права, интересы, трудовые предпочтения работников. Адаптивное социальное партнерство в новых условиях представляет собой сложноорганизованную систему, структурно включающую отдельные трудовые коллективы (персонал), работодателей, общественные организации (прежде всего профсоюзы), органы государственной власти (федеральные, региональные, муниципальные). Адаптивное социальное партнерство, с одной стороны, ориентировано на приспособление субъектов партнерства к существующим в социально-трудовой организации требованиям, ценностям, критериям трудовой оценки, с другой – является механизмом трансформации административных норм, правил, процедур данной социальной организации [2].

В рамках синтезирующей социально-трудовой доктрины адаптивное социальное партнерство – это многоуровневый конструкт, характеризующий систему общественных социально-трудовых отношений по проблемам согласования, коррекции и защите социальных и экономических прав и интересов работников, а также работодателей [3]. Адаптивная модель партнерства определяет необходимость отказа от формальных принудительных практик партнерского взаимодействия. Здесь отсутствует необходимость административного принуждения к заключению соглашений, положений, договоров, формирования трудового договора как способа прикрытия реальной трудовой напряженности, конфликтных трудовых практик, противоречий трудовых интересов [4]. Адаптивность взаимодействия субъектов партнерства ориентирована на заключение взаимно согласованных трудовых договоров, разработку совместных трудовых согласований интеграции интересов, активизации инициативы основных субъектов партнерства. Здесь реализуется системная цель партнерского взаимодействия:

- 1) согласование трудовых интересов, организационных ценностей;
- 2) преодоление социально-трудовой напряженности;
- 3) устранение факторов социально-экономического торможения, разрешение трудовых противоречий.

Адаптивное социальное партнерство должно способствовать росту темпов социального, а также экономического развития хозяйственной организации. Оно предполагает использование демократических процедур, преимуществ, применение интегрированных процедур трудового творчества в процессе реализации трудовой деятельности. В нашей стране сегодня сформировались все необходимые условия для адаптивного социального партнерства и решения в его рамках наиболее

насуточных проблем взаимоотношений менеджмента, работников и работодателей. К таким условиям относят:

1. В России сформировались рыночные отношения. В экономической сфере появились новые формы собственности;
2. Сформировалась необходимая, хотя и минимальная нормативно-правовая основа для становления социального партнерства;
3. Со времен Советского Союза в России сохранились структуры профсоюзов почти во всех сферах экономики;
4. В России идет полным ходом процесс формирования класса предпринимателей;
5. Государственные структуры способны выступать в качестве посредников в отношениях между наемными работниками и работодателями. Необходимо отметить, что социальное партнерство в России в первой четверти XXI века сформировало некую классическую модель, которую можно оценивать по нескольким административным критериям. Важнейший из которых – активное участие государственных структур в решении всех возникающих спорных моментов между сторонами – участниками социального партнерства. С одной стороны, это положительный момент, так как государство может отслеживать все возникающие спорные моменты и в дальнейшем регулировать их на уровне формирования нормативно-правовой базы. С другой стороны, столь активная позиция государственных исполнительных структур в социальном партнерстве говорит о слабости или неорганизованности двух других сторон, участников социального партнерства – профессиональных объединений работников, а также работодателей. И, еще нельзя не отметить важный момент, на который обращают внимание исследователи современной ситуации с социальным партнерством в России, что «главным недостатком социальных реформ, проводимых руководством страны, является их слабая направленность на совершенствование трудовых отношений. Содержание социальных реформ сведено преимущественно к перераспределению бюджета, максимальному сбору налогов, выплате пенсий, пособий по безработице, и различных льгот в виде грантов, а не стимулированию отечественного производства, не созданию новых высокотехнологичных, инновационных рабочих мест» [5].

В условиях экономического развития при реализации социально-экономических программ проблема адаптивного социального партнерства обострится. На всех уровнях от федерального до муниципального в стране формируются общественно значимые программы развития, к их исполнению привлекаются как государственные предприятия и организации, так и частные. От стабильности внутри трудовых коллективов, от способности предприятий работать качественно и в срок, выполнять собственные обязательства зависят и финансовая стабильность, и репутация на внутреннем рынке. Следовательно, социаль-

ное партнерство призвано обеспечивать ситуацию успеха на предприятиях и в организациях и гарантировать их выживаемость в условиях высокой конкурентоспособности.

Таким образом, основными условиями для становления и развития полноценного адаптивного социального партнерства в России являются:

1. Постепенный отказ или снижение уровня государственного участия в социальном партнерстве, то есть отказ от патерналистских отношений, которые предполагают максимальное участие во всех сторонах жизни граждан, в том числе и в трудовых, представителей государства. Сегодня население не доверяет договорам, заключаемым между работниками и работодателями. Последнее приводит к необходимости активного участия в практиках социального контроля государственных представителей (в лице работников тех или иных государственных структур). Востребованность государства при реализации учета и контроля следует рассматривать как весьма тревожный сигнал, так как отсутствие четкой системы реально действующих трудовых договоров на практике определяется как фактор чрезвычайной слабости социального партнерства трудовой организации. По сути, в современных условиях важно обеспечить эффективность действия трудовых договоров. Необходимо существенно повысить ответственность и создавать нормативную базу, которая сможет и без участия государственных структур, отслеживать, проверять и контролировать исполнение сторонами позиций трудового договора. Постепенный отход государственных структур от участия в социальном партнерстве может предоставить больше гибкости менеджменту, предпринимателям, а также возможностей выбора действий представителями трудовых коллективов в целях защиты своих прав и интересов.

2. Необходимо возрождение профсоюзов, а также реформирование их функций, прав, возможностей и обязанностей. Последние десятилетия после распада СССР значение профсоюзов, как организаций способных защищать интересы трудящихся, резко упал, снизился их

Литература:

1. *Быченко Ю.Г.* Развитие профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4. С. 116–122.
2. *Аракелов Г.П.* Особенности развития системы социального партнерства в современной России // Актуальные проблемы современной науки. 2009. № 5. С. 36–38.
3. *Кривобороденко О.Д.* Социальное партнерство // Специалист. 2010. № 12. С. 22–23.
4. *Шипитко А.Б.* Современные модели социального партнерства в социально-трудовой

авторитет. Лишь небольшая доля профсоюзов смогла удержать прежний уровень своего влияния на работодателей. Это вполне объяснимо. В социально-экономическом плане в стране шел активный переход от командно-плановой экономики с господством государственных форм собственности к рыночным отношениям со всем многообразием форм собственности (частной, акционерной, общественной, государственной). В таких условиях повышается значение профсоюзов, необходимость реализации ими эффективных технологий защиты собственных членов.

3. Необходима выработка новых гибких подходов к социальному партнерству, формирование субсидиарной ответственности, которая будет предполагать гражданскую взаимную ответственность обеих сторон, участниц трудового договора. Новые адаптивные принципы социального партнерства определяют следующие положения.

3.1 Формирование способности организаций адаптироваться к неопределенности внешней и внутренней среды. Становление новых принципов деятельности субъектов социального партнерства организации, стимулирование практик социальной ответственности персонала, собственников, менеджмента.

3.2 Необходимы организационно-административные изменения по двум направлениям:

- 1) формирование адаптивной организационной культуры в контексте обновленной миссии, целей, задач организации, нацеленной на защиту прав, интересов, удовлетворение потребностей работников как во внешней, так и внутренней среде партнерского организационного взаимодействия;
- 2) обеспечение поэтапного и постепенного роста дохода работников организации, что в результате создаст условия совершенствования потребления, прогрессивного обновления потребностей и способностей, достижение развития общего профессионального потенциала работника, а также членов его семьи.

Literature:

1. *Bychenko Yu.G.* Development of professional potential of military personnel who entered military service under contract / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Journal of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2019. № 4. P. 116–122.
2. *Arakilov G.P.* Peculiarities of development of social partnership system in modern Russia // Topical problems of modern science. 2009. № 5. P. 36–38.
3. *Krivoborodenko O.D.* Social Partnership // Specialist. 2010. № 12. P. 22–23.
4. *Shipitko A.B.* Modern models of social partnership in the social and labor sphere // News of the

сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 35–40.

5. *Шипитко А.Б.* Оценка системы социального партнерства в условиях модернизации социально-трудовых отношений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1(45). С. 95–98.

6. *Антипов К.А.* Социальное партнерство в современной России: состояние и проблемы / К.А. Антипов, А.Г. Антипов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 1(7). С. 60.

University of Saratov. New series. Sociology series. Political Science. 2013. Vol. 13. Rele. 1. P. 35–40.

5. *Shipitko A.B.* Assessment of the system of social partnership in the conditions of modernization of social and labor relations // Journal of the Saratov State Socio-Economic University. 2013. № 1(45). P. 95–98.

6. *Antipiev K.A.* Social Partnership in Modern Russia: State and Problems / K.A. Antipiev, A.G. Antipiev // Journal of Perm University. Legal sciences. 2010. № 1(7). P 60.

Боташева Фатима Магометовна
ассистент кафедры
бухгалтерского учета и аудита
факультета экономики и менеджмента,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
b.fatima93@mail.ru

КОНТРОЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Термин «социальный контроль» широко используется в социологии для обозначения социальных процессов, которыми регулируется поведение отдельных лиц или групп. Поскольку в любом социуме существуют нормы и правила, регулирующие поведение (общество без каких-либо таких норм немыслимо), все они в равной степени имеют некоторые механизмы для обеспечения соответствия этим нормам и борьбы с отклонениями. Следовательно, социальный контроль является важнейшей составляющей общества, представляющей интерес для широкого круга социологов, имеющих различные теоретические убеждения и предметные интересы. Социологическая проблема заключается не в существовании социального контроля, а в определении его точного характера и определении механизмов работы в определенных социальных контекстах. Кем осуществляется контроль? Какие методы контроля используются? Как далеко могут и могут ли отдельные лица или группы противостоять процессам социального контроля? В чьих интересах действует контроль? Ответы на такие сильно различаются и заставляют задуматься о ценности и необходимости такого элемента социального управления. Ведь, кто-то склонен полагать, что социальный контроль имеет ценность для общества в целом, поскольку он необходим для поддержания общественного порядка, а кто-то же указывает на отдельные интересы, которые обслуживаются в процессе социального контроля, подчеркивая отсутствие нормативного консенсуса, различия во власти, а также тесную связь между властью и контролем.

Ключевые слова: поведение, социальные процессы, система мер, оптимальное функционирование, вероятность ошибочных решений, динамичное равновесие.

Концепция социального контроля имеет сложную и противоречивую историю в области социологии. Первоначально она было определена как способность группы регулировать себя, но впоследствии этот термин был переопределен для обозначения либо социализации, либо

Fatima M. Botasheva
Assistant to Department
Accounting and Auditing
Faculty of Economics and Management,
St. Petersburg State
Transport University
Emperor Alexander I
b.fatima93@mail.ru

CONTROL AS AN ELEMENT OF SOCIAL MANAGEMENT: INTEGRATION APPROACH

Annotation. The term «social control» is widely used in sociology to refer to the social processes that govern the behavior of individuals or groups. Since in any society there are norms and rules governing behavior (a society without any such norms is unthinkable), all of them equally have some mechanisms to ensure compliance with these standards and to combat deviations. Consequently, social control is the most important component of society, which is of interest to a wide range of sociologists with different theoretical beliefs and substantive interests. The sociological problem is not the existence of social control, but the determination of its exact nature and the determination of the mechanisms of work in certain social contexts. Who controls? What control methods are used? How far can individuals and groups withstand social control processes? In whose interests does control operate? The answers to these are very different and make you think about the value and necessity of such an element of social management. After all, someone is inclined to believe that social control is valuable to society as a whole, since it is necessary to maintain public order, while someone points to individual interests that are served in the process of social control, emphasizing the lack of regulatory consensus, differences in power, as well as the close relationship between power and control.

Keywords: behavior, social processes, system of measures, optimal functioning, probability of erroneous decisions, dynamic balance.

социальных репрессий. В социологии социальный контроль обычно используется в более классическом смысле для обозначения механизмов, посредством которых группы пытаются управлять поведением и контролировать отклонения. Самоконтроль, с другой стороны, является относи-

тельно новым понятием, которое относится к разной способности (или неспособности) отдельных лиц воздерживаться от использования возможностей для удовлетворения своих непосредственных желаний путем участия в преступном или девиантном поведении. Как социальный контроль, так и самоконтроль были предложены в качестве важных факторов, влияющих на индивидуальное и командное участие.

Социальный контроль – это сумма тех методов, с помощью которых общество пытается влиять на поведение человека, чтобы поддерживать определенный порядок. Любое общество должно развиваться в гармонии и порядке. Там, где нет гармонии или порядка, общество фактически не существует, потому что общество – это гармоничная организация человеческих отношений. Если индивиды не будут соответствовать предписанным нормам поведения и если их стремления к самодовольствию не будут подчинены благосостоянию целого, будет довольно сложно эффективно поддерживать социальную организацию.

Социальный контроль является весьма сложным инструментом регулирования, поэтому для его эффективного воздействия применяются различные подходы [3]. Так, в качестве альтернативного рассмотрим именно интеграционный подход, суть которого заключается в том, что регулирование осуществляется как по вертикали (между отдельными элементами системы управления), так и по горизонтали (на всех стадиях жизненного цикла). В данном случае интеграция – объединение субъектов управления для усиления взаимодействия всех элементов системы управления на разных уровнях (макроуровень, мезоуровень, микроуровень). При таком подходе появляются более прочные связи между отдельными подсистемами организации, более конкретные задания. Например, в микросреде управляющая система задает службам и подразделениям организации конкретные показатели их деятельности по качеству, количеству, затратам ресурсов, срокам и т.д. На основе выполнения этих показателей достигаются поставленные цели.

Интеграционный подход расширяет границы понятия «социальный контроль», и тем самым, выделяются следующие его стороны и грани. Именно его сторонники считают, что «движущей силой» к изменениям выступают противоречия, конфликты. Это связано с тем, что изменения разрешают возникшие противоречия и, в тоже время, переходят на более высокую ступень своего развития. В состоянии равновесия и гармонии у людей не возникает потребности к переменам, наоборот – они стараются их всячески избегать.

При интеграционном подходе очевиден плавный переход замкнутой системы к уровням социальной системы, открытой системы и социально-технической системы, что особенно важно в период развития тенденций цифровизации. Любому человеку уже сложно представить нынешнюю организацию социальных отношений не развивающейся и не взаимодействующей с внешней средой, ведь развитие любой организации, в том числе, социальной, зависит от влияния окру-

жающей среды и в соответствии с ее требованиями. Также, имеет место быть и перестройка от параметров организационной стабильности к параметрам организационной динамичности, основанной на идее относительной стабильности и динамичного равновесия в обществе [2].

Человеческое поведение является основным параметром организационного поведения, так как человеческий фактор характеризуется социальными и психологическими чертами, поэтому поведение индивидов и групп индивидов влияет на организационное функционирование. Чтобы с высокой эффективностью осуществлять воздействие на коллектив, необходимо знать типологические особенности и психологическую структуру каждого индивида. Социологами и психологами выделяются пять параметров личности, представленные ниже:

- 1) экстраверсию, характеризующую общительность, открытость, честолюбие;
- 2) эмоциональную устойчивость, отражающую степень озабоченности, депрессивности, беспокойства, неуверенности;
- 3) склонность к сотрудничеству, демонстрирующую дружелюбие, предупредительность, терпимость, доверчивость, добродушие, способность к кооперации;
- 4) сознательность, являющуюся показателем надежности, ответственности, исполнительности, упорства;
- 5) открытость к совершенствованию, характеризующую воображение, любопытство, уровень культуры, широту кругозора.

Адаптация поведения участников организации осуществляется через коммуникации, принятие решения, стимулирование и контроль [4]. Для успешного развития и функционирования организации индивиды должны ощущать себя частью этого социума, осознавать свое место в нем, четко знать свои права, обязанности и способы решения поставленных задач, что будет способствовать созданию немаловажного социально-психологического климата, побуждать сотрудников к работе и дает возможность оценивать полученные результаты.

Благодаря гибкости информационной составляющей современного общества, что вполне оправдывается активным развитием информационного общества, контроль осуществляется над всеми позициями элементов социальной системы, тем самым минимизируются риски и используются потенциальные возможности в ее пользу [1].

Проявление основных форм социального контроля различаются. Общее различие проводится между репрессивными или принудительными формами контроля – так называемыми, жесткими методами, включая прямые физические ограничения – и более мягкими идеологическими формами контроля, которые действуют посредством формирования идей, ценностей и установок. Первые методы особенно характерны для таких

учреждений, как полиция и вооруженные силы, а вторые – для таких учреждений, как средства массовой информации.

Социальный контроль как способ, с помощью которого весь социальный порядок взаимодействует и поддерживает себя – как он действует, в целом, не как изменяющееся равновесие, а модели давления, которые социум оказывает для поддержания порядка и установленных правил, являются проявлением такого вида контроля. Другими словами, социальный контроль – это система мер, предложений, убеждений, сдерживания и принуждения любыми средствами, включая

физическую силу, с помощью которой общество приводит в соответствие утвержденному типу поведения или подгруппе, при этом, при использовании интеграционных путей воздействия возможна гарантия наилучшего результата. Таким образом, применение интеграционного подхода создает условия для наилучшего осуществления стратегических задач на всех уровнях в системе социального управления, ведь для того, чтобы существовать и прогрессировать, общество должно осуществлять определенный контроль над своими членами, поскольку любое заметное отклонение от устоявшихся путей считается угрозой его благополучию.

Литература:

1. *Косоногова Е.С.* Информационное обеспечение устойчивого развития межгосударственного интеграционного объединения / Е.С. Косоногова, А.В. Киевич // *Современные аспекты экономики.* 2019. № 9(265). С. 10–14.
2. *Косоногова Е.С.* Формирование отраслевых решений организации внутреннего контроля на основе моделирования и стандартизации / Е.С. Косоногова, И.А. Никитина, А.М. Малинин // *Московский экономический журнал.* 2017. № 4. С. 32.
3. *Лубский А.В.* Социальное поведение и социальный контроль как предмет теоретической рефлексии / А.В. Лубский, Н.И. Чернобровкина // *Научная мысль Кавказа.* 2017. № 3(91). С. 43–48.
4. *Харченко Д.С.* Контроль в информационном обществе: социально-философские основания // *Аспирантский вестник Поволжья.* 2017. № 7–8. С. 87–92.

Literature:

1. *Kosonogova E.S.* Informational support of sustainable development of interstate integration association / E.S. Kosonogova A.V. Kievich // *Modern aspects of the economy.* 2019. № 9(265). P. 10–14.
2. *Kosonogova E.S.* Formation of industry decisions of the organization of internal control based on modeling and standardization / E.S. Kosonogova, I.A. Nikitina, A.M. Malinin // *Moscow Economic Journal.* 2017. № 4. P. 32.
3. *Lubsky A.V.* Social behavior and social control as a subject of theoretical reflection / A.V. Lubsky, N.I. Chernobrovkina // *Scientific thought of the Caucasus.* 2017. № 3(91). P. 43–48.
4. *Kharchenko D.S.* Control in the information society: socio-philosophical foundations // *Postgraduate Bulletin of the Volga Region.* 2017. № 7–8. P. 87–92.

Вафин Рашид Рафхатович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения
государственного и муниципального
управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
r.r.vafin@mail.ru

Потеряева Ольга Борисовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения
государственного и муниципального
управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
ob-urgu@mail.ru

Хорошкевич Наталья Геннадьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения
государственного и муниципального
управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

**Роль государственных
органов власти в процессе
формирования
неформальных политических
норм современного общества**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается становление новых политических неформальных норм, характерных для постиндустриального общества, и роль государственных структур в этом процессе. Государственные гражданские и муниципальные служащие активно участвуют в освоении появляющихся новых неформальных политических норм, что связано с их профессиональной деятельностью. Причина – неформальные политические нормы – один из инструментов воздействия на сознание граждан со стороны государства, которое остается сегодня главным актором на политической арене страны. Также, в работе ставится вопрос о целесообразности изучения проблемы освоения новых политических норм представителями данной социальной группы. Это объясняется выполняемыми ими функций в государстве.

Rasheed R. Vafin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Theory, Methodologies
and Legal Support State
and Municipal Management,
Ural Federal University
name of the First President of Russia
B.N. Yeltsin
r.r.vafin@mail.ru

Olga B. Poteryaeva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Theory,
Methodologies and Legal Support State
and Municipal Management,
Ural Federal University
name of the First President of Russia
B.N. Yeltsin
ob-urgu@mail.ru

Natalya G. Horoshkevich

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Theory,
Methodology and Legal Support State
and Municipal Management,
Ural Federal University
name of the First President of Russia
B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

**ROLE OF STATE AUTHORITIES
IN THE PROCESS OF FORMATION
INFORMAL POLITICAL NORMS
OF MODERN SOCIETY**

■ ■ ■

Annotation. The article considers the emergence of new political informal norms characteristic of post-industrial society and the role of State structures in this process. Civil and municipal servants are actively involved in the development of new informal political norms, which are linked to their professional activities. The reason is informal political norms – one of the tools of influence on the consciousness of citizens by the state, which remains today the main actor in the political arena of the country. The work also raises the question of the feasibility of studying the problem of learning new political norms by representatives of this social group. This is due to their functions in the State.

Ключевые слова: неформальные политические нормы, государственные гражданские и муниципальные служащие.

Keywords: Informal political norms, civil and municipal servants.

В настоящее время европейские страны, ряд других государств, в том числе, и Россия, осуществляют строительство постиндустриального типа общества, который предполагает изменение во всех сферах жизнедеятельности: экономике, образовании, семье и т.д. Для новых общественных отношений характерна другая культура, более высокого ценностно-нормативного уровня.

В целях совершенствования управления современным обществом государственные структуры должны развиваться, ориентируясь на ценности постиндустриального общества. Это необходимо делать в политической сфере в том числе, которая выводит распределение материальных и других ресурсов в сферу политических отношений, т.е., цивилизованных. В этой связи целесообразно развивать политическую культуру общества, регулируя все взаимодействия в сфере политических отношений, являющуюся, в том числе, инструментом управления политическим поведением всех социальных групп в обществе.

Сегодня в России происходит процесс формирования новой политической культуры в обществе, но он происходит неуправляемо под воздействием изменений объективных факторов. Он мог бы осуществляться быстрее и результативнее в рамках государственной политики.

В статье рассматривается один из компонентов политической культуры – политические нормы, точнее одна из групп этих норм – неформальные политические нормы. Также рассмотрена деятельность социально-профессиональная группа государственных гражданских и муниципальных служащих в процессе становления этих ценностей. Последние исследуются с социологических позиций, так как именно социология изучает формальные и неформальные взаимодействия в обществе различных социальных общностей, что позволяет иметь целостные представления государственным структурам о процессах, происходящих в современном обществе, знание которых необходимо для эффективного управления в целях повышения стабильности и благосостояния населения страны.

В настоящее время в современной социологии ведутся исследования неформальных политических норм, но чаще всего изучается одна из таких норм. Это может быть неформальное движение, общение в соц.сетях и т.д., но крайне редко можно встретить исследования о создании новых неформальных политических норм и реакции на это представителей властных структур.

Начиная с 1990-х гг., в России идет процесс формирования новых политических норм, в первую очередь, формальных, на базе которых создаются неформальные нормы. По мнению исследователей, в 1990-е гг. «в условиях институциональной неопределенности и повышенной мобиль-

ности роль неформальных практик...» [1, с. 14] возростала, так как происходил пересмотр формальных норм. Однако в период стабилизации общества увеличение значения неформальных практик должно снижаться и прийти в состояние потребности в неформальных практиках стабильных обществ.

Современное состояние неформальных практик можно определить как находящихся в процессе институционализации. Последняя «...означает, что они обретают устойчивость и повторяемость в силу своего соответствия базовым ценностям общества [1, с. 14].

В качестве примеров новых политических неформальных норм можно назвать такие, как поиск и получение населением информации из интернета о новых политических событиях, обмен мнением по поводу тех или иных политических событий, формирование интернет сообществ со сходными политическими взглядами, выражение своего политического мнения в рамках действий социальных движений.

В настоящее время в интернете можно встретить разнообразные формы получения политической информации. Сегодня их принято делить на социальные медиа, т.е., виртуальные средства производства и распространения информации виртуальные средства межличностного и группового общения. К первым относятся блог-службы, форумы, мессенджеры, новостные сайты, социальные каталоги и библиотеки, службы обмена данными (медиахостинги), многопользовательские сетевые игры и другие социальные интернет-сервисы [2, с. 79]. Но, по данным исследований, в рейтинге целей использования Интернета населением России собственная политическая тематика занимает одно из последних мест (не более 3,3 %) [3]. И все же – это новая норма получения политической информации, которая в условиях дальнейшей цифровизации, компьютеризации имеет перспективу дальнейшего развития.

Происходит обмен мнением в социальных сетях о происходящем в политической жизни страны. Появляются сообщества, члены которых обладают сходным мнением о тех или иных политических событиях «...в условиях, когда разрушена связь между формальной гражданской принадлежностью и индивидуальным ощущением гражданства, ... принадлежность к виртуальным сетевым сообществам начинает выполнять функцию новой, сетевой формы гражданской идентичности» [2, с. 81]. Это новые политические практики, которые возможны в условиях постиндустриального общества, где есть условия для быстрого обмена и получения информации.

Виртуальное социальное пространство рассматривается не просто как коммуникативная среда, а, в том числе, как пространство для реализации

публичной политики. Возникают и развиваются новые, онлайн-формы политического взаимодействия власти и общества [2, с. 81].

Новые технические возможности дают новые способы воздействия на аудитории в политических целях для государства. Одновременно с появлением новых технологий распространения информации появляются новые механизмы цензуры и надзора над гражданами посредством использования возможностей интернета.

В России государство всегда было главным актором в сфере политических отношений. Гражданскому обществу отводилась второстепенная роль. Эта традиция и сегодня оказывает влияние на использование интернета властными структурами как доминирующего игрока в процессе манипулирования массовым сознанием [2, с. 85]. Таким образом, можно считать, что сегодня создаются новые неформальные нормы взаимодействия в сети интернет, а властные структуры стараются их активно использовать в целях реализации государственной политики.

Как новую неформальную политическую норму можно рассматривать неформальные общественные движения, точнее, участие в них граждан при достижении политических целей. Здесь следует также сделать оговорку по поводу трактовки понятий. В отечественной научной литературе отсутствует четкое деление между понятиями: «общественное движение» и «социальное движение». Обычно их отождествляют. Авторы статьи придерживаются трактовки этого понятия, данной в Федеральном законе «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя редакция) (ст. 9), где под общественным движением понимается, как «...состоящее из участников и не имеющее членства общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения» [4].

Рост количества общественных движений – это тенденция конца XX в. – начала XXI в. Тематика общественных движений крайне разнообразна и включает: проблемы экологии, права женщин, ксенофобия и т.д. По мнению Н. Лумана, социальные движения (он их называет протестными) объединяет сам протест. Форма протеста дает понять, что ее участники хотят политического влияния, но делают это не нормально. Эта форма дает возможность, в то же время, понять, что речь идет о неотложном, которое не решить обычным путем [5, с. 287], но они не готовы войти в правительство в качестве оппозиции и вести там свою политику, хотя протест у протестных движений – это не самоцель [5, с. 293]. Если общество реагирует на протест, пытается выполнить требование, то протестное движение теряет тему. Если протестное движение успешно, то оно имеет свои ведомства в администрациях, а иногда даже партии [5, с. 288–289]. Но так реагируют на социальные движения зарубежные государственные структуры.

В России выражение политического мнения через социальное движение происходит гораздо сложнее. Это связано с недостатком возможностей у движений добиваться поставленных целей (политических, социальных и т.д.). Так, Скобелина Н.А. делит возможности развития общественных движений в России на три группы: социально-экономические, организационные и политические. К первой относятся политические возможности. Это – доступ к политической информации, оценка населением роли социальных движений в политической жизни общества, степень известности этих движений, удовлетворенность взаимодействием с органами власти и т.д. Для России характерны низкие политические возможности общественных движений: низкая степень осведомленности населения о деятельности движений, потребности в общественных объединениях и т.д. [6, с. 171].

Во вторую группу возможностей входят социально-экономические возможности. Результаты социологических исследований указывают на недостаточность необходимой материальной базы, на слабую поддержку со стороны общества, государства, социальных и политических институтов [6, с. 172].

К третьей группе возможностей относятся организационные возможности движений, т.е., способность (желание, готовность) участников к интеграции собственных усилий для достижения целей их движения. Российские движения имеют достаточные организационные возможности. Их лидеры и активисты составляют постоянно действующий орган, умеют четко формулировать цели, задачи, определять направление деятельности, планировать мероприятия. В каждом движении есть участники движений, которые принимают эпизодическое участие в проводимых акциях [6, с.172].

Можно говорить о противоречии, когда у отечественных общественных движений при слабой материальной и информационной базе есть хорошие организационные возможности. Однако отсутствие двух первых групп возможностей – показатель ограниченности возможностей для развития социальных движений в современной России [6, с. 172]. Также, Скобелина Н.А. пишет о политических условиях. А именно принятие Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» вытеснило общественно-политические движения на обочину политического поля, и теперь они могут участвовать в выборах только в блоке с какой-либо партией, поддерживая ее (ст. 2950) [6, с. 173]. В общественно-политической жизни большое значение для участников имеет институциональный дизайн движений, т.е., формальные и неформальные возможности, которые предоставляются объединениям политической системой [6, с. 177]. Это означает ограниченность достижения политических целей в рамках этих движений их участниками. В современных условиях российские государственные структуры слабо участвуют в развитии подобной неформальной политической нормы. Это также можно объяснить неготовностью самих структур в большей степени передавать свои полномочия гражданскому обществу.

Учитывая вышесказанное можно, сделать следующие выводы:

– сегодня в России идет процесс их создания и институционализации новых неформальных политических норм;

– госструктуры активны в освоении влияния новых форм воздействия на граждан у них лидирующие позиции, так как активно используют последние как политический инструмент воздействия на население;

– новые неформальные практики подвержены влиянию технического прогресса;

– но государственные органы власти активны в использовании и формировании только тех политических неформальных норм, через которые

Литература:

1. *Подхомутникова М.В.* Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации : автореф. на соиск. уч. ст. к.п.н. Краснодар, 2010.

2. *Михайленок О.М.* Политические эффекты социальных сетей в России / О.М.Михайленок, Г.А. Малышева // Социологические исследования. 2019. № 2.

3. Индикаторы цифровой экономики: 2018. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2018. URL : <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> (дата обращения 01.02.2020).

4. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения 01.02.2020).

5. *Луман Н.* Дифференциация / Н. Луман; Пер. с нем. Б. Скуратов. М. : Издательство «Логос», 2006.

6. *Скобелина Н.А.* Политические возможности общественных движений: от теории к российской практике // Политическая экспертиза: политэкс. 2015. Т. 11. № 4.

можно лучше поводить политику государства. Это объясняется неготовностью самого государства перейти к ценностям постиндустриального общества на практике. Сегодня оно остается главным актором на политической арене страны;

–в социологии есть исследования неформальных политических норм населением, однако, отсутствуют исследования, посвященные освоению этих норм государственными гражданскими и муниципальными служащими;

– целесообразно проведение социологических исследований процесса становления новых политических неформальных норм. Это необходимо для более эффективного развития на государственном уровне гуманистических принципов в обществе.

Literature:

1. *Podhomutnikov M.V.* Informal political practices in modern Russia: subjects of institutionalization : autoreferat on a co-search. Registered degrees. Krasnodar, 2010.

2. *Mikhail O.M.* Political Effects of Social Networks in Russia / O.M. Mikhail, G.A. Kolcheva // Sociological Research. 2019. № 2.

3. Indicators of the digital economy: 2018. Statistical collection. MOSCOW: NIS HSE, 2018. URL : <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> (date of appeal 01.02.2020).

4. Federal Law «On Public Associations» dated 19.05.1995 № 82-ФЗ (last edition). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (date of appeal 01.02.2020).

5. *Luman N.* Differentiation. Lane with it. / N. Luman; B. Skuratov. M. : Logos publishing house, 2006.

6. *Skobelina N.A.* Political possibilities of social movements: from theory to Russian practice // Political expertise: politex. 2015. Т. 11. № 4.

Викторов Александр Шагенович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aviktorov@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В условиях системного кризиса формирование новой реальности современного капитализма вызвано направленностью двух противоположных тенденций: трансформацией капитализма и поиском некапиталистической модели развития, где особое место занимает проблема обострения социального неравенства и несправедливости. Благодаря сравнительному анализу специальной литературы и материалов прикладных исследований, раскрываются сущностные стороны категорий неравенства и несправедливости, особенности их взаимосвязи и отличий как факторов конструирования новой реальности капитализма, имеющих разные ценностные смыслы. Если социальное неравенство определяет качественный уровень развития общества, то социальная несправедливость может служить критерием оценки общества. Причем, осознание неравенства и несправедливости напрямую связано с уровнем социальной ответственности человека и существующей власти, поскольку социальная политика государства занимает особое место в поиске некапиталистической модели развития. Россия в этом контексте находится в некоем неопределенном состоянии социальной реверсивности, которая предопределена характером традиционалистской модернизации и формальным статусом национального и социального государства.

Ключевые слова: неравенство, несправедливость, справедливость, современность, капитализм, градиент, объективная, субъективная реальность, историко-философский и концептуальный подход, повседневность.

Введение.
Резкое обострение социальных проблем современного общества (неравенства, несправедливости, коррупции, бедности и др.), непосредственно связано с поиском перехода к новой реальности капитализма и с необходимостью требует их нового теоретико-методологического осмысления и практического решения. На сегодняшний день в международных документах,

Alexander Sh. Viktorov
Doctor in Sociological Science,
Professor,
Professor of the Department
of Social Technologies faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
aviktorov@bk.ru

SOCIAL REALITY OF MODERN CAPITALIST SOCIETY

Annotation. Under the conditions of a systemic crisis, the formation of a new reality of modern capitalism is caused by the orientation of two opposite trends: the transformation of capitalism and the search for a non-capitalist development model, where the problem of exacerbation of social inequality and injustice occupies a special place. Thanks to a comparative analysis of special literature and applied research materials, the essential aspects of the inequality and injustice categories, the features of their interconnection and differences as factors in constructing a new reality of capitalism with different value meanings are revealed. If social inequality determines the qualitative level of development of society, then social injustice can serve as a criterion for assessing society. Moreover, the recognition of inequality and injustice is directly related to the level of a person's social responsibility and existing power, since the state's social policy occupies a special place in the search for a non-capitalist model of development. Russia in this context is in a certain uncertain state of social reversal, which is predetermined by the nature of traditionalist modernization and the formal status of a national and social state.

Keywords: inequality, injustice, justice, modernity, capitalism, gradient, objective, subjective reality, historical-philosophical approach, everyday life.

в специальной научной литературе, СМИ имеются различные точки зрения в понимании значимости социальных проблем. Так, например, одни авторы считают, «если усиление неравенства не будет должным образом отслеживаться и для борьбы с ним не будут приниматься соответствующие меры, оно может привести к самым разным политическим, экономическим и социальным катастрофам» [1], то другие отмечают, что существующее «неравенство в правах и возможностях

можно преодолеть, благодаря кардинальному перелому в политической жизни», но для этого нужно бороться за свои права [2].

Целью статьи является раскрытие объективных и субъективных конструкторов реальности современного капитализма через актуализацию проблемы неравенства и несправедливости, особенности их взаимосвязи и отличий как фактора неоднозначной направленности процесса динамики общественного развития. Методологическую основу работы составили общенаучные и специальные методы анализа материалов различных первоисточников (теоретических, прикладных), что позволило целостно рассмотреть феномен неравенства (несправедливости), выявить особенности эволюции представлений (знаний) о них, показать характер их взаимосвязи с существующей реальностью и определить специфику концептуальных подходов социологического изучения.

Проблема актуализации неравенства и несправедливости – это одна из самых важных и противоречивых проблем современного мира. На наш взгляд, она выступает как особый социальный градиент, то есть, возрастающий вектор направленности изменений социальной реальности современного капитализма и величина (показатель) качественного уровня развития общества, который проявляется и измеряется целым рядом следящих моментов.

Во-первых, распространение идеологии глобализма и либерализма привело к возникновению некой двойственности в трансформации сути современного капитализма: как в «рекуперации нового либерального духа капитализма» через его обратное возвращение [3, с. 709], так и реанимации духа высшей стадии капитализма – империализма (создание однополярного миропорядка, доминирования ограниченного числа ТНК, росту теневой экономики, коррупции), который вызвал углубление дисбаланса власти, богатства и зарплат, что сопровождается переходом к экономическим отношениям, основанным на знаниях и информации, сделавших общество богатым, но и одновременно ненадежным и дискомфортным» [4, с. 47].

Во-вторых, обострение системного кризиса социальной системы мирового капитализма (экономики, политики, культуры) в результате девальвации либерально-рыночных отношений привело к расширению как социально-классовой протестности населения против существующей властной элиты в различных странах мира, так и географических зон конфликтности глобальной Периферии и Центра (который пытается закрепить сложившие формы неравенства) [5, с. 9–37].

В-третьих, процесс трансформации капитализма, связанный с разными моделями модернизации – органической (повышение эффективности экономики на основе новых технологий) и ограниченной (заимствование западных институций без учета своих традиций) – привел к разделению современных обществ на развитые и развивающиеся с разными уровнями неравномерного социально-экономического развития. Вследствие

этого происходит противопоставление этих стран и появление новых форм неравенства.

В-четвертых, эра современного капитализма (в его традиционном индустриальном понимании), начавшаяся в XIX веке и прошедшая три эпохи развития («национально-колониальную», «мировых войн и глобализма» и «неолиберализма»), закончилась в 2010 году и вступила в эпоху перехода на новую модель социального мироустройства вместо прежней – капиталистической. Эта система исчерпала свои основополагающие идеи и позитивные возможности о свободном и творческом развитии человека, вознаграждения (поощрения) своих активных создателей, производящих общественно полезные продукты и стала воспроизводить неустойчивые структурные социальные взаимодействия, что привело к углублению неравенства и расколу в обществе. Но вместо того, чтобы решать эту проблему и обеспечить всеобщее процветание, современная модель капитализма движется к моральному банкротству, поскольку утратила чувство общей цели и взаимных обязательств [6].

Неравенство.

Актуализация проблемы неравенства и несправедливости позволила нам выявить особенности формирования объективных основ современного капитализма, которые непосредственно связаны с характером его системного кризиса и противоречивой направленностью роста социального неравенства (появлением новых форм).

Для понимания сущности неравенства и несправедливости уточним категорию «современность» и рассмотрим несколько содержательных аспектов социологического подхода (историко-философский, повседневный, концептуальный).

В научном знании сложилось достаточно много точек зрения на понимание концепта «современность» (О. Конт, М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Р. Мертон и др.). Но наиболее развернутое определение было дано П. Штомпкой, он выделил два основных аспекта: исторический и аналитический [7, с. 578]. Исходя из этого, рассмотрим эволюцию знаний (историко-философский аспект) о феномене неравенства в разных условных исторических моделях капитализма (досовременного, современного и постсовременного). Если исторический период досовременности – это эпоха традиционных обществ (первобытность, древневосточные цивилизации, античность, средневековье), а период современности – начало эпохи капиталистических обществ Нового времени, связанного с формированием новой социальной системы и нового социального порядка, то постсовременный (с конца XX века по настоящее время) отличается характером модернизации и транзитом современного общества к глобальному сообществу с самым высоким уровнем сложности. Отсюда, с точки зрения ретроспективы, историческая эволюция взглядов (знаний) о сущности неравенства включает в себя три выше обозначенные основные периоды с разным временным содержанием, которое определяется характером доминирующих парадигм научного или ненаучного знания об обществе.

Как показывают различного рода артефакты (археологические, антропологические), феномен социального неравенства стал проявляться еще во времена родоплеменного строя в различных формах: гендерных, возрастных, территориальных, кровных и др. По своей сути, они лежали в основе истоков социальных взаимоотношений, которые были обусловлены проблемой самосохранения и выживания. Однако свое рациональное объяснение феномен неравенства получил еще в эпоху древних цивилизаций, когда возникли первые религиозные и философские идеи (об избранности и не избранности народов, естественного неравенства людей и т.д.), которые были направлены на защиту и обоснование существующего миропорядка, установленного свыше.

В эпоху античности неравенство признавалось как естественное природное неравенство людей (различный характер способностей), так и социальное расслоение на богатых и бедных. Объяснялось это разными философскими принципами миропонимания: идеалистическим («правление класса мудрых правителей ... чтобы лучше защищать не личные, а общественные интересы» по Платону) или материалистическим («моральное улучшение природы людей через различное использование собственности» по Аристотелю).

В эпоху феодального Средневековья, основанного на сословных различиях и христианской религии, социальное неравенство стало трактоваться в контексте теологического мировоззрения (рассматривалось как нечто производное от веры в Бога). Неоднозначный социально-исторический процесс перехода от традиционного общества к современному капиталистическому обществу, в контексте доминирования научного знания, сформировал как два основных направления философского осмысления социального неравенства (апологетическое и критическое), так и целый ряд социологических концепций (подходов) в исследовании неравенства (М. Кастельса, А. Мартинелли, Дж. Урри и др.).

Одними из первых апологетов новой системы ценностей выступили английские философы XVII века (Д. Локк, Т. Гоббс), которые доказывали, что неравенство собственности и даже отсутствие ее у части людей связано с неодинаковой разумностью и неодинаковым прилежанием людей и подводили под него юридическое обоснование («все люди равны от природы, но наблюдающееся же ныне неравенство богатства, власти, знатности рода введено гражданскими законами..., которое есть некий правовой разум относительно того, что следует совершать и не совершать для наиболее продолжительного сохранения жизни и целостности своего тела» [8, с. 22, 35–36, 57]).

Представители критического направления (К. Маркс, Ф. Теннис, З. Бауман, Э. Фромм) в качестве общей теоретической базы выбрали всестороннюю критику буржуазного общества, сущность которого определялась через необходимость воспроизводства социального неравенства.

Однако среди сторонников критического направления не было единого мнения о пути и средствах

(мирных или немирных) преодоления общественного неравенства. В этом вопросе только представители социально-классовой теории марксизма-ленинизма давали однозначный ответ: развитие капитализма способствует росту антагонистических отношений между двумя неравными классами – правящим и эксплуатируемым, что приведет к свержению капитализма и установлению нового общественного строя, где будет устранено взаимное отчуждение людей.

С точки зрения социологического подхода, в постсовременном научном знании следует отметить теорию социальных неравенств шведского ученого Й. Тернборна, которая включала три уровня анализа неравенства (глобальный, национальный и субнациональный) [9, с. 176–178] и типологию концепций социального неравенства российского социолога Т.С. Мартыненко (специальная, партикулярная, универсальная) [10, с. 14–15].

Следует отметить, что в исторической эволюции знаний вся научная рефлексия велась вокруг слова «равенство» (а не «Неравенство»), которое в реальной жизни, как правило, отсутствует, а, начиная с периода современности, проблема неравенства стала рассматриваться через некое противоречие (апория): равенство есть не критерий или мера, а неразрешимый предел – равенство тех, кто неравен друг другу.

Таким образом, историко-философская рефлексия сути феномена социального неравенства сводится к пониманию того, что:

– общественное неравенство – это итог социального договора, который заключен между государством и доминирующими социальными группами на основе рационального миропонимания в установлении стабильного социального порядка;

– неравенство как общественный порок требует искоренения (некоторые виды неравенства должны и могут быть устранены), но полное равенство среди людей не будет никогда достигнуто;

– неравенство – это проявление внутреннего свойства несовершенства человеческого общества, связанного с утратой целостности (отделение, разрыв) с природой и разделением мира на неравноценные части.

С точки зрения повседневного аспекта, анализ неравенства включает в себя два уровня: его субъективное осмысление на уровне повседневной жизни и фиксация его как реального факта объективной действительности. Иными словами, это анализ совокупности представлений о явлении «социальное неравенство», которые основаны на непосредственном опыте людей и доминируют в той социальной общности, с которой они идентифицируют свою принадлежность. Следует отметить, что специальных исследований о субъективности восприятия социального неравенства разными социальными группами и его роли в формировании общественного сознания и поведенческих моделей в повседневной жизни практически не было. На основе анализа различной

литературы (научной, художественной, религиозной и др.) и многочисленных опросов общественного мнения, публикуемых в СМИ (интернете), гипотетически обозначим его некоторые особенности проявления в России [11] и Западной Европе [12].

Если для массового общественного сознания россиян сущность неравенства раскрывается через такие категории, как «зло», «неправедность», «несправедливость», т.е., чувственно воспринимается как абсолютная антиценность, и ему как оппозиция противостоит идеал социального равенства (период СССР), то в европейском общественном сознании оно рационально воспринимается через разные виды правовой и политической оппозиции: «равенство – неравенство», «право – бесправие», «законность – беззаконие», «свобода – несвобода», имеющие разный индивидуальный и общественный ценностно-смысловой контекст. Поэтому социология повседневной жизни ориентирована не на абстрактные категории социальных систем и действий, а на конкретную реальную действительность, воспроизводящую реальные общественные взаимодействия, которые отличаются целым рядом специфических черт (индивидуальных, групповых и др.) и позволяют нам увидеть суть того, что на самом деле происходит в сфере отношений неравенства разных человеческих сообществ.

На уровне повседневной реальности объективно можно наблюдать следующие проявления неравенства:

– во-первых, неравенство возможностей в реализации поставленных целей в определенном социокультурном пространстве, а также – неравный доступ к материальным благам, неравенство условий и образа жизни;

– во-вторых, люди различаются как своими внешними данными (пол, возраст, сила, здоровье, привлекательность и др.), так и внутренними признаками наличия особых способностей, качеств, умений и др.

Все эти различия людей принято обозначать и подразделять на естественные и социальные, которые как бы закрепили их неравные статусы в социальных отношениях определенного социокультурного пространства. Считается, что именно они в разной мере могут выступать основой неравных отношений.

Проблема изучения новой реальности капитализма в контексте концептуального аспекта базируется на разных теоретических основаниях (классического наследия марксизма, социологических теорий модернизма, постмодернизма и некоего множества версий нового модернизма). Новые версии модернизма включают в себя различные проекты трансформации капитализма, которые имеют ряд особенностей в конструировании новой реальности капитализма (характеризуются деформацией привычных структур, утратой устойчивых социальных отношений, кризисом традиционных морально-нравственных устоев) и пытаются обозначить третий путь (вне

глобализма, национализма и фундаментализма) [13, с. 612–616]. Наиболее полно этот тезис нашел выражение в обсуждаемых темах Всемирных экономических форумов в Давосе за последние три года: «Создавая общее будущее в расколотом мире» (2018), «Деглобализация и фрагментация единого экономического пространства» (2019), «Формирование капитализма для всех заинтересованных сторон» (2020).

В социально-гуманитарном знании эта реальность как объективно существующая и субъективно понимаемая трактуется неоднозначно, имея разные методологические предпосылки и смысловые ценностные предпочтения. Например, экономисты рассматривают ее через концепты реиндустриализации, неоиндустриализации, деиндустриализации и пр., а социологи изучают как реальность разных обществ (постиндустриального, информационного, знания, потребления, услуг и др.) и как процесс формирования неоиндустриальной реальности капитализма через трансформацию институциональных ценностей, которые проявляются в разных новых видах неравенства.

Справедливость/несправедливость.

Следует отметить, что направленность социального вектора «справедливость/несправедливость», в отличие от неравенства, обозначает не столько характер особенностей формирования и изменения объективной (субъективной) реальности, а сколько придает ей (реальности) ту или иную ценностную значимость. Если посчитать количество упоминаний слов справедливость/несправедливость в социальных сетях (58 млн/66 млн, соответственно, занимает второе место после «социальное неравенство» – 85 млн), то этот факт косвенно может служить показателем его востребованности в современном обществе и научном знании.

Отсюда следует, что в социально-гуманитарном плане «справедливость/несправедливость» выполняет двойственную функцию: выступает как оценочная категория, которая фиксирует, насколько основные официально принятые на международном (глобальном, региональном, национальном) уровне или иные принципы справедливости являются универсальными (или ограниченными) и определяет адекватность функционирования имеющихся общественных институтов, обеспечивающих жизнеспособность, благосостояние и устойчивость развития общества. В социологическом контексте это означает, что социальная справедливость должна являться основным структурообразующим элементом ценностной системы общества, несмотря на различные уровни социально-экономического развития и формы проявления неравенства.

В самом общем гипотетическом плане, характер взаимосвязи между неравенством и несправедливостью в конструировании новой реальности капиталистического общества определен тем, что неравенство непосредственно связано как с объективной несправедливостью нормативно-правовых институций общества, так и с субъективным

несовершенством его морально-ценностных оснований. К тому же, в условиях нарастания неравенства существующие общественные институты превращаются в институты неравенства, которые обозначаются термином «несправедливое неравенство». Непосредственно – это находит выражение в том, что данные о «Международном дне борьбы с неравенством» (31 мая) сознательно игнорируются, то есть, практически отсутствуют как в печатных, так и электронных СМИ РФ, хотя Россия по уровню социального неравенства занимает одно из первых мест в мире. Можно предположить, что эти два важнейшие (с точки зрения социального развития и роста протестных настроений в обществе) понятия (несправедливость и неравенство) являются «неудобными» для существующей власти, поскольку ориентируют не на единение, а на противопоставление в обществе разных социальных групп (богатых и бедных).

В целом, в специальной литературе сформировались три значимых подхода в рефлексии справедливости, имеющие разные идеологемы и принципы миропонимания [14, с. 110–111]: традиционный (уравнительный и распределительный), классовый (правый и левый) и либеральный.

Так, в основе современного либерального подхода (теория справедливости Дж. Ролза) лежат два принципа:

1) «каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других;

2) социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: от них можно было бы разумно ожидать преимущества для всех, и доступ к положениям и должностям был бы открыт всем» [15, с. 66].

Сравнительный анализ различных данных социологических исследований, проведенных в разное время («нулевые» и «десятые годы»), позволил нам выявить зависимость разных субъективных оценок социальной несправедливости от особенности состояния объективного уровня социально-экономического развития общества и характера направленности (позитивного или негативного) формирования новой социальной реальности капитализма. Например, (в первом случае) в социологическом исследовании социально-психологического состояния общества, проведенном в нулевые годы ИС РАН, отмечалось как время стабильного экономического развития и социального развития общества, что нашло выражение в росте позитивных оценок, характеризующих обстановку в стране (с 33 % до 41 %). Причем, почти каждый второй опрошенный (47 %) назвал проблему социального расслоения и противоречие между богатыми и бедными как наиболее острую, которая обуславливалась высокой степенью чувства социальной несправедливости россиян (часто – 38,2 %, иногда – 52,8 %) [16, с. 5, 9, 16, 22–23].

Во втором случае («десятые годы») – когда происходило реальное снижение уровня жизни

населения и зарождение протестных настроений, социальная несправедливость/справедливость становится наиболее значимой составляющей в общественном сознании для всех социальных групп. Однако возможность ее искоренения в современных условиях оценивалась весьма пессимистично, то есть граждане практически не надеялись на решение этой проблемы в ближайшем будущем. Причем, идеалом справедливого общества для большинства россиян является государство всеобщего благоденствия. Отсюда, несправедливое устройство российского общества ассоциируется не только с несовершенством институтов, но и с неудовлетворенностью жизнью из-за недостатка тех или иных социально-экономических благ [17].

По данным всероссийского исследования ИС РАН на тему «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» было отмечено, что существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благосостояния. Причем, с точки зрения оценки справедливости или несправедливости, россияне руководствуются представлениями о должной справедливости для общества, нежели своими личными интересами, что свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, которая не заключается в желании «все отнять и поделить», а предполагает равные возможности для всех добиваться улучшения своей жизни [18, с. 8; 61]. Материалы других исследований («О чем мечтают россияне?») показали, что самыми популярными мечтами россиян стали мечты, относящиеся к семейной, личной жизни и материальному благополучию, а самыми популярными желаниями стали соответственно: обеспечить всем необходимым себя и своих близких (52 %), путешествовать по странам (47 %), жить, ни в чем себе не отказывая (37 %), и только 20 % пожелали восстановить справедливость и сделать мир лучше [19]. Сравнительный анализ различных исследований состояния российского общества за последние 10–15 лет показал, что проблема неравенства и несправедливости стала одной из самых значимых и болевых в самосознании россиян, начиная с нулевого времени, а к концу «десятих годов» она стала превращаться в некую взрывоопасную смесь для радикальных социальных и политических изменений.

Таким образом, если Бог из четырех стихий (воздуха, воды, огня и земли) создал уникальный полный природный мир, то человек, благодаря трем элементам: деньгам (товарно-денежным отношениям), неравенству и несправедливости, сконструировал свой «полный» лучший мир – мир капитализма, который находится на грани краха [20]. И только отмена товарно-денежных отношений, снижение уровня неравенства и несправедливости даст возможность его спасти, трансформировав существующую реальность рыночного капитализма в новую полную гуманную (гуманитарную) реальность вне прежних рамок и «окон овертона» бывшего капитализма, социализма, феодализма, рабства.

Выводы.

На основе выше изложенного можно выделить четыре характерные особенности понимания взаимосвязи социального неравенства и несправедливости как факторов конструирования новой реальности капитализма.

Во-первых, они базируются на некоей предопределенности историко-социального эмоционального опыта (пессимизма, неудовлетворенности жизнью), связанного с осознанием невозможности исправить существующее положение роста неравенства и несправедливости. Причем в «десятые годы» он начинает рационализироваться и иррационализироваться и замещается некоей иллюзией о должной справедливости и равном обществе (советского времени), где традиционная русская мечта и советская мифология трансформируются в некую новую сказку («о золотой рыбке») и веру в ожидание чуда, то есть, на помощь извне. Но надежда на кого-то – это отсутствие веры в собственные силы и возможности. Косвенно это нашло выражение в советах Президента РФ молодому поколению россиян на Всероссийском открытом уроке 13 декабря 2018 г. В частности, он отметил, что «90 % успеха каждого человека зависит от него лично... только личная инициатива и напряженная работа над собой поможет. Надо вспомнить старые песни...: никто нам не поможет – ни бог, ни царь и ни герой» [21].

Во-вторых, неравенство и несправедливость, в контексте категории «социальный градиент», определяют направленность вектора, формирование и изменение объективной и субъективной реальности современного капитализма, но понятие «справедливость» в отличие от понятия «неравенство» выступает в качестве структурообразующего элемента ценностной основы любого общества.

Так, например, если в Китае в конце 2017 года был официально провозглашен курс на построение умеренно процветающего общества и стремление к большому успеху социализма с китайскими особенностями, то в России справедливое устройство общества и экономики так и остается на уровне деклараций избирательных кампаний [22, с. 9]. Согласно рейтингу CPI (индекс воспри-

ятия коррупции), составляемому международной организацией Transparency International, Россия продолжает терять позиции: по итогам 2018 года набрала 28 баллов (из 100 возможных) и заняла в рейтинге 138-е место (из 180) [23]. По данным международных и региональных исследований большинство россиян (56 %) не верят в то, что простые граждане могут внести свой вклад в борьбу с коррупцией. В тоже время, более трети населения россиян (34 %) приходится давать взятки, т.е., они не относились к этому негативно и не считали коррупцию преступлением [24].

В-третьих, на наш взгляд, в субъективно-ценностном плане осознание неравенства и несправедливости в обществе напрямую связано с уровнем социальной ответственности человека за будущее перед собой, близкими, страной и обществом, ибо лишенное социальной ответственности, оно не может быть социальной справедливости, а потому обречено на вечное социальное неравенство.

В-четвертых, проблема формирования новой объективной и субъективной реальности современного капитализма непосредственно связана с двумя противоположными тенденциями: как трансформацией (или рекуперацией) капитализма в условиях его системного кризиса (появление новых угроз: сепаратизма, радикализма, национализма) и перехода на новый техноклад, так и поиском некапиталистической модели развития, где особое место занимает эффективная социальная политика государства, направленная на развитие человеческого капитала и снижение социально-экономической поляризации в обществе. Россия, в этом контексте, находится в некоем неопределенном состоянии социальной реверсивности, которая предопределена характером традиционалистской модернизации и формальным статусом национального и социального государства. Причем, только адекватное (институциональное) решение проблем неравенства и несправедливости поможет преодолеть нестабильность и неопределенность переходного времени и выступить основой формирования качественно новых общественных отношений и создания значимой нормативно-правовой (ценностной) базы для будущего общества.

Литература:

1. World inequality report 2018. С. 8. URL : <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (дата обращения 28.03.2020).
2. *Акатов Е.* Вопрос «Труда»: как бороться с неравенством? Газета Труд. № 037. 31 мая 2019. URL : <https://www.trud.ru/pdfs/3642/files/assets/basic-html/page3.html> (дата обращения 28.03.2020).
3. *Болтански Л.* Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э Кьяпелло. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

Literature:

1. World inequality report 2018. P. 8. URL : <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (date of the address 28.03.2020).
2. *Akatov E.* The question of «Labor»: how to fight inequality? The Newspaper Trud. № 037. May 31 2019. URL : <https://www.trud.ru/pdfs/3642/files/assets/basic-html/page3.html> (date of the address 28.03.2020).
3. *Boltanski L.* The New spirit of capitalism / L. Boltanski, E. Chiapello. M. : New literary review, 2011. 976 p.

4. *Малаган Дж.* Грабители и созидатели в будущем капитализма // Мир перемен. М., 2013. № 1.
5. *Покровский Н.Е.* Парадоксальная глобализация: вперед к прошлому или назад к будущему? В Социологический ежегодник, 2013–2014. Сб. научн. тр. / Н.Е. Покровский, У.Г. Николаева // РАН ИНИОН. М., 2014. 388 с.
6. Будущее капитализма. Спринт бестселлера Пола Кольера «The future of capitalism». 2019. URL : <https://makeright.ru/library/the-future-of-capitalism-sprint/?read=indesign> (дата обращения 28.03.2020).
7. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2010. 664 с.
8. *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. М. : АСТ, 2001. 304 с.
9. *Тернборн Й.* Мир: Руководство для начинающих / Й. Тернборн; Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; Под научн. ред. С.М. Гавриленко. М., 2015. 336 с.
10. *Мартыненко Т.С.* Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI века : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2017. С. 14–15.
11. *Бердяев Н.* Философия неравенства. М. : Институт русской цивилизации, 2012.
12. *Элиас Н.* Общество индивидов. М. : Практикс, 2001. 336 с.
13. *Викторов А.Ш.* Основные конструкты новой реальности современного капитализма. В сб.: Ежегодник «Россия: тенденции и перспективы развития». Вып. 13. М., ИНИОН РАН. 2018. Ч. 1.
14. Капиталистическое общество. Проблема справедливости / Под ред. Веселов Ю.В. и др. СПб. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011.
15. *Ролз Дж.* Теория справедливости. М., 2010. 536 с.
16. Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. № 6. 2008.
17. Справедливость: как она понимается и как реализуется в современной России. VI Социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования». Москва, 17 марта 2016 г. URL : <https://docplayer.ru/45280564-Spravedlivost-kak-ona-ponimaetsya-i-kak-realizuetsya-v-sovremennoy-rossii.html>
18. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013. 400 с.
19. О чем мечтают россияне. 24 ноября 2016. URL : <https://iom.anketolog.ru/2016/11/24/o-chem-mechtayut-rossiyane> (дата обращения 28.03.2020).
20. Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты. Юбилейный доклад Римского клуба 2018. <http://www.clubofrome.org/>
4. *Malaghan J.* Robbers and creators in the future of capitalism // World of change. M., 2013. № 1.
5. *Pokrovsky N.E.* Paradoxical globalization: forward to the past or back to the future? In the Sociological Yearbook, 2013–2014: Sat. nauchn. tr. / N.E. Pokrovsky, U.G. Nikolaeva // RAN INION. M., 2014. 388 p.
6. The future of capitalism. Sprint of Paul Collier's bestseller «The future of capitalism». 2019. URL : <https://makeright.ru/library/the-future-of-capitalism-sprint/?read=indesign> (accessed 28.03.2020).
7. *Shtompka P.* Sociology. Analysis of modern society. M. : Logos, 2010. 664 p.
8. *Hobbes T.* The Philosophical foundations of the doctrine of the citizen. M. : AST, 2001. 304 p.
9. *Therborn Th.* Mir: A guide for beginners / Th. Therborn E.M. Gorbunova, L.G. Titarenko; Pod nauchn. edited by S.M. Gavrilenko. M., 2015. 336 p.
10. *Martynenko T.S.* Concepts of social inequality in Western sociology of the last third of the XX – beginning of the XXI century : autoref. dis. ... cand. soc. sciences'. M., 2017. P. 14–15.
11. *Berdyaev N.* Philosophy of inequality. M. : Institute of Russian civilization, 2012.
12. *Elias N.* The society of individuals. Moscow: Praxis, 2001. 336 p.
13. *Viktorov A.Sh.* The Main constructs of the new reality of modern capitalism. In sat.: Yearbook «Russia: trends and prospects of development». Vol. 13. Part 1. M., INION RAS. 2018.
14. Capitalist society. The problem of justice / Edited by Veselov Yu.V. and others. SPb. : HSE publishing house, 2011.
15. *Rawls John.* Theory of justice. M., 2010. 536 p.
16. What are Russians afraid of? // Information and analytical Bulletin of is RAS. № 6. 2008.
17. Justice: how it is understood and implemented in modern Russia. VI Sociological Grushinskaya conference «Life of research». Moscow, March 17, 2016 URL : <https://docplayer.ru/45280564-Spravedlivost-kak-ona-ponimaetsya-i-kak-realizuetsya-v-sovremennoy-rossii.html>
18. What Russians dream of: ideal and reality / edited by M.K. Gorshkov, R. Krumma, and N.E. Tikhonova. M. : All The World, 2013. 400 p.
19. The dream of the Russians. November 24, 2016. URL : <https://iom.anketolog.ru/2016/11/24/o-chem-mechtayut-rossiyane>(date accessed 28.03.2020).
20. Come On! Capitalism, myopia, population, and the destruction of the planet. Anniversary report of the club of Rome 2018. <http://www.clubofrome.org/>

21. Путин призвал россиян опираться только на себя и не ждать поддержки от государства. 13 декабря 2018. URL : <https://snob.ru/news/169584/> (дата обращения 28.03.2020).

22. Цитаты из речи Си Цзиньпина на XIX съезде Компартии Китая // Журнал «Вольная экономика». 2017. № 4.

23. Коррупция крепчает: Россия потеряла несколько строчек в рейтинге Transparency. 29 января 2019. URL : <https://www.bbc.com/russian/news-47038510> (дата обращения 28.03.2020).

24. Коррупция в графическом измерении. 29.03.2017. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3255830> (дата обращения 28.03.2020).

21. Putin urged Russians to rely only on themselves and not expect support from the state. December 13, 2018. URL : <https://snob.ru/news/169584/>(accessed 28.03.2020).

22. Quotes from the speech of Xi Jinping at the XIX Congress of the Communist party of China // Journal «Free economy». October-December 2017. № 4.

23. Corruption is getting stronger: Russia has lost several places in the Transparency rating. January 29, 2019. URL : <https://www.bbc.com/russian/news-47038510> (date accessed 28.03.2020).

24. Corruption in the graphic dimension. 29.03.2017. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3255830>(date accessed 28.03.2020).

Казибеков Ислам Муъминович
аспирант 4 года обучения,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Гереев Махач Магомедович
аспирант 4 года обучения,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Агасиева Магрифа Нугутдиновна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Казибекова Наида Аликулиевна
доктор экономических наук,
профессор кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Аннотация. В статье авторы анализируют оказываемые государством виды помощи семьям с детьми как одной из групп малоимущих граждан, предлагают оказывать адресную социальную поддержку только тем группам граждан, которые реально нуждаются в помощи. Для развития дальнейшей политики по преодолению бедности малоимущих граждан авторы статьи предлагают провести уточнение типологии бедных семей и определение их целевых групп, провести анализ причин бедности этих групп населения, а затем, на основе дифференцированного подхода разработать мероприятия по устранению причин бедности.

Ключевые слова: семьи с детьми, социальная поддержка, малоимущие граждане, пособие, проблема бедности, социальные услуги населению.

В любом обществе семьи с детьми рассматриваются как потенциальные малоимущие слои населения, они оказываются самыми незащищенными перед хроническим или временным снижением дохода. Также, семьи с детьми более других нуждаются в услугах государственных или частных систем социального обеспечения.

Islam M. Kazibekov
Postgraduate student 4 years of study,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Makhach M. Gereev
Postgraduate student 4 years of study,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Magrifa N. Agasieva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Socio-humanitarian disciplines',
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Naida A. Kazibekova
Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian disciplines',
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

IMPROVING SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN

Annotation. In the article the authors analyze the types of assistance provided by the state to families with children, as one of the groups of poor citizens, and offer targeted social support only to those groups of citizens who really need help. To develop further policies to overcome the poverty of low-income citizens, the authors of the article propose to refine the typology of poor families and determine their target groups, then analyze the causes of poverty of these population groups, and then develop measures to eliminate the causes of poverty based on a differentiated approach.

Keywords: families with children, social support, poor citizens, allowance, poverty problem, social services to the population.

Анализируя российское законодательство, отражающее основные цели и направления формирования государственной политики по улучшению положения детей в РФ, необходимо отметить Федеральный Закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» (с измен. и доп. вступ. в силу

01.01.2020), согласно которому устанавливается основание и порядок начисления и осуществления ежемесячных выплат семьям, имеющим детей и Федеральный Закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред.от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов» в ст. 8 п.1 согласно которому корректируется схема предоставления материнского капитала:

1. Семья будет иметь право на получение сертификата сразу при рождении первого ребенка. Материнский капитал на первого ребенка будет предоставляться в том размере, в котором он полагался ранее при рождении второго либо последующего ребенка. После индексации с 01.01.2020 г. на 3 % его размер составляет 466617 рублей.

2. При рождении в семье второго ребенка размер уже предоставленного на первенца материнского капитала увеличится на 150 тыс. руб. То есть, в общей сложности семья получит 616617 рублей [2].

Страны Западной Европы имеют богатый опыт социальной поддержки семей с детьми и малоимущих граждан. Так, во Франции малообеспеченные семьи получают пособие в размере 150 евро на каждого члена семьи, в том случае, если совокупный доход семьи составляет менее 5 тыс. евро. На каждого новорожденного ребенка выплачивается по 168 евро в месяц до 3-х лет. До достижения ребенком возраста шести лет государство оказывает помощь по оплате няньки или яслей.

В Германии пособие на ребенка составляет 154 евро в месяц, а начиная с 4-го ребенка в семье – 179 евро. В Швеции по-другому подошли к проблемам малоимущих семей, государство им выделяет пособие на оплату жилья, детских садов или выдают талоны на продукты питания.

Системы предоставления услуг социального обеспечения представляют программы, которые защищают отдельных граждан или домохозяйства в негативных ситуациях двух типов: хронической неспособности работать или зарабатывать достаточный доход (хроническая бедность) и временного снижения заработков из-за циклических спадов в экономике или других временных условий (временная бедность). Причиной хронической неспособности работать обычно является физическая или умственная инвалидность, либо преклонный возраст [3].

Временное снижение возможности зарабатывать обычно обусловлено явлениями жизненного цикла, таким как рождение двойняшек, в связи с утратой кормильца, макроэкономическими потрясениями, резким спадом совокупного спроса из-за экономического спада или перехода, либо природными явлениями.

При выборе программ услуг социальной помощи и борьбы с бедностью основными являются три фактора:

- 1) масштаб и природа бедности;
- 2) спектр, существующих программ, услуг;

3) присущие экономике страны, содерживающие факторы или условия (темпы экономического роста, осуществляемые политические реформы, развитие инфраструктуры и т.д.).

Отправной точкой при выборе новой программы услуг или пересмотре существующей является четкое уяснение природы бедности.

Проведенный нами анализ важнейших индикаторов социального развития позволяет определить проблемы и тенденции в этой области:

– сохранение значительных масштабов неполной занятости населения и безработицы;

– низкий уровень заработной платы значительной части работающего населения;

– сохранение широкомасштабного уровня бедности и изменение ее тенденций охвата и работающей части населения;

– продолжающаяся поляризация общества, охватывающая все слои населения, сохранение тенденции маргинализации части населения;

– невысокое качество и несвоевременность предоставления подавляющего количества социальных услуг населению [4].

В нашей стране существует определенная практика, направленная на сокращение поляризации общества и социальной защите населения. Однако не в полном мере учитываются институциональные изменения, происходящие в экономике.

Российская экономика очень медленно адаптируется к мировым процессам глобализации, это связано с низкой производительностью и организацией труда, с неконкурентоспособностью целого ряда производств, низкой оплатой труда, что естественно является причиной бедности отдельных категорий граждан.

Государство оказывает различные виды помощи малоимущим гражданам и семьям в виде пособий, субсидий, льгот и других форм. При этом не гарантируется, что распределение социальной помощи дойдет до действительно нуждающихся граждан. Зачастую, именно самые бедные слои населения не получают поддержку и поэтому оказываются в еще более сложной жизненной ситуации.

Первым шагом в политике в области преодоления бедности, на наш взгляд, является уточнение типологии бедных семей и определение их целевых групп: (полные семьи с низкими доходами, неполные семьи, многодетные семьи, семьи с инвалидами, семьи военнослужащих, семьи с безработными, семьи, работающим членам которых длительное время не выплачивается заработная плата, и др.).

Затем необходим дальнейший тщательный анализ причин бедности в разрезе этих групп, осуществление дифференцированного подхода к этим группам, разработка соответствующих мероприятий.

При определении претендентов на получение социальной помощи необходима обязательная оценка нуждаемости соответствующих семей исходя из одновременного соблюдения двух условий [8]:

1) совокупные доходы семьи находятся ниже официально установленной региональной черты (стандарта) бедности;

2) стоимость личного имущества находится ниже официально установленного регионального минимального стандарта.

В условиях ограниченных финансовых ресурсов рационализация социальной поддержки малоимущих, обеспечение большей избирательности при оказании социальной помощи, преимущественно заявительный ее характер и адресный характер социальных выплат являются одним из наиболее эффективных способов борьбы с бедностью. Сегодня в России в наиболее худшем положении с точки зрения критерия «прожиточный минимум – душевой доход» оказались семьи с детьми, семьи безработных и низкооплачиваемых работников (по сравнению, например, с семьями пенсионеров по старости).

Необходим одновременный и параллельный расчет показателей бедности с использованием всех трех основных подходов к ее определению (абсолютного, депривационного и субъективного) как

Литература:

1. *Гришина Е.Е.* Совершенствование социальной поддержки малоимущих в России // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1.

2. Консультант Плюс.

3. *Казибекова Н.А.* Совершенствование экономического и правового механизмов социальной защиты детей. Монография / Н.А. Казибекова, З.М. Исмиева, О.И. Назарова. Махачкала, ДГПУ, 2014.

4. *Казибекова Н.А.* Развитие финансового механизма социальной защиты детей в РФ. «Путь науки» / Н.А. Казибекова, З.М. Исмиева. Волгоград, 2014. № 4(4).

5. *Казибекова Н.А.* Особенности денежной помощи семьям с детьми. Мат-лы IV Всероссийской научно-практической конференции «Социально-политические и экономические проблемы современной России», ДГПУ / Н.А. Казибекова, И.М. Казибек, З.Ф. Ашурова. 2018.

6. *Мисихина С.Г.* Зарубежный опыт и реформирование социальной поддержки малоимущих семей (населения) в России / С.Г. Мисихина, Е.Е. Гришина. М., 2013.

7. *Овчарова Л.* Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности / Л.Овчарова, Е. Горина // Вопросы экономики. 2017. № 3.

для Российской Федерации, так и по субъектам Российской Федерации. Проведение на федеральном и региональном уровнях нескольких официально установленных уровней бедности, осуществление постоянного мониторинга этих линий, их комбинирование и наложение друг на друга в целях повышения эффективности реализации региональной социальной политики [5].

Препятствия или условия, характерные для конкретных ситуаций выбора услуг, могут оказать серьезное влияние на выбор программы. К ним относятся ограничивающие факторы инфраструктуры и административные препятствия, включая способность выявлять, охватывать бенефициаров и вести мониторинг, надежность институтов и механизмов предоставления, политические препятствия, макроэкономический контекст, в котором придется действовать программе, а также связанные с ним фискальные ограничения.

При верном выборе программы могут способствовать экономическому росту. При неудачном выборе и разработке программы в состоянии усугубить препятствия, вытеснить инвестиции, способствующие росту, и усложнить выход из бедности в долгосрочной перспективе. Таким образом, представляется важным соотносить выбор программы с желательными результатами и природой бедности, четко представляя потенциальные препятствия и компромиссы.

Literature:

1. *Grishina E.E.* Improving social support for the poor in Russia // The Standard of living of the population of the regions of Russia. 2014. № 1.

2. Consultant plus.

3. *Kazibekova N.A.* Improvement of economic and legal mechanisms of social protection of children. Monograph / N.A. Kazibekova, Z.M. Ismieva, O.I. Nazarova. Makhachkala, DSPU, 2014.

4. *Kazibekova N.A.* Development of the financial mechanism of social protection of children in the Russian Federation. «The way of science» / N.A. Kazibekova, Z.M. Ismieva. Volgograd, 2014. № 4(4),

5. *Kazibekova N.A.* Features of monetary assistance to families with children. Mat-Liiv all-Russian scientific and practical conference «Socio-political and economic problems of modern Russia», DSPU / N.A. Kazibekova, I.M. Kazibekov, Z.F. Ashurova. 2018.

6. *Misikhina S.G.* Foreign experience and reform of social support for low-income families (population) in Russia / S.G. Misikhina, E.E. Grishina. M., 2013.

7. *Ovcharova L.* Development of targeted social support for those in need in Russia: barriers and opportunities / L. Ovcharova, E. Gorina // Questions of economy. 2017. № 3.

8. *Римашевская Н.М. Бедность и здоровье в России / Н.М. Римашевская, И.В. Крохова // Народонаселение. 2001. № 4. С. 11–26.*

8. *Rimashevskaya N.M. Poverty and health in Russia / N.M. Rimashevskaya, I.V. Krohova // Population. 2001. № 4. P. 11–26.*

Карпова Светлана Геннадьевна
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Центр исследования процессов
евразийской интеграции
Института социально-политических
исследований – обособленного
подразделения Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
Svetlran@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СМИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу национальной безопасности страны – «экстерналиям» информационного воздействия СМИ на современное общество. Автором рассматриваются как общие вопросы (правовой аспект регулирования, ключевые угрозы и вызовы, актуальные для современной социальной реальности России), так и перспективное направление сохранения национальной безопасности страны – безопасность сознания социума. Особую роль в поддержании (разрушении) данного направления играет деятельность СМИ, оказывающая разноплановое скрытое воздействие на сознание общества и манипуляцию им. В статье также актуализируются перспективные направления сохранения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, нормативные документы, современная социальная реальность, государство, актуальные направления, развитие, регулирование, средства массовой информации (СМИ), манипуляция, сознание, информационные технологии.

Общие вопросы нормативного регулирования национальной безопасности: угрозы современной социальной реальности. В условиях повышенной «турбулентности» современной социальной реальности России справедливо усиливается внимание к вопросам сохранения национальной безопасности страны и ключевым детерминантам, оказывающим решающее воздействие на ее состояние [2, с. 35–43].

Svetlana G. Karepova
Candidate of Sociological Sciences,
Leading researcher,
Center of a research of processes
Eurasian integration
Institute of Socio-political
Researches – isolated Federal division
research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Svetlran@mail.ru

ON THE NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY: THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON MODERN SOCIETY

Annotation. This article deals with current issue on national security of the country relating to the «externalities» of Mass Media on modern society. The author considers both the common questions (legal regulation, key threats and challenges relevant to the modern social reality of Russia) and the promising trend to keep the country's national security (security of its consciousness). Mass Media play a special role in supporting (de-structing) this area that make a different hidden influence on society's consciousness and its manipulation. The promising trends to keep national security become actual in the article.

Keywords: national security, regulations, modern social reality, state, current trends, development, mass media, manipulation, consciousness, information technology.

*«Быть сильными:
гарантии национальной безопасности России.
Нужно учитывать, что научно-технический прогресс,
начиная от появления новых образцов вооружений
и заканчивая информационно-коммуникационными
технологиями, привёл к качественному изменению
характера вооружённой борьбы»
Путин В.В. [1]*

Нормативное регулирование бифуркационных процессов современной социальной реальности и как следствие вопросов ее безопасности актуализировано в базовых стратегических государственных документах и мероприятиях. Основополагающее место в документально закреплённой системе формирования «...защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3] занимают: Стратегия нацио-

нальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683); Конституция Российской Федерации; Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642); Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 25.12.2014 г. № Пр-2976).

План мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.06.2017 № 1325); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203); Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20.02.2019; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204) и др.

В обозначенных государственных документах национальная безопасность и перечень регулируемых ею сфер год от года изменяется и значительно расширяется адекватно новым угрозам и вызовам, охватывая три взаимосвязанных уровня: безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства, в целом. Государственная политика, отвечающая за актуализацию областей национальной безопасности, также ежегодно отражается, уточняется и корректируется в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [2, с. 35–43].

Важность сохранения основных направлений национальной безопасности не подвергается сомнению. Речь, в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах, идет о противоборстве ключевым векторам или общим группам угроз по социетальному типу (социальная, политическая, экономическая и духовно-нравственная (или социокультурная) сферы жизнедеятельности современного общества), имеющем пролонгированное действие для современной социальной реальности России: «...первая группа включает потенциальные угрозы, имеющие геополитическую природу и несущие опасность геополитическим интересам страны и статусу в мировом сообществе; вторая группа состоит из угроз, имеющих геоэкономическое измерение и способных нанести ущерб экономическим интересам России, ослабить ее позиции в международных экономических отношениях, создать затруднения для роста экономического потенциала страны; третья группа включает угрозы в энергетической и ресурсной сфере, которые могут выражаться в претензиях иностранных государств на наши природные богатства. В четвертую группу объединены угрозы, имеющие непосредственно военный характер» [4]. В пятую дополнительную группу, расширяющую общий спектр угроз, можно отнести процессы, имеющие демографическую

природу, а также, вопросы деградации российских трудовых ресурсов, порождающих необходимость привлечения иностранных трудовых мигрантов с разным социальным составом и др.

В рамках выхода на социокультурный уровень безопасности страны актуализировались разрушительные *тенденции шестой группы угроз*, заключающиеся в использовании информационно-коммуникационных технологий. Данные технологии оказывают разноплановое воздействие напрямую на *сознание общества*, под которым далее будет пониматься «...не простая совокупность индивидуальных сознаний, а целостное образование, обладающее внутренней структурой, которая включает в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское)» [5, с. 119].

Выход на уровень сознания общества, ранее не имевший столь сильного звучания, актуализирован и в стратегических государственных документах.

На международном уровне национальной безопасности страны «...все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе, путем манипулирования общественным сознанием и фальсификацией истории» [6].

Локальный уровень национальной безопасности также отражает доминирующее влияние на активность деструктивных процессов данной группы угроз, где «...дестабилизация внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, а также разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6], являются следствием негативного информационного воздействия как на индивидуальное сознание человека, так и на коллективное сознание социума.

Подобное отражение динамики государственных интересов и приоритетов национальной безопасности подтверждает «...тенденции смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации» [7].

Перечисленные группы угроз национальной безопасности, с нашей точки зрения, являются наиболее распространенными, детерминируют современную социальную реальность по ключевым сферам, но, безусловно, не охватывают весь спектр распространенных латентных опасностей.

Современные тенденции: информационное воздействие СМИ на общество. Обозначенная выше безопасность в сфере «...информации, культуры, духовно-нравственных ценностей и др.» [8], напрямую коррелирует с сохранением безопасности сознания общества.

На фоне потребления социумом неограниченного количества информации, находящейся в открытом доступе на всевозможных носителях (компьютер, телевидение, радио и др.), происходит определенного рода информационный кризис. Кризис проявляется в том, что хлынувший на современное общество поток информации настолько объемён, что сознание человека не может его оперативно обработать и критически оценить. Люди теряют способность ориентироваться в распространяемом СМИ избыточном информационном контенте, а предлагаемый к потреблению «информационный шум» затрудняет и делает невозможным восприятие действительно важной информации. Общество, активно потребляющее подобный информационный массив, не может обладать достоверной и полной информацией, что справедливо влечет за собой неполноценную рекогносцировку современных процессов и может иметь не поправимые для него последствия. Обширное и хаотичное информационное поле, представленное социуму для ознакомления, не дает возможности объемного видения событий, переводя все в плоскостной сиюминутный контекст, что создает благодатную основу для дальнейшего воздействия на него.

Речь идет о манипуляции сознанием общества. Ведущая роль в данном процессе отведена средствам массовой информации. Современные СМИ обладают широким спектром разнопланового открытого (скрытого), опосредованного и прямого информационного воздействия как на индивидуальное сознание человека, так и на сознание общества в целом. Происходит фактическое использование эмоций человека. «...Природа манипуляции состоит в наличии двойного действия – вместе с открытым сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата образы, нужные манипулятору. Это скрытое действие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мысли и поведение. Искусство манипуляции заключается в том, чтобы направить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» [9, с. 99]. Манипулятивные технологии используют с целью психологического, политического, коммерческого принуждения. По сути, манипуляция – это своего рода насилие, поскольку влияет на подсознание, искажает наше восприятие реальности, делает инструментом удовлетворения чужих потребностей, нивелирует нашу индивидуальность.

«Режиссером» подобного воздействия выступают современные СМИ, использующие информационные поводы и инспирирующие высокий градус тревожности, панические настроения, сравнимые с «информационной пандемией» в социуме. Средства массовой информации фактически «тестируют» человечество на его устойчивость к очередному «бинарному воздействию», направленному как на испытание психики, то есть, физиологического здоровья людей, а также, устойчивость социально-экономических институтов общества. Примером может служить опыт

«проживания» человечеством пандемии коронавируса, когда мы имеем возможность наблюдать, своего рода, глобальный «социальный эксперимент», показывающий силу информационного воздействия на глубины сознания и психику человека.

Инструментально осуществляемые информационные «вбросы» СМИ в эфир как по данной проблематике, так и по методологически отработанному ими сценарию, в целом, синхронны и одновременны. Оповещение общества об определенном событии осуществляется по всем теле-, радио-, Интернет каналам. Такие «вбросы» начинаются и заканчиваются, как правило, одновременно, что приводит к выводу о том, что тема инспирируется, открывается, а также закрывается именно СМИ. Интенсивность, экстенсивность, динамика и эмоциональный накал освещаемого события также регулируется ими, подготавливая сознание общества к восприятию любой, даже самой невероятной информации.

В этом контексте социальными учеными справедливо ставится вопрос об экстерналиях широко вводимого процесса цифровизации общества, ведущим направлением которого является содержательный и инструментальный тандем с современными средствами массовой информации. Результатом подобного взаимодействия становятся, так называемые, «цифровые девиации», а на уровне сознания – «цифровой дигитализм», влекущие за собой:

во-первых, негативное влияние современных СМИ и используемых ими технологий на сознание человека и качество его мыслительных процессов.

Происходит отучение человека от последовательной работы с информацией, требующей глубокой рекогносцировки и осмысления в угоду клиповому (поверхностному) мышлению, оперирующему краткой «справочной» информацией, предложенной СМИ. В результате формируются процессы отключения критического восприятия, общее снижение памяти, невозможности сосредоточиться на чем-то конкретном, рассеянность внимания и уменьшение творческой активности. Речь идет о замещении мыслительной деятельности человека «машиной», когда без ответственного напряжения он получает ответ, нажав на кнопку определенного устройства, и полностью «усваивает» без критической оценки уже подготовленный кем-то вариант информации. Также, происходит столкновение с, так называемой, виртуальной реальностью, где трудно различить иллюзию и действительность, что дополнительно создает у людей малоизученные неблагоприятные психологические проблемы.

На фоне подобного отучения общества критически и глубоко мыслить происходит рост угроз личностной дезадаптации, разрушение психического здоровья и как следствие - рост девиантного поведения в социуме. «...В последнее время все более начинает осознаваться новый (и, возможно, самый опасный) вид угроз – разрушение способов и форм идентификации личности в результате

длительного информационно-психологического воздействия, т.н. консциентальная война (от лат. *conscientia* – сознание), что означает переструктуризацию внутреннего мира личности» [10, с. 347]. На этом «...новом этапе борьбы предметом поражения и уничтожения являются определенные типы сознаний» [10, с. 347];

во-вторых, процессы управления социумом, осуществляемые через информационное воздействие СМИ. Интернет-пространство, телевидение, печатные издания и др., воздействуя на сознание социума, превращаются в инструмент скрытого управления обществом. В рамках созидательного контекста укрепления государственности, применяемые технологии воздействия на сознание человека далеко не новые и неоднократно использованы в позитивном ключе в советской истории. Речь идет о книгах, журналах, газетах, кинематографе т.д. В настоящее время технологии адаптированы к новому формату современной социальной реальности (телевидение, Интернет как аудиовизуальные каналы передачи информации). СМИ как официальный рупор идеологии государства, как это всегда и было, должны быть направлены на поддержание стабилизации социально-экономических и культурных процессов в обществе, а не на их расшатывание.

Подобные бифуркации чреваты для государства и не остаются без последствий, поскольку сложившаяся социальная реальность – «...это не что иное, как объективизация субъективной деятельности человека, который действует на основе укорененных в его сознании установок, диспозиций и мотиваций» [11, с. 16], с которыми и активно работают современные СМИ. В процессе ее конструирования «... сочетаются самые различные ориентации, ценности, установки, причем, таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают значимый характер» [12, с. 113]. Социальная реальность создается на основе глубоко субъективного миропонимания, опосредованного воздействием СМИ.

Но специфика деятельности современных СМИ, подчас, далека от созидательного начала. Создается впечатление, что за счет манипуляций с информацией и внесения хаоса в сознание социума идет целенаправленное управление социумом и формирование новой генерации запуганных негативными вбросами людей, податливо реагирующих на фоне «стрессированной психики» на любого рода «информационные команды». Подобного рода воздействие, как правило, имеет скрытый манипулятивный контекст, заключающийся в сознательной подмене устоявшихся духовно-нравственных ценностей и внедрении в сознание людей информации, содержащей укорененный внутри негативный контекст, нацеленный на культивирование чужеродных ценностей, разобщение [13, с. 251–258].

Современное общество вырабатывает, своего рода, психологическую зависимость от стрессовой информации.

На фоне активного потребления подобного контента человек на определенное время

успокаивается, «приняв» порцию негатива, что дает ему мнимое ощущение безопасности. Негласно в сознании, подготовленном СМИ к любому абсурду, действует установка: предупрежден – значит спасен.

При этом отсутствие критического осмысления информации автоматически отучает человека рационально мыслить. Массированное информационное воздействие формирует доверчивое, готовое к восприятию любой, никем не проверенной информации, сознание. Средствами массовой информации в настоящее время создано манипулятивное поле страха. На фоне происходящих событий пандемии примером может служить парадоксальная ситуация панических настроений, инспирированных СМИ в территориально отдаленных деревнях и поселках, никак не связанных с крупными мегаполисами. Глубинки страны, где плотность населения чрезвычайно низкая, а социальные контакты с внешним миром минимальны, не оперируют реальным положением дел. И «страшная виртуальная реальность» мегаполисов, транслируемая СМИ, становится их реальностью. Условия объективной территориальной и др. «изоляции» в условиях тотального воздействия СМИ не убеждают людей в собственной безопасности.

Этот процесс имеет дуальный характер. Люди интуитивно чувствуют фальшь и понимают, что информационные вбросы от СМИ, раскручивающих градус событий, не адекватны реальности. Но при этом общество остается пассивным, что, в свою очередь, трансформируется в ту или иную степень фрустрации и социальную дистанцированность, дезадаптацию. В крайних случаях проявляется агрессивность и протестные настроения.

Актуальные направления сохранения национальной безопасности страны. На фоне негативного информационного воздействия на сознание социума закономерно повышается уязвимость национальной безопасности страны. Данное направление ее сохранения не только закреплено на уровне действующих государственных стратегических документов [6; 7], но также исторически было взято под фактический и идеологический контроль государства.

Новейшая история России в рамках существования Союза Советских Социалистических Республик подтверждает именно государственный примат управления данной сферой в виде «железного и информационного занавеса», гарантировавшего населению страны сохранение психического здоровья и отсутствие негативного воздействия на его сознание в целом. В частности, речь идет о масштабных катастрофах, таких, как Кыштымская авария в закрытом г. Челябинск-40 (1957 г.), техногенные катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986 г.) и на Саяно-Шушенской ГЭС (2009 г.), по результатам ликвидации последствий которых государством были аккумулированы лучшие человеческие, научные, технические и экономические ресурсы, взяты под контроль СМИ и предотвращены панические настроения в обществе.

В рамках сохранения психического здоровья и, в целом, сознания социума от негативного информационного воздействия, а, следовательно, построения желательной для него социальной реальности целесообразно обратить пристальное внимание не только на ряд сформировавшихся тенденций, оказывающих негативное влияние на поддержание национальной безопасности страны, а также, задач, стоящих на перспективу перед современным обществом и государством:

1. *Формирование «...оборонного сознания у общества – иными словами, можно выразить как необходимость формирования в обществе сознания, которое должно охватывать военную, идеологическую, когнитивную, информационную и конфессиональную области существования социума. Но оборонное сознание само по себе не приходит, если не определены явные и скрытые противники»* [12, с. 31].

Современному обществу необходимо четко осознавать опасность для существования государства, общества, личности и научиться своевременно на них реагировать, оперативно отражать любые угрозы и уметь вовремя мобилизовать ресурсы. Ярким примером может служить предложенная Президентом Российской Федерации система превентивных мер в условиях мировой пандемии коронавируса.

Превентивно действовать необходимо на всех социетальных уровнях общества, но особо проявить бдительность стоит на «невидимых рубежах», требующих дополнительных знаний в области манипуляции сознанием, «...ведения информационных войн, политических технологий, включая теорию «управляемого хаоса», а также, принципов функционирования сетевых структур» [12, с. 31]. Ситуация осложняется тем, что в настоящее время массированное информационное воздействие на фоне либерализации СМИ активно включает технологии манипулирования сознанием общества с целью всеобщей дезориентации населения «...путем мимикрии угроз под «построение открытого гражданского общества», поощрение либеральных «реформ» и т.п.» [12, с. 31] и внедрения в сознание мнимого чувства заботы и опеки.

2. *Целенаправленная образовательная работа с будущими профессионалами в области средств массовой информации.* Системообразующими факторами современной социальной реальности являются образование и наука, но особое место отведено именно образовательным практикам. На стадии подготовки специалистов в области СМИ необходимо формировать у будущих профессионалов высокое чувство ответственности перед обществом, патриотическое начало и высшую степень гуманизма по отношению к людям. Также, в процессе образования целесообразно культивировать в сознании будущих специалистов ориентир на созидательный тренд с Правительством Российской Федерации, органами государственной власти.

В обществе ощущается тотальная нехватка высоких ориентиров, исторически транслируемых

СМИ как идеологическим рупором эпохи, консолидирующим общество. Чрезвычайно востребована работа не на разрушение, ложь и сложившиеся устои государственности, а на созидание и на социально ориентированный диалог с обществом.

Особого внимания требуют тематические подборки, освещаемые СМИ. Журналистов подчас справедливо сравнивают с «акулами пера», которые выхватывают сиюминутные события и случайных жертв из социума и транслируют «желтый» дискурс. Разумно в угоду мелкотемью и, так называемым, информационным поводам, нацеленным на погоню за сенсациями, взять курс на укрепление вертикали власти и выполнение ими своего гражданского долга перед страной и людьми.

3. *Запрос к изменению ценностных приоритетов в сознании общества и по освещению «современных героев» в деятельности СМИ.* Пандемия коронавируса поставила под вопрос сохранение вечных ценностей и приоритетов в обществе: сохранение жизни, семьи, духовного и физического здоровья и как следствие ценность поддерживающих их профессий.

К таким профессиям можно отнести труд врачей, педагогов, инженеров, военных, социальных и технических служб и др. т.е., труд тех профессионалов, которые в критической ситуации становятся надежным оплотом для сохранения безопасности государства, здоровья общества.

Сложившаяся ситуация ярко продемонстрировала «настоящих героев» страны, а не возведенных в ранг культа сиюминутных «звезд» экрана. В этом направлении существует большой запрос государству и обществу на консолидацию усилий по формированию типологии новых героев – созидателей, и ведущую роль в этом призваны сыграть именно современные СМИ. Создание образа новых, истинных героев – тружеников послужит подъему патриотизма в стране, укреплению устоев общества, воспитанию новой генерации социально ответственных перед обществом людей.

Заключение. Ключевые направления развития современной социальной реальности напрямую детерминируются деятельностью средств массовой информации и это подтверждает тот факт, что большинство войн и активных воздействий на общество ведется именно в информационной плоскости. Своего рода, «медийные атаки» трансформируют систему ценностей россиян, навязывая определенный уровень жизни, стереотипизируя сознание и создавая послушный для управления социум, руководствующийся сиюминутными страхами и не мыслящий стратегическими категориями. Данное воздействие приводит к необходимости заботы о безопасности его сознания.

Вопрос о безопасности сознания формирует новую «повестку» к практическим действиям как органов государственной власти, так и к обществу в целом. Существует необходимость всесторонней

адаптации человека к условиям жизнедеятельности в информационной среде, где гуманистическое и «вечные истины» вне времени и пространства все больше трансформируются под деятельностью СМИ и поглощаются электронно-цифровой инфраструктурой. Необходимо, с учетом научной аналитики, беспристрастно изучать современные информационные процессы и их сущность, а также, перейти на «безболезненное» для общества прогнозирование и социальное конструирование важнейших процессов.

Существует запрос на ужесточение цензуры и других мер, регулирующих деятельность СМИ, с учетом социально-гуманитарных последствий их

Литература:

1. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. 2012. № 5708(35). URL : <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.
2. Кареева С.Г. Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов / С.Г. Кареева, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 35–43.
3. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>
4. Кучерявый М.М. Национальная безопасность России в воздушно-космическом пространстве. Монография. СПб. : Изд. Северо-Западной академии государственной службы, 2009. 160 с.
5. Сергеева Т.Б. Словарь-справочник по философии для студентов лечебного педиатрического и стоматологического факультетов. Ставрополь, изд-во СтГМА, 2009. С. 119.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
7. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976). URL : <https://base.garant.ru/70830556/>
8. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. С. 99.
10. Горохов В.Г. Технологические риски: информационные аспекты безопасности общества / В.Г. Горохов, О.В. Сюнтюренко // Программные системы и вычислительные методы. 2013. № 4(5). С. 347.

деятельности. Также, встает вопрос о качествах и характеристиках самого современного общества, его способности к критической смысловой рекогносцировке преподносимого СМИ события, наличии адекватной оценки его содержания и разумной реакции на информацию.

Дальнейшая актуализация направления – «безопасность сознания общества» как важнейшего аспекта национальной безопасности страны позволит сохранить в наименее поврежденном состоянии психику будущих поколений и сознание людей как основы для построения желательной социальной реальности будущего.

Literature:

1. Putin V.V. To be strong – the guaranties for the Russian national security // Russian Newspaper. 2012. № 5708(35). URL : <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.
2. Karepova S.G. National security: tendencies, prospects, scientific and practical basis for the enhancement – indicator system / S.G. Karepova, A.N. Pinchuk, S.V. Nekrasov // Humanities, social-economic and social sciences. 2018. № 9. P. 35–43.
3. The Russian Presidential Decree of May 12, 2009 № 537 «On the national security strategy of the Russian Federation up to 2020». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>
4. Kucheryavyi M.M. Russia's national security in the aerospace. Monograph. SPb. : Publishing House of the North-West Institute of Management, 2009. 160 p.
5. Sergeeva T.B. A dictionary and reference book on philosophy for pediatric and stomatology faculty students. Stavropol, Publishing House of Stavropol State Medical University, 2009. P. 119.
6. The Russian Presidential Decree of December 31, 2015 № 683 «On the national security strategy of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
7. The Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of Russia on the 25th of December, 2014 № Pr-2976). URL : <https://base.garant.ru/70830556/>
8. The Federal Law «On security» of December 18, 2010 № 390-FZ (revised). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/
9. Kara-Murza S.C. Mind control. M. : Eksmo, 2005. P. 99.
10. Gorokhov V.G. Technological risks: information aspects of public safety / V.G. Gorokhov, O.V. Syunturenko // Software systems and computational methods. 2013. № 4(5). P. 347.

11. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве : коллективная монография. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 16.

12. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 113.

13. *Барсуков П.В.* Современные политические кризисы постсоветского периода как результат этнополитического дискурса «сети войн» / П.В. Барсуков, И.С. Карабулатова, С.В. Некрасов, С.Д. Галиуллина; Под ред.чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. // Миграционные мосты в Евразии: материалы VII междунар.науч.-практ. конф. «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылующих и принимающих стран», Москва-Ставрополь, 13–18 октября 2015 года. М. : Изд-во «Экон-Информ», 2015. С. 251–258.

14. *Полков В.Ю.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и задачи правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3(39). С. 31.

11. New social reality: system-creating factors, security and development prospects : collective monograph. M.; SPb. : Nestor-Historia, 2020. P. 16.

12. *Toshchenko Zh.T.* Sociology of life as a theoretical conception // Sociological studies. 2015. № 1. P. 113.

13. *Barsukov P.B.* Modern political crises during the post-Soviet period resulted in the ethno-political discourse «network wars» / P.B. Barsukov, I.S. Karabulatova, S.V. Nekrasov, S.D. Galiullina; edited by the corresponding member of RAS S.V. Ryazantsev // Migration bridges in Eurasia: proceedings of the VII International scientific-practical conference «The role of labour migration in the sending and receiving countries' socio-economic and demographic development», Moscow-Stavropol, October 13–18, 2015. M. : Publishing house «Ekon-Inform», 2015. P. 251–258.

14. *Popkov V.Y.* National Security Strategy of the Russian Federation and the tasks of law enforcement agencies // The proceedings of the Academy of Management of the Russian Interior Ministry. 2016. № 3 (39). С. 31.

Кудинова Ольга Дмитриевна
студентка,
Тульский государственный университет
ole4ka2la@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К РЕАЛИТИ-ШОУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается такое социальное явление, как влияние телевидения на ценностные ориентации личности, ведь в современном мире просмотр телевизора является одним из главных развлечений страны. Популярность приобрел такой жанр телевидения, как реалити-шоу, который имеет неоднозначные характеристики. Именно поэтому было проведено исследование, результаты которого были представлены в статье. Анализировались причины просмотра, отношение к реалити-шоу, оценивалась степень влияния.

Ключевые слова: средства массовой информации, телевидение, реалити-шоу, социальный феномен, влияние, причины просмотра, ценностные установки, оказываемый эффект.

В современной жизни радио, Интернет и телевидение оказывают значительное влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Сегодня человек находится под ежедневным влиянием огромной массы информации. Обновление социокультурного пространства в настоящий момент носит динамичный характер и не последнюю роль в этом играет телевидение.

Влияние телевидения на общество не является однозначным, так как оно также представляет собой инструмент манипулирования индивидуального и массового сознания. Для того, чтобы усилить создаваемый эффект, используются различные методы психологического воздействия на аудиторию, например, чрезмерная эмоциональная подача материала, использование стереотипов, наклеивание «ярлыков» [1]. Данные действия позволяют повысить мотивацию зрителя к активному просмотру телевизионных программ и формируют его отношение к событиям и героям информационных сообщений.

Вероятнее всего, в связи с использованием выше перечисленных эффектов реалити-шоу стал популярным во всем мире. Частная жизнь является специализацией данных программ. Многие критики и обычные зрители считают, что люди смотрят передачи такого рода только из-за того, чтобы удовлетворить инстинкт подглядывания. Это является одной из причин просмотра шоу. Однако, интерес к подобным шоу проявляется и в другом. Иногда человеку в принятии решений нужны

Olga D. Kudinova
Student,
Tula State University
ole4ka2la@mail.ru

THE ATTITUDE OF RUSSIANS TO REALITY SHOWS: RESEARCH RESULTS

Annotation. The article considers such a social phenomenon as the influence of television on the value orientations of an individual, because in the modern world watching TV is one of the main entertainments of the country. A television genre such as a reality show, which has ambiguous characteristics, has gained popularity. That is why a study was conducted, the results of which were presented in the article. The reasons for viewing, the attitude to the reality show were analyzed, the degree of influence was assessed.

Keywords: mass media, television, reality shows, social phenomenon, influence, reasons for viewing, value attitudes, effect.

советы и подсказки, а в виде таких обучающих программ и выступают реалити-шоу. Они способны создавать искусственную среду, похожую на настоящую, но тем не менее нереальную, потому что реальность не состоит из группы людей определенного возраста и которые думают лишь о том, как стать знаменитым. Реалити-шоу, таким образом, выполняют функцию обучения, демонстрации правил жизни в семье или обществе. «В основу сценария шоу заложен механизм ненавязчивого, почти неуловимого подталкивания зрителя: от неумения, незнания, непонимания к умению, знанию, пониманию» [2].

Как говорилось выше, просмотр телевидения является одним из главных развлечений страны. Однако, фильмы и сериалы уже не привлекают искушенного зрителя, и популярность приобрели реалити-шоу. В связи с этим важным является изучить степень влияния реалити-шоу на человека, также выявить его причины просмотра и проанализировать отношение в рассматриваемому явлению, на что и было направлено исследование. Оно проводилось в феврале 2020 года, было опрошено 15 респондентов: 8 женщин и 7 мужчин в возрасте от 21 года до 75 лет, проживающих в городе Тула методом глубинного интервью. В исследовании принимали участие люди различного рода деятельности: студенты, временно безработные, также респонденты, имеющие работу и пенсионеры.

Исследование было ориентировано на несколько направлений: определение целевой аудитории

реалити-шоу, выявление регулярности просмотра, определение причин просмотра, анализ отношения к рассматриваемому явлению, оценка степени влияния реалити-шоу на человека и его близких, а также выявление основных просматриваемых телеканалов и программ. Данные стороны рассматриваемого явления позволят довольно точно определить ситуацию, сложившуюся вокруг реалити-шоу.

Определение целевой аудитории реалити-шоу является довольно важным. В результате исследования было выявлено, что такой жанр телевизионной передачи как реалити-шоу охватывает практически всю возрастную категорию людей, различных сфер деятельности, их смотрят и мужчины, и женщины, каждый из опрошенных отметил, что он хотя бы раз, но смотреть программы данного рода. Это связано с тем, что телешоу обладает большим жанровым разнообразием для всех зрителей на любой вкус.

Так как каждый из опрошенных отметил, что, хотя бы раз он смотрел передачу, а некоторые смотрят с периодичностью, выделяются несколько типов просмотра реалити-шоу: периодический, ежедневный, просмотр в свободное время, просмотр передачи в связи с ее выходом или отсутствие просмотра в принципе. Эти варианты зависят от цели просмотра, от вида деятельности человека и других факторов.

Для того, чтобы понять, почему реалити-шоу в настоящее время пользуется большой популярностью среди зрителей, нужно выяснить, почему люди их смотрят. Существует довольно большое количество различных причин, по которым люди определяют, почему они смотрят то или иное шоу. Это может быть как обычное любопытство, развлечение, так и познание чего-то нового, получение полезной информации о различных сферах жизни. Реалити-шоу позволяет отвлечься от реальности, погрузиться в мир персонажей, а в некоторых ситуациях послужить примером правильного поведения. Но такой исход может зависеть исключительно от восприятия самого человека. Ведь реалити-шоу может оказать противоположный эффект и, наоборот, показать плохой пример для подражания. Важно воспринимать только нужную и полезную информацию.

Помимо определения причин просмотра, важным является выявление отношения в данному социальному феномену. В целом можно отметить неоднозначное отношение респондентов к программам реалити-шоу. С одной стороны, существуют полезные функции шоу, такие как познавательная, развлекательная, досуговая, а с другой – данные передачи, в большинстве своем, не содержат правильного наполнения, несут в себе примеры нездорового поведения, влияют на неокрепшие личности, отнимают свободное время. Это говорит о том, что люди не могут точно определить свое отношение к реалити-шоу. Скорее

Литература:

1. *Левицкая А.А.* Реалити-шоу как реклама образа жизни: медиаобразовательные аспекты //

всего, это зависит от того, каким каждый для себя видит реалити-шоу и какую тематику просматривает.

Без сомнений, реалити-шоу оказывает влияние на людей, но это может быть и положительное воздействие, и отрицательное. С одной стороны, зритель может получить определенный стимул к действиям, увидеть тот образец поведения, которому следовать не стоит, научиться чему-то на ошибках участников шоу, узнать новую полезную информацию об определенной сфере деятельности. С другой же стороны, реалити-шоу далеко не всегда носят познавательный характер, а скорее скандальный, где демонстрируется девиантное поведение, которое зритель может начать копировать. Реалити-шоу выполняет манипулятивную функцию и способны воздействовать на человека так, как это нужно создателям шоу в своих целях.

Также были проанализированы результаты перечисленных просматриваемых программ и телеканалов. В результате далеко не все названные телепроекты носят познавательный характер или обладают еще какими-либо полезными свойствами, это отмечают сами опрошенные. Респонденты уточнили, что многие из данных шоу они используют в качестве фона при выполнении своих дел. Основные страны-производители просматриваемых шоу – Россия, Украина, США. Опрошенные считают, что российские реалити не являются такими же качественными как американские в связи с большим развитием последних. В целом, на российском телевидении содержится большое число транслируемых передач, которые в настоящее время пользуются популярностью.

Таким образом, сегодня на российском телевидении существует множество разновидностей реалити-шоу. Реалити-шоу – качественно новое образование на территории масс-медиа, словесности, драматургии, театра, телевидения, пропаганды, идеологии, повседневности, в конце концов, культуры, которое стремительно, прочно, целеустремленно и необратимо для человека, как некой сложно организованной целостности, занимает одну из ведущих культурных позиций. Развлекательная составляющая российского электронного вещания занимает лидирующие позиции по зрительским симпатиям, а также по внедрению новых жанров и форматов [3]. Однако далеко не каждое шоу содержит в себе смысловую нагрузку, специализируются на показе чужой жизни. Большинство созданы для того, чтобы привлечь зрителей легкими путями, т.е. показать драки, скандалы, отклоняющееся поведение. Такие шоу не заставляют зрителя серьезно задуматься, не обогащают духовно. Они существуют для развлечения, для отвлечения внимания людей от проблем. Тем самым реалити-шоу воспитывают людей, которые способны только наблюдать за другими, забыв про собственную жизнь.

Literature:

1. *Levitskaya A.A.* Reality show as a way of life advertising: media educational aspects // Media

Медиаобразование. 2013. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/realiti-shou-kak-reklama-obraza-zhizni-mediaobrazovatelnye-aspekty> (дата обращения 09.01.2020).

2. Дондурей Д. Реалити-шоу: развитие жанра / Д. Дондурей, А. Дулерайн, Р. Петренко, Д. Троицкий // Искусство кино. 2005. № 11. С. 113.

3. Скворцов К.В. Роль и степень влияния телевидения в формировании ценностных ориентиров в социокультурном пространстве современного общества // Поиск: политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1(72). С. 128.

Education. 2013. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/realiti-shou-kak-reklama-obraza-zhizni-mediaobrazovatelnye-aspekty> (date of the address 20.03.2020).

2. *Dondurey D.* Reality show: development of the genre / D. Dondurey, A. Dulerain, R. Petrenko, D. Troitsky // *The Art of Cinema*. 2005. № 11. P. 113.

3. *Skvortsov K.V.* The role and degree of influence of television in the formation of value guidelines in the sociocultural space of modern society // *Search: politics. Social Studies. Art. Sociology. The culture*. 2019. № 1(72). P. 128.

Кузьменко Ирина Сергеевна
кандидат социологических наук,
Краснодарский университет МВД России
irina-kuzmenko909@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ КАТЕГОРИЙ СОЛИДАРИЗАЦИИ И ОБОСОБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается применение теории солидарности к области структурных процессов и к сфере межличностной коммуникации. Рассматриваются проблемы, связанные с обострением межличностных и межгрупповых конфликтов, исследуются основные факторы солидарности и основные аспекты ее нарушения, а также, категория «обособление» как противоположности солидаризации. Автором раскрывается значение социального сознания как области приложения процессов солидаризации и конфронтации, демонстрируется познавательная ценность противопоставления категорий « солидарность» и «обособленность» в рамках анализа факторов повышения солидарности.

Ключевые слова: солидарность, обособленность, общество, социально сберегающий принцип, деструктивные процессы, общественное сознание, социальная рефлексия, общественные институты.

В современном социальном знании категория «солидарность» относится к числу «заново открываемых» и представляет собой одну из наиболее общих в социальном знании. Это определяет высокую значимость исследования солидарности для общественных наук и одновременно является причиной сложностей логико-категориального характера. Затруднения, связанные с множественной трактовкой категории солидарности, стали причиной, на длительное время определившей отход от использования данной категории. Вместе с тем, солидарность как принцип не утрачивает своей актуальности. Более того – в условиях современной интенсификации социальных рисков все более актуальным становится исследование интегративных функций общества. Смысловое содержание теории солидарности оказало глубочайшее влияние на развитие социального знания, вместе с тем, сама по себе теория солидарности на длительный срок вышла за рамки теоретического осмысления. Поясняя данную ситуацию, А. Гофман отмечает, что солидарность выступает в качестве настолько широко трактуемой категории, что ее обширное применение в ряде областей гуманитарного знания привело к существенным затруднениям логико-категориального характера [1, с. 97–167.]. В этой

Irina S. Kuzmenko
Candidate of Sociological Sciences,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
irina-kuzmenko909@yandex.ru

VALUE OF THE THEORY OF SOLIDARITY IN THE MODERN WORLD IN THE CONTEXT OF OPPOSITION OF CATEGORIES OF A SOLIDARIZATION AND ISOLATION

Annotation. In article application of the theory of solidarity to area of structural processes and to the sphere of interpersonal communication is considered. The problems connected with aggravation of the interpersonal and intergroup conflicts are considered. Major factors of solidarity and the main aspects of its violation are investigated. The category of isolation as contrasts of a solidarization is investigated. The value of social consciousness as areas of application of processes of a solidarization and confrontation reveals. The informative value of opposition of categories of solidarity and isolation within the analysis of factors of increase in solidarity is shown.

Keywords: solidarity, isolation, society, socially preserving principle, destructive processes, public consciousness, a social reflection, public institutes.

связи частные аспекты теории солидарности получили развитие в социальном знании, в то время как центральная составляющая проблемы, связанная с определением сущностного аспекта солидарности, на длительное время оказалась «за бортом» социально-философской и социологической рефлексии.

В настоящее время проблема солидарности переживает своеобразное возрождение, и этому есть весомые причины на уровне социальной практики. Как справедливо отмечает А. Гофман, в области социального знания преимущественно исследуются проблемные состояния, в то время как позитивные аспекты социальной жизни раскрываются значительно менее глубоко. Вместе с тем, особенности текущей социальной практики позволяют поставить вопрос о нехватке солидарности, как интегрирующего, социально сберегающего фактора. Это, в свою очередь, заставляет обратить пристальное внимание на данный социальный принцип, его специфику, сущность, факторы проявления в общественной среде.

Понятие «солидарность» трактуется как отражение позитивного социального состояния, выраженного в общности участников общественных

отношений, осознании ими сопричастности интересов как в условиях различий в социальных признаках, так и в условиях сходства по ряду критериев [1, с. 97–167.] . И если механистическая солидарность, основанная на общности социальных признаков, представляет собой естественное (и исторически первичное) проявление единства членов общества, то солидарность, проявляющаяся в условиях неоднородности общества и многообразия типов социально-ролевой и статусной определенности, оформляется на более поздних этапах становления общества. При этом, как отмечает один из главных теоретиков проблемы солидарности Э. Дюркгейм, вторая форма солидарности, именуемая им органической [2], возникает, благодаря осознанию сложного аспекта совместной принадлежности представителей различных социальных групп к одной общественной структуре, интересы которой выступают для них в качестве одного из значимых приоритетов. В какой-то мере, можно судить о том, что органическая солидарность требует существенно более высокого уровня осознанности, нежели формирующаяся естественным образом механистическая солидарность, основанная на сходстве социальных признаков и, соответственно – принадлежности к одной и той же социальной группе.

Солидарность как объединение целей социального развития может быть рассмотрена на двух основных уровнях: функциональном и социальном-мировоззренческом. Путь рассмотрения, связанный с отражением функционального аспекта взаимодействия, реализован в рамках теории структурного функционализма, которая была разработана в опоре на классические теоретические позиции Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. В данном случае, солидарность рассматривается в аспекте системы социальных ролей, исторически складывающейся в обществе в результате реализации основных типов функциональных отношений. Рассматриваемая таким образом, солидарность выступает как консолидация усилий основных социальных акторов в поддержке общественной структуры.

Видными представителями школы структурного функционализма являются Р. Мертон и Т. Парсонс, рассмотревшие основные аспекты социально-ролевой и статусной определенности социальной активности, а также проанализировавшие значение основных функционально определенных элементов общества и основные принципы их развития и взаимодействия. Несмотря на общую познавательную ценность структурно-функциональной теории, последовательное ее развертывание в текущих условиях приводит к постановке вопроса о недостаточности внутренних механизмов регуляции основных структурных элементов общества для достижения гармоничной системы общественных отношений. Во многом это связывается с тем, что реализация установки на развитие, являющейся базовой для основных общественных институтов, производится значительно более интенсивно, нежели реализация установки на поддержание общественной структуры, что связано с повышением функциональной ориентации основных сфер общественной жизни на поддержку смежных общественных институтов. С точки зрения Т. Парсонса, функция по

регулированию взаимодействия основных общественных институтов должна осуществляться в рамках функциональной активности института государства [3]. Вместе с тем, как отмечает отечественный исследователь Н.В. Нарыков, в условиях глобализации политическое регулирование функциональных процессов все более затруднено [4]. Это позволяет поставить вопрос о нехватке солидарности на структурно-функциональном уровне.

Отдельного внимания заслуживает и то обстоятельство, что проблемы разобщенности охватывают не только область функционального взаимодействия, но также и сферу межличностной коммуникации. Все более частым явлением становится возникновение конфликтных ситуаций, связанных с актуализацией противоречий между носителями различных социальных признаков. В результате, с одной стороны, происходит учащение конфликтов между носителями различных социальных признаков (материальное положение, расовая или этническая принадлежность, вероисповедание, политическая позиция и т.д.). С другой стороны, эти конфликты приобретают более организованный характер, переходя на уровень межгрупповой конфронтации. К числу таких типов межгрупповой конфронтации можно отнести национализм, расизм, религиозный фундаментализм, - социальные установки, предполагающие конфликтные отношения к представителям иных социальных групп, выделяемых по определенному критерию. Налицо острая нехватка солидарности как объединяющего носителей различных социальных признаков принципа. Здесь как раз актуализируется второй из значимых аспектов солидарности – социально-мировоззренческий. Выше мы рассматривали социальные структуры и их согласованность как важный аспект солидарности. Ключевое значение в данном случае имеет вектор их активности, что реализуется за счет заложенных в институциональные структуры механизмов регуляции. Вместе с тем, активность отдельных участников общественных отношений также имеет преимущественную направленность, которая определяется, с одной стороны, внешним аспектом их социальной включенности (что отражает момент реализации отдельными людьми целей, заложенных в ту институциональную среду, в которую они включены), с другой стороны – их личными мировоззренческими установками. Именно это мы и подразумеваем, говоря о том, что солидарность определяется не только на структурном уровне, но также – и на уровне мировоззренческих характеристик членов общества. В зависимости от того, каковы основные установки мировоззрения членов общества, можно судить либо о тенденциях консолидации членов общества, либо, напротив, о нарастании противоречий между ними. Это обращает нас к более подробному рассмотрению вопроса о социальном мировоззрении и его роли в формировании конструктивных и деструктивных форм социального взаимодействия, иными словами – в установлении или нарушении принципов социальной солидарности.

Социальное мировоззрение – это сложная система представлений об окружающей общест-

венной реальности, сочетающая в себе как отображение структуры общества и принятых в нем отношений, так и область социальных ценностей, отражающую момент значимости каждого конкретного явления. Таким образом, на уровне мировоззрения задаются основные координаты социальной активности, при этом, уже существующие предпосылки мировоззрения способствуют, в том числе, оценке нового социального опыта. Соответственно, могут существовать как конструктивные установки мировоззрения, способствующие установлению гармоничной системы взаимодействия, так и деструктивные, ориентированные на разобщение членов общества.

На данном этапе целесообразно рассмотреть вопрос о том, какая форма социального мировоззрения противостоит принципу солидарности. Для того, чтобы пояснить важность этого аспекта, отметим, что солидарность, как интегративный социальный принцип, предполагает момент общности, объединения различных членов общества. Ключевым в данном случае является объединение, кооперация членов общества, установление между ними конструктивного взаимодействия. Вне зависимости от того, какой принцип солидарности имеет место (механистическая или органическая), солидарность предполагает прямую или опосредованную общность интересов, что определяет возможность сотрудничества и координации усилий членов общества. В смысловом плане противоположностью общности является обособление, которое определяет противопоставление интересов личности (или социальной группы) интересам социальной среды, в которой она существует. Таким образом, мы можем вывести на первоначальном уровне оппозицию «солидарность – обособление», характеризующую варианты формирования социальных отношений.

Следует отметить, что оппозиция «солидарность – обособление» присутствует как на уровне структурного взаимодействия, так и в области межличностных отношений. Если рассмотреть в этом плане проблемы, связанные с чрезмерной замкнутостью основных общественных институтов на целях развития и роста, в ущерб поддержке смежных социальных сфер, несложно заметить, что основные деструктивные последствия связаны именно с обособлением социальных институтов, недостаточном принятии на их уровне общесоциальных интересов. В этом плане приоритетными представляются социальные сдвиги, связанные с введением в область приоритетов функциональных структур внешних для них интересов смежных областей общественной жизни. Так, например, в ряде обществ формируется и активно продвигается идея социальной ответственности бизнеса, что представляет собой нечто иное, как расширение спектра векторов активности функциональной сферы экономики. Подобного рода процессы, несколько замедляя

развитие взятых по отдельности общественных институтов, в совокупности, могут существенно способствовать их солидаризации, что имеет немалое значение в контексте общей задачи по гармонизации общественных отношений.

Точно так же на уровне межличностных отношений мы можем наблюдать либо момент обособления и противопоставления, либо момент общности. Одним из ключевых аспектов формирования солидарности выступает ракурс, в котором рассматриваются общественные отношения. Поясняя данное положение, следует отметить, что одно и то же явление может быть рассмотрено как в разрезе его прямых последствий для участника общественных отношений, так и на уровне системы общественных отношений, что характеризует микро- и макроуровни социального взаимодействия. И в этом плане некоторые явления могут одновременно восприниматься как негативные на микроуровне и позитивные на уровне макросоциального взаимодействия, что, опосредованно, может, в том числе, улучшить социальное положение отдельных членов общества, испытывающих на себе его первоначальное негативное проявление. В зависимости от того, какой масштаб приобретает социальная рефлексия, мы можем наблюдать либо негативный отклик, выраженный как непосредственная реакция на определенное неблагоприятное обстоятельство, либо нейтрально-положительный социальный отклик, связанный с осознанием целостной картины. Рассматривая это с точки зрения определенной нами смысловой связки «солидарность – обособление», отметим, что для индивидуалистической позиции, либо для выделения в качестве приоритета интересов отдельной социальной группы, характерно сужение области рассмотрения общественных процессов непосредственно до тех, которые затрагивают интересы личности или группы, что характеризует узкий взгляд на общество, предрасположенный к развитию конфликтных сценариев. И, напротив, при осознании широкой степени общности с участниками общественных отношений по критерию общей социальной включенности реализуется рассмотрение социальных процессов в существенно более широком ключе, что определяет более объективное рассмотрение общественных процессов и, соответственно, способствует снижению конфликтности в обществе. Это немаловажно, поскольку речь идет о сфере мировоззрения, область причин и следствий в данном случае условна, поскольку исходные установки мировоззрения задают предпосылки социального восприятия, в то время как характер воспринимаемого социального знания влияет на основы мировоззренческой позиции. По этой причине расширение поля общественного сознания может быть рассмотрено не только как важный признак солидаризации, но также и как один из путей ее достижения.

Литература:

1. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман; Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко // Социологический ежегодник

Literature:

1. Hoffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? About two forms of social integration / A.B. Hoffman; Edition N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko // the Sociological year-book of 2012. coll.

2012. Сб. научных трудов. М. : ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013.

2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда; Метод социологии / Э. Дюркгейм, А.Б. Гофман, В.В. Сапов; Пер. с фр. М. : Наука, 1991.

3. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998.

4. *Нарыков Н.В.* К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. № 6-1.

scientific works. М. : INION of RAS; Department of the general sociology of Higher School of Economics National Research University, 2013.

2. *Durkheim E.* About division of social activities; Sociology Method: transl. from fr. / E. Durkheim, A.B. Hoffman, V.V. Sapov. М. : Science, 1991.

3. *Parsons T.* The system of modern societies / Transl. from English. L.A. Sedova and A.D. Kovalyova. Under the editorship of M.S. Kovalyova. М. : Aspect Press, 1998.

4. *Narykov N.V.* To a question of definition of factors of an intensification of modern political processes // ISOM. 2014. № 6-1.

Михалева Ольга Владимировна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Владимирский
государственный университет
denisovaolga@inbox.ru

Зыков Даниил Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна
старший преподаватель
кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется трактовка дефиниции «межкультурная компетентность», а также рассматриваются цифровые технологии и ресурсы, способствующие формированию данной компетентности, которая является одной из составляющих профессиональной компетентности будущих бакалавров в условиях цифровизации образования. Особое внимание авторами уделяется рассмотрению этапов формирования данной компетентности, а также, формам, методам и средствам, которые являются основой формирования не только личностных качеств будущих бакалавров, но и их способностью использовать цифровые ресурсы в процессе саморазвития. Выявлены принципы, способствующие формированию межкультурной компетентности в условиях цифровизации общества, а также, функции, которые должен выполнять преподаватель при организации образовательного процесса.

Ключевые слова: бакалавр, личностные качества, межкультурная компетентность, образовательный процесс, профессиональная компетентность, цифровизация образования, цифровые образовательные технологии.

Olga V. Mikhaleva
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
of Professional Communication,
Vladimir State University
denisovaolga@inbox.ru

Daniil A. Zykov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service Executions
of Punishments of Russia
daniilzykov@mail.ru

Yana B. Komarova
Senior teacher
Departments of the Theory
and the History of the State and the Law,
Vladimir Legal Institute
Federal Service Executions
of Punishments of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Annotation. The article analyzes the interpretation of the definition of «intercultural competence», and also considers digital technologies and resources that contribute to the formation of this competency, which is one of the components of professional competence of future bachelors in the context of digitalization of education; special attention is paid to the consideration of the stages of formation of this competency, as well as the forms, methods and tools that are the basis for the formation of not only the personal qualities of future bachelors, but also their ability to use digital resources in the process of self-development. Identified the principles that promote the formation of intercultural competence in the context of digitalization of society, and functions that a teacher should perform in organizing the educational process.

Keywords: bachelor, personal qualities, intercultural competence, educational process, professional competence, digitalization of education, digital educational technologies.

Процесс профессиональной подготовки будущих бакалавров предполагает не только овладение компетенциями, закрепленными в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по каждому направлению подготовки, но и формированию и становлению системы ценностных ориентиров в потоке информации в условиях цифровизации общества.

Безусловно, межкультурная компетентность является неотъемлемой частью не только профессиональной компетентности будущего бакалавра, но и его характерологической особенностью, которую важно сохранить в современном цифровом мире.

Анализ научных исследований, посвященных определению данной дефиниции, а также использование цифровых образовательных технологий, направленных также на формирование искомой компетентности, позволяет нам определить ее как знания, умения, навыки и опыт их применения для осуществления эффективной коммуникации в ситуациях межкультурного взаимодействия между представителями различных культур, характеризующаяся межкультурной сензитивностью и конструктивностью [2].

На сегодняшний день существует множество трактовок термина «межкультурная компетентность». Впервые в отечественной социологии педагогики термин «межкультурная компетентность» появился в конце 1990-х годов. Данная дефиниция выступала показателем готовности индивида успешно осуществлять межкультурную коммуникацию, которая являлась и является важным компонентом новой образовательной парадигмы. Очень часто исследователи трактуют межкультурную компетентность как процесс или способность человека вести равноправный диалог культур, который зачастую происходит в рамках несовпадающих национальных стереотипов коммуникативного поведения и мышления.

Мы разделяем точку зрения А.Н. Писаренко, которая рассматривает межкультурную компетентность не только как одну из профессиональных составляющих будущего специалиста, но и как о личностное качество, необходимое специалисту любого профиля с целью осуществления профессионального взаимодействия с представителями различных этносов [5, с. 14].

Т.Г. Стефаненко, определяя «межкультурную компетентность», отдаёт предпочтение понятию «умение», добавляя «позитивное отношение». «Межкультурная компетентность – это не только позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп, но и умение понимать их представителей и взаимодействовать с партнёрами из других культур, как в бытовых так и в учебных ситуациях» [7, с. 319].

Проведя анализ существующих определений, мы можем говорить о том, что межкультурная компетентность является конгломератом не только общекультурных компетенций, предусмотренных ФГОС ВО для будущего бакалавра, но и его

личностных качеств, необходимых для осуществления грамотной профессиональной деятельности, выполняющего очень часто роль медиатора культур. Данная компетентность является основой профессионализма и мастерства, к которым мы также относим оперативность, гибкость, адаптивность к изменяющимся реалиям в сфере межкультурного общения [1]. Также, мы можем говорить о том, что межкультурная компетентность выполняет определенные функции:

- культурносоциальная (наличие знаний о вариативности культур);
- ценностная (наличие совокупности знаний о ценностных ориентирах необходимых для межкультурного общения);
- нормативная (знания о правилах и нормах поведения (профессиональная этика) в процессе межкультурного общения).

Процесс формирования межкультурной компетентности с помощью цифровых технологий и ресурсов образовательной организации, который предполагает наличие культурологических знаний, ценностных ориентиров, норм поведения присущих той или иной иноязычной культуре, происходит через:

- анализ цифрового контента содержащего социокультурные и страноведческие аспекты;
- сравнительный анализ ценностных ориентиров различных этносов;
- выполнение проектных заданий по изучению иноязычной культуры, представленных в цифровом формате (Power Point, Prezi, виртуальный стенда, Mind Mapping);
- проведение конференций в режиме онлайн по различным культурным тематикам (проблемы возникновения и нивелирования стереотипов).

Цифровые ресурсы рассматриваются нами как обучающие материалы, используемые в образовательном процессе вуза и представленные в цифровом формате (онлайн курсы, виртуальные лаборатории, онлайн платформы и др.).

Процесс формирования межкультурной компетентности будущих бакалавров представляет собой ряд этапов, направленных на формирование исследуемого нами явления с помощью цифровых технологий:

- осознание культурных особенностей поведения индивида, в целом;
- формирование системы знаний об отечественной культуре;
- выявление значимых культурных феноменов в процессе коммуникативного взаимодействия с представителями различных этносов.

Выделенные нами этапы актуализируют процесс индивидуального развития будущих бакалавров, приводящий к модификации его поведенческой

стратегии, детерминированной принятием культурно-специфических моделей поведения представителей иных культур.

Наше исследование показало, что процесс формирования межкультурной компетентности также предполагает формирование определенных личностных качеств будущего бакалавра:

1) толерантность, которая проявляется в способности будущего бакалавра решать проблемы общекультурной и профессиональной направленности, не прибегая к агрессивным поведенческим паттернам;

2) способность к состраданию, проявляющаяся в обмене эмоционально-чувственными переживаниями с собеседником, желанием понять его состояние и учесть в конструктивном диалоге и поведении, что позитивно сказывается на процессе коммуникации;

3) стрессоустойчивость, которая выражается в способности грамотно решать проблемы профессионального характера в процессе межкультурного взаимодействия;

4) способность к самокритике, проявляющаяся в наличие навыков дифференцированно перерабатывать амбивалентную предыдущему опыту информацию [6].

Мы полагаем, что для осуществления эффективного межкультурного взаимодействия необходимо не только хорошо владеть языком, но и уметь быстро ориентироваться в процессе межкультурного общения с целью нивелирования конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть из-за незнания культурных и языковых особенностей различных этносов.

Анализируя исследования отечественных и зарубежных ученых в сфере определения содержания межкультурной компетентности, мы пришли к выводу о том, что они дифференцируют аффективные, когнитивные и поведенческие характеристики.

Межкультурная парадигма в процессе обучения будущих бакалавров направлена на то, чтобы сформировать у обучающегося систему ценностных ориентиров. Так как современные цифровые ресурсы, цифровой контент и цифровые технологии оказывают существенное влияние на мышление, ценностные ориентации, установки обучаемых, что, в свою очередь, может привести к существенным изменениям, в том числе, и в системе отношений в обществе [3].

С целью формирования у будущих бакалавров межкультурной компетентности, преподаватель сам должен обладать опытом не только межкультурного взаимодействия, но и опытом решения межкультурных конфликтов.

Межкультурное обучение будущих бакалавров происходит на основе чередования как активных, так и интерактивных форм, методов и средств обучения, что, в свою очередь, предполагает

формирование коммуникативной и интерактивной компетенций.

В основе коммуникативной компетенции лежат знания о родной культуре, родном языке, его речевых особенностях, умения осуществлять межкультурное общение и вести грамотный диалог адекватный ситуации.

Интерактивная компетенция предполагает наличие знаний, умений и навыков использовать цифровые ресурсы не только для осуществления межкультурной коммуникации, но и для анализа цифрового контента, например, использование устойчивых словосочетаний в процессе диалога присущих определенным этносам.

С целью формирования коммуникативной и интерактивной компетенций, которые по нашему мнению входят в состав межкультурной компетентности, мы использовали ряд цифровых технологий:

1) студенческие форумы межкультурной направленности (возможность межкультурного общения с представителями различных этносов в режиме онлайн);

2) цифровой контент (анализ средств массовой информации с целью выявления национальной и культурной специфики);

3) онлайн упражнения (направлены на формирование у студентов определенных коммуникативных моделей для решения как общекультурных, так и профессиональных задач).

Межкультурное обучение и воспитание будущих бакалавров может быть успешно осуществлено, если все участники образовательного процесса (обучающий, обучаемый и цифровой ресурс) будут взаимодействовать между собой, а именно, обмен информацией, знаниями, опытом необходимыми для профессионального роста и личностного развития будущего специалиста в той или иной отрасли [4].

Безусловно, сам преподаватель также должен выполнять ряд функций с целью формирования у своих студентов межкультурной компетентности. В этой связи на первый план выходят функции, которые должен выполнять непосредственно сам преподаватель в процессе обучения, подготовки и воспитания будущих кадров.

Обучающая, воспитывающая, организующая и исследовательская функции педагога должны восприниматься как симбиоз, особенно это касается преподавания аспектов связанных с межкультурной коммуникацией.

В процессе организации своей профессиональной деятельности направленной на формирование межкультурной компетентности в условиях цифровизации образования, преподаватель опирается на ряд принципов. Среди множества принципов мы особо выделяем следующие:

1) принцип вариабельности;

- 2) принцип конструктивного диалога со студентами;
- 3) принцип системности знаний;
- 4) принцип креативности;
- 5) принцип рациональности.

Преподаватель, использующий в своей профессиональной деятельности цифровые технологии и ресурсы с целью формирования у обучающихся межкультурной компетентности, должен не только максимально проявить творческий подход к проведению занятий с использованием

Литература:

1. *Зыков Д.А.* Подготовка бакалавров в условиях цифровизации / Д.А. Зыков, О.В. Михалева // *Modern Science*. 2019. № 11-3. С. 247–249.
2. *Михалева О.В.* Формирование компетенций у будущих бакалавров в условиях цифровой образовательной среды вуза / О.В. Михалева, Д.А. Зыков // *Педагогический журнал*. 2019. Т. 9. № 1-1. С. 178–184.
3. *Морозов А.В.* Проблема информационной безопасности личности в условиях цифрового образовательного пространства // *Ученые записки ИУО РАО*. 2018. № 4(68). С. 90–94.
4. *Морозов А.В.* Профилактика интолерантности в студенческой среде как одно из условий разрешения межкультурных проблем / А.В. Морозов, О.В. Михалева // *Формирование гражданской устойчивости как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Казань : АСО, 2017. С. 208–210.
5. *Писаренко А.Н.* Формирование профессиональной межкультурной компетентности студентов : дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2011. 202 с.
6. *Рот Ю.* Межкультурная коммуникация: теория и тренинг. учеб.-метод. пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. М. : ЮНИТИ : ЮНИТИ – Дана, 2012. 223 с.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этонпсихология: Практикум. М., 2004. 389 с.

мультимедийных технологий, но и развивать у студентов систему ценностей, формировать их мировоззрение.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что процесс формирования межкультурной компетентности будущего бакалавра в условиях цифровизации образования не сводится только лишь к наличию знаний о родной стране, ее культуре и языке. Применение цифровых технологий и ресурсов позволяет не только осуществлять межкультурный диалог в цифровом формате, но и делает обучающихся более восприимчивыми и открытыми к новой культуре, и, как следствие, к новым межкультурным контактам.

Literature:

1. *Zykov D.A.* Training of bachelors in the conditions of digitalization / D.A. Zykov, O.V. Mikhaleva // *Modern Science*. 2019. №. 11-3. P. 247–249.
2. *Mikhaleva O.V.* Formation of competencies for future bachelors in the conditions of the digital educational environment of the University / O.V. Mikhaleva, D.A. Zykov // *Pedagogical magazine*. 2019. Vol. 9. № 1-1. P. 178–184.
3. *Morozov A.V.* The Problem of information security of the individual in the conditions of digital educational space // *Scientific notes of IUO RAO*. 2018. № 4(68). P. 90–94.
4. *Morozov A.V.* Prevention of intolerance in the student environment as one of the conditions for solving cross-cultural problems / A.V. Morozov, O.V. Mikhaleva // *Formation of civil stability as a factor in countering the ideology of extremism and terrorism: Materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan : ASO, 2017. P. 208–210.
5. *Pisarenko A.N.* Formation of professional intercultural competence of students : dis. ... cand. ped. nauk. Saratov, 2011. 202 p.
6. *Roth Yu.* Intercultural communication: theory and training. ucheb.-method. manual / Yu. Roth, G. Kopteltseva. M. : UNITY : UNITY – Dana, 2012. 223 p.
7. *Stefanenko T.G.* Etonpsychology: Practicum. M., 2004. 389 p.

Осадчая Галина Ивановна

доктор социологических наук,
профессор,
руководитель,
Центр исследования процессов
евразийской интеграции Института
социально-политических исследований –
обособленного подразделения
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
osadchaya111@gmail.com

Селезнёв Игорь Александрович

кандидат социологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
Центр исследования процессов
евразийской интеграции
ИСПИ ФНИСЦ РАН
igdrake@yandex.ru

Киреев Егор Юрьевич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Центра исследования процессов
евразийской интеграции
ИСПИ ФНИСЦ РАН,
доцент кафедры социологии,
Российский государственный
социальный университет
yegorkireev@gmail.com

Черникова Анна Андреевна

младший научный сотрудник,
Центр исследования процессов
евразийской интеграции
ИСПИ ФНИСЦ РАН
aannyu@yandex.ru

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ СТРАН ЕАЭС
И ОДКБ (К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ).**

■ ■ ■
Аннотация. В отечественной социологии присутствует ряд работ, посвященных рассмотрению памяти о Великой Отечественной войне и осмыслению Великой Победы как опорного символа истории России, роли РПЦ в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне и т.д. В статье анализируются результаты социологического исследова-

Galina I. Osadchaya

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head,
Center of a research of processes
Eurasian integration of Institute
Socio-political research – a separate unit
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
(ISPR FCTAS RAS)
osadchaya111@gmail.com

Igor A. Seleznev

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Leading researcher,
Center of a research of processes
Eurasian integration
ISPR FCTAS RAS
igdrake@yandex.ru

Egor Yu. Kireev

Candidate of Sociological Sciences,
Senior research associate
Center of a research of processes
Eurasian integration
ISPI FNISTS OF RAS,
Associate Professor
Departments of Sociology,
Russian State Social University
yegorkireev@gmail.com

Anna A. Chernikova

Junior researcher,
Center of a research of processes
Eurasian integration
ISPI FNISTS OF RAS
aannyu@yandex.ru

**THE GREAT VICTORY
AND THE FORMATION
OF THE HISTORICAL MEMORY
OF THE YOUTH OF THE EAEU
AND CSTO COUNTRIES
(TO THE 75th ANNIVERSARY
OF THE VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR).**

■ ■ ■
Annotation. In the national sociology there are a number of works dedicated to the consideration of the memory of the Great Patriotic War and the understanding of the Great Victory as a supporting symbol of the history of Russia, the role, the Roc in preserving the historical memory of the Great Patriotic War, etc. The paper analyzes the results of a sociological survey

ния исторической памяти молодых граждан государств-участников евразийской интеграции. Авторы показывают особенности представлений молодёжи постсоветских стран о Великой Отечественной войне, восприятии ими Великой. На основании выводов о взаимосвязи этих духовных процессов с перспективами евразийской интеграции даются рекомендации.

Ключевые слова: социологическое исследование, молодежь, постсоветские государства, ЕАЭС, ОДКБ, евразийская интеграция, историческая память, Великая Отечественная война, Великая Победа.

В отечественной социологии присутствует ряд работ, посвященных рассмотрению памяти о Великой отечественной войне и осмыслению Великой Победы как опорного символа истории России [3]; роли, РПЦ в сохранении исторической памяти о Великой отечественной войне [2]; анализу эволюции массового сознания молодежи по отношению к таким понятиям, как «героизм», «самопожертвование во имя Родины», «сохранение памяти о подвигах наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне», складывавшихся годами нравственных ценностей народа [14]¹.

Что касается постсоветских государств, то к примеру, в 2019 г. НАН Беларуси провела научную конференцию, где немалое внимание было уделено исторической памяти о Второй мировой войне [7]. Среди опубликованных казахстанскими исследователями статей в интерес представляют работы, посвященные исследованиям культурной памяти и мемориализация Великой Отечественной войны в Казахстане и других постсоветских государствах [4], в том числе, на коммеморативных практиках и гендерном аспекте [5] или факторам поведенческой мотивации воинов казахских национальных воинских формирований в РККА в годы войны [1].

За последние годы Россия столкнулась с настоящим информационным противоборством по поводу исторической правды о Второй мировой войне. Тут и «борьба с памятниками», и фальсификация исторических событий и попытки стереть память о Советском Союзе как державе-победительнице, вошедшей в число архитекторов послевоенного мира и разрушить связь между поколениями. Под предлогом «сохранения исторической памяти для будущего Европы» такие попытки фальсификации звучат как в заявлениях отдельных европейских политиков, так и в резолюции Европарламента. И попытки «удобной модификации» историографии войны во многих странах встают в этот ряд.

Многие бывшие советские республики участвуют в евразийской интеграции и связаны союзническими отношениями в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [10,

of the historical memory of young citizens of the member States of the Eurasian integration. The authors show the peculiarities of the post-Soviet youth's ideas about the Great Patriotic War and their perception of the great war. The paper includes the recommendations based on the conclusions about the relationship of these spiritual processes with the prospects of Eurasian integration.

Keywords: sociological survey, youth, post-Soviet States, EAEU, CSTO, Eurasian integration, historical memory, Great Patriotic War, Great Victory.

с. 141, 143, 146; 12, с. 16–23]. И коллективная солидарность в сохранении исторической памяти и связи между поколениями, в противодействии фальсификациям истории Второй мировой войны может стать эффективным ответом на вызов. На саммите лидеров стран СНГ в Ашхабаде (октябрь 2019 г.) было принято совместное обращение к народам мира в котором осуждаются любые попытки фальсификации истории и искажения итогов Второй мировой войны [8]. Страны-участницы ОДКБ и ЕАЭС не только поддержали в ООН российский проект резолюции по борьбе с героизацией нацизма, но и стали ее соавторами [11].

Поскольку Победа была важнейшим событием в истории СССР, то можно предположить, что историческая память о войне служит для общественного сознания в качестве связующей нити интеграционных процессов, поэтому изучение исторической памяти потомков победителей в Великой Отечественной войне становится интересной и научно актуальной задачей. Специалисты полагают, что субъективное время изучается через выяснение мнений о нём различных социальных групп [13, с. 179].

Так, какова историческая память представителей молодых поколений постсоветских стран о Победе 1945 года? Для выяснения этого коллективом Центра исследования процессов евразийской интеграции ИСПИ ФНИСЦ РАН было проведено социологическое исследование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции путем проведения серий качественных интервью с представителями молодых поколений граждан Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Молдовы, Таджикистана, проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве.

Опрошено 490 человек с использованием случайной выборки, по 70 информантов из каждой группы, отобранных методом снежного кома. В качестве эмпирического объекта исследования выступает молодежь, относящаяся к представителям поколения «миллениалов» и «постмиллениалов» (18–38 лет).

Методологическую основу исследования составили идеи и концепции социальной памяти

евразийской интеграции: структура, состояние и механизмы формирования».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00899 «Социальная память молодежи государств-участников

М. Хальбвакса [15], А. Ассмана [16], М. Хирш [9], [18], Я. Зерубавель [6], Х.-А. Хайнриха [17], П. Норра [19].

Под «социальной памятью молодежи государств-участников евразийской интеграции» авторами работы понимается актуальная социальная информация о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции.

По результатам исследования, на первом месте среди упомянутых информантами исторических событий была названа Победа СССР во Второй мировой войне. Это событие сохраняется в памяти всех обществ и отмечено 2/3 информантов. В нарративах описываемых Великая Отечественная война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль Советского Союза и вклад каждой республики СССР в победу над фашизмом. Отмечается героизм всех защитников Родины, внесших вклад в общую победу. Респонденты упоминали своих родственников, участников войны и трудового фронта. Характерным эпизодом стало упоминание героев - уроженцев той или иной Союзной республики их сегодняшними молодыми соотечественниками.

Упоминания о Великой Отечественной войне проходят и в ответах на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента. В своих ответах, значительная доля опрошенных из разных постсоветских государств обращала внимание на то, что перед лицом агрессии государство показало свою устойчивость и мощь, а народ — силу духа и сплоченность в достижении единой цели — Победы.

Характерные высказывания от представителей всех стран:

«Россия и Армения в те годы были одной страной — СССР. И я считаю, что как бы тут сложно разделять, кто сделал больше для победы в этой войне. Я считаю, что это была одна страна и эта страна победила в войне. (Артур, 31 год, Армения)».

«Вторая мировая объединила все народы СССР против одного врага, что и помогло общими усилиями одержать победу. Это событие самое главное, что могло случиться с Советским Союзом, ведь оно сплотило все народы». (Матвей, 20 лет, Беларусь)».

«Казахстан являлся союзной страной, так что это прямое отношение. Сплочённость народа, все вместе воевали за одну идею — победить фашистов». (Марат, 26 лет, Казахстан)».

«Сложно выделить Киргизию отдельно от СССР, потому что участвовали, воевали все и поэтому победили фашизм. Все имели одну

цель, сплотились, друг за друга бились. Это непростое время для любой страны, которая участвовала в войне. Конечно, наша страна тоже понесла потери, моя семья в частности. Это общая горе и общая победа». (Исмаил, 31 год, Киргизия)

«СССР, безусловно, сыграл важнейшую роль в противостоянии с фашистскими захватчиками. Молдавская ССР вступила в войну одной из первых, но к сожалению была вынуждена отступить под напором Гитлера. Зато после освобождения, продолжила оказывать значительную поддержку советским войскам, поставляя продовольствие и ремонтируя технику». (Жанна, 25 лет, Молдавия)».

«...по поводу роли Советского Союза, то она, конечно, глобальная. Советский Союз выиграл эту войну не дав фашистам завоевать мир». (Данила, 19 лет, Россия)».

«Во время войны Таджикистан входил в состав СССР и поэтому как только фашисты напали, очень много наших солдат отправилось на защиту нашей родины, так же больше ста человек присутствовали при захвате Брестской крепости». (Зарина, 20 года, Таджикистан)».

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников, как на личном, так и государственном уровне, с помощью которых в обществах закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Практически все информанты из разных государств постсоветского пространства празднуют День Победы — это наиболее часто упоминаемый праздник.

«Я отмечаю 9 мая в кругу семьи. Эта дата напоминает мне о Победе, о заслуге предков. Эта победа и сегодня объединяет наши страны». (Азамат, 22 года, Казахстан)».

Согласно интервью, во всех обществах семья выступает ведущим каналом в сохранении исторической памяти о войне и Победе и передаче её следующим поколениям.

«В моей семье воевал мой дед. Я его никогда не видел, но отец рассказывал то, что слышал от моего деда. Отношение было полностью позитивное. Мы победили врага и после этого жили все в счастье и благополучии. На войне было трудно, но это и было то единство, которое существовало в СССР». (Батырхан, 32 года, Казахстан)».

«Победили, прогнали фашистов, защищали Родину как могли, молодцы! Уходили на фронт и деды, и бабули, много у кого в семьях уходили. Я считаю это частью истории и моей страны и моей семьи в том числе». (Карина, 20 лет, Армения)».

Таким образом, опрошенные выразившие негативные коннотации оказались в подавляющем меньшинстве во всех постсоветских республиках (по 1–4 информанта из 50).

Теперь рассмотрим специфические особенности ответов респондентов по странам.

Подавляющее большинство ответов граждан Армении отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне (39 опрошенных из 50). Сама Победа, по мнению информантов – одно из самых значимых событий в истории XX века.

«Я считаю, что мы, как молодые, будущее поколение, как России, так и Армении в том числе, мы, во-первых, обязаны гордиться тем, что мы выиграли войну, я считаю, что именно вот это вот качество объединенности, то, что в этот момент людей не разделяли на национальность, вероисповедание, это объединило нас и это сыграло ключевую роль в исходе войны, и я считаю что не нужно забывать эти качества, нужно продолжать жить в мире, согласии, для процветания обоих государств». (Армен, 20 лет, Армения).

Даже респонденты, неоднозначно воспринявшие (по тем или иным причинам) войну, воспринимают Победу как важнейшее событие. Характерно, что многие респонденты стремились подчеркнуть вклад именно Армении в общую победу:

«Отношение ко Второй мировой войне, конечно, ужасное. 40–50 млн. погибших человек. Холокост еврейского народа. Это трагедия. Роль Советского Союза огромная. Союз победил фашизм, освободил всю Европу. Роль моей страны огромная, т.к. каждый третий советский генерал являлся по национальности армянином. Самые известные [герои] Баграмян и Бабаджанян – два маршала, освободившие Прибалтику и участвовавшие в освобождении Белоруссии. Также огромное количество героев – летчиков и пехотинцев». (Ашот, 22 года, Армения).

Республике есть чем гордиться: 93 генерала Великой Отечественной войны, 106 Героев Советского Союза были выходцами из Армении. Уникально село Чардахлу: из него вышли два маршала, 11 генералов, 360 жителей награждено орденами [4, с. 123–124.]. Среди часто упоминаемых респондентами героев войны – уроженцы Армении: дважды Герои Советского Союза маршал И.Х. Баграмян и лётчик Н.Г. Степанян, Герой Советского Союза маршал А.Х. Бабаджанян, Герой Советского Союза адмирал И.С. Исаков.

Подавляющее большинство ответов граждан Беларуси (38 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне. Половина опрошенных из Беларуси признает, что военные годы – одна из самых сложных и трагичных вех в истории СССР в целом и их страны в частности, вместе с тем и одна из самых значимых и важных вследствие того, что государство показало свою мощь, а народ – силу духа и сплоченность в достижении единой цели.

«Если бы не СССР, в котором нас тогда было 15 республик и мы все собрались как один единый кулак, неизвестно вообще чтобы сейчас было с Европой». (Максим, 25 лет, Беларусь).

«В нашей стране ее называют Великой Отечественной войной, ведь она коснулась всех

поголовно. Почти в каждой семье в те далекие годы кто-то воевал, кто-то погиб, кто-то без вести пропал. Поэтому в каждом городе стоят стеллы с именами погибших». (Диана, 25 лет, Беларусь).

Отдельно, в качестве значимых исторических событий респонденты из Беларуси часто упоминали оборону Брестской крепости, разворачивание партизанского движения против оккупантов и операцию «Багратион» по освобождению территории БССР от захватчиков.

Все эти данные коррелируют с результатами республиканского исследования, которые озвучил директор Института социологии НАН Беларуси Г.П. Коршунов: Победу над нацистской Германией и освобождение Беларуси в качестве главного события в истории этой страны назвала наибольшая часть респондентов (58,5 %) [7, с. 5].

В ответах на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента, более половины информантов из Беларуси обращали внимание, на то, что война стала проверкой нерушимости исторической связи между Россией и Белоруссией, дружбы двух народов.

Типичные высказывания: *«Россия и Беларусь – это такие многострадальные страны, нас связывает почти 300-летняя история в составе одного государства. Опять-таки мне кажется наши народы навечно скреплены уже вот этой памятью общей о Великой Отечественной войне, конечно эту память уже не разорвать».* (Максим, 24 года, Беларусь).

«Великая Отечественная война лучше всего описывает как историю России, так и историю Беларуси. Два братских народа сплотились в одну большую мощную державу и шли «бок о бок». (Валерий, 29 лет, Беларусь).

Более половины опрошенных молодых людей из Беларуси, в той или иной мере, связывает свои представления о героях и героическом с Великой Отечественной войной. Ведь за годы Великой Отечественной войны 448 белорусов и уроженцев Белоруссии были удостоены звания Героя Советского Союза. И в качестве героев значительное число информантов называло защитников Родины, в том числе командующих, освободивших БССР (маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского), защитников Брестской крепости, участников партизанского движения, но также и членов своей семьи, отдавших долг, и всех причастных к общей победе.

Большинство респондентов из Белоруссии, говоря о наиболее важных для них памятниках истории, упоминают мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. В их числе чаще упоминали: монумент на Площади Победы в Минске (14 интервью), комплекс «Брестская крепость» (13 интервью), мемориальные комплексы «Хатынь» и «Дальва», памяти жителей сожженных оккупантами белорусских деревень (13 интервью), мемориал жертвам Холокоста «Яма» в Минске. Среди российских

памятников первенство также сохраняют памятники военной тематики: скульптура «Родина-мать зовёт» на Мамаевом кургане в г. Волгоград, парк Победы на Поклонной горе в Москве.

Если говорить о праздниках, то показательно, что День независимости Республики Беларусь, отмечаемый 3 июля, был установлен решением общенационального референдума (1996 г.) и приурочен к дате освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков (03.07.1944). И таким образом, Беларусь стала единственной из бывших советских республик, чей день независимости не привязан к распаду СССР. Празднование этого дня, как и Дня Победы 9 мая упоминалось большинством опрошенных.

Подавляющее большинство ответов граждан Казахстана (43 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне.

Типичное высказывание: *«Казахстан в годы Великой Отечественной войны являлся частью СССР в статусе союзной республики. Казахская ССР, поэтому вступила в войну с момента вторжения армии нацистской Германии на территорию Советского Союза 22 июня 1941 года. Воины-казахстанцы внесли свой вклад в освободительную миссию Советской Армии. Они штурмовали Берлин, участвовали в водружении Знамени Победы над рейхстагом. Казахстанцы активно участвовали и в партизанской войне. Сельское хозяйство Казахстана обеспечивало фронт и тыл продовольствием, а промышленность – необходимым сырьём».* (Айдар, 35 лет, Казахстан).

По данным историков, более 500 казахстанцев стали Героями Советского Союза, 4 из них – дважды Герои. Из этих более 500 Героев 97 человек – этнические казахи. В Казахстане был самый высокий уровень мобилизованности, каждый пятый казахстанец ушел на фронт, более 350 тысяч человек не вернулись [4, с. 125].

Половина информантов из Казахстана той или иной мере связывает свои представления о героях и героическом с защитниками Родины в годы Великой Отечественной войны. В числе героев чаще всего упоминались выходцы из Казахстана – воины гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии (и персонально – И.И. Панфилов и Б. Момышулы), а также М.Ж. Маметова (первая казахская женщина – Герой Советского Союза) и А.Н. Молдагулова. Празднование Дня Победы упоминалось большинством опрошенных.

На вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР в ответах граждан Киргизстана преобладали позитивные коннотации (22 из 50) Нейтрально высказались 13 респондентов из 50, отмечая только ужасы военной жизни со слов взрослого поколения. Негативные коннотации (15 из 50) были связаны с потерями населения (в том числе близких, членов семьи), отмечался упадок экономики и разруха.

Половина опрошенных отмечала роль СССР в победе над фашизмом (24 ответа). Информанты отмечали вклад в Победу Киргизской ССР: республика активно участвовала в боевых

действиях и снабжала продовольствием и товарами первой необходимости, а также принимала эвакуированных.

Характерные высказывания: *«Мои прадеды участвовали в, той войне. Это событие является, как частью истории моей страны, так и частью моей истории».* (Таризэл, 22 года, Киргизия).

«Сражались за правое дело, плечом к плечу с россиянами и другими национальностями, вот. Победили, как и должно было быть. Правда всегда побеждает. Что ещё сказать, спасибо деду за победу». (Ильяс, 26 лет, Киргизия).

Для большинства информантов из Киргизии 9 мая (37 ответов) является важнейшим праздником, который они отмечают. *«Мы празднуем 9 мая, очень торжественно, вспоминаем своих дедов».* (Айнура, 34 года, Киргизия)).

Каждый шестой житель Киргизской ССР ушел на фронт, 360 тысяч киргизов приняли участие в боевых действиях на различных фронтах Великой Отечественной войны, из них 72 человека удостоены звания Героя Советского Союза. Дважды Героя Советского Союза Т.Я. Бегельдинова, участника знаменитого парада Победы 1945 года, считают своей гордостью сразу две республики – Киргизия и Казахстан: герой родился и умер в Казахстане, детство и юность провел в Бишкеке [4, с. 124]. В ходе опроса числе героев киргизстанцы упоминали персонально маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского, Героев Советского Союза лётчика В.В. Талалихина и З.А. Космодемьянскую, а также воинов гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии, среди которых было много уроженцев Киргизии.

На вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР суждения граждан Молдовы поляризовались. Позитивные и коннотации вызвали эти события у 21 респондента из 50, столько же не определилось в своей позиции. Негативные коннотации относительно роли СССР в войне у 8 молдаван.

За годы Великой Отечественной войны 23 уроженца Молдавии были удостоены звания Героя Советского Союза. Респонденты осведомлены об этом факте, но, тем не менее, в ходе опроса имена никто из них не был упомянут поименно, хотя значительная доля информантов связывает понятие героического с защитниками Родины. Особенно стоит отметить, что Вторая мировая война часто вплетена в контекст истории семьи. У многих информантов воевали представители старшего поколения, поэтому информанты чтят памятные даты и отмечают День Победы.

Характерное высказывание: *«Конечно, как и остальные республики, Молдову коснулась эта война. Это было большое горе, потерь много было. Молдавия принимала активное участие в боевых действиях. 21 герой Советского Союза в Молдавии ... Мне кажется, для людей, для каждого человека, кто помнит те события, обстоятельства, это важно. И каждый год мы чтим*

память. Я думаю, что это большой показатель, так люди сплотились в этой борьбе, нам, новым поколениям, это жестокое напоминание. То, что происходит сейчас в стране – недопустимо. Не хотелось бы, чтобы с последний ветераном ушла и память о том, что произошло. До сих пор для людей это трагедия, это потеря близких, до сих пор многие не знают, где и как погибли их родные. Да, мой прадедушка воевал. Бабушка была санитаркой. Поэтому нашей семьи, как и многих семей, коснулось это событие. День Победы это традиционный праздник, вся семья отмечает этот день. И дедушка, и папа вешают георгиевские ленточки, мы смотрим парад обязательно. Помню, в детстве были парады, в которых мы принимали участие». (Наталья, 29 лет, Молдавия).

Отдельные опрошенные указывали на то, что не все их соотечественники были на стороне СССР. Так, например, прадед одного из информантов, также уроженец Молдавии, служил в армии Румынии, союзной нацистской Германии, но в конце войны перешедшей на сторону антигитлеровской коалиции.

При ответе на вопрос о вкладе СССР во Вторую мировую войну ни один информант из России не дал негативную оценку. Абсолютное большинство информантов начинали свой ответ со слов, что отношение к войне может быть только негативным – это тяжелые и трагические страницы нашей истории. Положительную оценку роли СССР во Второй мировой войне дали 34 из 50 опрошенных. В основном они подчеркивали героизм советских солдат и тот факт, что победа во Второй мировой войне продемонстрировала всему миру могущество СССР. Многие информанты вспоминали о своих родственниках, принявших участие в военных действиях.

Типичные высказывания: «Победили наши деды и прадеды, которые ценой своей жизни боролись до конца». (София, 19 лет, Россия).

«Я считаю, что это было одно из самых трагических исторических событий, но и при этом самых героических исторических событий». (Елена, 19 лет, Россия).

«Роль нашей страны неоспорима, фашизм был побежден благодаря СССР. Конечно участвовали и другие страны, но основная роль в победе над фашизмом принадлежит Советскому Союзу». (Сергей, 35 лет, Россия).

Победа в Великой Отечественной войне вошла, по отзывам информантов, в число самых часто упоминаемых исторических событий с позитивной коннотацией (32 из 50 интервью). Также на вопрос об исторических событиях, которые лучше всего описывают Россию среди положительных коннотаций информантами чаще всего приводилась Победа в Великой Отечественной войне.

Типичное высказывание: «Я думаю, что Вторая мировая война является самым страшным событием XX века, так как в пучине боевых действий умерло большое количество мирных

жителей. В войне принимал участие мой прадедушка...Эта война — это наша история. Военные понимали, что идут на верную смерть, но всё равно продолжали защищать своих родных, детей, близких, жён. Это заслуживает огромного уважения. Для меня эта война не является чем-то таким далёким. Да, мы с семьёй отмечаем 9 мая День Победы. Мы ходим утром на Парад, затем, обычно, мама готовит нам какой-нибудь пирог, торт, и наши родители рассказывают нам то, что им обычно рассказывали их родители, то есть наши дедушка с бабушкой о тех временах. Факт совместного участия и общая победа во Второй мировой войне и сегодня объединяют Россию и страны бывшего СССР – несомненно». (Глеб, 21 год, Россия).

Подавляющее большинство информантов заявило, что отмечает День Победы (37 из 50 интервью). На вопрос о героях и героическом было достаточно много ответов с обобщенным упоминанием участников Великой Отечественной войны. Тем не менее, в числе называемых персоналий упоминались командующие (К.К. Рокоссовский).

Ответы граждан Таджикистана на вопрос об отношении ко Второй мировой войне поляризовались на три группы. Позитивную роль что роль СССР и в частности Таджикской ССР отметили 18 информантов, подчеркивая единство фронта и тыла. Победа СССР во Второй Мировой войне (17 интервью) входит в число упоминаемых важных позитивных событий исторического прошлого.

Типичное высказывание: «Победителем во Второй мировой войне является конечно же СССР. СССР воевал против фашизма, нацизма. В моей семье и прадедушки, дедушки по маминной и по папиной стороне, все принимали участие в войне. Обязательно отмечаем 9 мая, день Победы. Это великий праздник. Общая победа объединяет мою страну с Россией, но не как раньше. Но благодаря России, можно сказать, что Таджикистан сейчас существует и выживает, с помощью России». (Фархат, 32 года, Таджикистан).

«Я очень горжусь, что СССР победила в этой войне. В моей стране люди наравне с другими национальностями воевали за свою родину. Оба моих деда воевали, один погиб, второй дошел до Победы. Я горжусь СССР». (Фарид, 29 лет, Таджикистан).

Столько же (18 информантов) – не определились в своей позиции и негативные коннотации у 17 опрошенных. При этом события войны негативным аспектам относят, в основном, то, что многие так и не вернулись с поля боя, но все равно у респондентов присутствует гордость за страну.

В годы войны за мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, проявленные на полях сражений 56 тысяч фронтовиков из Таджикистана были награждены боевыми орденами и медалями, 54 человека были удостоены высшего звания Героя Советского Союза, 15 человек стали кавалерами

орденов Славы трех степеней [4, с. 124]. Поэтому в своих представлениях о героическом существовании часть молодых таджикстанцев упоминала участников Великой Отечественной войны (персонально были упомянуты Г.К. Жуков, И.В. Сталин).

Итак, мы рассмотрели представления молодых поколений граждан государств, участвующих в интеграционных процессах на постсоветском пространстве о Второй мировой войне, особенности в восприятии Победы в Великой Отечественной войны у представителей разных постсоветских обществ, специфику формирования исторической памяти. Историческая память о Великой Победе в значительной мере связана и сегодняшними представлениями о евразийской интеграции новых независимых государств. Хотя, казалось бы, содержание социальной памяти молодежи не оказывает непосредственного влияния на процесс евразийской интеграции, но в качестве потенциальной силы, она может спонтанно проявиться в общественной жизни или может быть при определенных условиях и наличии органи-

зованной силы включена в общественно-политический дискурс.

И если стратегии постсоветских государств связаны с созданием сильного и устойчивого евразийского интеграционного объединения, важно усилить роль культурной составляющей социальной памяти, создающей условия для евразийской интеграции. Ведь как показали результаты исследования, главным каналом передачи исторической памяти сейчас служит семья, но поколения передающие информацию о событиях уходят, и требуется повышать социальную ответственность СМИ, образования, творческой интеллигенции за сохранение и передачу исторической правды, поддержание единого историко-социального кода, создающего базу для евразийской интеграции. Успешность интеграционных процессов будет зависеть от того, каким образом власти новых независимых евразийских государств будут взаимодействовать между собой, с международными организациями, ведущими государствами мира и новыми субъектами социально-политических трансформаций в вопросах формирования исторической памяти.

Литература:

1. *Асанова С.А.* Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5(2). С. 280–295.
2. *Буюкли Д.А.* Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180. С. 179–185.
3. *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19.
4. *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 122–130.
5. *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1(82). С. 103–116.
6. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М. : Новое издательство, 2011. С. 10–25
7. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / Ред.кол.: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Мн. : ООО «СУГАРТ», 2019. 360 с.
8. Обращение глав государств – участников Содружества Независимых Государств к народам стран Содружества и мировой общественности в

Literature:

1. *Asanova S.A.* On the main factors of behavioral motivation of the Kazakh national military formations during the war (1941–1945) // World of Greater Altai. 2019. № 5(2). P. 280–295.
2. *Buyukli D.A.* The Preservation of historical memory of the contribution of the Russian Orthodox Church to the victory in the Great Patriotic War // Bulletin of TSU. 2019. № 180. P. 179–185.
3. *Gudkov L.* Victory in war: to the sociology of one national symbol // Monitoring. 1997. № 5. P. 12–19.
4. *Zhanbosinova A.S.* Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the modern stage // World of Greater Altai. 2015. № 1(2). P. 122–130.
5. *Zharkynbayeva R.S.* Great Patriotic War: socio-cultural memory and commemorative practices in post-Soviet Kazakhstan (gender aspect) // Woman in Russian society. 2017. № 1(82). P. 103–116.
6. *Zerubavel Ya.* Dynamics of collective memory // Empire and nation in the mirror of historical memory. M. : Novoye izdatelstvo, 2011. P. 10–25.
7. Historical memory of Belarus as a factor of consolidation of society: materials of international conferences. scientific and practical Conf., Minsk, September 26–27, 2019 / Ed.: Korshunov G. P. (chief editor) [et al.]; NAS of Belarus, Institute of sociology of the NAS of Belarus. Mn. : LLC «SUGART», 2019. 360 p.
8. The address of heads of participants-states of the Commonwealth of Independent States to the peoples of the Commonwealth countries and world

связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL : <http://www.cis.minsk.by/news/12416/obrasenie-glav-gosudarstv---ucastnikov-sng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj-obsestvennosti-v-svazi-s-75-letiem-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otecestvennoj-vojne-1941-1945-godov>

9. Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш. URL : <http://publichistorylab.ru/archives/424>

10. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. М. : «Библио-Глобус», 2018.

11. Путин поблагодарил страны ОДКБ за поддержку резолюции против нацизма. URL : <https://ria.ru/20191128/1561700601.html>

12. *Селезнев И.А.* Четверть века на страже коллективной безопасности (к 25-летию договора о коллективной безопасности и 15-летию ОДКБ) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2018. № 2. С. 16–23.

13. Социологическая энциклопедия. М. : Мысль, 2003. Т. 1.

14. *Стариков А.Г.* Кто герой среди молодежи? / А.Г. Стариков, В.В. Бакушев, М.В. Перова, С.В. Горьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 43–46.

15. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс Пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.

16. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München : C.H. Beck, 1992.

17. *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München : Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. P. 54

18. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y. : Columbia University Press, 2012.

19. *Norra P.* La Republique // Les lieux de memoire. Paris, 1984. Vol. 1.

community on the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. URL : <http://www.cis.minsk.by/news/12416/obra-senie-glav-gosudarstv---ucastnikov-sng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj-obsestvennosti-v-svazi-s-75-letiem-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otecestvennoj-vojne-1941-1945-godov>

9. Memory and counter-memory of the future: lecture notes by Marianne Hirsch. URL : <http://publichistorylab.ru/archives/424>

10. The Processes of Eurasian integration: socio-political dimension. / ed. : G.I. Osadchaya. M. : «Biblio-Globus», 2018.

11. Putin thanked the CSTO countries for supporting the resolution against Nazism. URL : <https://ria.ru/20191128/1561700601.html>

12. *Seleznnev I.A.* A quarter of a century on the guard of collective security (to the 25th anniversary of the collective security treaty and the 15th anniversary of the CSTO) // Countering terrorism. Problems of the 21st century Counter- Terrorism. M., 2018. № 2. P. 16–23.

13. Sociological encyclopedia. M. : Mysl, 2003. T. 1.

14. *Starkov A.G.* What hero is a new? / A.G. Starkov, V.V. Bakushev, M.V. Perova, S.V. Goryinov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 1. P. 43–46.

15. *Halbwax M.* Social Memory Framework / M. Halbwax; Transl. : S.N. Zenkin. M. : Novoye izdatelstvo, 2007. 348 p.

16. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München : C.H. Beck, 1992.

17. *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München : Juventa Verlag Weinheim und München, 2002.

18. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y. : Columbia University Press, 2012.

19. *Norra P.* La Republique // Les lieux de memoire. Paris, 1984. Vol. 1.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры
психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

**Влияние информации
на потребность
коррекции поведения
для сохранения здоровья**

Аннотация. В статье отражены результаты социологического исследования влияния информации на потребность коррекции поведения для сохранения здоровья у студентов медицинского вуза. Для оценки того, как информация влияет на отношение к здоровью у студентов был разработан комплексный анкетный опросник. Полученные данные свидетельствуют о том, что не все студенты в достаточном объеме информированы о значении для сохранения здоровья и успешного обучения соблюдения принципов здорового образа жизни. Возникает острая необходимость создания и реализации программ профилактических направлений самокоррекции образа жизни (в виде лекций, бесед и наглядной агитации) для сохранения и укрепления здоровья студентов, а также оптимизации процесса обучения и качественной подготовки к будущей профессии.

Ключевые слова: факторы здоровья; медицинский вуз; студенты медицинского вуза; сохранение здоровья; здоровый образ жизни; медицинская помощь; правильное питание.

Введение. Актуальность социологического исследования определило особенность

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova

Senior teacher
Departments of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

**INFLUENCE OF INFORMATION
ON THE NEED FOR CORRECTION
OF BEHAVIOR FOR HEALTH**

Annotation. The article reflects the results of a sociological study of the influence of information on the need for behavior correction to maintain health among students of a medical university. A comprehensive questionnaire was developed to evaluate how information affects the attitude to health of students. The data obtained indicate that not all students are sufficiently informed about the importance of maintaining a healthy lifestyle to maintain health and successful learning. There is an urgent need to create and implement programs of preventive ways of self-correction of lifestyle (in the form of lectures and conversations, visual agitation) to maintain and strengthen students' health, as well as optimizing the learning process and high-quality preparation for the future profession.

Keywords: health factors; medical university; medical students; health preservation; healthy lifestyle; health care; proper nutrition.

того, как информация влияет на самосохранительное поведение, влияющее на образ жизни

иобусловливающее, что в настоящее время имеетособое значение для сохранения и укрепление здоровья населения [1, 2]. Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, полное отсутствие заболеваний и физических дефектов [4, 5]. Исследования здоровья и факторов, которые инициируют здоровье студентов, является не только медицинской, но и социальнойзадачей, определяющей также современным приоритетным направлением вузовского образования [7, 8]. Такой фактор как питание студентов необходимо сегодня характеризовать не просто как нерегулярное питание или всухомятку, что приводит к снижению массы тела, реже к избыточной массе, но и как недостаточное [6]. Оценка образа жизни и уровня физической подготовленности во взаимосвязи с показателями самооценки здоровья может также рассматриваться как фактор положительной мотивации к формированию здорового образа жизни [3]. Таким образом, можно предположить, что большая осведомленность о факторах здоровья будет способствовать формированию поведенческих характеристик для здорового образа жизни студентов.

Цель исследованиясостояла в определениивлияния информации на потребность коррекции поведения для сохранения здоровья у студентов медицинского вуза.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 783 студентовпервых и вторых курсов лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Министерства Здравоохранения Российской Федерации.Средний возраст студентов составил 21,6. Для оценки влияния информации на потребность коррекции поведения для сохранения здоровья у студентов медицинского вузабыла разработана социологом анкета, состоящая из 16 вопросов. Было проведено сплошное, очное, аудиторное анкетирование. Роздано 800 анкет, испорченных и не пригодных к анализу – 17, проанализировано – 783 анкет.Медико-статистический анализ позволил обобщить полученные данные диагностической работы. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы Statistica 20.0. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы состояния здоровья студентов медицинского вуза (%)

Оценка и факторы состояния	Информация О здоровье не нужна	Информация О здоровье нужна	Затрудились с ответом
Беспокоятся о своем здоровье	29,5	87,0	26,9
Оценивают свое здоровье как положительное	47,9	53,9	19,3
Обращаются за медицинской помощью, когда несколько дней себя плохо чувствуют	14,6	40,4	5,9
Человек всегда должен заботиться о своем здоровье	50,9	68,2	50,1
Ограничивают себя в питании тем, что избегают некачественных продуктов	–	37,7	34,6
Ни в чем себя не ограничивают в питании	32,5	–	29,7
Не курят	71,4	50,0	88,3
Редко употребляют пиво	61,6	28,3	29,5
Иногда занимаются физкультурой	62,6	47,8	45,2
Пытались получить информацию о правильном питании	59,5	47,5	51,7
Болеют гриппом 1-2 раза в год	67,3	45,1	34,4
В качестве профилактики заболеваний принимают витамины	54,5	67,0	60,0
Обращаются за медицинской помощью в случае тяжелой болезни	45,2	35,5	40,0
Не обращались к врачу за плату	53,5	69,9	60,0
Отчасти удовлетворены бесплатной медициной	68,5	39,4	65,2
Отчасти удовлетворены платной медициной	47,1	56,7	46,9

Результаты и обсуждение. Результаты проведенного социологического исследования показали, что студенты астраханского медицинского университета беспокоятся о своем здоровье (87,0 %) и нуждаются в дополнительной информации (табл. 1). Только лишь 29,5 % студентов не нуждаются в информации о здоровье. По вопросу «оценивают свое здоровье как положительное» было приблизительно равное распределение в том, что нужна (53,9 %) или не нужна (47,9 %) информация о собственном здоровье, что, в свою очередь, может быть сигналом к тревоге. Данные таблица показывают, что студенты обращаются за медицинской помощью только когда несколько

дней чувствуют себя плохо и они хотят быть в этом больше информированы (40,1 %). Из данных, следует обратить внимание, что студенты ни в чем не ограничивают себя в питании и большая осведомленность им не нужна (32,5 %).

Обработка анкет показала, что студенты редко употребляют пиво и 28,3 % студенты хотят быть осведомлены. Пытались получить информацию о правильном питании студенты медицинского вуза, однако, по-прежнему нуждаются в дополнительной информации 47,5 % студентов. Студенты медицинского вуза болеют 1–2 раза в год болеют гриппом и остаются осведомлёнными о данном

заболевании большинство студентов – 67,3%. Исходя из анализа анкет, в качестве профилактики заболеваний студенты принимают витамины, но не владеют точной информацией о том, какие препараты эффективны, а также частота применений (67,0%). Следует отметить, что студенты лишь отчасти удовлетворены бесплатной медициной и информация о здоровье им необходима (39,4%). Низкая удовлетворенность платной медициной также отмечено у студентов, и они нуждаются в дополнительной информации (56,7%).

Заключение. По результатам проведенного исследования, посвященному анализу влияния

Литература:

1. Бердиев Р.М. Состояние здоровья студентов-медиков и факторы его определяющие / Р.М. Бердиев, В.А. Кирюшин, Т.В. Моталова, Д.И. Мирошникова // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2017. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-zdorovya-studentov-medikov-i-factory-ego-opredelyayuschie> (дата обращения 13.04.2020).
2. Дмитриева Е.В. Социология здоровья: методологические подходы и коммуникационные программы. М. : Центр, 2002.
3. Ермакова Н.А. Образ жизни и здоровье студентов / Н.А. Ермакова, П.И. Мельниченко, Н.И. Прохоров, К.Т. Тимошенко, А.А. Матвеев, Е.В. Кочина, Т.Ш. Миннибаев // Гигиена и санитария. 2016. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-zdorovie-studentov-2> (дата обращения 13.04.2020).
4. Колпина Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности. М. : СГУ, 2009. 179 с.
5. Кузнецов В.В. Параметры состояния здоровья, ассоциированные с успешностью обучения у студентов младших курсов медицинских специальностей / В.В. Кузнецов, Е.К. Косилова, Р.А. Байрамов и др. // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. XXXIV–XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4–5(32). Новосибирск : СибАК, 2019. С. 28–35.
6. Лопатина Р.Ф. Здоровье студентов вуза как актуальная социальная проблема / Р.Ф. Лопатина, Н.А. Лопатин // Вестник КазГУКИ. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-studentov-vuza-kak-aktualnaya-sotsialnaya-problema> (дата обращения 13.04.2020).
7. Меерманова И.Б. Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях / И.Б. Меерманова, Ш.С. Койгельдинова, С.А. Ибраев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-2. С. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (дата обращения 15.01.2020).

информации на потребность коррекции поведения для сохранения здоровья у студентов медицинского вуза, было установлено, что не все студенты в достаточном объеме информированы о значении сохранения здоровья и успешного обучения соблюдения принципов здорового образа жизни. Возникает острая необходимость создания и реализации программ профилактических направлений самокоррекции образа жизни (в виде лекций и бесед, наглядной агитации) для сохранения и укрепления здоровья студентов, а также оптимизации процесса обучения и качественной подготовки к будущей профессии.

Literature:

1. Berdiev R.M. The State of health of medical students and its determining factors / R.M. Berdiev, V.A. Kiryushin, T.V. Motalova, D.I. Miroshnikova // Vestn. im. Akad. I.P. Pavlov. 2017. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-zdorovya-studentov-medikov-i-factory-ego-opredelyayuschie> (accessed 13.04.2020).
2. Dmitrieva E.V. Sociology of health: methodological approaches and communication programs. M. : Center, 2002.
3. Ermakova N.A. Lifestyle and health of students / N.A. Ermakova, P.I. Melnichenko, N.I. Prokhorov, K.T. Timoshenko, A.A. Matveev, E.V. Kochina, T.S. Minnibayev // Hygiene and sanitation. 2016. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-zdorovie-studentov-2> (accessed 13.04.2020).
4. Kolpina L.V. Theoretical and methodological bases of research of social health of the individual. M. : SSU, 2009. 179 p.
5. Kuznetsov V.V. The parameters of the state of health associated with the success of learning in students of Junior courses of medical specialties / V.V. Kuznetsov, E.K. Kosilova, R.A. Bayramov et al. // Experimental and theoretical research in modern science: collection of articles on mater. XXXIV–XXXV international. scientific-practical Conf. № 4–5 (32). Novosibirsk : Sibak, 2019. P. 28–35.
6. Lopatina R.F. Health of University students as an actual social problem / R.F. Lopatina, N.A. Lopatin // Bulletin of Kazguki. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-studentov-vuza-kak-aktualnaya-sotsialnaya-problema> (accessed 13.04.2020).
7. Meermanova I.B. State of health of students studying in higher educational institutions / I.B. Meermanova, Sh.S. Koigeldinova, S.A. Ibraev // International journal of applied and fundamental research. 2017. № 2-2. P. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (accessed 15.01.2020).

8. *Готовцев Е.В.* Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов как методология анализа и оценки продуктивности процесса физического воспитания / Е.В. Готовцев, Г.Н. Германов, Ю.В. Романова, И.В. Машошина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 1(83). С. 40–45.

8. *Gotovtsev E.V.* Monitoring of the state of health and physical fitness of students as a methodology for analyzing and evaluating the productivity of the process of physical education / E.V. Gotovtsev, G.N. Germanov, Yu.V. Romanova, I.V. Mashoshina // Scientific notes of University named after P.F. Lesgaft. 2012. № 1(83). P. 40–45.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аминова Алия Мансуровна
аспирантка кафедры
теории государства и права,
Институт права,
Башкирский государственный университет
aminova_aliya@bk.ru

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Исследование историко-теоретических предпосылок совершенствования государственно-территориального устройства в современном мире имеет особое теоретическое и практическое значение. С теоретической позиции важно дать оценку исторического опыта модернизации властеотношений в государственно-территориальной организации. Это позволит выявить теоретическую модель отношений, возникающих в сфере власти в наиболее благоприятном для современного общества государственно-территориальном устройстве. С практической точки зрения необходимость данного исследования заключается в возможности внедрения разработанной теоретической модели отношений в государственно-территориальной структуре.

Ключевые слова: государственно-территориальная форма, историко-теоретические предпосылки, современное общество, Новое время.

Исследование историко-теоретических предпосылок совершенствования государственно-территориального устройства в современном мире имеет особое теоретическое и практическое значение. Выход на позиции первоначальной политико-правовой мысли в эволюции современного общества позволит выявить исходную идею совершенствования государственно-территориального устройства того или иного государства.

С теоретической позиции важно дать оценку исторического опыта модернизации властеотношений в государственно-территориальной организации. Это позволит выявить теоретическую модель отношений, возникающих в сфере власти в наиболее благоприятном для современного общества государственно-территориальном устройстве. С практической точки зрения необходимость данного исследования заключается в возможности внедрения разработанной теоретической модели отношений в государственно-территориальной структуре. Совершенствование

Aliya M. Aminova
Postgraduate student of the Department
of Theory of State and Law,
Institute of Law,
Bashkir State University
aminova_aliya@bk.ru

HISTORICAL AND THEORETICAL PREREQUISITES FOR IMPROVING THE STATE-TERRITORIAL STRUCTURE IN THE MODERN WORLD

Annotation. The study of historical and theoretical prerequisites for improving the state-territorial structure in the modern world has a special theoretical and practical significance. From a theoretical point of view, it is important to assess the historical experience of modernizing power relations in a state-territorial organization. This will reveal a theoretical model of relations that arise in the sphere of power in the most favorable state-territorial structure for modern society. From a practical point of view, the need for this research lies in the possibility of implementing the developed theoretical model of relations in the state-territorial structure.

Keywords: state-territorial form, historical and theoretical background, modern society, Modern times.

государственно-территориального устройства будет способствовать оптимизации властеотношений, отправной целью которой является наиболее благоприятное функционирование системы общественных отношений.

Государственно-территориальное устройство, как один из элементов формы государства, служит инструментом взаимного регулирования отношений между государственными территориальными образованиями.

В науке юриспруденции государственно-территориальная форма относится к одному из трех основных элементов описания формы государства, и трактуется как «административно-территориальное устройство государства, характер взаимоотношений между государством и его частями, между частями государства, между центральными и местными органами власти» [8, с. 214].

Наиболее устоявшимся в современной научной литературе представлением о ней является рассмотрение формы государственно-территориаль-

ного устройства в виде «территориальной организации государственной власти» [3, с. 97], в виде «внутреннего деления государства на составные части: административно-территориальные единицы, автономные, культурные, политические образования или суверенные государства, отражающие характер соотношения в целом и его частей» [1, с. 123].

На наш взгляд, форму государственно-территориального устройства необходимо рассматривать как вертикально-территориальную организацию государственной власти и характер ее взаимоотношений.

По-нашему мнению, совершенствование формы государственно-территориального устройства обусловлены и вызваны идеями, которые легли в основу современного общества. Приступая к исследованию поставленного перед нами вопроса об историко-теоретических предпосылках модернизации государственно-территориального устройства государства в современном обществе, обратимся к выяснению некоторых интересующих нас понятий. Вопрос о предпосылках совершенствования государственно-территориального устройства в современном обществе в отечественной юридической науке слабо разработан.

В науке и практике часто используется термин «предпосылка», однако единого определения на сегодняшний день не имеет. Словари термин «предпосылка» определяют как «предварительное условие, исходный пункт чего-либо» [9]; «это то, что является условием другого» [10, с. 361]. В свою очередь, «условие» означает «обстановку, в которой что-либо происходит», или «то, что делает возможным осуществление чего-либо другого, от чего это что-нибудь другое зависит» [4]. Философский энциклопедический словарь определяет значение термина «условие» в сравнении с термином «причина», и здесь мы видим, что «условие – это то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие состояния, которое с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо» [10, с. 469].

Применительно к настоящему исследованию предпосылка совершенствования государственно-территориального устройства понимается как наличие благоприятной почвы для развития той или иной формы распределения властных полномочий по вертикали. Это наличие условий, при которых существует возможность учредить те или иные институты в обществе. Теоретические предпосылки совершенствования государственно-территориального устройства в современном обществе исходят из политико-правовых учений Нового времени. Об этом мы можем утверждать, поскольку именно с этого периода общество переходит к совершенно новой стадии своего развития.

Научный процесс, связанный с поиском исторических и теоретических предпосылок совершенствования государственно-территориального устройства в современном обществе, наталкивает на определение понятий, входящих в рассматриваемый вопрос.

Прежде всего необходимо выяснить, в чем заключается отличие историко-теоретических предпосылок совершенствования государственно-территориального устройства именно в «современном обществе».

«Новое время принесло человечеству совершенно новые ценности, которые легли в основу исторического развития» стран цивилизованного мира. «С этого периода понятие «современное общество» понимается и применяется для разграничения общности людей, организованных в национальные государства на основе ценностей Нового времени» [8, с. 90].

Истоками совершенствования государственно-территориального устройства служат ценностное понимание важнейших институтов общества – права и государства как рукотворного, имеющей своей целью обеспечение наиболее благоприятной жизни и деятельности людей.

Отлаженность общественно-политической системы исходит из государственно-правовых представлений на основе цивилизационного миропонимания [5, с. 4–5]. Как раз цивилизационный подход в ценностном понимании важнейших общественных институтов должен быть положен в эволюционное развитие государства и права. В связи с этим, считаем важным исследование общественных институтов совершенствования государственно-территориального устройства с позиций ценностей Нового времени, т.е. с естественно-правовых начал формирования общественной жизнедеятельности людей. Современная наука теории государства и права имеет своей целью изучение и выявление тех государственно-правовых институтов, которые на практике доказали свою эффективность в достижении высокого уровня качества жизни людей.

Одной из важнейших достижений Нового времени является положение о том, что единственным носителем и источником государственной власти является ее государствообразующий народ. Впервые данное положение было провозглашено в Акте об устройении Англии 1701 года, там говорится, что «законы Англии являются прирожденными правами ее народа... все короли и королевы... обязаны производить управление английским народом в соответствии с указанными выше законами и все их подчиненные и министры должны нести обязанности службы, соблюдая те же законы [2, с. 24]. Ранее в Постановлении Палаты общин об объявлении себя верховной властью Английского государства 1649 г. было сказано, что «общины Англии, заседающие в парламенте объявляют, что народ, ходящий под богом, является источником всякой законной власти; и также объявляют, что общины Англии, заседающие в парламенте, будучи избраны и представляя народ, являются высшей властью в государстве [2, с. 9].

Безусловно, это историческое событие стало отправной идеей воплощения политико-правовых учений Нового времени в формировании общественной жизнедеятельности людей – Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, А. Токвиля, позднее А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Т. Джефферсона [7] и других.

Мы смеем утверждать о том, что политико-правовые учения Нового времени легли в основу совершенствования государственно-территориального устройства в современном обществе. Впервые общественно-правовые институты стали рассматриваться как рукотворное явление, способное и имеющее своей целью благоприятное функционирование жизнедеятельности людей. Право и государство, будучи важнейшими институтами общества, с периода Нового времени представляются как исходящие от самого общества и нацеленные на служение интересам самого общества [6].

Об этом свидетельствуют исторические события XVII–XVIII веков. Конституция США 1787 года стала первой современной конституцией,

Литература:

1. Актуальные проблемы теории государства и права : учебник / Кол. авторов; Отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : ЮСТИЦИЯ, 2019. 440 с.
2. История государства и права зарубежных стран: Хрестоматия. / Сост. М.М. Борисевич. М. : МГИУ, 2008. Ч. 2. 360 с.
3. *Марченко М.Н.* Теория государства и права России: учебное пособие в 2 т. / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. М. : Проспект, 2019. Т. 1. 405 с.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2008.
5. *Раянов Ф.М.* От формационного к цивилизационному миропониманию // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4(26).
6. См. подробнее: *Раянов Ф.М.* Правовое обществоведение : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 264 с.; *Раянов Ф.М.* Теория правового государства: монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 272 с.
7. См. подробнее: *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л. : Наука, 1990; *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Сочинения в трех томах. М. : Мысль, 1988. Т. 3; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М. : ТЕРРА Книжный клуб, 2000; *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Прогресс, 1992;
8. Теория государства и права : учебник / Под ред. д.юрид.наук, проф. Ф.М. Раянова. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа : Изд-во «Полиграфсервис», 2011. 430 с.
9. Толковый словарь русского языка : 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3.
10. *Философский энциклопедический словарь.* М. : ИНФРА-М, 2000.

воплотившей в себе идеи Нового времени и впервые провозгласившей новую форму государственно-территориальной организации, ставшей впоследствии договором народов штатов, подтверждающим согласие народа на формирование федерации. Далее, Декларация прав человека и гражданина 1789 года закрепила положение о том, что общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституцию. Исторические события, связанные с принятием вышеперечисленных актов стали результатом политико-правовых воззрений Нового времени. Историко-теоретические предпосылки создали благоприятную почву для совершенствования государственно-территориального устройства в современном обществе.

Literature:

1. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / Kollektiv avtorov; otv. red. V.D. Perevalov. M. : YUSTICIYA, 2019. 440 s.
2. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: Hrestomatiya / Orig. M.M. Borisevich. M. : MGIU, 2008. Part 2. 360 p.
3. *Marchenko M.N.* Teoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnoe posobie in 2 volumes / M.N. Marchenko, E.M. Deryabina. M. : Prospekt, 2019. Vol. 1. 405 p.
4. *Ozhegov S.I.* Tolkovij slovar' russkogo yazyka. M. : Oniks, 2008.
5. *Rayanov F.M.* Ot formacionnogo k civilizacionnomu miroponimaniyu // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. № 4(26). 2011.
6. Sm. podrobnее: *Rayanov F.M.* Pravovoe obshchestvovedenie: monografiya. M. : YUrlitinform, 2018. 264 p; *Rayanov F.M.* Teoriya pravovogo gosudarstva : monografiya. M. : YUrlitinform, 2014. 272 p.
7. Sm. podrobnее: *Dzhefferson T.* Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya. L. : Nauka, 1990; *Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii. Sochineniya v trekh tomah. M. : Mysl', 1988. Vol. 3; *Russo ZH.-ZH.* Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty. M. : TERRA Knizhnyj klub, 2000; *Tokvil' Aleksis de.* Demokratsiya v Amerike: Per. s franc. / Predisl. Garol'da Dzh. Laski. M. : Progress, 1992.
8. Teoriya gosudarstva i prava : textbook / Pod red. d.yurid.nauk, prof. F.M.Rayanova. 2-e izd., pererab. i dop. – Ufa: Izd-vo «Poligrafservis», 2011. 430 p.
9. Tolkovij slovar' russkogo yazyka : 4 t. / pod red. D.N.Ushakova. M., 1939. Vol. 3.
10. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'.* M. : INFRA-M, 2000.

Арутюнов Александр Самсонович
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
судебно-экспертной деятельности,
Краснодарский университет МВД России
alexandr.arutyunov@gmail.com

Alexander S. Arutyunov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Chief of Department
Judicial and Expert Activity,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
alexandr.arutyunov@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

THE MAIN TYPES AND FEATURES OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES

Аннотация. В настоящее время среди совершаемых преступлений наблюдается увеличение числа правонарушений экстремистской направленности. Усиление экстремистской угрозы приводит к увеличению числа экспертиз, связанных с анализом различных материалов экстремистской направленности. Статья посвящена вопросам специфики судебных экспертиз, назначаемых для исследования, предположительно, экстремистских материалов, а также – основным специфическим чертам указанных видов судебных исследований. Автором рассмотрены основные часто назначаемые экспертизы по материалам, предположительно, экстремистского характера, а также – указаны специфические черты данных экспертных исследований.

Annotation. There is now an increase in the number of extremist offences among the crimes committed. The increase in the extremist threat leads to an increase in the number of examinations related to the analysis of various extremist materials. The article is devoted to the specifics of forensic examinations assigned for the study of allegedly extremist materials, as well as the main specific features of these types of judicial research. The author considers the main frequently assigned expertise on materials of an allegedly extremist nature, as well as specifies the specific features of these expert studies.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, эксперт, специалист, экстремизм, экстремистская угроза, материалы экстремистской направленности.

Keywords: forensic expertise, forensic activity, expert, specialist, extremism, extremist threat, materials of extremist orientation.

В настоящее время среди совершаемых преступлений наблюдается увеличение числа правонарушений экстремистской направленности. Усиление экстремистской угрозы приводит к увеличению числа экспертиз, связанных с анализом различных материалов экстремистской направленности. В силу данного обстоятельства можно утверждать, что в настоящее время экспертиза по преступлениям экстремистской направленности постепенно формируется в отдельную область судебных исследований, обладающую собственной предметностью, методологией и методикой проведения.

понятием «экстремистская деятельность». Необходимость сведения экстремизма к понятию «экстремистская деятельность» обусловлено стремлением законодателя, с одной стороны, обеспечить свободу слова и мысли, а с другой - пресечь проявления ненависти на различной социальной почве.

Прежде чем говорить о специфике судебных экспертиз, назначаемых для исследования экстремистских материалов, необходимо раскрыть специфику правового определения экстремизма. Специфика современного правового определения экстремизма заключается в отказе от общей формулировки данного понятия и его замене

В целом, ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] определяет ее как идеологически окрашенное противоправное вторжение в политическую, экономическую и социальную сферы жизни общества, влекущее за собой разжигание расовой, национальной, религиозной или иной ненависти, а также нарушающую безопасность страны или ее целостности.

Говоря о специфике экспертизы, назначаемой по преступлениям экстремистской направленности, следует различать традиционные для экспертной практики, почерковедческую, фотоскопическую,

автороведческую, а также, и другие экспертизы, в конечном итоге, устанавливающие наличие или отсутствия экстремистского содержания в исследуемых материалах. Основными видами экспертиз, направленных на выявление в материалах экстремистского содержания следует признать:

- психолого-лингвистическую;
- религиоведческую;
- культурологическую;
- психолого-этнологическую и др.

Общим для всех перечисленных экспертиз является использование в них специальных знаний в области различных социально-гуманитарных дисциплин. Каждая из них содержит в себе целый ряд специфических черт, связанных с предметом, структурой, методологией и методикой проведения. Помимо этого, общим для них может являться установление фактов наличия в представленных материалах проявления вражды, ненависти, направленных против какой-либо социальной группы, а также – призывов или действий, связанных с насильственным изменением государственного строя или нарушением целостности государства [8, с. 397].

Охарактеризуем специфические черты основных экспертиз материалов на наличие в них экстремистской направленности.

Психолого-лингвистическая экспертиза представляет собой комплексное исследование, проводимое в целях установления в тексте или речевом высказывании наличия или отсутствия признаков экстремизма. Комплексный характер данного вида судебных экспертиз обусловлен тем, что он осуществляется психологами и лингвистами. Как правило, перед специалистом-психологом ставятся вопросы, связанные с наличием или отсутствием в исследуемом материале признаков психического воздействия на читателя или слушателя, а также – на формирование у него отрицательного образа определенной социальной группы. Особое внимание при проведении психологической экспертизы уделяется вопросу о способности предоставленного материала побудить читателя или слушателя к осуществлению конкретных негативных или откровенно агрессивных действий по отношению к той или иной социальной группы. В свою очередь, перед специалистом-лингвистом ставятся задачи определения наличия или отсутствия в исследуемом материале высказываний, негативно оценивающих конкретную социальную группу, возбуждающих ненависть и агрессивные действия по отношению к ней. Основной задачей психолого-лингвистической экспертизы, в целом, является установление, как психологических последствий различных проявлений социальной ненависти, так и специфики ее языкового выражения.

Если психолого-лингвистическая экспертиза представляет собой сложившийся элемент судебно-экспертной практики, то культурологическую экспертизу следует признать формирующейся методологией. Необходимость осуществ-

ления данного вида экспертиз обусловлено тем, что в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности возникает потребность в привлечении специалистов в области истории, религиоведения, политологии и других социально-гуманитарных наук. Так же как и психолого-лингвистическая экспертиза, культурологическая экспертиза является комплексной и производится с привлечением различных специалистов.

В связи с этим, организация и проведение культурологической экспертизы предполагает четкое разделение компетенций специалистов. В структурном же отношении вопросы культурологической экспертизы являются однотипными и нацелены на установление соответствия проверяемого материала данным конкретной науки или принадлежности различным объединениям радикального характера. Важным требованием, предъявляемым к культурологической, как и к любой другой экспертизе, является недопустимость составления, так называемых, «компромиссных заключений», поскольку каждый эксперт несет за сделанные выводы личную ответственность.

Одной из самых востребованных и, вместе с тем, сложных экспертиз, проводимых на определение наличия в проверяемом материале экстремистской составляющей, следует признать религиоведческую экспертизу. Основной задачей данного вида экспертиз следует признать определение различных высказываний и изображений, направленных против представителей той или иной религиозной группы [6, с. 192]. Важнейшими вопросами, которые ставятся перед экспертом-религиоведом, являются вопросы, связанные с идентификацией конфессиональной принадлежности той или иной религиозной организации, определением ее ценностных ориентиров и реализуемых религиозных практик, а также – степень допустимости негативной оценки по отношению к другим религиозным направлениям.

Одной из главных проблем религиоведческой экспертизы следует признать отсутствие учреждений, подготавливающих специалистов в данной области. В силу данного обстоятельства достаточно сложно найти специалиста, который, с одной стороны, обладал бы глубокими познаниями в области догматики и религиозной практики определенной конфессии, а с другой – мог бы дать объективную оценку предоставляемым на экспертизу материалам.

Следующим видом экспертиз по исследованию материалов экстремистской направленности является политологическая экспертиза, которая представляет собой исследование различного рода материалов на соблюдение в них норм социально-политической коммуникации. Объекты политологической экспертизы, так же как и материалы других видов экспертиз, назначаемых по делам, связанным с обвинением в экстремизме, весьма многообразны. Специфическими объектами политологической экспертизы являются различные пропагандистские или предвыборные издания, документы, содержащие политические программы или уставы политических органи-

заций. Особую категорию материалов политологической экспертизы составляют аудио-, видео – записи различных политических акций. Еще одним важным предметом политологической экспертизы следует признать различного рода атрибуты и символику политических организаций и движений.

Важнейшими вопросами, задаваемыми при проведении политологической экспертизы, следует признать вопросы, связанные с определением характера идеологии или иной политической организации, а также - наличия в том или ином материале угроз в адрес определенной социальной группы, организации или государства. В целом,

Литература:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». URL : <https://base.garant.ru>
2. *Голубых Н.В.* О сущности понятия «экстремизм» / Н.В. Голубых, М.П. Леготина // Адвокат. 2013. № 6. С. 60–63.
3. *Заслужный А.Г.* Экстремизм: современные представления об общественной опасности / А.Г. Заслужный, Т.Н. Беяева // Современное право. 2012. № 6. С. 7–10.
4. *Иванченко С.И.* Проблемы обоснованности и достоверности выводов религиозно-экспертной экспертизы // Исламоведение. 2013. № 4. С. 46–55.
5. *Карягина А.В.* Информационный экстремизм в современном государственно-правовом пространстве // Философия права. 2016. № 4. С. 105–108.
6. *Куприянова Е.А.* Правовое обеспечение религиозно-экспертной экспертизы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2017. № 2. С. 191–198.
7. Методическое пособие по вопросам проведения религиозно-экспертной экспертизы. Астана, 2013. 152 с.
8. *Подкалитина М.Л.* Проблема выявления экстремизма в средствах массовой информации с помощью специальных знаний // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 393–406.

политологическая экспертиза нацелена на получение оценки различного рода политических ситуаций и, связанных с ними, политических эффектов, имеющих административную или уголовную значимость.

Завершая краткий анализ экспертиз, проводимых по делам, связанным с обвинением в экстремизме, следует подчеркнуть, что они разнообразны по своим видам и, как правило, носят комплексный характер, требуя для своего проведения привлечения специалистов из различных областей научных знаний, изучающих общество, культуру и человека.

Literature:

1. Federal law of July 25, 2002 № 114-FZ «On countering extremist activity» (with amendments and additions) // SPS «Garant». URL : <https://base.garant.ru>
2. *Golubykh N.V.* On the essence of the concept «extremism» / N. V. Golubykh, M. p. Legotina // Lawyer. 2013. № 6. P. 60–63.
3. *Meritorious A.G.* Extremism: modern ideas about public danger / A.G. Meritorious, T.N. Belyaeva // Modern law. 2012. № 6. P. 7–10.
4. *Ivanchenko S.I.* Problems of validity and reliability of conclusions of religious studies expertise // Islamic Studies. 2013. № 4. P. 46–55.
5. *Karyagina A.V.* Information extremism in the modern state-legal space // Philosophy of law. 2016. № 4. P. 105–108.
6. *Kupriyanova E.A.* Legal support of religious studies expertise // Scientific problems of humanitarian research. 2017. № 2. P. 191–198.
7. Methodological guide for conducting religious expertise. Astana, 2013. 152 p.
8. *Podkalitina M.L.* The Problem of identifying extremism in the mass media with the help of special knowledge // Actual problems of Russian law. 2017. № 2. P. 393–406.

Вецкая Светлана Анатольевна

доцент кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
lisizai@mail.ru

**ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. В статье рассмотрены факторы, влияющие на зарождение, формирование и проявление противоправного поведения среди несовершеннолетних в период школьной дезадаптации, как одной из первых причин возникновения девиаций агрессивной или социально-пассивной направленности, обуславливающей, в том числе, преступное поведение конкретного подростка. Отмечается, взаимообусловленность социального неблагополучия семьи с генезисом преступного поведения несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетний; девиантность; делинквентность; криминалистическая профилактика; подразделения по делам несовершеннолетних; психо-физиологическая «установка»; «комплекс неполноценности»; ситуация, провоцирующая несовершеннолетнего на совершение преступления; психосоциальная проблема; школьная дезадаптация; ситуации, провоцирующая на совершение краж, грабежей, разбоев; социальные и психо-физиологические нарушения.

Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними [3] – закономерное следствие социально-экономической и духовно-нравственной ситуации в России, характеризующейся в настоящее время нарастанием социального неблагополучия семей, снижением их жизненного уровня, криминализацией отдельных направлений существования «подростковой» среды. Данную проблему усугубляет отсутствие тенденции к уменьшению числа граждан, лишенных родительских прав; наличие «пробелов» в нормативно-правовом регулировании личных неотъемлемых прав самих подростков как потенциальных субъектов совершения отдельных видов и групп преступлений в ближайшей перспективе; устойчивый рост числа их ранней алкоголизации и увлечения наркотиками. Родители, начиная с дошкольного периода жизни своего ребенка, становятся, практически, зависимыми, во-первых, от своих, во многих случаях, весьма ограниченных материальных возможностей, и, во-вторых, от уже устоявшейся системы, характеризующейся денежной оплатой предоставляемых услуг детям

Svetlana A. Vetskaya

Associate Professor of Department
of Criminal proceedings,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
vetskaya@mail.ru

**GENESIS OF CRIMINAL BEHAVIOR
OF MINORS UNDER
THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY**

Annotation. The article discusses the factors affecting the origin, formation and manifestation of illegal behavior among minors during the period of school maladaptation, as one of the first causes of deviations of an aggressive or socially passive orientation, which determines, among other things, the criminal behavior of a particular teenager. It is noted that the interdependence of the social disadvantage of the family with the genesis of the criminal behavior of a minor is confirmed by specific statistics from one of the regions of the Southern Federal District of the Russian Federation.

Keywords: minor; deviance; delinquency; forensic prevention; juvenile units; psycho-physiological «installation»; «inferiority complex»; a situation provoking a minor to commit a crime; psychosocial problem; school maladjustment; a situation that provokes theft, robbery, robbery; social and psycho-physiological disorders.

по дошкольному образованию в государственных (муниципальных) образовательных организациях различных типов.

С юридической точки зрения, все соответствует принятому федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», в котором категория «общее образование» начинается с «дошкольного образования» [4].

Внедрение таких, и им подобных, разработок в систему дошкольного образования в ожидаемой краткосрочной перспективе, предусматривает, обеспечение всех детей в возрасте от 3 до 7 лет возможностью получать те самые «услуги дошкольного образования», в том числе, и за счет развития его негосударственного сектора [6].

Благополучие ребенка в семье, обуславливается, в том числе, уровнем образованности и воспитанности его родителей. Так, из общего числа всех судебных дел, связанных с семейными отношениями, 44% во многом, обусловлены разводами;

30 % – алиментами, как пояснил глава Верховного Суда РФ В. Лебедев [7].

Конституция РФ провозглашает основное общее образование – обязательным. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми образования данного уровня [2]. Очевидно, что изложенное предписание основного закона, указывает на то, что система образования подчинена следующим взаимодействующим факторам: а) социальным (условия жизни и воспитания), б) психолого-педагогическим (семейное, школьное, дополнительное образование), в) индивидуальным (психологические предпосылки, затрудняющие социальную адаптацию) [9]. При этом наличие «неблагополучных семей» – остается одним из важных факторов различных отклонений в поведении подростка, в том числе и тех, которые, в случае возникновения соответствующей ситуации, провоцируют его на совершение краж, грабежей, разбоев и т.д.

Известно, что с наступлением школьного периода, а это возраст от 7 до 17 лет, у подростков все более активно формируется тенденция к качественным изменениям в социально-психологической структуре их личности. При этом необходимо отметить, что система школьного образования в настоящее время, во многом, принципиально отличается от существовавшей в советский период развития нашего государства и общества, и обеспечивается она значительно большим, чем ранее, числом структурных ведомств и специальных подразделений.

Уже в первые годы обучения в школе может происходить дифференциация подростков по отдельным направлениям возникновения у них девиантного поведения [12].

Так, в первую очередь, выделяется подростковая школьная дезадаптация, следствием которой являются: случаи различных межличностных неудач в школе; низкая успеваемость по шкале «бальной системы»; конфликтное поведение подростков с учителями и одноклассниками и др.

При этом возникает и укрепляется чувство одиночества, личной не востребованности, интеллектуальной несостоятельности, которое, «взрослея», с годами укрепляется и объективно формирует у несовершеннолетнего психо-физиологическую «установку» на возможность реализации своего, им осознанного, «комплекса неполноценности» на более высоком уровне своих возможностей, но уже за счет пренебрежения не только нормами общественного поведения, но и нарушения норм административного и уголовного права.

Не вполне состоятельная система школьного образования, что на сегодня стало очевидным фактом, и педагогические ошибки в воспитании и обучении продолжают порождать психосоциальные (связанные с психологией и поведением субъекта), в том числе, и соматические проблемы учащегося, которые, не будучи разрешенными в младшем школьном возрасте, о чем нами указано выше, становятся основой для всевозможных негативных отклонений в развитии личности

несовершеннолетнего. Прогностическая функция раннего выявления таких отклонений в рамках профессиональной деятельности, принадлежит социальному педагогу, в основе которой заложен процесс воспитания и развития личности школьника. Реализация успешности такой деятельности социального работника возможна при личном знакомстве с каждым обучающимся, иметь представление о его семейной ситуации, своевременно оказывать психолого-педагогическую помощь, взаимодействовать с органами социальной опеки.

С учетом того, что в подростковом возрасте резко меняется поведение в негативную сторону: а) появляется агрессия, склонность к употреблению психоактивных, влияющих на функционирование центральной нервной системы, веществ и погружении в виртуальный мир (в частности, компьютерная зависимость); б) ситуативные и преднамеренные самовольные уходы из дома и школы на определенное время, а также в) слабо или вообще не мотивированный отказ от обучения в школе. Считается, что в случае сформированности, хотя бы одного-двух из перечисленных факторов, школьник становится представителем группы повышенного социального риска » [13].

В настоящее время существует и практически используется несколько понятий, характеризующих такую социальную группу подростков, а именно: «трудновоспитуемые», «кризисные», «педагогически запущенные», «дезадаптивные», «асоциальные» [15].

Численность, так называемых, «трудных детей» («подростков»), к сожалению, неуклонно растет. При этом в данную категорию нередко попадают дети в возрасте от 8 до 11 лет. Для характеристики «отклоняющегося» поведения, в настоящее время, используются такие специальные термины, как: «делинквентность» и «девиантность».

Понятие делинквентности в научных изданиях появилось в 1950-х г. прошлого века. В частности, А. Козн делинквентное поведение определял, как антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощенное в его поступках (действии или бездействии), наносящих вред, как отдельным гражданам, так и обществу в целом [9].

В свою очередь, И.Ю. Кулагина такое поведение определяла через «цепь» совершенных проступков, провинностей, правонарушений и преступлений, отличающихся от криминальных, т.е. – уголовно наказуемых действий [12]. При этом под девиантностью, она предлагала понимать такое отклонение от принятых в обществе норм, при котором, к основам девиантного поведения в обществе можно было бы отнести преступность, наркоманию, алкоголизм, проституцию, суицид, где каждая форма девиации имеет свою специфику [10].

Известно, что в психологии термины, рассмотренные выше, в большей степени имеют описательно-эмоциональные характеристики факторов: психобиологических (наследственные заболевания), социальных (особенности семейного

воспитания), личностным (повышенная тревожность, конфликтность) [11]. В уголовном же праве поведение подростка, выходящего за рамки норм социального поведения, именуется безнадзорностью [3]. Не случайно, Федеральный закон «О полиции» строго обязует участвовать в профилактике безнадзорности [3] и правонарушений несовершеннолетних; осуществлять розыск несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации [5].

Таким образом, процесс преступного (уголовно-наказуемого) поведения несовершеннолетних, что возможно с достаточной уверенностью утверждать, возникает и развивается в период школьной дезадаптации, как одной из первых причин появления девиаций, например, агрессивной или социально-пассивной направленности. Девиантное поведение подростков – это серьезная проблема, существующая в современном обществе. Такое явление обязательно нуждается в скорейшей коррекции, однако исправить его представляется значительно трудным делом.

Силовые методы «воспитания» (наказание или административные взыскания), которые не редко применяют родители, педагоги и воспитатели, влияют на детей асоциально, то есть, лишь ухудшают ситуацию, усугубляя процесс протекания уже имеющихся социальных и психо-физиологических нарушений, что является важной причиной удаления (отстранения) детей от таких «воспитателей» и возникновения у них потребности ограничения контакта с ними, и как следствие, «вхождение в состояние» психологического отчуждения.

Известно, что профилактика правонарушений, в том числе, и уголовно-наказуемых, среди подростков предполагает ситуацию, в которой: школа становится местом реального «приложения» (применения) своих сил и возможностей в инициативном их исполнении. При этом она должна включать систему социальных, правовых и педагогических мер, к примеру: индивидуально-профилактическую работу с учащимися; организационно-просветительскую деятельность, направленную на формирование законопослушного поведения и пропаганду здорового образа жизни.

Логика профилактики, в том числе и – криминалистической (когда несовершеннолетний подросток вовлечен в уголовное расследование в качестве

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 27.11.2019).
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) //

свидетеля, потерпевшего, в том числе, и подозреваемого) обуславливает необходимость создания в школе условий не провоцирующих отклоняющегося поведения обучаемого, а наоборот: расширяющих безопасное для подростка пространство, в котором ему было бы комфортно, интересно и не возникала бы необходимость удовлетворения своих потребностей, не правомерным, в том числе, и преступным способом, начиная от прогула без уважительной причины до появления в общественных местах в состоянии алкогольного или иного опьянения; отбирании мелких личных вещей и денег. «Первый случай детского воровства – это не воровство, это «взял без спросу». А потом воровство становится привычкой» [14].

Как представляется, в настоящее время целями реализации благополучия школьного пространства как условия, способствующие социально-педагогической поддержке, представляются определяющие развитие, структуры внеурочной деятельности, учитывающий возрастные особенности обучаемых; реализация досуговых программ, организация любительской самодеятельности (спортивной, театральной, музыкальной, творческой). В старших классах проведение часа-воспитания правовой культуры школьников совместно с сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних.

Важнейшими задачами школы, социального педагога должны являться целенаправленная пропаганда педагогических знаний среди родителей, использование форм и методов работы с семьей, для грамотного и эффективного воспитания подростков в семье, обеспечение положительного эмоционального состояния обучаемых, оказание помощи в межличностных конфликтах, снятии депрессивного состояния, создание ситуаций успешности школьников.

Таким образом, в случае создания оптимальных условий для воспитания и обучения в семье и школе, вероятность формирования преступного поведения несовершеннолетних объективно – снижается. При этом, в зоне особого внимания должно оставаться решение следующих проблем: а) школьного воспитания; б) досуговой деятельности; в) индивидуальной профилактической работы по ресоциализации подростка, где их возрастные, асоциальные особенности могут быть нейтрализованы соответствующей социально положительной деятельностью, надлежащих субъектов.

Literature:

1. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) // Consultant Plus: comp. ref. legal system. URL : <http://www.consultant.ru> (date of the address 11/27/2019).
2. The Constitution of the Russian Federation (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 № 6-FKZ, dated

Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 27.11.2019).

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон Рос. Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ (последняя редакция). URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 27.11.2019).

4. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 27.11.2019).

5. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция). URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 27.11.2019).

6. Об утверждении плана мероприятия («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30.12.2012 г. № 2620-р. URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 27.11.2019).

7. Доклад главы Верховного суда РФ В. Лебедева на итоговом совещании судей. Москва, 20.02.2018 г. <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения 27.11.2019).

8. Обзор учетных дел на несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП на основании решения суда за 2018–2019 гг.

9. *Клейберг Ю.А.* Социальная психология девиантного поведения : учеб. пособ. для вузов. М., 2004.

10. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения : учеб. пособ. для вузов. М., 2001. 39–40 с.

11. *Козн А.* Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М., 1965.

12. *Кулагина И.Ю.* Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет). М. : Изд-во Ун-та Российской академии образования, 1998. С. 137–138.

13. *Львова М.В.* Социально-психологические особенности профилактики девиантного поведения подростков : дис. ... канд. психол. наук: 10.00.05: Тверь, 2000. 126 с.

14. *Макаренко А.С.* О воспитании. М. : Политиздат, 1988. 256 с.

15. *Харченко Т.В.* Формирование здорового образа жизни и безопасного поведения детей и подростков / Т.В. Харченко, Е.С. Позднякова, О.В. Сорокина, К.С. Калашникова; Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Детство». Вып. 5. Краснодар, 2018. С. 29.

December 30, 2008 № 7-FKZ, dated February 5, 2014 № 2-FKZ) // Consultant Plus: comp. ref. legal system. URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (date of the address 11/27/2019).

3. On the basics of the system for the prevention of child neglect and juvenile delinquency: Feder. The law has grown. Federation of June 24, 1999. № 120-ФЗ (latest edition). URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (date of the address 11/27/2019).

4. On education in the Russian Federation: federal. The law has grown. Federation of December 29, 2012 № 273-ФЗ (latest revision). URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (date of the address 11/27/2019).

5. About the police: fed. Law dated 07.02.2011 N 3-ФЗ (latest revision). URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru). (date of the address 11/27/2019).

6. On approval of the action plan («road map») «Changes in the sectors of the social sphere aimed at improving the efficiency of education and science» Government Decree Ros. Federation of December 30, 2012 № 2620-r. URL : [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (date of the address 11/27/2019).

7. Report of the Head of the Supreme Court of the Russian Federation V. Lebedev at the final meeting of judges. Moscow, 02.20.2018, <https://www.vsrfr.ru/> (date of the address 11.27.2019).

8. Review of accounting cases for minors placed in the Center for the Protection of Children and Young Persons on the basis of a court decision for 2018–2019.

9. *Kleiberg Yu.A.* Social Psychology of Deviant Behavior : textbook for High Schools. M., 2004.

10. *Kleiberg Yu.A.* Psychology of deviant behavior : textbook for universities. M., 2001. 39–40 p.

11. *Cohen A.* Research on the problems of social disorganization and deviant behavior // Sociology today. M., 1965.

12. *Kulagina I.Yu.* Age Psychology (Development of a child from birth to 17 years). M. : Publishing House of the University of the Russian Academy of Education, 1998. P. 137–138.

13. *Lviv M.V.* Socio-psychological features of the prevention of deviant behavior of adolescents : dis .. cand. psycho. sciences: 10.00.05: Tver, 2000. 126 p.

14. *Makarenko A.S.* On education. M. : Politizdat, 1988. 256 p.

15. *Harchenko T.V.* The formation of a healthy lifestyle and safe behavior of children and adolescents / T.V. Harchenko, E.S. Pozdnyakova, O.V. Sorokina, K.S. Kalashnikova; Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance «Childhood» Issue 5. Krasnodar, 2018. P. 29.

Гузеева Ольга Сергеевна
кандидат юридических наук,
судья,
Арбитражный суд Московской области
Olga3520@list.ru

СТАТУС ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. На основе анализа решений Конституционного Суда РФ и современных научных источников раскрывается статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях. Доказана невозможность признания субъектами уголовно-правового отношения должностных лиц, рассматривающих уголовные дела, потерпевших от преступления. В качестве субъектов предложено понимать физических лиц, совершивших преступление (способных и не способных нести уголовную ответственность), а также юридических лиц.

Ключевые слова: конституционализация уголовного права, уголовно-правовое отношение, потерпевший от преступления, лицо, совершившее преступление.

Субъектом, противостоящим государству в уголовно-правовых отношениях, выступает лицо, совершившее преступление. Этот самый общий тезис, с одной стороны, отражает определенную «зону согласия» в отечественной науке, опирающуюся на представления о двустороннем характере правоотношения, но с другой стороны, служит исходной точкой для формирования значительного числа дискуссионных площадок, на которых активно обсуждаются вопросы относительно видов, особенностей, признаков этого субъекта.

Приступая к исследованию этого вопроса, прежде всего, без глубоких рассуждений, отметим категорическое несогласие с представленной в современной науке позицией, согласно которой общее понятие «личность как субъект уголовно-правовых отношений» включает в себя государственных должностных лиц, возбуждающих уголовное дело, ведущих уголовное судопроизводство и исполняющих приговор суда [1]. При надлежащем исполнении указанных функций эти лица выступают от имени государства и реализуют именно государственные полномочия в содержании уголовно-правового отношения, в связи с чем они не могут рассматриваться как самостоятельные, отличные от государства субъекты этого отношения. В случае же ненадлежащего исполнения своих обязанностей такие должностные лица выступают уже в качестве правонарушителей, т.е.

Olga S. Guzeeva
Candidate of Law Sciences,
Judge,
Arbitration Court of the Moscow Region
Olga3520@list.ru

THE STATUS OF THE OFFENDER IN CRIMINAL LAW

Annotation. On the basis of the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and modern scientific sources, the status of the perpetrator of the crime in criminal law relations is revealed. It has been proved impossible for the subjects of criminal law to recognize officials dealing with criminal cases as victims of crime. As subjects it is proposed to understand natural persons who have committed a crime (capable and unable to bear criminal responsibility), as well as legal entities.

Keywords: Constitutionalization of criminal law, criminal relation, victim, perpetrator.

стороны, противопоставившей себя государству, и в этом отношении они ничем не отличаются от иных «частных лиц» – правонарушителей. В связи с этим отсутствуют сколько-нибудь серьезные теоретические основания для позиционирования должностных лиц в качестве самостоятельной разновидности такого субъекта уголовно-правовых отношений, как «личность».

Гораздо острее и сложнее проблема признания субъектом уголовно-правового отношения потерпевшего от преступления. В науке представлена широкая палитра мнений по этому вопросу, а взаимная критика известных позиций избавляет нас от необходимости их детального анализа. Отметим только, что высказанные в литературе мнения по этому вопросу отражают порой весьма стройные теоретические построения специалистов, но при этом откровенно не всегда учитывают правовые позиции Конституционного Суда РФ, что следует признать их существенным недостатком.

Между тем, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений высказался вполне определенно по вопросу о возможности признания потерпевшего субъектом уголовно-правового отношения. Приведем наиболее значимые решения:

– Лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступ-

лением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим. Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им [2];

– Лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно законодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства [3];

– Ни объем, ни степень гарантированности прав на судебную защиту и на восстановление нарушенных прав и законных интересов не могут зависеть от того, реализовало ли государство свое правомочие по осуществлению уголовного преследования или отказалось от этого, приняв новый уголовный закон, устранивающий или смягчающий уголовную ответственность [4];

– Обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обуславливает наделение его правом определять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов [5];

– Из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции РФ, федеральными законами; гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция РФ не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, – решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя [6];

– Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемое виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения.

Причем, решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, не зависит от волеизъявления потерпевшего – оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела [7].

Таким образом, можно вполне уверенно утверждать, что в конституционной концепции уголовно-правового регулирования, каковой она представляется Конституционному Суду РФ, и с которой нельзя не считаться исследователям, потерпевший не рассматривается субъектом уголовно-правовых отношений. При всей безусловной, конституционно значимой обязанности государства по обеспечению и защите прав и интересов потерпевших, возникающие в связи с ее реализацией отношения не являются отношениями уголовно-правовыми. Определить в настоящий момент отраслевую принадлежность этих отношений крайне затруднительно по причине общей недостаточности нормативного материала. Если вопросы доступа потерпевшего к правосудию урегулированы в УПК РФ, то иные проблемы остаются, на наш взгляд, недостаточно определенными. Так, отсутствует сколько-нибудь системное видение решения проблемы социальной реабилитации жертв, медицинской, социально-психологической и иных видов помощи им, недостаточно обеспечена защита потерпевших от вторичной виктимизации.

Остро стоит вопрос о возмещении причиненного потерпевшему ущерба. Основная проблема заключается в том, выступает ли такое возмещение обязанностью государства или же это деликтные обязательства частных лиц (виновников преступления), вытекающие из факта причинения вреда. Заметим в сравнительно-правовом аспекте, что важные указания именно на государственные обязательства в рассматриваемом вопросе содержатся в Конституциях некоторых стран. Так, ст. 124 Конституции Швейцарии установила, что «Союз и кантоны заботятся о том, чтобы лица, потерпевшие от преступления против их физической, психической или сексуальной неприкосновенности, получали помощь и соразмерное возмещение, если вследствие преступления у них возникли экономические трудности»; ст. 30 Конституции Южной Кореи определила: «Граждане, потерпевшие телесное повреждение или погибшие в результате преступного действия, совершенного другим лицом, могут получить помощь государства в рамках условий, предусмотренных законодательством»; в ч. 2 ст. 128 Конституции Ирака закреплено, что «государство гарантирует компенсацию семьям мучеников и пострадавшим в результате террористических актов».

В России, насколько можно судить на основании конституционных текстов, обязанность компенсации причиненного потерпевшему ущерба однозначно возложена на государство только в том случае, если речь идет о потерпевших от «злоупотребления властью». В части же компенсации ущерба жертвам преступлений Конституция предписывает государству лишь «обеспечить»

такую компенсацию. Способы же обеспечения могут быть весьма различными, они определяются законодателем самостоятельно, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ. При этом, как показывает практика, один из наиболее распространенных способов такого «обеспечения» – регламентация гражданского иска, что в рассматриваемом нами контексте означает констатацию именно гражданско-правовых отношений, связанных с возмещением вреда от преступления непосредственно со стороны виновного. Это обстоятельство, кстати, прямо зафиксировано в ст. 35 Конституции Сербии: «Закон должен определять условия, при которых пострадавшая сторона может требовать компенсацию ущерба непосредственно от человека, который причинил ущерб».

Не развивая далее тему потерпевшего и его отношений с государством и лицом, совершившим преступление, еще раз повторим: потерпевший не может быть признан субъектом уголовно-правовых отношений, он не обладает уголовно-правовыми по своему содержанию правами и обязанностями по отношению к государству и лицу, совершившему преступление.

Таким образом, единственным субъектом, который в уголовно-правовых отношениях противостоит государству, является лицо, совершившее общественно опасное деяние. Но и здесь возникает ряд актуальных вопросов, которые нуждаются хотя бы в кратком освещении.

Традиционный взгляд насубъекта уголовного правоотношения предполагает, что в качестве такового выступает человек («гражданин», «физическое лицо»). Дискуссии по поводу того, выступает ли субъектом «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый» или «осужденный» представляются нам в настоящий момент неактуальными, «угасающими», по той причине, что отмеченные обозначения фиксируют уголовно-процессуальный статус лица, совершившего преступления. Тогда как субъектом правоотношения выступает само это лицо, вне зависимости от того, придан ли ему соответствующим процессуальным актом тот или иной статус.

Вместе с тем, развитие уголовно-правовой теории и практики противодействия преступности обусловило постановку и в ряде случаев вполне успешное решение вопросов ответственности юридических лиц за преступления. Этой проблеме посвящена обширная литература. В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости «теоретической прописки» юридического лица в структуре уголовно-правового отношения. Показательно, что во всех имеющихся источниках, обосновывающих необходимость введения ответственности юридических лиц, проблема юридического лица как субъекта уголовно-правового отношения не обсуждается, хотя значимость ее, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Заметим, что отечественная правовая система уже давно знакома с публично-правовой ответственностью юридических лиц, в том числе и с административной ответственностью, которая по

ряду своих ключевых параметров крайне близка ответственности уголовно-правовой, о чем неоднократно высказывался и Европейский суд по правам человека, и Конституционный Суд РФ [8]. На основании имеющихся решений Конституционного Суда РФ, легитимирующих применение мер административной ответственности к юридическим лицами обосновывающих необходимость соблюдения общеправовых принципов ответственности при конструировании оснований и мер административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, можно вполне обоснованно предположить, что конституционных препятствий к закреплению в уголовном законе правил об ответственности юридических лиц не имеется.

Однако это не снимает вопроса о юридическом лице как субъекте уголовно-правового отношения, но позволяет уточнить саму его постановку: является ли субъектом уголовно-правового отношения субъект ответственности или субъект, совершивший уголовно-противоправное деяние, если допустить теоретически, что эти субъекты не совпадают в одном лице.

В классической литературе этот вопрос обсуждается в связи с возможностью признания субъектами уголовно-правовых отношений невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Некоторые авторы категорически утверждают, что субъектом уголовного правоотношения выступает лишь лицо, отвечающее признакам субъекта преступления и способное нести ответственность за это преступление [9, с. 87; 10, с. 375]. Другие отстаивают противоположную позицию. Еще Р.И. Михеев писал, что «совершая предусмотренное уголовным законом деяние, невменяемый неизбежно вступает в определенные отношения с государством, и такие отношения носят юридический характер: государство обязано ограждать как общество в целом, так и отдельных членов общества от подобных, хотя совершаемых без вины и ненаказуемых, но тем не менее общественно опасных деяний путем применения специфических уголовно-правовых мер принуждения к невменяемому – принудительных мер медицинского характера» [11, с. 242–243]. При этом характерно, что допуская таких лиц в круг субъектов уголовного правоотношения, авторы, во-первых, строго следуя нормативному тексту УК РФ, признают субъектами лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости [12] (поскольку правовое последствия соответствующего деяния определены УК РФ), но не признают таковыми лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (что, по меньшей мере, крайне дискуссионно с точки зрения системного подхода к решению проблемы); а во-вторых, конструируют для таких лиц, не способных нести уголовную ответственность, особый, специфический вид уголовно-правовых отношений, рассматривая их отдельно от классического правоотношения «государство – преступник» и допуская таким образом существование нескольких видов охранительных уголовно-правовых отношений. И.Ф. Дедюхина, к примеру, прямо пишет, что в зависимости от того, какой юридический факт лежит в основе

возникновения отношений, следует выделять постпреступные охранительные и постделиктные охранительные уголовно-правовые отношения [13, с. 54].

В настоящее время проблема определения субъекта уголовно-правового отношения в рассматриваемом контексте усугубляется положениями уголовного закона, которые допускают взыскание штрафа, назначенного несовершеннолетнему, с его родителей или законных представителей (ч. 2 ст. 88 УК РФ), а также возможностью возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда для целей освобождения от уголовной ответственности (статьи 75–76.2, 199, 199.1 УК РФ) не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами или организацией (п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). В связи с этими нормами возникает не исследованный в науке вопрос о том, являются ли в данном случае родители, законные представители несовершеннолетнего или иные лица, возмещающие ущерб, субъектами охранительного уголовно-правового отношения, или нет.

Обсуждение этого комплекса вопросов позволило Н.В. Генрих сделать вывод о том, что «в некоторых случаях в рамках правоотношения государству противостоит не субъект преступления, а иные лица, непосредственно не связанные с совершением преступления»; таких лиц предложено именовать «субсидиарными участниками уголовно-правового отношения» [14, с. 169, 174]. В рамках такой концепции, которая, однако, по мысли ее автора, исключает их круга субъектов уголовно-правового отношения невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, понятие субъекта уголовно-правового отношения фактически уравнивается с понятием субъекта ответственности (если понимать под ответственностью в данном случае все меры правового воздействия, которые потенциально могут последовать в случае совершения преступления и которые предусмотрены в УК РФ) и включает в себя как лиц, совершивших преступление, так и иных субъектов – представителей несовершеннолетнего, юридических лиц, лиц, компенсирующих ущерб от преступления для целей освобождения от уголовной ответственности, лиц, которые не совершали преступления, но в отношении которых осуществляется конфискация имущества.

Однако детальное рассмотрение этой концепции выявляет ее некоторые существенные недостатки, связанные, прежде всего, с недифференцированной оценкой правового статуса рассматриваемых лиц. В частности, если допустить в круг субъектов уголовно-правового отношения представителей несовершеннолетнего, лиц, компенсирующих ущерб, и лиц, в отношении которых осуществляется конфискация имущества, то надо закономерно признать наличие у них и государства корреспондирующих прав и обязанностей именно в рамках уголовного права. Вместе с тем, таковых прав и обязанностей обнаружить не

удается. Родители, законные представители несовершеннолетнего, лица возмещающие ущерб берут на себя выполнение определенных функций по уплате штрафа или компенсации ущерба добровольно, государство не может их к этому обязать и не может принять в отношении каких бы то ни было принудительных мер в случае отказа от исполнения этих функций. Если такие лица и состоят в правоотношениях, то не с государством, а с примирителем вреда, и отношения эти по своей природе гораздо ближе к гражданско-правовым, нежели к уголовно-правовым. А потому «субъекты ответственности» в данном случае не выступают субъектами уголовно-правовых отношений.

Иная логика должна быть применима к характеристике юридических лиц. Однако, по нашему убеждению, ей препятствует высказанное Б.В. Волженкиным и впоследствии широко растиражированное мнение о необходимости различения в характеристике юридических лиц статуса субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности [15]. Как известно, Б.В. Волженкин писал, что юридических лиц нецелесообразно признавать субъектами преступления, но допустимо считать субъектами уголовной ответственности. Такой подход препятствует построению стройной теоретической концепции. Быть субъектом уголовной ответственности можно только в рамках уголовно-правовых отношений, которые складываются в связи с фактом нарушения уголовно-правового запрета между государством и лицом, нарушившим запрет. Следовательно, признавая юридических лиц субъектами уголовной ответственности надо однозначно признать, что они получают таковой статус именно в силу того, что совершили преступление, то есть, иными словами, являются субъектами преступления. Вопрос о том, какова в данном случае конструкция состава преступления и как ответственность юридических лиц согласуется с принципом вины, приобретает самостоятельное и отдельное значение, его решение не зависит от признания юридических лиц субъектами уголовно-правового отношения.

В итоге, представленные рассуждения позволяют констатировать, что обладание лицом статусом субъекта ответственности с необходимостью предполагает его участие в уголовно-правовом отношении. Иной же вопрос – достаточно ли быть участником правоотношения, чтобы стать субъектом ответственности (или иначе – совпадают ли статусы участника правоотношения и субъекта ответственности), по нашему убеждению, должен быть решен отрицательно. И в этой связи нет никаких препятствий к тому, чтобы лиц невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, признавать субъектами уголовно-правовых отношений. Существующие различия в определении процессуального порядка рассмотрения соответствующих дел надо признать следствием теоретической неопределенности в решении этой проблемы и недочетом законодательства, исправление которого требует дополнительных исследований, выходящих за пределы нашего предмета рассмотрения.

Таким образом, основная характеристика субъекта уголовно-правового отношения, противостоящего государству, и находящегося с ним в правовой связи, заключается в том, что этот субъект совершил общественно опасное и уголовно-противоправное деяние. Это не исключает, но напротив, предполагает возможность дифференциации субъектов уголовно-правового отношения на виды, в зависимости от их способности нести уголовную ответственность, а также в зависимости от иных уголовно-релевантных признаков.

Остается в теоретическом плане решить еще один вопрос: отношения, которые возникают в связи с фактом совершения общественно опасного деяния, между государством и (а) лицом, способным нести уголовную ответственность, (б) не способным к уголовной ответственности, (в) юридическим лицом, – это три самостоятельных вида уголовно-правового отношения или же одно. Как было показано, в литературе их традиционно

Литература:

1. *Пикина Т.В.* Уголовно-правовой статус личности: попытка разработки концепции / Т.В. Пикина, К.И. Евтюшкина // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1(42).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П «По делу о проверке

признают отличными друг от друга видами правоотношений. Однако по нашему мнению, неизбежные в данном случае различия выражаются лишь в применении объективно различных мер уголовно-правового воздействия. В тоже время, методы регулирования отношений (императивный и диспозитивный), принципы регулирования отношений, цели такого регулирования остаются неизменными, что прямо вытекает, в частности, из решений Конституционного Суда РФ, требующего соблюдения единых стандартов для разрешения уголовно-правовых конфликтов, вызванных общественно опасным и уголовно-противоправным поведением вменяемых и невменяемых лиц [16]. Представляется, что сущностно в данном случае имеет место один вид правоотношений (охранительных уголовно-правовых), в которых на стороне, противоположной государству, выступают различные субъекты.

Literature:

1. *Picina T.V.* Criminal Legal Status of the Individual: An Attempt to Develop a Concept / T.V. Picina, K.I. Evtushkin // Journal of the Vladimir Legal Institute. 2017. № 1(42).
2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.01.2005 № 131-O «At the request of the Volgograd garrison military court about check of constitutionality of a part of the eighth Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // The Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 3.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.06.2019 № 23-P «On the case of check of constitutionality of a part of the third Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen B.A. Sotnikov» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2019. № 4.
4. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.11.2013 № 24-P «On the case of check of constitutionality of provisions of part one of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part Two of Article 24, Part Two of Article 27, Part Four of Article 133 and Article 212 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints by citizens S.A. Borovkov and N.I. Morozov» // Journal of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2014. № 1.
5. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.04.2003 № 7-P «On the case of check of constitutionality of provision of Paragraph 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 «About the announcement of amnesty in connection with the 55 anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945» in connection with the complaint of the citizen L.M. Zapozhets» // the Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. № 4.
6. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.11.2014 № 28-P «On

конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхеммеля» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

9. *Загородников Н.И.* О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. 1963. № 11.

10. *Петрова Г.О.* Субъекты уголовно-правового отношения / Г.О. Петрова, Г.О. Петрова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. 2003. Вып. 2(7).

11. *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1983.

12. *Ображиев К.В.* Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2.

13. *Дедюхина И.Ф.* Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков и поведения потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

14. *Генрих Н.В.* Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011.

15. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб. : СПБЮИ ГП РФ, 1998.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5.

the case of check of constitutionality of provisions of Part 1 of Article 1 of the Federal law «Compensation for violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time» and part three of article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints by citizens V.V. Kurochkin, A.B. Mikhailov and A.S. Rusinov» // Journal of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2015. № 1.

7. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2005 № 7-P «On the case of check of constitutionality of provisions of parts of the second and fourth Article 20, Article 144, Part 6, Article 3, Part 1, paragraph 145, Part 3 of Article 318, Part 1 and Part 2 of Article 319 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia and the October District Court of the city of Murmansk» // Journal of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 4.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2017 № 35-P «On the case of check of constitutionality of Part 1.3 of Article 32.2 of the Russian Federation Code of Administrative Offences in connection with the complaint of the citizen Yu.A. Reynkhimmel» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

9. *Zagorodnikov N.I.* On the Content of Criminal Legal Relations // Soviet State and Law. 1963. № 11.

10. *Petrova G.O.* Subjects of the criminal relation / G.O. Petrova, G.O. Petrov // Messenger of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky: Power and right. 2003. Issue 2(7).

11. *Miheev R.I.* Problems of Imputability and insanity in Soviet criminal law. Vladivostok : Far East University, 1983.

12. The subject of criminal law regulation // Russian criminological view. 2009. № 2.

13. *Dedyukhina I.F.* Problems of establishing and implementing criminal responsibility taking into account the victim 's principles and behaviour : dis. ... candidate of law sciences. M., 2008.

14. *Heinrich N.V.* Subject and method of criminal law regulation : dis. ... Dr.s of law sciences. Ryazan, 2011.

15. *Volzhenkin B.V.* Criminal liability of legal entities - SPb. : SPBUI GP of the Russian Federation, 1998.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.05.2013 № 10-P «On the case of check of constitutionality of parts of the second and fourth Article 443 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen S.A. Pervov and inquiry of the magistrate of judicial site № 43 of the city of Kurgan» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2013. № 5.

Ермилов Валерий Борисович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
ErVB-advokat@yandex.ru

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ОБОСОБЛЕННОМУ СПОРУ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы применения института обеспечительных мер как одного из способов обеспечения защиты прав кредиторов по обособленным спорам о привлечении к ответственности лиц, контролирурующих должника в деле о банкротстве. Автором анализируется судебная практика по вопросам применения обеспечительных мер, дается характеристика мер по обеспечению иска, предлагаются соответствующие решения для повышения эффективности функционирования указанного института.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, должник, обеспечительные меры.

В настоящее время одним из способов обеспечения защиты прав кредиторов по обособленным спорам о привлечении к ответственности лиц, контролирующих должника в деле о банкротстве, является институт обеспечительных мер, своевременное и разумное применение которого устраняет препятствия к исполнению судебного определения в будущем, достигая тем самым цели правосудия.

Анализ судебной практики, появившейся с момента принятия гл. III. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее Закон о банкротстве), свидетельствует о положительной динамике в части принятия обеспечительных мер по обособленным спорам о привлечении к ответственности лиц контролирующих должника.

Закрепление особенностей рассмотрения заявления о принятии обеспечительных мер (в том числе, предварительных) является одной из ключевых процессуальных новелл, введенных реформой положений о субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Это весьма прогрессивная норма не только для законодательства о банкротстве, но и для всего арбитражного процесса.

Valeriy B. Ermilov
Teacher of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
ErVB-advokat@yandex.ru

INTERIM MEASURES FOR A SEPARATE DISPUTE IN THE FRAMEWORK OF AN ORGANIZATION'S BANKRUPTCY CASE

Annotation. This article discusses the problems of applying the institution of interim measures as one of the ways to ensure the protection of creditors' rights in separate disputes on bringing to justice persons controlling the debtor in bankruptcy. The article analyzes judicial practice on the application of interim measures, and provides a description of measures to secure a claim. The author suggests appropriate solutions to improve the efficiency of the specified Institute.

Keywords: insolvency (bankruptcy), controlling person of the debtor, subsidiary liability, debtor, interim measures.

По действующей редакции Арбитражного процессуального кодекса РФ [2] (далее – АПК РФ) вопрос о принятии обеспечительных мер решается судьей единолично не позднее дня, следующего за днем поступления заявления в суд без извещения сторон (ч. 1.1 ст. 93 АПК РФ).

Однако, если при рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер (в том числе, предварительных) по спору о привлечении к ответственности в соответствии с гл. III. 2 Закона о банкротстве у арбитражного суда возникла необходимость заслушать объяснения заявителя и (или) ответчика и иных заинтересованных лиц, судья вправе назначить рассмотрение заявления об обеспечении иска в судебном заседании, которое должно быть проведено в срок, не превышающий три рабочих дня со дня поступления такого заявления в суд (п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Из частей 1 и 2 статьи 90 АПК РФ, пункта 1 статьи 46 Закона о банкротстве, пункта 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» [3] (далее – постановление № 55) следует, что основанием для принятия обеспечительных

мер является предполагаемая затруднительность или невозможность исполнения судебного акта либо предотвращение причинения значительного ущерба заявителю на случай, если испрашиваемые меры не будут приняты. Обеспечительные меры носят временный срочный характер, они должны быть направлены на обеспечение иска и соразмерны заявленному требованию (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2020 № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2015) [4].

Для применения обеспечительных мер истцу достаточно подтвердить наличие разумных подозрений возникновения обстоятельств, указанных в части 2 статьи 90 АПК РФ. Названные положения получили применение в судебной практике (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.02.2019 № Ф07-17493/2018 по делу № А21-8146/2015) [5].

В постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [6] (далее – постановление № 53) решен ряд важнейших вопросов судебной практики.

Так, в пункте 36 Постановления Пленума ВС РФ № 53 содержатся рекомендации судам, как поступать при наличии или отсутствии ходатайства участвующего в деле (обособленном споре) лица при рассмотрении его заявления о принятии обеспечительных мер в судебном заседании с извещением заинтересованных лиц. Суд, при отсутствии такого ходатайства, вправе по своему усмотрению разрешить вопрос о необходимости проведения состязательного процесса с вызовом сторон; при его наличии – отказать в его

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (ред. от 27.06.2017) «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2020 № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2015. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворении вследствие злоупотребления процессуальными правами либо в иных случаях, предусмотренных частью 5 ст. 159 АПК РФ.

Следует отметить, что подавляющая часть судебных актов по обособленным спорам о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности была вынесена о назначении судебных заседаний с участием заинтересованных лиц.

В абзаце втором пункта 2 статьи 61.16 Закона о банкротстве указано, что при удовлетворении заявления о принятии обеспечительных мер арбитражный суд вправе, в том числе, наложить арест или принять иные обеспечительные меры в отношении имущества лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, а также – имущества, принадлежащего иным лицам, в отношении которых ответчик является контролирующим лицом по основаниям, предусмотренным подпунктом 2 пункта 4 статьи 61.10 настоящего Федерального закона.

Суды, как правило, применяют обеспечительные меры в виде ареста или запрета осуществлять регистрационные действия в отношении недвижимого имущества или транспортных средств, зарегистрированных на праве собственности за контролирующими лицами.

На основании проведенного исследования мы полагаем, что применение арбитражными судами таких обеспечительных мер, как наложение ареста на денежные средства находящихся на банковских счетах контролирующих должника лиц, вынесения запрета или ограничения их выезда за границу, запрет на управление транспортным средством и т.п., повысят эффективность восстановления прав кредиторов.

Literature:

1. Federal law of 26.10.2002 № 127-FZ (edited on 27.12.2019) «On insolvency (bankruptcy)» (from ed. and add., Intro. effective from 08.01.2020) // Access from the SPS «ConsultantPlus».
2. Arbitration procedural code of the Russian Federation" from 24.07.2002 № 95-FZ (ed. from 02.12.2019) // Access from the SPS «Consultant Plus».
3. Resolution of the Plenum of the Supreme commercial court of the Russian Federation of 12.10.2006 № 55 (ed. from 27.06.2017) «On the application of interim measures by commercial courts» // Access from the SPS «ConsultantPlus».
4. Determination of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.01.2020 № 305-ES19-16954 in the case № А40-168999/2015. The document was not published // Access from the SPS «ConsultantPlus».

5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.02.2019 № Ф07-17493/2018 по делу № А21-8146/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Resolution of the Arbitration court of the North-Western district of 01.02.2019 № F07-17493/2018 in the case № А21-8146/2015 // Access from the SPS «ConsultantPlus».

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 № 53 «On certain issues related to bringing the debtor's controlling persons to responsibility in bankruptcy» // Access from the SPS «ConsultantPlus».

Заикин Вадим Юрьевич

преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
dlozovsky@mail.ru

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mail.ru

Лозовская Наталья Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
nnl_66@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГИБДД

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты применения в беспилотных летательных аппаратах в процессе обеспечения безопасности дорожного движения. Проанализирован положительный региональный опыт, выявлены формы использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности ГИБДД.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, безопасность дорожного движения, деятельность ГИБДД.

Результаты интенсивного научно-технического прогресса в XXI веке позволили расширить сферы эффективного применения авиации, прежде всего за счет совершенствующихся летательных и воздухоплавательных аппаратов и возможности оборудования их другими специальными техническими средствами. Комплексное сочетание уникальных возможностей разнородных технических средств позволило решать сложные задачи. Применение совмещенных разнородных технических средств (систем) на базе летательных или воздухоплавательных аппаратов дало возможность получить ряд новых возможностей авиации, которые стали востребованы в социально-экономической сфере, научно-исследовательской деятельности и в деятельности по обеспечению безопасности нашей страны [1; с. 7].

Vadim Yu. Zaikin

Teacher of Department
of Tactical and Special Training,
Volga Branch of the Rostov Legal Institute
dlozovsky@mail.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of Department of Criminalistics
and Legal Informatics,
Cuban State University
dlozovsky@mail.ru

Natalya N. Lozovskaya

Candidate of Law Sciences,
Senior teacher of Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
nnl_66@mail.ru

THE POSSIBILITY OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE ACTIVITIES OF THE TRAFFIC POLICE

Annotation. The article discusses some aspects of the use of unmanned aerial vehicles in the process of ensuring road safety. The positive regional experience is analyzed, the forms of use of unmanned aerial vehicles in the activities of the traffic police are revealed.

Keywords: unmanned aerial vehicle, road safety, traffic police activity.

Основой успешного обеспечения безопасности дорожного движения на сети дорог является деятельность нарядов и экипажей дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции, осуществляющих повседневное плановое выполнение возложенных на службу задач с использованием технических средств по наблюдению за движением на дороге, выявлению и фиксации нарушений со стороны его участников.

В настоящее время для осуществления надзора, в частности выявления инспектором нарушений правил дорожного движения можно использовать различные технические средства, в том числе беспилотные летательные аппараты (БПЛА) [2; с. 46].

Возможности эффективного использования беспилотных летательных аппаратов можно

рассмотреть на примере УГИБДД МВД России по Республике Адыгея.

По инициативе данного подразделения организовано взаимодействие с авиационным отрядом специального назначения Управления Росгвардии по Республике Адыгея (далее – АОСН) в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 1669 «О порядке использования авиации войск национальной гвардии Российской Федерации в интересах других федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в Правила осуществления взаимных расчетов между главными распорядителями средств федерального бюджета по основаниям, предусмотренным законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» и совместным приказом МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28.09.2018 № 430дсп/635дсп.

Летательные аппараты сил и средств АОСН используются для обеспечения безопасности дорожного движения на аварийно-опасных участках дорог, как федерального, так и регионального значения, с высоким уровнем аварийности по причине выезда на полосу, предназначенную для встречного движения.

В результате применения беспилотных летательных аппаратов в 2018 году было выявлено 136 административных правонарушений в области дорожного движения, связанных с выездом на полосу, предназначенную для встречного движения (выполнено 75 полетов с общим налетом 132 часа).

За 12 месяцев 2019 года выявлено 83 аналогичных административных правонарушений (выполнено 88 полетов с общим налетом 119 часов).

Взаимодействие подразделений Госавтоинспекции с АОСН осуществляется следующим образом:

1. На каждый совместный выезд готовится заявка за подписью Министра внутренних дел по Республике Адыгея на имя руководителя Управления Росгвардии по Республике Адыгея с приложением, в котором указываются дата, район и участок дороги на котором будет применяться авиация.
2. После согласования в установленном порядке заявки издается совместный приказ МВД по Республике Адыгея и Управления Росгвардии по Республике Адыгея о взаимодействии.
3. Мобильный пункт управления БПЛА, оборудованный на базе служебного автомобиля «Форд Транзит», не имеющий специальной цветографической схемы и автомобиль ДПС с опознавательными знаками ГИБДД, размещаются в местах оптимальной видимости для участников дорожного движения.

Для контроля за дорожным движением сотрудниками АОСН используются сертифицированные комплексы, состоящие на вооружении Феде-

ральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации:

– аэростат высотного видеонаблюдения (привязной аэростат «ОКО-1»);

– беспилотный летательный аппарат «ZALA 421-16E».

Технические возможности вышеуказанных средств видеонаблюдения позволяют контролировать участки автодороги протяженностью до 5 км в обоих направлениях. Период непрерывного использования БПЛА «ZALA 421-16E» на одном комплекте батарей составляет более 3 часов (комплект предусматривает наличие сменных батарей).

В случае фиксации выезда транспортного средства на полосу, предназначенную для встречного движения, в нарушение требований дорожной разметки, по команде оператора (сотрудника АОСН) производится «автозахват» цели. Программное обеспечение БПЛА позволяет осуществлять сопровождение цели в автоматическом режиме до момента остановки сотрудником ДПС. При этом видеозапись правонарушения и движения транспортного средства до момента его остановки сохраняется на жестком диске АРМ оператора БПЛА. После остановки транспортного средства водителю демонстрируется видеозапись правонарушения и выполняется её копирование на оптический диск для приобщения в качестве доказательства к протоколу об административном правонарушении.

В ходе рассмотрений судом вышеуказанных материалов об административных правонарушениях принимаются решения о привлечении нарушителей ПДД к административной ответственности.

Фактов прекращения судами производства по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с применением БПЛА, в связи с недостаточностью или непригодностью доказательств не отмечено.

Применение комплекса высотного видеонаблюдения «ОКО-1» оказывает существенный профилактический эффект и дисциплинирует водителей.

Следует отметить, что на участках автодорог, в период применения привязного аэростата, дорожно-транспортных происшествий не зарегистрировано.

В то же время практика применения БПЛА «ZALA 424-16E», обладающего большими возможностями по маневру, позволяет обеспечить контроль за БДД на более протяженных и сложных участках автомобильных дорог.

Кроме того, в целях информационно-пропагандистского сопровождения БДД информация о применении средств АОСН на дорогах Республики Адыгея БПЛА освещается на Интернет-сайтах МВД и ГИБДД республики, в средствах массовой информации (ТВ, радио, печатные СМИ),

сети Интернет, включая социальные сети и различные мессенджеры, и дает существенный профилактический эффект.

Таким образом, использование БПЛА обладает рядом преимуществ:

- быстрое выявление и идентификация нарушителей дорожного движения, благодаря возможностям установки тепловизионных камер, даже в ночное время суток возможно определение номеров и марки машины нарушающих правила дорожного движения;
- быстрый поиск и преследование участников аварий в случае их бегства при задержании;
- мониторинг и выявление на заданных участках недавно угнанных автомобилей;

Литература:

1. *Бецков А.В.* Применение аэромобильных комплексов МВД России при противодействии преступности : учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 7.
2. *Туманов Е.А.* Возможности применения беспилотных летательных аппаратов на службе госавтоинспекции / Е.А. Туманов, С.В. Назаров, Д.А. Тарасенков, В.Д. Головкин // *Дневник науки.* 2019. № 12. С. 46.

- осмотр и выявление машин, незаконно припаркованных у административных зданий и государственных учреждений;

- электрические двигатели не требуют высоких расходов, необходимо только периодически их подзаряжать от источников электроэнергии.

Современная авиация может значительно повысить эффективность деятельности органов внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности за счет инновационных подходов по оборудованию летательных аппаратов специальными техническими комплексами, при решении даже самых сложных задач по обеспечению правопорядка на территории России. Высокая мобильность, оперативность и прилет в зоны происшествий делает БПЛА действительно надежным и незаменимым помощником в деятельности ГИБДД.

Literature:

1. *Betskov A.V.* Application of airmobile complexes of the Ministry of internal Affairs of Russia in counteracting crime : textbook. M. : Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017.
2. *Tumanov E.A.* Possibility of using unmanned aerial vehicles in the service of the state traffic Inspectorate / E.A. Tumanov, S.V. Nazarov, D.A. Tarasenkov, V.D. Golovin // *Journal of science.* 2019. № 12.

Захаров Илья Евгеньевич
аспирант,
Академия Генеральной прокуратуры РФ
4435988@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК ПРОКУРОРОМ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Аннотация. В связи с принятием в 2013 году новой редакции статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации по поводу характера недействительной сделки коренным образом поменялся подход к квалификации такой сделки: презумпция ничтожности недействительной сделки была заменена на презумпцию ее оспоримости. Данный подход внес определенные коррективы в исковую деятельность прокурора по оспариванию сделок, не соответствующих закону, а также, о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Статья раскрывает особенности и проблемы, возникающие в данной сфере деятельности прокурора.

Ключевые слова: недействительная сделка, ничтожная сделка, оспоримая сделка, сроки исковой давности, публичный интерес.

Одним из видов исковой деятельности прокурора является оспаривание сделок, заключенных между хозяйствующими субъектами, представленными органами государственной власти и управления.

Правовые основы заключения таких сделок, понятие оспоримых и ничтожных сделок, а также – положения, определяющие недействительность сделок и последствия заключения таких сделок, регламентирует Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) (параграф 2 глава 9) [1]. Согласно Федеральному закону от 7.05.2013 № 100-ФЗ был изменен общий подход к оспоримым и ничтожным сделкам, а также основы недействительности сделок, не соответствующих правовым нормам [2].

В предыдущей редакции статьи 168 ГК РФ провозглашалась презумпция ничтожности сделки в случае ее несоответствия закону, которая и сейчас характерна для европейского частного права. Однако законодатель посчитал столь широкие возможности для оспаривания недействительной сделки и ее последствий угрозой стабильности гражданского оборота и взяли курс на признание любой сделки изначально оспоримой, а значит – действительной, если обратное не установлено

Ilya E. Zakharov
Graduate student,
Academy of the Prosecutor General
of the Russian Federation
4435988@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE PROBLEMS ARISING WHEN OPPOSITION OF TRANSACTIONS BY THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION COURT

Annotation. In connection with the adoption in 2013 of a new edition of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation regarding the nature of an invalid transaction, the approach to qualifying such a transaction has radically changed: the presumption of the nullity of the invalid transaction has been replaced by the presumption of its appeal. This approach made certain adjustments to the prosecutor's lawsuit to challenge transactions that do not comply with the law, as well as the application of the consequences of the invalidity of a void transaction. The article reveals the features and problems that arise in this area of the prosecutor.

Keywords: invalid transaction, void transaction, disputed transaction, limitation periods, public interest.

судом. Возможно, более логичным было бы идти по пути поиска критериев толкования норм права, определяющих ничтожность либо оспоримость сделки.

Между тем, решение принято, и оно непосредственным образом коснулось компетенции прокурора в сфере обращения в арбитражный суд с иском об оспаривании сделок, не соответствующих закону.

В случае обращения в суд с иском заявлением по поводу недействительности сделки, прокурор, в целях достижения положительного результата, обязан учитывать сроки исковой давности, субъектный состав участников процесса, обладать определенным объемом аргументов, предъявленных на основании правовой базы (предмет иска), необходимой документацией, составляющей доказательную базу (основание иска) и т.п.

Суть недействительной сделки заключается в том, что юридические последствия, которые наступают вследствие совершения данной сделки, не соответствуют ожидаемым договоренностям, о которых было условлено сторонами заключенной сделки. Значение имеют лишь последствия, связанные с недействительностью сделки

[1, п. 1 ст. 167]. Кроме того, все недействительные сделки делятся на ничтожные и оспоримые. Недействительность оспоримой сделки необходимо доказывать в суде, ничтожные сделки в таком доказывании не нуждаются [1, п. 1 ст. 166]. Проблема состоит в том, что по новым правилам необходимо доказать ничтожность сделки.

В соответствии с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ [1], сделка считается ничтожной, если нарушает публичные интересы и интересы третьих лиц. Кроме того, в пункте 75 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] приводится перечень заведомо ничтожных сделок по причине нарушения ими законодательства. Часть из них может быть оспорена прокурором, например, мнимая или притворная сделка [1, ст. 170], впрочем, главным условием вмешательства прокурора является нарушение публичных интересов.

Статья 168 не дает однозначного толкования норм права, указывающих на ничтожность либо оспоримость недействительной сделки, и анализ судебной практики показывает, что нарушение отдельных правовых норм не всегда является основанием для суда признать сделку недействительной. Больше шансов доказать недействительность сделки в том случае, когда она реально нарушает права истца, причём, важно привести убедительные доводы негативных последствий, которые повлекла за собой недействительная сделка.

Прокурор в рамках своих полномочий может подать исковое заявление о признании сделки недействительной как в силу ее ничтожности, так и в силу ее оспоримости. Предпосылкой для подачи иска, согласно части 1 статьи 52 АПК РФ, является участие в совершении сделки государственных органов и органов местного самоуправления, а также организаций и предприятий, в уставном капитале которых присутствует доля участия Российской Федерации, её субъектов или муниципальных образований [4].

В том случае, если выше названные публично-правовые образования в сделке не участвовали, но ее последствия затрагивают их интересы, прокурор имеет право обратиться в арбитражный суд с иском о применении последствий недействительности лишь ничтожной сделки [4, абз. 3 ч. 1 ст. 52 АПК РФ]. На оспоримые сделки полномочия прокурора не распространяются.

Между тем, часть 2 статьи 168 ГК РФ не предусматривает безусловную ничтожность сделки в случае нарушения ею норм права, публичных интересов и интересов третьих лиц, если на это нет прямого указания закона. Логику законодателя можно понять так, что изначально все сделки считаются действительными и ничтожность сделки еще надо доказать, в том числе, и прокурору. Отчасти помогает судебная практика. Так, согласно определению Верховного Суда РФ от 12.10.2015 № 309-ЭС15-6673 по делу № А60-25477/2013, сделка является автоматически ничтожной, если

нарушает явный запрет [5]. К подобным запретам относятся, например, федеральные законы о теплоснабжении, о водоснабжении и водоотведении, и т.п.

Отдельные проблемы прокурор испытывает в случае обращения в арбитражный суд с заявлением об оспаривании публичного договора (ст. 426 ГК РФ). В этом случае прокурору необходимо доказать публичность интересов, которые он защищает, и объяснить, каким образом они нарушены. Кроме того, суд должен быть убежденным в том, что вследствие признания договора недействительным, нарушенные права истца (не прокурора) будут восстановлены.

Между тем, процессуальное законодательство не содержит такое понятие как « публичный интерес». В связи с этим, Верховный Суд РФ дал свое определение данному понятию [3, п. 75], однако, с учётом того, что прокурор в арбитражном процессе защищает исключительно публичные интересы, а также - интересы публично-правовых образований, мы считаем обоснованным ввести в нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ определение публичного интереса с целью устранения различий при толковании данного понятия в суде.

Таким образом, в свете принятия новой редакции статьи 168 ГК РФ, прокурор, обращаясь с иском заявлением в арбитражный суд, должен квалифицировать сделку как ничтожную либо оспоримую. В случае ничтожности сделки прокурор обязан предъявить доказательства, свидетельствующие о том, что сделка нарушает нормы права, публичные интересы либо законные интересы третьих лиц, а также, указать на отсутствие законных актов, допускающих оспоримость совершенной сделки.

В соответствии со статьей 181 ГК РФ, сроки исковой давности по оспариванию ничтожной сделки составляет 3 года, а оспоримой сделки - один год, поэтому в зависимости от определения ничтожности либо оспоримости сделки устанавливается срок исковой давности. Однако истечение срока исковой давности не всегда является основанием для суда отказать в иске прокурору, так как суд может рассмотреть возражение ответчика по поводу ничтожности совершенной сделки даже по истечению срока исковой давности [3, п. 71]. Кроме того, суд вправе по собственной инициативе применить последствия недействительности ничтожной сделки, если этого требует защита публичных интересов.

Судебная практика показывает, что существует сфера правонарушений, когда в результате совершения сделок субъектами экономической деятельности, не имеющими доли участия Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований, страдают государственные и общественные интересы. При этом прокурор, ограниченный субъектным составом сделок, указанных в статье 52 АПК РФ, лишён возможности оспорить подобные сделки в целях обеспечения законности.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2002. № 46.
2. Российская газета. 2013. № 99.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 6711(140).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 27.07.2002. № 137.
5. Судебные и нормативные акты. URL : <https://sudact.ru/vsrf/doc/L1tieZNxk0Z5/> (Дата обращения 19.01.2020).
6. *Корнеева Л.Ж.* Проблемы оспаривания прокурором в арбитражном суде сделок, заключенных с нарушением закона, возникающие при применении новой редакции ст. 168 ГК. URL : <tps://justicemaker.ru/view-article.php?id=1&art=6473> (Дата обращения 19.01.2020).

Literature:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 № 138-FZ (as amended on December 27, 2018) // SZ RF. 2002. № 46.
2. Russian newspaper. 2013. № 99.
3. Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces of June 23, 2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 6711(140).
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 № 95-FZ // Russian Newspaper. 07.27.2002. № 137.
5. Judicial and regulatory acts URL : <https://sudact.ru/vsrf/doc/L1tieZNxk0Z5/> (Date of access 01/19/2020).
6. *Korneeva L.Zh.* Problems of contesting by the prosecutor in an arbitration court transactions concluded in violation of the law arising from the application of the new version of Art. 168 GK. URL : <tps://justicemaker.ru/view-article.php?Id=1&art=6473> (Date of access 01/19/2020).

Зеленский Владимир Дмитриевич

Заслуженный юрист России,
доктор юридических наук,
профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
руководитель программ
магистерской подготовки
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Kgau-uf@mail.ru

Безбогин Александр Константинович

аспирант кафедры криминалистики
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
университета имени И.Т. Трубилина
Shura.bezbogin@mail.ru

**СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. Расследование хищений в строительстве имеет повышенное социальное значение. Стремление граждан получить жилье путем участия в долевом строительстве многоквартирных домов нередко не реализуется мошенниками – строителями. В статье изложены способы материальных хищений, в сфере строительства и ремонтных работ, показано содержание действий по сокрытию данных преступлений. Подробно рассматривается взаимодействие преступных групп с физическими лицами по сокрытию преступлений. Авторами рассматривается образ действия преступника, направленный на достижение результата.

Ключевые слова: расследование хищений, строительство, способы совершения сокрытия.

Расследование хищений в строительстве имеет повышенное социальное значение. Стремление граждан получить жилье путем участия в долевом строительстве многоквартирных домов нередко не реализуется мошенниками – строителями. В расследовании хищений в строительстве важную роль играет установление способа совершения преступления.

Способ совершения преступления – это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, обусловленных условиями совершения преступления и психофизиологическими свойствами личности, на наш взгляд, способ – это образ действий субъекта по совершению и сокрытию преступлений. Выбор способа обусловлен

Vladimir D. Zelensky

Honored lawyer of Russia,
Doctor of Jurisprudence,
Professor,
Honorary worker of the Highest
Professional education
of the Russian Federation,
Head of Programs Master Preparation
Law Department,
Kuban State Agrarian University
name of I.T. Trubilin
Kgau-uf@mail.ru

Alexander K. Bezbogin

Graduate student of Department
of Criminalistics Law Department,
Kuban State Agrarian University
name of I.T. Trubilin
Shura.bezbogin@mail.ru

**METHODS OF THEFT
IN CONSTRUCTION**

Annotation. The investigation of thefts in construction has increased social significance. The desire of citizens to get housing by participating in the share construction of apartment buildings is often not realized by clever crooks - builders. article describes the methods of material theft in the field of construction and repair work, shows the content of actions to conceal these crimes. The interaction of criminal groups with individuals to conceal crimes is examined in detail. The article discusses the mode of action of the offender, aimed at achieving a result.

Keywords: investigation of thefts, construction, methods of commission of concealment.

свойствами личности субъекта действий и условиями совершения преступления, обстановкой совершения, содержанием преступных действий. Такое понимание способа созвучно определению способа как системы действий, применяемых при выполнении какой-либо работы [2, с. 1251].

Способ совершения преступления определяется различными свойствами личности: темпераментом, характером, уровнем развития, профессиональными качествами, волевыми качествами человека. При совершении умышленных преступлений указанные элементы психофизиологической структуры личности имеют определяющее значение. В целом же, перечисленные факторы объединяются в систему, т.е., взаимосвязаны между

собой: условия, орудия, средства, свойства личности. Строго говоря, под способом понимается образ действия преступника, направленный на достижение преступного результата. Но действия эти связаны с другими указанными обстоятельствами преступного события. Они не возникают, как правило, внезапно, а детерминированы предшествующими факторами. В умышленном преступлении это всегда наглядно.

Способы – это приемы действий. В структуре способов умышленных преступлений можно выделить подготовку, совершение и сокрытие. Подготовительные действия могут быть самыми разнообразными: приискания, приобретение орудий и средств, изучение элементов обстановки, составление планов и др. Совершение основных преступных действий может осуществляться различными приемами. Например, сокрытие преступления включает уничтожение улик, маскировку, оказание влияния на участников процесса и иные формы противодействия. Подготовка, совершение и сокрытие преступления осуществляется во взаимосвязи, т.е., как система. Действия объединены единым замыслом преступника. Особенно отчетливо это проявляется в организованных преступлениях: кража, разбойных нападениях, убийства и др. [1, с. 211–212].

Способы хищения как вида преступления характеризуются наличием всех умышленных структурных элементов: приготовление, совершение и сокрытие. Это - умышленные действия, совершение которых в одиночку затруднительно. Необходим общий преступный замысел, вовлечение участников, подготовка, создание предпосылок для успешного извлечения материальных ценностей, их присвоения. Действия эти могут совершаться одновременно, но в большинстве случаев, подготовительные действия и собственно хищение разделены во времени.

В хищениях, совершаемых в сфере строительства, способы имеют определенные особенности. В нашей работе мы рассматриваем хищение путем мошенничества, присвоения или растраты. В совершении указанных преступлений практически всегда существует подготовительный период. Он включает возникновение и формирование преступного умысла; приготовление к непосредственному совершению хищения и иные действия, направленные на предотвращение разоблачение расхитителей.

Возникновение умысла осуществляется участниками строительства в ходе подготовки производственной деятельности. Осуществляя финансово-хозяйственные меры по строительству (ремонту), субъект самостоятельно или с получением информации от других лиц, выявляет возможности для присвоения материальных ценностей (чаще, денежных средств) с последующей маскировкой или иными способами избежать ответственности. Нередко мысль о возможности хищения возникает с ознакомлением с событием хищения, совершенного другими лицами.

Возникновение умысла является основанием для необходимости создания группы. Преступная

группа, создаваемая для хищения в сфере строительства, обычно, немногочисленная. Привлекаются лица, которые должны выполнять действия по изъятию ценностей. Группы в 2–4 человека из числа руководителей, главных бухгалтеров, прорабов (начальников участков) или главных инженеров представляют собой лица, вовлеченные в финансово-хозяйственные операции, в которых совершаются хищения. Возможно привлечение и других участников для выполнения разовых действий без посвящения их в содержание преступного умысла.

В сплоченной преступной группе распределяются роли участников. Организатор разрабатывает схемы действий участников. Этот этап подготовки совпадает с действием по подготовке к непосредственному совершению преступления. Обычно, это – создание условий: выбор наименования организации, служебных помещений, регистрации юридического лица. Существуют наиболее распространенные подготовительные действия в зависимости от вида хищения:

– репланирование деятельности строительной организации, привлечение потенциальных инвесторов низкими ценами за квадратный метр жилья или недвижимости;

– низкие цены при участии в тендерах по сравнению с другими участниками конкурса с расчетами в последующем:

а) использование более дешевых материалов или оборудования;

б) использование упрощенных технологий;

в) выполнение работ в меньшем, чем по условиям контракта, объеме. Данный способ наиболее присущ производителям ремонтных работ государственному контракту;

– завышение стоимости закупаемых материалов и оборудования или занижение их качества. Завышение цен обуславливает повышение себестоимости строительного-монтажных работ. При занижении цен создается не учтено издержек стройматериалов и оборудования, которые могут реализоваться или исследоваться в строительстве объектов по другим договорам. Указанные механизмы совершаются при участии лиц (частников), у которых приобретаются стройматериалы и оборудования;

– имитация разрешения на строительство, фальсификация проектно-сметной документации при заключении гражданско-правовых договоров с дольщиками и иными инвесторами. Данный способ характерен для создания видимости документов для строительства многоквартирных домов, предъявляемых дольщикам. Гражданам – дольщикам могут предъявляться (демонстрироваться) договоры купли-продажи земли, чертежи их будущих квартир и иная документация. Также, действия облегчают получения денежных средств дольщиков;

– разработка проектно-сметной документации, в которую заведомо вносятся ложные данные. Исследование данного приема позволяет создавать

не учтении издержек материалов и оборудования, замену одних материалов на другие, завышение или занижение объема влияния на строительство или ремонтных работ;

– установление контакта с руководителями организации – заказчика, вовлечение их в преступную сделку, сотрудничество для фальсификации проектно – сметной или отчетной документации. Руководители бюджетной государственной организации заключают договоры, утверждают акты по заверению стоимости и заверенного объема строительных или ремонтных работ. Деньги в дальнейшем изымаются и делятся между преступной группой подрядчиков и заказчиков;

– установление контакта с сотрудниками контролирующих и правоохранительных органов с целью нейтрализации внезапных проверок и покровительства.

В процессе указанных действий, в зависимости от вида хищения (присвоения, растраты или мошенничества) создаются либо излишки материалов, оборудования, либо денежные средства начисляются преступникам (при инвестиционном виде финансирования строительства), либо используются иные способы получения материальных ценностей. Они поступают в распоряжение субъектов преступления и присваиваются. Способы присвоения различны: наличные деньги, переводы на фиктивные счета, продажа материалов и оборудования при строительстве других объектов и др.

Можно выделить следующие способы деяний по непосредственному совершению хищений:

– производство строительно-монтажных работ с грубыми нарушениями проектно-сметной документации, касающихся количества и качества, стоимости использованных материалов и оборудования, характеристики объектов строительства, замена содержания видов работ и др. Это – один из распространенных способов совершений хищений. Суть – в замене видов работ, материалов или оборудования, технологии производства работ, на менее качественные, но более дешевые. Другой разновидностью этого способа является завышение стоимости материалов или оборудования, а также, стоимости различных работ;

– производство строительно-монтажных или ремонтных работ в уменьшенном (неполном) объеме, предусмотренном проектно- сметной документацией;

– включение в акты выполненных работ заведомо не производящихся работ и иные формы фальсификации производственных работ путем составления фиктивной отчетной документации. Указанный способ сходен с предыдущим. Выполнение работы в неполном объеме нередко связано с фальсификацией проектно-сметной документации, т.е., еще в ходе подготовки к хищению. Вместе с тем, оно может осуществляться и в ходе выполнения работ;

– сговор подрядчика с заказчиком при подписании фиктивных актов производимых работ. Сам сговор свидетельствует об организованном

характере действий представителей сторон в сфере строительства. Реализуется сговор путем назначения фиктивных сроков приема работ руководством организации – заказчиков.

– привлечение денежных средств граждан для возведения жилых помещений с введением их в заблуждение относительно порядка юридического оформления такого участия. В дешевом строительстве жилья участвует десятки потерпевших. Здесь возможны разновидности указанного способа. Помимо названного, возможно и возведение жилого дома вопреки разрешению на строительство. Нередко, субъект заключает договоры инвестирования, займа вместо договора долевого участия, что позволяет еще в дальнейшем совершить двойную продажу одних и тех же квартир разным лицам;

– продажа третьим лицам земельного участка, юридически виновного, на котором есть незавершенный объект строительства, возведенный за счет средств заказчиков. Указанный способ связан с привлечением средств дольщиков на возведение многоквартирного дома под видом строительства малоэтажного жилого дома;

– имитация производственных работ по возведению объекта без намерения их реального осуществления. Возможные и иные способы введения в заблуждение инвесторов без намерения строить. Таким путем создается финансово - строительная пирамида.

Указанные способы направлены на привлечение дешевых средств, их обналичивания и присвоения. Осуществляется это либо присвоением наличных средств из кассы организации – застройщика, либо путем снятия дешевых средств с расчетных счетов этой организации, а также, путем привлечения денег путем перечисления с расчетного счета организации – заказчика на счет организации застройщика с последующим снятием их либо перечислением денег на расчетные счета подставной организации, которая выступает в роли подрядчика.

Соккрытие хищений в сфере строительства осуществляются путем предотвращению разоблачения преступника на этапе подготовки и действует после совершения присвоения материальных ценностей. На подготовительном этапе преступник заблаговременно продумывает мероприятия по сокрытию преступления. Действия участников группы разнообразны. Анализ практики расследования показывает, что наиболее распространенными являются:

– продумывание защитных мероприятий по сокрытию будущих и начавшихся преступных действий. Осуществляется это параллельно с формированием преступного замысла и преступных действий и формирования преступной группы. Продумываются способы а также сокрытие;

– составление гражданско-правовых договоров так, что неисполнение обязательств воспринимается как гражданско-правовое и нарушение, но не преступление;

– продумывание способов общения с лицами – участниками финансово- хозяйственных операций по строительству, тактики поведения с заказчиками, клиентами и другими с целью безопасного вовлечения их в операции по заключению договоров, подготовки проектно-сметной документации и др;

– ведение учетной документации, в том числе, бухгалтерской, с целью маскировки действий, сопряженных с хищением. Продумываются приемы фальсификации учетных данных;

– обдумывание мероприятий по уничтожению улик, в том числе, учетной и иной документации, ликвидации организации, объявления о банкротстве с похищением материальных ценностей.

Литература:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1998.

2. Большой толковый словарь русского языка. Спб.

После присвоения материальных ценностей обычно совершаются:

– уничтожение похищенной документации;

– внесение изменений в проектно- сметную документацию;

– уничтожение бухгалтерской документации, актов аренды-сдачи выполненных работ и иной учетной документации.

Знание способов совершения хищений способствует выявлению и качественному расследованию хищений.

Literature:

1. *Belkin R.S.* Forensics: problems, trends, prospects. From theory to practice. M., 1998.

2. A large explanatory dictionary of the Russian language. SPb.

Костюк Анна Владимировна
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
kostyukanna777@mail.ru

ВЫЕМКА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Объективным критерием обеспечения законности производства следственных действий и процедур их выполнения, выступает качество изложения правовых норм, реализующих задачу однозначности их понимания. В статье рассмотрены актуальные вопросы правовой регламентации выемки, как процессуального действия, ее сущность и уголовно-процессуальное назначение. Автор подвергает критике законодательную конструкцию уголовно-процессуальной нормы в части возможности ее производства вне места надлежащего хранения предметов и документов, вносит предложения по оптимизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: выемка, изъятие, правовая регламентация, процессуальное действие, обыск, следствие, дознание, предварительное расследование, возбуждение уголовного дела.

Правовые отношения любого цивилизованного государства строятся, прежде всего, на принципе законности, который проявляется в четком соблюдении основополагающих законодательных предписаний. Принцип законности в уголовном процессе заключается в четком соблюдении процедур уголовного судопроизводства, государственными органами, должностными лицами, судом и гражданами.

Большое значение в этой связи придается точному соблюдению закона должностными лицами органов предварительного расследования и, особенно, в части производства следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан. Объективным критерием обеспечения законности производства следственных действий и процедур их выполнения выступает качество изложения правовых норм, реализующих задачу однозначности их понимания.

В целях единого понимания смысловой сущности уголовного судопроизводства, законодатель в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК РФ) уделяет внимание понятийному аппарату и, в частности, на значениях используемых терминов в контексте норм права. Обращает на себя внимание факт отсутствия в данной статье УПК РФ понятия «выемка».

Anna V. Kostyuk
Adjunct of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kostyukanna777@mail.ru

SEEMING AS A PROCEDURAL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The objective criterion for ensuring the legality of investigative actions and procedures for their implementation is the quality of the presentation of the legal norms that implement the task of understanding them unequivocally. The article discusses current issues of legal regulation and the practice of using a notch as a procedural action, its essence and criminal procedural purpose. The author criticizes the legislative construction of the criminal procedure norm regarding the possibility of its production outside the place of proper storage of objects and documents, makes suggestions on the optimization of criminal proceedings.

Keywords: seizure, seizure, legal regulation, procedural action, search, investigation, inquiry, preliminary investigation, criminal case.

Актуализация этого вопроса связана с процессуальным отождествлением процедур выемки, регламентированной ст. 183 УПК РФ и обыска, правила производства которого закреплены в ст. 182 УПК РФ.

Действительно, по своей правовой природе выемка отчасти напоминает обыск ввиду отсылочного характера ч. 2 ст. 183 УПК РФ, предписывающей аналогичный порядок их производства. Однако, несмотря на некую процессуальную схожесть процедур их производства, отождествление выемки и обыска, на наш взгляд, представляется не верным.

Мы солидарны с мнением С.Б. Россинского о том, что выемку нельзя считать следственным действием, а также, разновидностью обыска. Различия между выемкой и обыском заключаются в том, что выемка производится только в отношении определенных предметов, тогда как предметы, подлежащие изъятию при обыске, могут быть известны ориентировочно, а иногда и вовсе неизвестны. Кроме того, при выемке должно быть известно местонахождение предметов, в то время как при обыске их предстоит отыскать. Выемка отличается от обыска изначальной определенностью подлежащих изъятию объектов, а также отсутствием поискового элемента в

познавательных действиях органов предварительного расследования [1].

Осведомленность следователя (дознателя) о наличии какого-либо предмета (документа), имеющего отношение к уголовному делу, позволяет принять решение о производстве выемки. Данное обстоятельство указывает на то, что выемке не свойственен познавательный процесс, что еще раз подчеркивает отсутствие оснований для отнесения ее к числу следственных действий.

Большой современный словарь Ожегова, объясняет понятие «выемка» действием «вынуть», «вынимать», что означает «доставать откуда-либо, извлекать наружу, вытаскивать, перемещать» [2].

На наш взгляд, такое толкование понятия «выемка» указывает на конкретное местонахождение предметов (документов) представляющих интерес для органов предварительного расследования. Информация о предмете (документе) подлежащем выемке непосредственно связана с местом его хранения. Предметы и (документы) подлежащие выемке, как правило, находятся в помещениях организаций и предприятий, предназначенных для их хранения, где ответственными за их сохранность назначены должностные лица.

Таким образом, производство выемки предметов (документов) возможно при условии имеющейся информации о конкретном предмете, месте их хранения и лице, осуществляющем его сохранность.

В этой связи мы поддерживаем точку зрения И.Г. Башинской, которая считает, что выемка у конкретного лица вне места надлежащего хранения предмета (документа) невозможна, поскольку эти условия определяют иное по целям и задачам действие, регламентированное ст. 184 УПК РФ – личный обыск [3].

Вместе с этим, на практике достаточно часто возникают ситуации, когда правоприменитель выемкой подменяет обыск, личный обыск, осмотр места происшествия, а иногда юридически оформляет выполнение одного из них, при этом фактически производит другое следственное действие.

Об этом свидетельствуют анализируемые нами материалы судебно-следственной практики органов предварительного расследования Краснодарского края и Республики Адыгея, демонстрирующие постановления о производстве выемки. Так, достаточно часто встречаются постановления о производстве выемки, в содержании которых отсутствует информация об объекте, представляющем интерес для органов предварительного расследования, типа «произвести выемку документов, имеющих отношение к деятельности ХХ (название) предприятия» или «произвести выемку предмета (его название), находящегося у гражданина ММ (участнике уголовного судопроизводства, его ФИО)». Подобные формулировки на наш взгляд в процессуальном решении о производстве выемки не допустимы, поскольку не конкретны и не отвечают уголовно-процессуальному назначению выемки.

В постановлении о производстве выемки должны быть указаны идентификационные признаки предмета: модель, серия, номер и т.д. Если выемке подлежат документы, то в постановлении обязательно должна быть конкретизация (название документов, если они содержат персональные данные, то они подлежат указанию, для документов с временным периодом, обязательно указывается интервал времени и т.д.) Персонализация лиц, у которых производится выемка, в постановлении о производстве выемки, на наш взгляд, не обязательна поскольку местами надлежащего хранения могут быть только организации и предприятия (не независимо от формы собственности), поэтому в протоколе достаточно указания на должностную принадлежность.

Отсутствие конкретной информации о предмете (документе), позволяющей выделить его из массы других, возможно аналогичных по внешним признакам, указывает на невозможность выемки и необходимость обыска.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о возможности проведения выемки в жилище. Хотя о ней в ст. 183 УПК РФ не упоминается, законодатель, регламентируя полномочия суда, формулировкой ст. 29 ч. 2 п. 5, ст. 165 п. 5 УПК РФ допускает наравне с обыском и выемку в жилище на основании судебного решения. О возможности проведения выемки в жилище, свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 01.06.2017 г. [4], а отдельные авторы [5] описывают криминалистическую тактику ее производства. Однако в ч. 3 ст. 183 УПК представлен полный перечень действий, осуществляемых на основании судебного решения, среди которых, выемка в жилище не указана.

Мы считаем, что проникновение в жилище с целью обнаружения и изъятия предметов (документов), возможно только на основании судебного решения о производстве обыска. Выемка в жилище невозможна, поскольку местоположение в нем предметов (документов) для органов предварительного расследования заранее не известно за исключением случаев инициативных намерений передачи объектов, подлежащих изъятию, самим жильцом помещения. Но в таких случаях верно говорить не о выемке, как процессуальном действии, а о добровольные сдачи (передачи), объектов, представляющих интерес для органов следствия и дознания.

Вопрос о процессуальном изъятии предметов (документов), особо актуален в момент формирования уголовно-процессуальных отношений, поскольку действующий УПК РФ до возбуждения уголовного дела предоставляет возможность изъятия предметов (документов) только в рамках осмотра места происшествия.

В этой связи, Н.В. Карагодин справедливо подчеркивает, что фактические основания проведения осмотра не всегда могут быть. Но органы предварительного расследования все равно проводят это следственное действие, с целью необходимости придания процессуальной формы факту изъятия предметов (документов) [6]. В

таких случаях действия правоохранителей можно объяснить лишь вопросом: «А что им остается делать?»»

Для наглядности смоделируем ситуацию: в территориальный отдел полиции приходит гражданин с заявлением о том, что накануне ночью, из окна своей квартиры наблюдал двух мужчин толкающих друг друга, а утром на этом месте обнаружил кухонный нож, который принес с собой и желает выдать сотрудникам ОВД, т.к. считает, что имело место противоправное деяние.

Подобная ситуация, на наш взгляд, равно как и другая, не относящаяся к конкретному факту преступления и прямо не указывающая на него, не должна ассоциироваться с процессуальными действиями. Недопустимо использовать уголовно-процессуальный инструментарий при отсутствии повода к началу правоотношений [7].

Возникает тогда вопрос: как должны поступить сотрудники полиции в рассматриваемой ситуации? Следует признать, что на сегодняшний день, этот вопрос не имеет однозначно верного решения. В качестве выхода из подобных ситуаций, мы видим необходимость предоставления сотрудникам полиции права на получение предметов (документов) добровольно передаваемых гражданами для решения вопроса об установлении их собственника, либо для проверки их отношения к противоправному деянию. По нашему мнению, такие изменения должны быть внесены в ФЗ «О полиции» [8], поскольку они не только способствовали бы это разрешению вопросов связанных с возвратом утраченных документов (паспортов, водительских удостоверений и т.д.), но и обеспечили бы правовое основание принятия от граждан оружия и наркотиков в случаях их добровольной сдачи, а также, иных предметов, выдаваемых добровольно, как в качестве находки, так и с целью установления их отношений к вещественным доказательствам в связи с ранее совершенными противоправными деяниями.

Нам представляется, что добровольная сдача (передача) лицом предметов до начала уголовного судопроизводства не должна носить процессуальный характер и может оформляться заявлением лица, передающим предметы (документы), и актом их приема-передачи. Таким образом, мы

Литература:

1. *Россинский С.Б.* Размышления о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 43.
2. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. Издание 4-е, доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. : ИТИ Технологии.
3. *Башинская И.Г.* Уголовно-процессуальная сущность и содержание выемки // Общество и право. 2020. № 1(71). С. 41–46.

предлагаем разграничить выемку от инициативной (добровольной) сдачи (либо передачи) предметов (документов). На наш взгляд, это избавило бы сотрудников органов следствия и дознания от практики квазипроцессуальных решений, заведомо нарушающих нормы УПК РФ, и сократило бы количество поводов к их обжалованию.

В настоящее время органы предварительного расследования испытывают потребность в процессуальном инструментарии, позволяющем решать задачи стадии возбуждения уголовного дела в части изъятия предметов (документов) в рамках доследственной проверки. Особенно остро проявляется эта потребность в ситуациях, связанных с причинением телесных повреждений, когда для принятия решения о наличии признаков состава преступления необходима судебно-медицинская экспертиза, но для ее объективного производства требуются медицинские документы из лечебных учреждений, однако, получить их процессуальным способом, т.е., выемкой документов, до возбуждения уголовного дела, невозможно.

В целях оптимизации уголовного процесса и обеспечения законности действий должностных лиц органов предварительного расследования, мы предлагаем:

Дополнить статью 5 УПК РФ новым понятием «Выемка – процессуальное действие властно-распорядительного характера, направленное на изъятие предметов или документов, представляющих интерес для органов предварительного расследования, находящихся в введении организаций и предприятий»;

Расширить перечень процессуальных действий, направленных на проверку заявления (сообщения) о преступлении, дополнив его выемкой. В этой связи внести изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, представив ее следующим образом «...При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке ст. 183 настоящего Кодекса...»

Literature:

1. *Rossinsky S.B.* Reflections on the essence of the notch as an object of criminal procedure regulation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1. P. 43.
2. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language Publisher. 4th edition, add. / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M. : ITI Technologies.
3. *Bashinskaya I.G.* The essence of the criminal procedure and the content of the seizure // Society and Law. 2020. № 1(71). P. 41–46.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 01.06.2017 г. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения 09.04.2020).

5. Мисюра И.А. О признаках жилища как места проведения отдельных видов обыска и выемки // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 161–164.

6. Карагодин В.Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 128–132.

7. Башинская И.Г. Проблемы правовой интерпретации деятельности полиции в части рассмотрения заявлений и сообщений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019 № 3(45). С. 33–37.

8. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.02.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (Дата обращения 10.09.2020).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 dated 06/01/2017. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (date of access 09.04.2020).

5. Misyura I.A. On the signs of a dwelling as a venue for certain types of searches and seizures // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 5. P. 161–164.

6. Karagodin V.N. Site inspection, search or seizure? // Russian Law Journal. 2012. № 5. P. 128–132.

7. Bashinskaya I.G. Problems of legal interpretation of police activities regarding the consideration of applications and communications // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(45). P. 33–37.

8. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 № 3-ФЗ «On the Police» (as amended on 02/06/2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (Date of appeal 10.09.2020).

Ламсков Даниил Сергеевич
ведущий консультант отдела
по управлению акционерным капиталом,
ООО «Единые транспортные
энергосистемы»
lamsk@list.ru

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ КРЕДИТОРА

Аннотация. Настоящая статья предпринимает попытку анализа основных, наиболее типовых рисков, обусловленных для сторонних и заинтересованных лиц реорганизацией юридического лица. Как правило, такие риски базируются либо на факте возможного прекращения самого существования того, или иного юридического лица в результате реорганизации, либо обусловлены возможностью значительного изменения структуры активов и обязательств такого юридического лица.

Соответственно подобные риски, естественным образом затрагивают интересы кредиторов, в связи с чем на законодательном уровне кредиторам реорганизуемого юридического лица предоставляются специальные права в процессе реорганизации. Актуальность статьи определяется изменениями, внесенными в статью 60 Гражданского Кодекса Российской Федерации в 2014 году в части порядка осуществления прав кредиторов реорганизуемого юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, реорганизация, права кредиторов, должник, слияние.

С 1 сентября 2014 г. в России вступил в силу Федеральный закон № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], в результате чего было реализовано множество изменений в положениях отечественного Гражданского кодекса, регулирующих порядок реорганизации юридического лица; при этом одним из наиболее значимых нововведений, безусловно, необходимо считать изменение порядка реализации прав кредиторов проходящего процедуру реорганизации юридического лица. В частности, это касается требований досрочного исполнения обязательства должником в случае его реорганизации.

Теперь, согласно статье 60 Гражданского кодекса в качестве общего правила установлена возможность требования реализации прав кредитора реорганизуемого юридического лица исключительно в судебном порядке.

Рассматривая историческую ретроспективу данного вопроса в правовом поле нашей страны, необходимо отметить, что вопрос о порядке

Daniil S. Lamskov
Lead Consultant
in Equity Management,
ООО «Unified Transport
Power Systems»
lamsk@list.ru

REORGANIZATION OF THE JOINT STOCK COMPANY IN THE CONTEXT OF THE CREDITOR 'S RIGHTS

Annotation. This article attempts to analyze the main, most typical risks caused for third-party and interested persons by reorganization of the legal entity. As a rule, such risks are based either on the fact of the possible termination of the very existence of a legal entity as a result of the reorganization, or are due to the possibility of a significant change in the structure of the assets and liabilities of that legal entity.

Accordingly, such risks naturally affect creditors, so that at the legislative level creditors of a reorganized legal entity are granted special rights in the reorganization process. The relevance of the article is determined by the amendments made to article 60 of the Civil Code of the Russian Federation in 2014 in terms of the procedure for exercising the rights of creditors of a reorganized legal entity.

Keywords: legal entity, reorganization, creditor rights, debtor, merger.

осуществления кредиторами своих прав в случае реорганизации должника, долгое время в юриспруденции не исследовался практически никак, причем сама постановка вопроса о необходимости каких-то изменений в рассматриваемой сфере напрямую возникла из обсуждений проблем баланса интересов кредиторов и реорганизуемого должника.

На этапе обсуждения Гражданского кодекса в 1993–1994 годах, а также в первые годы после его вступления в силу, большинство исследователей исходили из приоритета интересов кредиторов как добросовестных участников гражданско-правовых отношений, при этом должник полуофициально рассматривался как потенциально недобросовестная сторона. Подобная позиция была порождена тем обстоятельством, что действовавшие ранее нормы гражданского права, доставшиеся в наследство от законодательства СССР, практически не обеспечивали защиту кредиторов реорганизуемого юридического лица, либо напрямую их игнорировали.

Вместе с тем, практическая реализация норм принятого в 1994 году Гражданского кодекса Российской Федерации, довольно быстро заставила обратить внимание на то, что абсолютная защита интересов кредиторов при фактически полном отсутствии сколько-нибудь значимых правовых инструментов, призванных обеспечивать естественные экономические интересы реорганизуемых юридических лиц, приводит к пагубному для экономики в целом дисбалансу прав, в связи с чем стали формироваться предложения о разумном ограничении прав кредиторов, а также об уточнении условий, когда в принципе возможна реализация таких прав.

На концептуальном уровне пересмотр доставшейся от 1990-х системы осуществления прав кредиторов был обоснован в тексте Концепции развития корпоративного законодательства России на период до 2008 года, в котором, в частности было отмечено, что «Действующее законодательство необоснованно закрепляет безусловную защиту прав кредиторов реорганизуемого юридического лица, зачастую в ущерб интересам реорганизуемого хозяйствующего субъекта, в том числе дает кредиторам право фактически блокировать саму реорганизацию».

Очевидной стала необходимость провести ужимание весьма широких прав кредиторов до права требовать досрочного исполнения или прекращения обязательств и возмещения убытков в судебном порядке при условии ухудшения их положения в результате реорганизации, при этом суд должен быть вправе отказать в удовлетворении таких требований, если реорганизуемая организация или ее правопреемники докажут, что в результате реорганизации опасности ненадлежащего исполнения обязательства не возникнет [2]. Описанное смещение баланса интересов в сторону реорганизуемых должников был впервые реализовано также в 2008 г., в результате существенных изменений статьи 60 Гражданского кодекса, в которой устанавливалось два порядка реализации прав кредитора при реорганизации должника в обязательстве:

– общий – путем непосредственного обращения кредитора к должнику, применимый в случае реорганизации любых юридических лиц, кроме реорганизации открытых акционерных обществ в форме слияния, присоединения или преобразования;

– судебный – для случаев защиты прав кредитора открытого акционерного общества, реорганизуемого в форме слияния, присоединения либо преобразования.

По сути, каких-либо дополнительных гарантий для кредиторов данные изменения не принесли; для кредиторов юридических лиц – открытых акционерных обществ, реорганизуемых через слияния, присоединения или преобразования, они создавали значительные трудности для осуществления своих прав, поскольку обращение непосредственно к должнику и в суд различаются совершенно разными затратами сил, средств и ресурсов. Немаловажный момент, который остался

практически не замеченным в частности при рассмотрении и обсуждении проекта Федерального закона № 100324-5, призванного урегулировать ряд правоотношений, возникающих в случае реорганизации юридических лиц, заключался в том, что никакой специальной процедуры для рассмотрения требований в части учета интереса кредиторов и реформируемого юрлица в процессуальном законодательстве не существовало, что было вполне объяснимо – поскольку обращение в суд – это, как правило, требование о защите нарушенного права. Однако в анализируемом случае ни о каком нарушении права речь не шла, так как право осуществлялось досрочно на основании указанных в законе обстоятельств, а значит – на момент обращения в суд оно еще не было нарушено, поскольку лицо, к которому могло быть обращено требование, не проявило воли к неисполнению обращения.

Также необходимо отметить, что в большинстве концепций, описывающих те, или иные подходы к реформированию гражданского законодательства, вопрос о порядке осуществления кредиторами своих прав рассматривался как правило весьма поверхностно.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная Советом при Президенте России в октябре 2009 года, в данной сфере правоотношений никаких изменений не предусматривала, а предшествовавшая ей Концепция развития законодательства о юридических лицах хотя и упоминала необходимость законодательного ограничения прав кредиторов в отношении реорганизуемых юрлиц, однако о непосредственном введении в качестве общего правила судебного порядка осуществления кредиторами своих прав не упоминала. В проекте изменений Гражданского кодекса от 2012 года соответствующие изменения также никак не предусматривались.

Стоит отдельно отметить, что последствия установления общего судебного порядка осуществления прав кредиторов в отношении реорганизуемых юрлиц пока, видимо, не в полной мере осознаны юридическим сообществом. Во всяком случае, до настоящего времени не проводилось каких-либо существенных исследований, которые прогнозировали бы положительные, либо отрицательные последствия данной законодательной трансформации. В частности, И.З. Аюшеева рассуждает следующим образом: «Судебный порядок рассмотрения требований кредиторов, с одной стороны, способствует более полному, всестороннему и справедливому разрешению дела, исключает случаи немотивированного отказа в их удовлетворении. Однако, с другой стороны, срок рассмотрения дела в суде может быть более длительным, чем срок реорганизации, и к моменту вступления решения суда в силу реорганизуемый должник может прекратить свое существование» [3].

Однако, с данным, весьма поверхностным взглядом есть все основания не согласиться, поскольку теоретически могут быть высказаны как претензии по части юридической техники, так и по существу соответствующего судебного иска.

Во-первых, что касается юридической техники, необходимо отметить, что новая редакция статьи 60 Гражданского кодекса Российской Федерации предполагает в качестве общего правила то обстоятельство, что предъявленные в установленный данной статьей срок требования должны быть исполнены до завершения процедуры реорганизации, в том числе внесением долга на депозит в случаях, предусмотренных 327 статьей Гражданского кодекса. Иными словами реорганизуемое юридическое лицо-должник обязано удовлетворить все заявленные требования до завершения реорганизации в рамках исполнения соответствующего решения суда, а неисполнение решения суда, как известно в Российской Федерации приводит к различного рода наказаниям, хотя, безусловно, здесь имеется определенная лазейка для затягивания времени. Однако из указанной нормы закона следует, что пока заявленные требования не удовлетворены, реорганизация не может быть завершена.

С данной позиции правило пункта 3 статьи 60 Гражданского кодекса о солидарной ответственности ряда лиц в случае, если кредитору, не предоставлено исполнение досрочного исполнения или прекращения обязательств и возмещения убытков, можно рассматривать лишь как дополнительную гарантию на случай недобросовестных действий. Иными словами, если все заявленные требования подлежат безусловному удовлетворению, то для чего в принципе необходимо судебное рассмотрение, ведь в этом случае полностью исключается возможность оценки обоснованности требований и т.п. Кроме того, не очень понятно, что необходимо предпринимать сторонам процесса, в случае, если сам процесс например затянется? В обновлённой версии Гражданского кодекса данные аспекты никак не регламентируются.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 2304.
2. *Габов А.В.* Порядок осуществления прав кредиторов при реорганизации // Журнал российского права. 2016. № 5.
3. *Аюшеева И.З.* Защита прав кредиторов при реорганизации юридического лица: новеллы правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6.

Во-вторых, если рассматривать вышеупомянутые изменения в совокупности с другими изменениями 60-й статьи Гражданского кодекса, в части установления оснований для исключений возможностей использования кредиторами специальных прав, то становится очевидным, что теперь нарушается и баланс интересов между кредиторами и должником – юридическим лицом в пользу последнего, поскольку все содержание упомянутой статьи теперь ориентировано на максимальное исключение возможности использования специальных прав кредиторов.

Безусловно, как было отмечено выше, данная проблема дисбаланса между интересами кредиторов и реорганизуемого должника – юридического лица существовала и ранее, т.к. прежняя редакция данной статьи, не позволяла однозначно решить многие значимые вопросы, а подчас и вовсе генерировала риски банкротства вполне эффективного работоспособного предприятия в случае попыток его реорганизации.

Таким образом, можно констатировать, что устраняя проблему излишнего смещения баланса интересов в сторону кредиторов, в том числе введением судебного порядка осуществления прав законодатель, не желая того, создал вероятность нового дисбаланса, когда интересы кредиторов могут практически не приниматься в расчет, как это было до 1994 года.

Очевидно, что на данном этапе необходимо дальнейшее совершенствование российского гражданского законодательства в целях обеспечения эффективных механизмов защиты прав как кредиторов, так и юридических лиц-должников в случае проведения реорганизации, для обеспечения в целом на макроэкономическом уровне бесперебойное функционирование технологических, экономических и производственных цепочек.

Literature:

1. The federal law of 05.05.2014 № 99-FZ «About modification of chapter 4 part one of the Civil code of the Russian Federation and about recognition become invalid for separate provisions of acts of the Russian Federation» // The Collection of the legislation of the Russian Federation. 12.05.2014. № 19. Art. 2304.
2. *Gabov A.V.* Procedure for Exercising Creditors Rights in Reorganization // Journal of Russian Law. 2016. № 5.
3. *Ayusheva I.Z.* Protection of Creditors Rights in Reorganization of Legal Entity: Innovations of Legal Regulation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015. № 6.

Лизикова Марина Сергеевна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора предпринимательского
и корпоративного права,
Институт государства и права РАН
lizikova_m@mail.ru

Marina S. Lizikova
Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate
Business sector
and Corporate Law,
Institute of State and Law of RAS
lizikova_m@mail.ru

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА

NUCLEAR ENERGY AS A CLIMATE CHANGE TOOL

Аннотация. В статье показана потенциальная роль атомной энергетики в реализации целей Парижского соглашения по изменению климата 2015 г. Автором освещены различные сценарии борьбы с глобальным потеплением, позиции международных организаций и отдельных государств по отношению к атомной энергетике как одному из способов смягчения последствий изменения климата, обозначены возможные проблемы и риски в случае реализации предложенной МАГАТЭ гипотетической модели развития глобального энергетического сектора и сделан вывод о необходимости решения накопленных проблем в области ядерного нераспространения, а также повышения эффективности международно-правового регулирования в области использования атомной энергии при сохранении его существующей строгости.

Annotation. The article shows the potential role of nuclear energy in the implementation of the goals of the Paris Agreement on Climate Change 2015. The author highlights various scenarios of combating global warming, the positions of international organizations and individual states with respect to nuclear energy as one of the ways to mitigate the effects of climate change, identifies possible problems and risks if the hypothetical model for the development of the global energy sector proposed by the IAEA is implemented, and it is concluded that solving accumulated problems in the field of nuclear non-proliferation, as well as improving the effectiveness of international legal regulation in the field of the use of atomic energy while maintaining its existing rigor.

Ключевые слова: изменение климата, устойчивое развитие, атомная энергия, правовое регулирование в области использования атомной энергии, ядерное право, МАГАТЭ, международные организации, ядерная безопасность, атомные электростанции.

Keywords: climate change, sustainable development, nuclear energy, legal regulation in the field of atomic energy use, nuclear law, IAEA, international organizations, nuclear safety, nuclear power plants.

Климатические изменения, вызванные ростом объема выбросов диоксида углерода, – одна из фундаментальных проблем, с особой остротой вставших в начале третьего тысячелетия перед человечеством. Ответом мирового сообщества на этот вызов явились меры, предусмотренные Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (1992 г.), а также активизирующим ее осуществление Парижским соглашением об изменении климата (2015 г.). Они направлены на укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты» [7].

изменению климата разрабатываются различные вероятные сценарии достижения этого значения. Некоторые из них не допускают участия в данном процессе атомной энергетики, указывая в качестве аргумента несоответствие последней целям устойчивого развития, в части вероятности увеличения рисков распространения, оказания негативного воздействия на окружающую среду, угрозы воздействия на здоровье человека, негативного общественного отношения, а также экономические факторы [23]. Справедливости ради, следует отметить, что от определенных «минусов» несводны и иные виды низкоуглеродной энергетики.

Важнейшей задачей, решение которой лежит в плоскости изменения проводимой государствами климатической политики и ее регулировании, является недопущение глобального потепления выше пороговой величины в 1,5 °С. Согласно специальному отчету «Global Warming of 1.5 °C» [22]. Межправительственной группы экспертов по

Однако, большинство сценариев, напротив, не только предусматривают участие атомной энергетики в борьбе с изменениями климата, но и, более того, прогнозируют рост атомной генерации. Так, например, приведенный в выше названном отчете «умеренный сценарий», который исходит из сохранения текущих социальных, экономи-

ческих и технологических тенденций, предусматривает ее рост в мире в пять раз к 2050 году. А согласно позиции Всемирной ядерной ассоциации [26] предотвращение глобального потепления к этому сроку возможно лишь при условии увеличения существующих в настоящее время ядерных мощностей на 1000 ГВт (эл.).

Самые смелые сценарии, прогнозирующие значительный рост потребления энергии в мире после 2050 году и необходимости глубокой декарбонизации в последующие годы, отводят атомной энергетике еще большую роль, предвещая увеличение ее мощностей до тераваттного масштаба [9].

На сегодняшний день атомная энергетика занимает второе место среди источников низкоуглеродного электричества, обеспечивая 10 % мирового энергоснабжения. Ее неоспоримым плюсом является практически полное отсутствие выбросов CO₂. Полный ядерный топливный цикл от добычи урана до захоронения отходов выделяет около 2–6 гр. CO₂ на кВтч, что на один-два порядка ниже угля, нефти и природного газа и сопоставимо с показателями присущими солнечной и ветровой энергии [13]. Показательно, что благодаря атомной энергетике удалось избежать порядка 55 Гт выбросов CO₂ за последние 50 лет, что эквивалентно 2 годам глобальных выбросов CO₂, связанных с энергетикой. Это, а также невозможность на данном этапе полностью обеспечить мировые потребности в электроэнергии за счет исключительно возобновляемых источников энергии, потребность в значительном увеличении их эффективности и инвестиций в них, позволило Международному энергетическому агентству сделать вывод, что отказ от энергии атома будет не только сопряжен с негативными последствиями для энергетической безопасности, обойдется значительно дороже, но и может привести к дополнительным выбросам миллиардов тонн углерода [20]. Соответственно, в переходе на экологически чистую энергию атомная энергетика, наряду с иными технологиями, может сыграть важную роль, для чего целесообразно сосредоточить внимание на создании рынков электроэнергии, надлежащим образом учитывающих вклад всех низкоуглеродных технологий для обеспечения конкуренции на равных условиях.

В пользу этих доводов говорит и то, что гипотетическая модель возможного развития глобального энергетического сектора в целях достижения касающихся энергетике целей в области устойчивого развития, предложенная МАГАТЭ, построена на их основе [1]. Она предусматривает рост мировой атомной генерации за счет расширения географии атомной энергетике путем развертывания ядерно-энергетических программ государствами-«новичками». Эффективность такого сценария в борьбе с глобальным потеплением оценивается в 50 %.

Позиции о необходимости признания атомной энергии в качестве устойчивого источника энергии, который обеспечит доступ к поставкам чистой энергии по конкурентноспособной цене придерживается и Европейский ядерный форум

(Форатом) [12], ссылаясь на целесообразность учета при оценке деятельности таких критериев, как выбросы CO₂, потребление сырья, объем отходов, уровень воздействия на окружающую среду.

Не только международные организации видят в атомной энергетике инструмент для борьбы с изменением климата. Некоторые государства, подписавшие Парижское соглашение, также рассматривают ее в качестве одного из способов достижения цели по снижению выбросов парниковых газов, прописав это в своих Предполагаемых определяемых на национальном уровне вкладах (INDC).

Самый амбициозный проект по увеличению атомной генерации к 2032 году более чем в 10 раз планирует реализовать Индия [15], которая рассматривает данный вид производства энергии как безопасное, экологически благоприятное и экономически обоснованное с точки зрения удовлетворения своих растущих потребностей в электроэнергии.

Планы по развитию атомной энергетике безопасным и эффективным способом указал и Китай, отметив увеличение ее мощностей в 2,9 раза за период с 2005 по 2014 г.

Использование атомной энергии рассматривается в качестве одной из основных мер по смягчению воздействия на климат Кореей [24], однако снижение уровня общественного признания после аварии на АЭС «Фукусима» может послужить ограничением для реализации. Эти события оказали влияние и на планы Японии [25], которая, однако, пересмотрев свой Стратегический энергетический план, отвела к 2030 г. 20–22 % в энергетическом балансе страны на долю атомной энергии.

Кроме того, о планах использовать атомную энергию для производства электроэнергии упомянули Египет, Аргентина, Иордания, Нигер. Турция, ОАЭ и Беларусь пошли дальше и прописали конкретные меры – наметили введение в эксплуатацию АЭС [14].

Приведенные примеры показывают, что в настоящее время удельный вес атомной энергетике как инструмента борьбы с изменением климата не соответствует ее возможной потенциальной роли. Однако сохраняется вероятность увеличения последней в этом процессе, так как согласно достигнутому в 2015 г. договоренностям национальные климатические обязательства подлежат расширению каждые 5 лет, начиная с 2020 г., что оставляет возможность странам-участницам Парижского соглашения пересмотреть свое отношение к этому источнику энергии.

Этому может способствовать зарождающаяся тенденция перехода от полного отказа рассматривать атомную энергию в качестве «зеленой» к более мягкой, компромиссной позиции. Подтверждением тому является осуществленный ЕС пересмотр таксономии по устойчивому финансированию. Так, согласно принятому в марте 2018

года Европейской комиссией Плану действий по финансированию устойчивого роста в число устойчивых видов экономической деятельности атомная энергетика не вошла, в то время как год спустя при согласовании единой системы классификации для поощрения частных инвестиций в устойчивый рост и содействия климатически нейтральной экономике единственным прямым исключением из регулирования стала деятельность, связанная с использованием твердого ископаемого топлива [19].

Кроме того, изменению рассматриваемой ситуации может содействовать распространение информации по данной проблематике, осуществляемое на международных площадках. Крупнейшая конференция, посвященная вопросам изменения климата и роли атомной энергетики, была организована МАГАТЭ 11 октября 2019 г. [16]. В ходе ее работы представители 79 государств-членов и 17 международных организаций засвидетельствовали признание международным сообществом значения и важности рассматриваемого вопроса и объективную необходимость анализавсех без исключения существующих вариантов решения проблемы изменения климата, в том числе и «синергию с другими низкоуглеродистыми источниками выработки электроэнергии» [10]. В качестве мер, призванных способствовать повышению вклада атомной энергетики в смягчение последствий изменения климата, наряду с изменением восприятия атомной энергетики, а также постоянным вниманием к поддержанию высокого уровня безопасности, были отмечены: важность постановки декарбонизации электроэнергетического сектора в центр климатических стратегий; необходимость пересмотра существующей структуры финансирования экологически чистых и устойчивых проектов с целью преодоления дискриминации по отношению к атомной энергетике; потребность в развитии сотрудничества и разработке скоординированных подходов для привлечения финансирования или доступа к механизмам финансирования между международными организациями, правительствами, частным сектором, НПО, а также с организациями, которые традиционно не поддерживают атомную энергетику.

На стороне атомной энергетики, как элемента будущего мирового безуглеродного баланса, в подобных мероприятиях – например, на упомянутой выше конференции МАГАТЭ [6], на «World Nuclear Spotlight Poland», организованной Всемирной ядерной ассоциацией при поддержке Форатома и Министерства энергетики Польши в ноябре 2018 г. [5], Болгарском атомном форуме в июне 2019 [3], а также в сессиях Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата [4], – выступает Россия. Она рассматривает распространение российских ядерно-энергетических технологий в качестве вклада страны в глобальное противодействие изменению климата, активно осуществляя строительство АЭС как на своей территории, так и за рубежом. Такой стратегии придерживается не только Российская Федерация. Проекты по расширению собственной (и не только) ядерно-энергетической инфраструктуры осуществляют также Китай, Индия и др.

Все больше стран делает выбор в пользу атомной энергетики в качестве одного из основных источников выработки электроэнергии. Если о своей заинтересованности в запуске ядерно-энергетических программ заявляли более 60 государств [17], то к разработке и реализации фактических планов по строительству собственных АЭС, за исключением уже упомянутых Турции, ОАЭ и Беларуси, перешли 25 из числа «новичков» [18]. Как было отмечено ранее, МАГАТЭ видит в этом половину успеха в деле борьбы с глобальным потеплением.

Однако, будучи решением одной проблемы, процесс масштабного расширения географии атомной энергетики, без должного внимания ко всем аспектам его осуществления может повлечь за собой ряд других. С одной стороны, это возрастание вероятности распространения ядерного оружия и обострение проблем в сфере ядерного разоружения, риск эскалации конфликтов между государствами, обладающими ядерным оружием. И здесь трудно не согласиться с М. Банном, который исходит из тесной взаимосвязи проблемы изменения климата и предотвращения ядерной войны [9].

Использовать атомную энергию безопасно, надежно и в мирных целях, соблюдать гарантии, с целью учета и защиты ядерного материала, иметь стабильную политическую, экономическую и социальную среду – ключевые международно-правовые обязательства, которые принимает на себя государство-«новичок» [2]. Но примеры существования в настоящее время государств, активно расширяющих свои ядерно-энергетические программы, не являющихся участниками ДНЯО, обладающих ядерным оружием при отсутствии разделения ядерно-энергетической программы на мирную и военную, говорят о необходимости работы над дальнейшим укреплением ДНЯО и расширением режима нераспространения, а также над снижением рисков конфликтов между государствами, обладающими ядерным оружием. Решение этой группы проблем лежит не только в правовом поле, но и требует политической воли.

С другой стороны, значительное увеличение числа государств-«новичков» может повлечь за собой риск роста количества ядерных инцидентов и аварий, риска снижения общего уровня ядерной безопасности, «проверку на гибкость» существующего правового регулирования в области использования атомной энергии и т.д.

Процесс создания ядерно-энергетической программы «с нуля» очень сложен, масштабен, затратен. Он обеспечивается требованиями создать устойчивую национальную инфраструктуру, обеспечивающую правительственную, правовую, нормативную, управленческую, технологическую, кадровую, промышленную поддержку и поддержку реализации ядерно-энергетической программы в течение всего ее жизненного цикла; поддерживать устойчивую национальную инфраструктуру на всех этапах жизненного цикла АЭС и ЯТЦ в течение порядка 100 лет; обеспечивать ядерную и радиационную безопасность,

физическую безопасность ядерных материалов; на протяжении всего жизненного цикла ядерно-энергетической программы поддерживать культуру безопасности; нести ответственность, предусмотренную в национальных и международных правовых актах, как перед собственными гражданами, так и перед мировым сообществом.

Современный уровень ядерной безопасности, закрепленный международными нормами и стандартами высок. Он учитывает уроки аварий на Чернобыльской АЭС, АЭС «Фукусима-1», регулярно подвергается всесторонним переоценкам с целью усиления безопасности, совершенствования регулирующего надзора и повышения готовности к чрезвычайным ситуациям, ориентирован на недопущение ядерных катастроф в будущем. Соответственно, не следует недооценивать и рассматривать существующие требования к ядерной и радиационной безопасности как излишнее бремя для стран-«новичков». Потому, на наш взгляд, внедрение концепций, предлагающих дифференцированный подход к развитым и развивающимся странам в вопросах ядерной безопасности [8] представляется абсолютно недопустимым. В условиях масштабного расширения атомной энергетики сохранение приоритета ядерной безопасности перед экономическими интересами особенно актуально.

Литература:

1. Анимированное представление данных МАГАТЭ: выполнение целей в области борьбы с изменением климата на фоне развития ядерной энергетики в странах мира. URL : <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/animirovannoe-predstavlenie-dannyh-magate-vypolnenie-celey-v-oblasti-borby-s-izmeneniem-klimata-na-fone-razvitiya-yadernoy-energetiki-v-stranah-mira>
2. Основные этапы развития национальной ядерной инфраструктуры. URL : https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1704_web.pdf
3. Росатом принял участие в конференции Болгарского атомного форума. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-bolgarskogo-atomnogo-foruma/?sphrase_id=1289048
4. Росатом принял участие в конференции ООН по вопросам изменения климата в Польше. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-onn-po-voprosam-izmeneniya-klimata-v-polshe/?sphrase_id=1289048
5. Росатом принял участие в конференции, посвященной перспективам развития атомной энергетики в Европе. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-posvyashchennoy-perspektivam-razvitiya-atomnoy-energetiki-v-/?sphrase_id=1289048
6. Росатом принял участие в Международной конференции по изменению климата и роли

И, наконец, развитие атомной энергетики темпами, необходимыми для достижения цели удержания повышения среднемировой температуры на отметке 1,5 °С сверх доиндустриальных уровней к 2050 году, требует не только строгого соблюдения требований безопасности, но и достаточной гибкости регулирования. Это выносит на повестку дня вопросы, касающиеся изменения подходов к финансированию, привлечению частных инвестиций и снижению их рисков, повышению уровня прозрачности разрешительных процедур и их облегчения, гарантий честной конкуренции между признанными и новыми игроками рынка, упрощения внедрения инновационных технологий, которые повысят конкурентоспособность ядерных энергетических систем и облегчат интеграцию с другими низкоуглеродными источниками энергии и др.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что несмотря на довольно скромную роль, отводимую атомной энергетике в борьбе с изменением климата в настоящее время, она может рассматриваться в качестве действенного инструмента на этапе перехода к экологически чистой энергетике. Реализация такого сценария потребует пристального внимания ко всем аспектам его осуществления, и в первую очередь, к существующей системе международно-правового регулирования в области использования атомной энергии.

Literature:

1. AI-GEE Animated Presentation: Meeting Climate Change Goals against the Backdrop of Global Energy Development. URL : <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/animirovannoe-predstavlenie-dannyh-magate-vypolnenie-celey-v-oblasti-borby-s-izmeneniem-klimata-na-fone-razvitiya-yadernoy-energetiki-v-stranah-mira>
2. Main stages of development of national nuclear infrastructure. URL : https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1704_web.pdf
3. Rosatom participated in the conference of the Bol-Gar Atomic Forum. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-bolgarskogo-atomnogo-foruma/?sphrase_id=1289048
4. Rosatom attended the UN Climate Change Conference in Poland. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-onn-po-voprosam-izmeneniya-klimata-v-polshe/?sphrase_id=1289048
5. Rosatom participated in a conference dedicated to the prospects of nuclear energy development in Europe. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-konferentsii-posvyashchennoy-perspektivam-razvitiya-atomnoy-energetiki-v-/?sphrase_id=1289048
6. Rosatom participated in the International Conference on Climate Change and the Role of Nuclear

атомной энергетики. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnoy-konferentsii-po-izmeneniyu-klimata-i-rolu-atomnoy-energeti/?sphrase_id=1289048

7. Ст. 2 Парижского соглашения об изменении климата. URL : https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf

8. Ahab Abdel-Aziz, Bruce Lee-Shanok, «Before the Renaissance. A Reformative Challenge to the Precautionary Dogma in Nuclear Safety Regulation». Paper presented at the Nuclear Inter Jura Congress 2009 in Toronto, 16 p.Cit. By Pelzer N. Nuclear New Build – New Nuclear Law? DOI: 10.1787/nuclear_law-v2009-art12-en

9. *Bunn M.* Nuclear Disarmament, Nuclear Energy, and Climate Change: Exploring the Linkages // Nuclear Disarmament: A Critical Assessment (Oxon, England: Routledge, March 2019). P. 185–204.

10. *Chudakov M.* Summary Closing of the Conference, Friday 11 October. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/19/10/2019-10-23_concluding_summary_final.pdf

11. Concluding Statement by the President of the Conference. URL : https://www-pub.iaea.org/MTCD/Meetings/PDFplus/2009/cn169/cn169_Concluding_Statement_E.pdf

12. Foratom calls on EU to recognise nuclear as a strategic industry. URL : <https://world-nuclear-news.org/Articles/Foratom-calls-on-EU-to-recognise-nuclear-as-a-str>

13. *Hejazi R.* Nuclear energy: Sense or nonsense for environmental challenges. URL : <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC>

14. India's Intended Nationally Determined Contribution: Working Towards Climate Justice. URL : <https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/India/1/INDIA%20INDC%20TO%20UNFCCC.pdf>

15. International Conference on Climate Change and the Role of Nuclear Power. URL : <https://www.iaea.org/atoms4climate>

16. International Ministerial Conference on Nuclear Energy in the 21st Century Beijing, April 20 to 22, 2009.

17. More Newcomers Eye Nuclear Power as UAE, Belarus Set to Start Operating First Nuclear Power Plants. URL : <https://www.iaea.org/newscenter/news/more-newcomers-eye-nuclear-power-as-uae-belarus-set-to-start-operating-first-nuclear-power-plants>

18. New EU rules agreed on 'green' investments. URL : <https://world-nuclear-news.org/Articles/New-EU-rules-agreed-on-green-investments>

19. Nuclear Power in a Clean Energy System. Fuel report – May 2019. URL : <https://www.iea.org/reports/nuclear-power-in-a-clean-energy-system>

Energy. URL : https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnoy-konferentsii-po-izmeneniyu-klimata-i-rolu-atomnoy-energeti/?sphrase_id=1289048

7. Ст. 2 Паризшкogosoglasheniijaobizmeneniiklimata. URL : https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf

8. Ahab Abdel-Aziz, Bruce Lee-Shanok, «Before the Renaissance. A Reformative Challenge to the Precautionary Dogma in Nuclear Safety Regulation». Paper presented at the Nuclear Inter Jura Congress 2009 in Toronto, 16 p.Cit. By Pelzer N. Nuclear New Build – New Nuclear Law? DOI: 10.1787/nuclear_law-v2009-art12-en

9. *Bunn M.* Nuclear Disarmament, Nuclear Energy, and Climate Change: Exploring the Linkages // Nuclear Disarmament: A Critical Assessment (Oxon, England: Routledge, March 2019). P. 185–204.

10. *Chudakov M.* Summary Closing of the Conference, Friday 11 October. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/19/10/2019-10-23_concluding_summary_final.pdf

11. Concluding Statement by the President of the Conference. URL : https://www-pub.iaea.org/MTCD/Meetings/PDFplus/2009/cn169/cn169_Concluding_Statement_E.pdf

12. Foratom calls on EU to recognise nuclear as a strategic industry. URL : <https://world-nuclear-news.org/Articles/Foratom-calls-on-EU-to-recognise-nuclear-as-a-str>

13. *Hejazi R.* Nuclear energy: Sense or nonsense for environmental challenges. URL : <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC>

14. India's Intended Nationally Determined Contribution: Working Towards Climate Justice. URL : <https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/India/1/INDIA%20INDC%20TO%20UNFCCC.pdf>

15. International Conference on Climate Change and the Role of Nuclear Power. URL : <https://www.iaea.org/atoms4climate>

16. International Ministerial Conference on Nuclear Energy in the 21st Century Beijing, April 20 to 22, 2009.

17. More Newcomers Eye Nuclear Power as UAE, Belarus Set to Start Operating First Nuclear Power Plants. URL : <https://www.iaea.org/newscenter/news/more-newcomers-eye-nuclear-power-as-uae-belarus-set-to-start-operating-first-nuclear-power-plants>

18. New EU rules agreed on 'green' investments. URL : <https://world-nuclear-news.org/Articles/New-EU-rules-agreed-on-green-investments>

19. Nuclear Power in a Clean Energy System. Fuel report – May 2019. URL : <https://www.iea.org/reports/nuclear-power-in-a-clean-energy-system>

20. *Pelzer N.* Nuclear New Build – New Nuclear Law? DOI: 10.1787/nuclear_law-v2009-art12-en

21. Special Report: Global Warming of 1.5 °C. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/>

22. Sustainable Development, Poverty Eradication and Reducing Inequalities Energy Supply: Accelerated Decarbonization. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/chapter/chapter-5/>

23. Submission by the Republic of Korea: Intended Nationally Determined Contribution. URL : <https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Republic%20of%20Korea/1/INDC%20Submission%20by%20the%20Republic%20of%20Korea%20on%20June%2030.pdf>

24. Submission of Japan's Intended Nationally Determined Contribution (INDC). URL : https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Japan/1/20150717_Japan's%20INDC.pdf

25. The Harmony Programme. URL : <https://www.world-nuclear.org/harmony>

20. *Pelzer N.* Nuclear New Build – New Nuclear Law? DOI: 10.1787/nuclear_law-v2009-art12-en

21. Special Report: Global Warming of 1.5 °C. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/>

22. Sustainable Development, Poverty Eradication and Reducing Inequalities Energy Supply: Accelerated Decarbonization. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/chapter/chapter-5/>

23. Submission by the Republic of Korea: Intended Nationally Determined Contribution. URL : <https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Republic%20of%20Korea/1/INDC%20Submission%20by%20the%20Republic%20of%20Korea%20on%20June%2030.pdf>

24. Submission of Japan's Intended Nationally Determined Contribution (INDC). URL : https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Japan/1/20150717_Japan's%20INDC.pdf

25. The Harmony Programme. URL : <https://www.world-nuclear.org/harmony>

Магомадова Зубийдат Андарбековна
аспирантка кафедры уголовного права,
Российский государственный
университет правосудия
magomadovaz@gmail.com

Zubiydat A. Magomadova
Postgraduate student
in Criminal Law,
Russian State University of Justice
magomadovaz@gmail.com

«ОКОВЫ» ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. Стереотипное правосознание воспринимает определенность уголовно-правового запрета как идеал; его противоположность – неопределённость, как несомненное зло и вредное отклонение. Тем не менее, реалии предлагают не биполярность, а целую палитру вариантов оценки определенности и неопределенности, что означает невозможность и нецелесообразность категоричных суждений. В последнее время в Уголовном кодексе наметилась тенденция к наращиванию начал определенности, которая в своем логическом развитии грозит гиперопределенностью закона, имеющей, как представляется, негативные последствия. Правоприменение может и должно эффективно развиваться в неопределенной среде, но при этом оно должно выйти за рамки узкого понимания принципа законности и отказаться от примата правового позитивизма. В подтверждение такой позиции приводятся результаты анализа содержания двух гиперопределенных статей Уголовного кодекса и практики их применения – ст. 144 и ст. 215. Исследуя «побочные действия» от казуистичного формулирования составов преступлений, автор доказывает преимущественную, центральную роль правовых принципов как средств преодоления издержек неопределенности и гиперопределенности в условиях несовершенного уголовного законодательства.

Ключевые слова: определенность уголовно-правового запрета, гиперопределенность, целесообразность, законность, позитивизм, принципы уголовного права.

Свойство определенности уголовно-правового запрета является сложностижимым. Оно требует от законодателя высокого уровня мастерства в изложении нормы, применения методов прогнозирования и имитационного моделирования [1, с. 214]. До момента «облачения» уголовно-правового запрета в форму словесного выражения, законодатель должен верно определить объект посягательства и сделать правильное обобщение относительно предполагаемых им общественно опасными действий, способных поставить и/или ставящих охраняемые общественные отношения в опасность.

Вышеуказанная процедура обобщения предполагает оптимальное сочетание формализованного и неформализованного приемов изложения текста уголовно-правовой нормы, баланс опреде-

«SHACKLES» OF CERTAINTY

Annotation. Stereotypical legal awareness perceives certainty of criminal prohibition as an ideal; its contrary – uncertainty, as wickedness and harmful deviation. Nevertheless, reality does not offer bipolarity, but a whole palette of options for assessing certainty and uncertainty, which means the impossibility and inadvisability of categorical judgments. In recent times there has been a trend of certainty augmentation in the Criminal code, which in its logical development threatens with the hyper-certainty of the law, that appears to have negative consequences. Law enforcement can and should effectively develop in an uncertain environment while going beyond a narrow understanding of the rule of law and abandoning the primacy of legal positivism. In support of this position, the results of the analysis of the content of two hyper-certain articles and the practice of their application are given – Art. 144 and Art. 215 of the Criminal Code. Studying the «side effects» of the casuistic formulation of corpus delicti, the author proves the predominant, central role of legal principles as a means of overcoming the costs of uncertainty and hyper-certainty in conditions of imperfect criminal legislation.

Keywords: certainty of criminal prohibition, hyper-certainty, advisability, rule of law, positivism, principles of criminal law.

ленности и приемлемой степени неопределенности (выраженной в использовании законодателем оценочных понятий, бланкетных конструкций, относительно определенных санкций и проч.). В качестве плацдарма для наших последующих суждений используем правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в которых последний сформулировал следующие критерии определенности:

- общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями;

неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона [2];

- оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний [3];

- регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение [4].

Таким образом, орган конституционного надзора признает естественным бытие норм неопределенными в той мере, в какой они в обязательном порядке требуют толкования; допустимым возможностью усмотрения в рамках «единообразности» и заранее установленных границ (при условии синергии правоприменителей); жизненно необходимым существование норм в рамках системы; главенство принципов как ориентиров для оценки норм (в том числе для их последующей дисквалификации).

Изложенные требования к концепции «построения» и «функционирования» законодательства являются идеалом, к которому уголовное законодательство Российской Федерации пока только стремится. Впрочем, даже в масштабах всей планеты не найдется государства с системой законодательства, «сданной в эксплуатацию» при полном соответствии всем без исключения требованиям. Ю.Е. Пудовочкин в разрезе данной проблематики утверждает, что такого идеала в реальности вовсе не существует, «ибо представления о совершенстве существенным образом разнятся, причем не столько в зависимости от времени и пространства, сколько в зависимости от субъекта оценки» [5, с. 18–19].

Уголовное законодательство страдает множеством пороков, однако в рамках настоящей публикации будут освещены лишь бессистемность и казуистичность (она же гиперопределенность). Два указанных феномена взаимосвязаны, в равной мере обуславливают друг друга. Уместны к цитированию соответствующие рассуждения Бавсуна М.В. и Попова Д.В.: «право, будучи невероятно (гипер) определенным, теряет свою сущность, сам смысл своего существования, перестает быть системой норм, превращаясь в некий перечень предписаний, каждое из которых претендует на исключительность» [6, с. 35].

Очевидно, что в условиях несовершенного законодательства должен быть пересмотрен примат позитивистского правопонимания и подвергнут сомнению приоритет узкого понимания принципа законности (основывающихся на следующих посылах: сущностным признаком права является его формальная определенность; формальная определенность означает, что право объек-

тивируется в действительности через законы; лишь закон – источник права).

Данный тезис будет проиллюстрирован на примере содержания и практики применения двух гиперопределенных статей Уголовного кодекса – статьи 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» и статьи 254 «Порча земли».

1. **Статья 144.** Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 144, исходя из ее текстового содержания, может быть выражена исключительно в принуждении к распространению информации или в принуждении к отказу от распространения информации. При этом, необходимо отметить, что понятие воспрепятствования, приведенное в статье 58 Закона РФ «О средствах массовой информации» включает в себя широкий спектр ущемляющих свободу массовой информации действий: «воспрепятствование **в какой бы то ни было форме** со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, **в том числе посредством:** осуществления цензуры; вмешательства в деятельность и нарушения профессиональной самостоятельности редакции; незаконного прекращения либо приостановления деятельности средства массовой информации нарушения права редакции на запрос и получение информации; незаконного изъятия, а равно уничтожения тиража или его части; принуждения журналиста к распространению или отказу от распространения информации; установления ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну» [7].

Сопоставляя эту дефиницию с текстом уголовного закона, нельзя не заметить, что законодатель криминализировал только два из указанного множества способов воспрепятствования законной деятельности журналистов.

Меж тем потерпевшим от преступления может быть признан только журналист (входящий в штат того или иного СМИ, либо связанный с редакцией гражданско-правовыми отношениями). Данное обстоятельство подтверждается соответствующей устоявшейся в науке уголовного права позицией [8, с. 32; 9, с. 220] и сложившейся судебной практикой [10, 11].

Что важно, посягательство на журналистов, как непосредственных акторов поиска информации, затрагивает не только их самих: негативные последствия от воспрепятствования их деятельности распространяются и на других людей, являющихся потребителями этой информации. Главная цель воспрепятствования – не столько учинение урона конкретной личности (журналисту), сколько недопущение распространения определенной

информации среди населения либо его дезинформация. В таких случаях воздействие на журналиста выступает в качестве средства достижения поставленной злоумышленником цели.

Данное утверждение подразумевает следующее: потерпевшими от преступления, предусмотренного статьей 144 Уголовного кодекса, могут быть не только лица, непосредственно занимающиеся созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции, но и главный редактор, издатель, распространитель СМИ, поскольку, во-первых, принуждение зачастую оказывается и на них; во-вторых, указанные лица являются звеньями цепочки распространения информации до конечного потребителя.

Анализ судебной практики выявил пагубный тренд – дела, в рамках которых была применена статья 144 Уголовного кодекса, представляют собой «шаблонные», недвусмысленные примеры воспрепятствования журналистской деятельности: съемочная группа зарегистрированного СМИ приезжает для съемки репортажа на место событий, способных вызвать общественный интерес; лица, не желающие распространения соответствующей «нелицеприятной» информации, оказывают физическое воздействие на журналиста и оператора (толчками, удерживанием, заламыванием рук, нанесением побоев и проч.); повреждают/изымают оборудование (камеру, микрофон, цифровой носитель информации и проч.) [10, 11, 12, 13].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что указанная статья является примером гиперопределенности уголовно-правового запрета: позиционирует лишь два способа воспрепятствования уголовно наказуемыми; имеет в качестве потерпевшего лишь одно звено из цепочки передатчиков массовой информации до потребителя – журналиста. Вследствие этого, вне уголовно-правовой охраны остается широкий круг общественно опасных деяний, воспрепятствующих надлежащей деятельности СМИ; такой, какую они должны осуществлять в демократическом обществе.

2. *Статья 254.* Порча земли

Рассуждая о недостатках содержания статьи 254 Уголовного кодекса, Игнатов М.А. и Кузнецова О.А. обращают внимание на ограниченный перечень действий с вредными веществами, указанных в статье, - хранение, использование и транспортировка. Авторы отмечают, что «статья 254 Уголовного кодекса не предусматривает ответственности за такие общественно опасные действия, как захоронение пришедших в негодность пестицидов с нарушением установленных правил, повлекшее порчу земли, захламление и загрязнение земель несанкционированными свалками и полигонами» [14, с. 58]. В свою очередь, Репин М.Е. указал на следующий недостаток объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 254 Уголовного кодекса: правила, нарушение которых при наступлении указанных в ней последствий признается преступлением, касаются обращения только с определенными веществами, прямо

предусмотренными в диспозиции статьи, и только ограниченного круга видов обращения с ними – хранения, использования и транспортировки; следовательно, нарушения правил других видов обращения с такими веществами, например, их производства, обезвреживания, утилизации, уничтожения, захоронения, не подпадают под признаки состава преступления порчи земли или иных указанных в статье последствий [15, с. 130].

Если обратиться к практике применения статьи 254 Уголовного кодекса, то мы узрим следующее: за первое полугодие 2019 года – по части первой было осуждено 2 человека, по той же части статьи в отношении 1 лица уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям; за 2018 год – по всем трем частям статьи не был осужден ни один человек, при этом по части первой в отношении 4 человек уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям; за 2017 год – по части первой 2 человека были привлечены к уголовной ответственности (по части второй и части третьей никто не осуждался); в 2016 году – по части первой осужден 1 человек (аналогичная ситуация по ч. 2 и ч. 3, что имела место быть в 2017 году) [16]. Приведенные в настоящей статье данные отражают число лиц, осужденных по основной статье.

Приведенные статистические данные могут свидетельствовать либо о весьма редком совершении деяния, предусмотренного диспозицией статьи 254, либо о проблеме практического применения статьи, вызванной ее неудачной законодательной формулировкой. Мы более склоняемся ко второму варианту, учитывая экологические особенности российской действительности. В подтверждение обоснованности выбранной позиции, обращаем внимание на факт образования на территории Российской Федерации так называемой «мусорной мафии», отличающейся высоким уровнем латентности в осуществлении своей деятельности [17, 18, 19, 20].

Как видим из двух вышеприведенных примеров, гиперопределенная формулировка исследованных статей явилась преградой для полноценной защиты общественных отношений, которые эти нормы должны были охранять. Узкое понимание принципа законности «закрыло двери» для широкого толкования этих статей, которое, в свою очередь, при разумном и верном исполнении способно достичь цели уголовно-правовой охраны соответствующих благ.

Однако, правоприменитель зачастую демонстрирует иную модель интерпретации правовых норм, нежели избранную им в отношении статей 144 и 254 Уголовного кодекса РФ.

Частным случаем такой интерпретации является принятая квалификация преступлений по части 1 статьи 226 Уголовного кодекса РФ.

Под хищением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в соответствии с пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 (далее – «Постановление»),

необходимо понимать противоправное завладение любыми способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом [21].

При этом, существует легальное определение понятия «хищение», приведенное в примечании 1 ст. 158 УК РФ (в соответствии с указанием законодателя, оно относится ко всем статьям кодекса): «Под хищением в статьях настоящего кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В тексте Постановления не установлена обязательность наличия корыстной цели у злоумышленника. Кроме того, согласно второму абзацу пункта 13 Постановления уничтожение, оставление на месте преступления или возвращение назад похищенного оружия после его использования для совершения других противоправных действий либо в иных целях не является основанием для освобождения лица от ответственности за хищение оружия.

Закономерно, что на практике к ответственности по части 1 статьи 226 Уголовного кодекса привлекают как и при наличии у преступника корыстной цели [22], так и без таковой [23].

Стало быть, применительно к статье 226 Уголовного кодекса правоохранитель не «скован» словесной формулой легального определения понятия «хищение». Налицо отсутствие единообразного толкования понятия, причем в рамках одной отрасли права (еще одно объективное выражение бессистемности уголовного законодательства). Допустимо ли это? Вернее даже так поставить вопрос – целесообразно ли?

Объектом основного состава статьи 226 Уголовного кодекса РФ является общественная безопасность в сфере оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; дополнительным – отношения собственности (одновременное посягательство и на этот объект особенно явно при хищении гражданского огнестрельного оружия; именно такие дела составляют львиную долю практики по части 1 статьи 226).

Вместе с тем, специфика предмета хищения сдвигает причинение вреда отношениям собственности на второй план, поскольку «выбытие» огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств из правомерного владения сулит более опасные последствия, нежели единственно причинение имущественного ущерба.

К тому же ответственность по статье 226 Уголовного кодекса наступает и в случаях хищения вышеуказанных предметов у лиц, владевших ими неправомерно.

Таким образом, для правоохранительных органов такая низменная цель совершения преступления, как корысть, уходит на последний план, поскольку она не является составообразующей для данного преступного деяния.

Вышеприведенное означает, что расширительное толкование понятия «хищение» в свете статьи 226 Уголовного кодекса представляется целесообразным. Следует отметить, что аналогичная правоприменительная практика сложилась и по другим схожим по композиции составам – части 2 статьи 226, статьям 221 и 229 Уголовного кодекса.

Резюмируя промежуточные выводы, подведем черту: требования определенности уголовно-правового запрета в сочетании с требованиями недопустимости расширительного и иного небуквального толкования уголовного закона (одни из составных элементов принципа законности) имеют не только прогрессивное значение для охраны конституционных прав граждан от произвольных уголовно-правовых решений, но могут иметь и обратное значение – «оков», сдерживающих разумную свободу усмотрения правоприменителя и ограничивающих охранительную способность уголовного закона.

В некоторых ситуациях (например, при квалификации деяния по статье 226 Уголовного кодекса) правоприменитель эти «оковы» разрывает за счет небуквального, но системного и социально-обусловленного толкования уголовного закона, а в других, подпадающих под действие статей 144 и 254, он остается пассивным, тем самым дезактивируя их потенциал.

Следовательно, в таких условиях мы не только имеем «бракованный» элемент системы (гиперопределенную норму), но и сбой алгоритмов действий ее субъектов, как побочный эффект – их непрогнозируемость; должную уголовно-правовую охрану не всех, а лишь «избранных» благ. В таком случае невозможно утверждать о существовании норм права в рамках системы – они лишь объединены в простую совокупность. Данное обстоятельство является свидетельством пагубной степени неопределенности.

Пока уголовное законодательство России остается несовершенным и бессистемным, главенствующую роль при правоприменении должны играть правовые принципы, как закрепленные в законодательстве, так и не нашедшие на текущий момент своего нормативного оформления. Для эффективного правового регулирования в некоторых случаях эссенциален отход от узкой трактовки принципа законности при условии руководства правоприменителем наряду с ним совокупностью принципов более обобщающего характера (справедливости, целесообразности [24] и др.), отражающих ценности, во-первых, прошедшие проверку временем, во-вторых, ориентированные на обеспечение жизнеспособности общностей людей и способные последнюю обеспечить.

Литература:

1. *Михалкин Н.В.* Философия права: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.В. Михалкин, А.Н. Михалкин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 392 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2431.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 122-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ионова Николая Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Пудовочкин Ю.Е.* Несовершенство уголовного законодательства как причина квалификационных ошибок // Общество и право. 2019. № 2(68). С. 18–27.
6. *Бавсун М.В.* Гиперопределенность уголовного права как предпосылка его деградации / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции, 21 сент. 2018 г. : в 2 т. / Редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишнеvский, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун. Краснодар : Краснодарский университет МВД России. 2017. Т. 1. С. 34–40.
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124 (ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Российская газета. № 32. 08.02.1992.
8. *Новиков В.А.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста // Законность. 2012. № 11. С. 30–32.
9. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.А. Громова. М. : ГроссМедиа, 2007. 606 с.
10. Приговор Советского районного суда г. Махачкалы (Республики Дагестан) от 19.11.2018 по делу № 1-438/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения 15.04.2020).
11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.12.2017 по делу № 22-8747/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. *Mihalkin N.V.* Philosophy of Law: textbook and activity book for bachelor's and master's degrees / N.V. Mihalkin, A.N. Mihalkin. 2nd edition, revised and expended. M., «Yurajt» Publisher, 2017. 392 p.
2. Constitutional Court judgement of 25 April 1995 № 3-P «On challenging the constitutional validity of first and second parts of Article 54 of the Housing Code of RSFSR with regard to the claim of L.N. Sitalova » // Assembly of the RF Legislation. 1995. № 18. Art. 1708.
3. Constitutional Court judgement of 27 May 2003 № 9-P «On challenging the constitutional validity of Article 199 of the Criminal Code of Russia with regard to the claims of Beleckij P.N., Nikova G.A., Rukavishnikov R.V., Sokolovskij V.L. and Talanov N.I. // Assembly of the RF Legislation. 2003. № 24. Art. 2341.
4. Constitutional Court determination of 21 April 2005 № 122-O «On dismissal of claim of Ionov N.V. regarding his constitutional rights violation by the third part of Article 14.13 of the Russian Code of Administrative Offences // RLS «Consultant-Plus».
5. *Pudovochkin Yu.E.* Imperfection of criminal legislation as a cause of qualification mistakes // Society and Law. 2019. № 2(68). P. 18–27.
6. *Bavsun M.V.* Hyper-certainty of Criminal Law as a premise of its degradation / M.V. Bavsun, D.V. Popov // Criminal policy and culture of counteracting crime: Proceedings of International scientific-practical Conference, 21 September 2018: in 2 volumes / editorial board: A.L. Osipenko, K.V. Vishnevskij, I.A. Parshina, V.S. Solov'ev, P.V. Maksimov, A.Z. Hun. – Krasnodar: Krasnodarsky University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. 2017. Vol. 1. P. 34–40.
7. Russian Federation Law of 27.12.1991 № 2124 (edit. from 06.06.2019) «On Mass Media» (with amendments and additions entering into force on 1 September 2019) // Rossiiskaya gazeta. № 32. 08.02.1992.
8. *Novikov V.A.* Obstructing the legitimate activities of a journalist // Legality. 2012. № 11. P. 30–32.
9. Article-by-article commentary on the Russian Criminal Code / ed. by N.A. Gromov. M. : GrossMedia, 2007. 606 p.
10. The verdict of the Soviet District Court of Makhachkala (Republic of Dagestan) of 19 November 2018 with regard to the case № 1-438/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL : <http://sudact.ru> (accessed 15.04.2020).
11. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of 6 December 2017 with regard to the case № 22-8747/2017 // RLS «Consultant-Plus».

12. Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 12.09.2017 по делу № 1-97/2017; Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 01.06.2017 по делу № 1-258/2016; Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 23.05.2017 по делу № 1-186/2017; Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 02.11.2015 по делу № 1-239/2015; Приговор Сургутского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области от 27.05.2014 по делу № 1 – 585/2014; Приговор Сургутского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области от 03.02.2014 по делу № 1-99/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения 15.04.2020).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 13.12.2018 по делу № 10-20591/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Игнатова М.А.* О разграничении уголовной и административной ответственности за порчу земли / М.А. Игнатова, О.А. Кузнецова // Российский следователь. 2018. № 8. С. 55–60.
15. *Репин М.Е.* Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 254 «Порча земли» Уголовного кодекса РФ // Наука. Мысль: Электронный юридический журнал. 2016. № 9. С. 127–130.
16. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России с 2016 года по первое полугодие 2019 года; Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (дата обращения 15.04.2020).
17. *Яковлева Ю.* Прокуратура взялась за несанкционированный полигон ТБО общей площадью более одного гектара на границе Татарстана и Чувашии. URL : <http://kazanfirst.ru/article/123227> (дата обращения 15.04.2020).
18. Мусорная мафия в Новой Москве после первых предупреждений сменила берег. URL : <https://newizv.ru/news/politics/13-02-2019/paradoksy-bezvlastiya-svalku-v-novoy-moskve-zakryli-no-ona-rabotaet> (дата обращения 15.04.2020).
19. Незаконные свалки в Подмоскowie наносят ущерб на 4,4 млрд рублей. URL : <https://newizv.ru/news/economy/27-06-2017/nezakonnye-svalki-v-podmoskovie-nanosyat-uscherb-na-4-4-mlrd-rublej> (дата обращения 15.04.2020).
20. *Бутузова Л.* Мусорный фокус: подмосковные свалки меняют название, но продолжают расти. URL : <https://newizv.ru/article/general/30-12-2019/musornyy-fokus-podmoskovnye-svalki-menyayut>
12. The verdict of the Leninsky District Court of the Tula Region of 12 September 2017 with regard to the case № 1-97/2017; The verdict of the Frunzensky District Court of Vladivostok of 1 June 2017 with regard to the case № 1-258/2016; The verdict of the Frunzensky District Court of Vladivostok of 23 May 2017 with regard to the case № 1-186/2017; The verdict of the Kochubeyevsky district court of the Stavropol Territory of 2 November 2015 with regard to the case № 1-239/2015; The verdict of the Surgut city court of the Khanty – Mansiysk Autonomous district – Ugra of the Tyumen region of 27 May 2014 with regard to the case № 1-585/2014; The verdict of the Surgut city court of the Khanty-Mansiysk Autonomous district – Ugra of the Tyumen Region of 3 February 2014 with regard to case № 1-99/2014 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL : <http://sudact.ru> (accessed 15.04. 2020).
13. Appeal ruling of the Moscow City Court of 13 December 2018 with regard to the case № 10-20591/2018 // RLS «Consultant-Plus».
14. *Ignatova M.A.* On the delineation between criminal and administrative liability for land damage / M.A. Ignatova, O.A. Kuznetsova // Russian investigator. 2018. № 8. P. 55–60.
15. *Repin M.E.* Some features of the objective side of corpus delicti under Article 254 «Land deterioration» of the Russian Criminal Code // Science. Thought: Electronic Law Journal. 2016. № 9. P. 127–130.
16. Summary statistics on the state of criminal record in Russia from 2016 to the first half of 2019; Reports on the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (accessed 15.04.2020).
17. *Yakovleva Yu.* The prosecutor's office came after an unauthorized landfill with a total area of more than one hectare on the border of Tatarstan and Chuvashia. URL : <http://kazanfirst.ru/article/123227> (accessed 15.04.2020).
18. The garbage mafia in New Moscow has changed the coast after the first warnings. URL : <https://newizv.ru/news/politics/13-02-2019/paradoksy-bezvlastiya-svalku-v-novoy-moskve-zakryli-no-ona-rabotaet> (accessed 15.04.2020).
19. Illegal landfills in the Moscow region cause damage up to 4.4 billion rubles. URL : <https://newizv.ru/news/economy/27-06-2017/nezakonnye-svalki-v-podmoskovie-nanosyat-uscherb-na-4-4-mlrd-rublej> (accessed 15.04.2020).
20. *Butuzova L.* Garbage trick: Moscow region landfills change their name, though continue to grow. URL : <https://newizv.ru/article/general/30-12-2019/musornyy-fokus-podmoskovnye-svalki-menyayut>

nazvanie-no-prodolzhayut-rasti (дата обращения 15.04.2020).

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2002. № 5.

22. Приговор Невельского городского суда Сахалинской области от 18.06.2019 по делу № 1-50/2019; Приговор Чугуевского районного суда Приморского края от 17.06.2019 по делу № 1-226/2018; Приговор Нефтегорского районного суда Самарской области от 07.06.2019 по делу № А1-18/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения 15.04.2020).

23. Приговор Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 20.05.2019 по делу № 1-30/2019; Приговор Московского районного суда г. Казани от 30.05.2019 по делу № 1-220/2019; Приговор Княжпогостского районного суда Республики Коми от 08.05.2019 по делу № 1-47/2019; Приговор Североморского гарнизонного военного суда от 06.05.2019 по делу № 1-12/2019; Приговор Верховного Суда Республики Крым от 26.03.2019 по делу № 1-5/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения 15.04.2020).

24. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 186 с.

nazvanie-no-prodolzhayut-rasti (accessed 15.04.2020).

21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 March 2002 №5 (edition from 11.06.2019) «On judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices» // «Bulletin of the Supreme Court of RF». 2002. № 5.

22. The verdict of the Nevelsky City Court of the Sakhalin Region of 18 June 2019 with regard to the case № 1-50/2019; The verdict of the Chuguevsky District Court of Primorsky Territory of 17 June 2019 with regard to the case № 1-226 /2018; The verdict of the Neftegorsky District Court of the Samara Region of 7 June 2019 with regard to the case № А1-18/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL : <http://sudact.ru> (accessed 15.04.2020).

23. The verdict of the Nyurba District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of 20 May 2019 with regard to the case no. 1-30/2019; The verdict of the Moscow District Court of Kazan of 30 May 2019 with regard to the case № 1-220/2019; the verdict of the Knyazhpogostsky District Court of the Komi Republic of 8 May 2019 with regard to the case № 1-47/2019; the verdict of the North Sea Garrison Military Court of 6 May 2019 with regard to the case № 1-12/2019; Verdict of the Supreme Court of the Republic of Crimea of 26 March 26 2019 with regard to the case № 1-5/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL : <http://sudact.ru> (accessed 15.04.2020).

24. *Bavsun M.V.* Advisability in Criminal Law : dis. ... cand. law sci. Omsk, 2002. 186 p.

Михайлов Алексей Евгеньевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ АФФЕКТИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Эффективность раскрытия и расследования преступлений во многом зависит от умения следователя в своей работе интегрировать знания различных наук. Это позволяет комплексно исследовать следы преступления и правильно применять нормы материального права. Расследование аффектированных преступлений требует применения специальных знаний. При этом специальные знания востребованы не только в рамках назначения судебных экспертиз, но и при проведении других следственных действий, которые позволят установить факт наличия у подозреваемого или обвиняемого состояния аффекта.

Ключевые слова: раскрытие преступления, расследование преступления, аффектированные преступления.

Alexey E. Mikhailov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of Public Law Studies Department,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments,
Associate Professor
of Legal Support State
and Municipal management,
Vladimir branch Russian Academy
of People 's Masters and Public Service
Under the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov
Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor
of Public Law Studies Department,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
urgantfk@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Assistant Professor
of Public Law Studies Department,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
kurlak09@rambler.ru

CERTAIN ASPECTS OF DETECTION AND INVESTIGATION OF AFFECTED CRIMES

Annotation. The effectiveness of crime detection and investigation largely depends on the ability of the investigator to integrate knowledge of various Sciences in their work. This allows you to comprehensively investigate the traces of the crime and correctly apply the rules of substantive law. Investigation of affected crimes requires the use of special knowledge. At the same time, special knowledge is required not only in the appointment of forensic examinations, but also during other investigative actions that will establish the fact that the suspect or accused has a state of affect.

Keywords: crime detection, crime investigation, affected crimes.

Проблематика качества раскрытия и расследования преступлений в России не теряет своей актуальности. Так, в 2019 году из 2024 тыс. зарегистрированных преступлений было раскрыто только 1052 тыс. преступлений (51,9 %), хотя нагрузка на оперативные и следственные аппараты за этот период существенно сократилась. Количество зарегистрированных преступлений уменьшилось на 8,2 %. На этом фоне раскрываемость преступлений против личности значительно отличается (например, в 2019 году было раскрыто 87,4 % преступлений против жизни и здоровья). Однако в ряде случаев факт раскрытия преступления недостаточен для полного достижения одной из основных задач уголовного судопроизводства – назначения справедливого наказания, отвечающего характеру и степени общественной опасности деяния и личности виновного. Большое значение имеет правильная квалификация деяния.

Наиболее ярко затронутая проблема проявляется при раскрытии и расследовании аффектированных преступлений против личности и связана она с точным установлением характера эмоционального состояния лица, совершившего преступления. Неверное определение состояния аффекта может вести к различного рода рискам. Так, игнорирование признаков, указывающих на наличие состояния аффекта может привести:

1) к необходимости проведения дополнительных и повторных процессуальных действий и сопряженных с этим затягиванием сроков расследования и судебного разбирательства и дополнительных ресурсных затратах;

2) к назначению виновному более сурового наказания (по основному составу преступления – ст.ст. 105, 111, 112 УК РФ), чем фактическая общественная опасность деяния и его личности.

При этом следует учитывать, что лицо, совершившее преступление, с целью избежать сурового наказания, может инсценировать состояние своего аффекта, воспользовавшись сложившейся психотравмирующей ситуацией или аморальным и противоправным поведением потерпевшего.

Избежать ошибок в квалификации деяния позволит всестороннее изучение признаков аффекта. Одним из наиболее эффективных способов установления состояния аффекта является комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Однако само по себе заключение эксперта требует подкрепления другими доказательствами. К наиболее информативным доказательствам, устанавливающим признаки аффекта можно отнести допрос. Посредством допроса очевидцев преступления, потерпевших, иных свидетелей преступления, можно выявить те характерные поведенческие черты и признаки внешнего облика, который свойственны состоянию аффекта. Установление данных признаков само по себе является доказательством, указывающим на нахождение преступника в состоянии аффекта, а также может быть использовано экспертной комиссией для диагностирования эмоционального состояния.

В медицине состояние аффекта рассматривает как бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождающийся изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма [1]. Среди типичных характеристик аффекта исследователи выделяют:

– высокий уровень эмоционального напряжения, интенсивность внутренних физиологических процессов;

– внезапность, бурность и высокая интенсивность переживания; снижение уровня сознания; сужение восприятия;

– глубокая захваченность всей психики и организма, в целом;

– кратковременность протекания [2].

При этом часть данных характеристик имеют ярко выраженное внешнее проявление и могут быть установлены в рамках допроса.

В частности, высокая степень эмоционального напряжения и интенсивность протекания состояния аффекта объективно выражается во внезапных и существенных изменениях внешнего облика человека, таких как заметное побледнение или покраснение кожи тела, особенно лица, треморе рук, резком изменении (расширении или сужении др.) зрачков, изменении тембра голоса [3]. Помимо этого, виновные демонстрируют яркие вспышки гнева, что отражается на характере действия и мимике лица. На эти особенности вполне могут обратить внимание очевидцы преступления или потерпевшие и запомнить их. Известно множество свидетельских показаний, описывающих подобные изменения:

– в момент преступления говорил «не своим, чужим, хриплым голосом», «был чрезвычайно бледен», «его всего трясло»;

– или – «был разъярен до неузнаваемости», «казалось, что это просто зверь»;

– или – «глаза были расширены, на них выступили слезы», лицо у него было «очень белое», «глаза выражали ужас», при этом он «весь дрожал»;

– или – «лицо его было красное, взволнованное и злое», «он был очень возбужден, изменился до неузнаваемости, был как невменяемый, не похож на себя» [4].

Подобные показания являются одним из доказательств, указывающих на то, что лицо в момент совершения преступления действительно находилось в состоянии аффекта, так как они отражают особенности изменений, протекающих в этот момент в организме человека, переживающего аффект.

Кратковременность аффекта объясняется невозможностью лица длительное время переносить сильные душевные переживания. При этом

интенсивная трата энергии закономерно вызывает специфический симптом постаффективной стадии – наличие глубокой психической и физической астении с переживанием тяжелого потрясения, внутреннего опустошения, крайней усталости, растерянности, раскаяния, жалости к потерпевшему [5]. Нередко состояние аффекта заканчивается сном.

Интересно, что внешние проявления состояния аффекта у разных людей проявляется по-разному и зависит от индивидуальных особенностей психики. У одних сильный гнев, ярость, ужас проявляются в неконтролируемых изменениях мимики и движений тела, бурной жестикуляции, покраснении лица, крике. В более редких случаях аффект может иметь и прямо противоположное внешнее проявление. Человек цепенеет, бледнеет, теряет дар речи, голос, способность к

Литература:

1. *Ситковская О.Д.* Аффект: Криминально-психологическое исследование. М. : Юрлитинформ, 2001. 240 с.
2. *Михайлов А.Е.* Использование специальных знаний при расследовании аффектированных преступлений / А.Е. Михайлов, А.В. Стариков // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в Уголовно-исполнительной системе, Материалы межвузовской научно-практической конференции . Редколлегия: Т.А. Ткачук (пред.) и др. 2017. С. 120–124.
3. *Сейед Валилоу С.А.* Физиологический аффект и его признаки в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 2(9). С. 23–25.
4. *Ситковская О.Д.* Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный). Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М. : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2009. С. 159–160.
5. Судебная психиатрия: Руководство для врачей / Под ред. Т.В. Морозова. М., 1988. 401 с.
6. *Семернева Н.К.* Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010. 296 с.

движению [6], поэтому в рамках допросов следует детально выяснять у очевидцев и потерпевших все особенности поведения и внешнего облика подозреваемого или обвиняемого, не замыкаясь на стремлении установить наиболее типичные черты.

Таким образом, изучение внешнего облика лиц в момент совершения ими аффектированного преступления позволяет приобрести доказательственную информацию относительно наличия признаков аффекта. Данная информация, полученная в рамках допросов и других следственных действий позволит сделать первичные выводы о наличии состояния аффекта, способствуют более качественному проведению судебной экспертизы и позволят суду принять правильное решение о квалификации содеянного.

Literature:

1. *Sitkovskaya O.D.* Affect: Criminal and psychological research. M. : Yurlitinform, 2001.240 p.
2. *Mikhailov A.E.* The Use of special knowledge in the investigation of affected crimes / A.E. Mikhailov, A.V. Starikov // Criminalistic and procedural support for the investigation of crimes in the Criminal Executive system, Materials of the interuniversity scientific and practical conference . Editorial Board: T.A. Tkachuk (pred.) et al. 2017. P. 120–124.
3. *Seyed Valilo of S.A.* The Physiological affect and its symptoms in a condition of suddenly arisen strong emotional excitement // Vector of TSU science. Series: Legal Sciences. 2012. № 2(9). P. 23–25.
4. *Sitkovskaya O.D.* Criminal code of the Russian Federation: psychological commentary (article-by-article). Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. M. : CONTRACT, Volters Kluver, 2009. P. 159–160.
5. Forensic psychiatry: A guide for doctors / edited by T.V. Morozov. M., 1988. 401 p.
6. *Semerneva N.K.* Qualification of crimes (parts General and Special) : scientific and practical guide. M. : Prospect, 2010. 296 p.

Оспичев Игорь Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Югорский государственный университет
iospichev@mail.ru

Igor M. Ospichev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Law disciplines,
Yugra State University
iospichev@mail.ru

**ПРОБЛЕМАТИКА ОЦЕНКИ
И ФИКСАЦИИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ
НА ПРОИЗВОДСТВЕ**

**PROBLEMS OF ASSESSMENT
AND RECORDING
OF INDUSTRIAL ACCIDENTS**

Аннотация. В статье рассматривается проблематика оценки и фиксации несчастных случаев на производстве, проводится анализ трудового законодательства в этой сфере, приводится ряд предложений по совершенствованию нормативного регулирования.

Annotation. The article examines the problems of assessing and fixing industrial accidents, analyzes labor laws in this area, and provides a number of proposals for improving regulatory regulation.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, трудовое законодательство, охрана труда.

Keywords: industrial accident, labor legislation, labor protection.

Глава 36 Трудового кодекса Российской Федерации [1] посвящена регламентации обеспечения прав работников на охрану труда. Содержащиеся в указанной главе ТК РФ статьи 227–231, направленные на регламентацию правоотношений при возникновении несчастного случая на производстве, имеют огромное практическое значение.

Многие предприятия и организации не связаны с понятием «производственная деятельность», в них производство (чего-либо) попросту отсутствует. Ведь в организации может работать и два-три сотрудника, в каком-либо офисе, даже без тех же компьютеров, принтеров и факсов, а тем более, станков, механизмов, сооружений, транспортных средств и т.п.

В целом, указанные статьи позволяют при возникновении чрезвычайной ситуации (несчастный случай) предпринять сторонам трудового договора определенные действия, направленные на минимизацию ущерба (здоровью человека и иных работников, в том числе третьих лиц, и т.д.). В основном, правила действия касаются работодателя, представители которого в возникшей ситуации должны отреагировать определенным образом.

В рассматриваемой статье Кодекса также регламентируются подлежащие расследованию события (перечень их открытый), а также территориальные и временные рамки, в которых произошли эти события.

По общим правилам, оформленные в соответствии с требованиями законодательства результаты расследования служат основанием для защиты законных интересов работников, пострадавших от несчастных случаев на производстве, а также членов их семей на основе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний либо в гражданско-правовом порядке за счет причинителя вреда [6, с. 624].

Если вести речь об оформлении несчастного случая, то как нормативные акты, так и работы, и труды специалистов содержат достаточно детальные выкладки (памятки, «дорожные карты» и т.д.) по регламентации действий ответственных лиц. Как указывает Н.К. Пластинина, трудовое законодательство (ст. 228 ТК РФ) установило поэтапные действия работодателя при несчастном случае на производстве [7, с. 12–29].

Сфера регулирования вопросов, касающихся оценки и фиксации несчастных случаев на производстве, уже при анализе ст. 227 ТК РФ вызывает ряд негативных откликов. Так, почему законодатель ведет в указанной статье речь только о несчастных случаях, происшедших с работниками и другими лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя [1].

В случае, если несчастный случай все-таки произошел, необходимо осуществить ряд действий, которые также широко регламентированы. Отметим некоторые из них: необходимо проявить заботу о пострадавшем, оказать ему первую помощь, организовать доставку работника в больницу (иное учреждение), озаботиться о том, чтобы негативные факторы не повлияли на иных лиц. Важно сохранить обстановку (где имел место несчастный случай, к примеру, взрыв, падение чего-либо и т.д.) в «первозданном» виде, что необходимо для работы специальной комиссии. Также нужно осуществить фиксацию этой обстановки (фото, видео, опросники свидетелей, акты и т.д.).

Немаловажно (да и обязательно) направление извещения о групповом несчастном случае (либо о смертельном случае) в органы, указанные в ст. 228.1 ТК РФ (трудовая инспекция, прокуратура, органы государственного контроля в сфере деятельности организации, работодатель – направивший работника, в страховую организацию, в соответствующее объединение профсоюзов). О несчастном случае должны быть оповещены родственники пострадавшего.

На практике фиксация несчастного случая бывает трудноосуществимой, к примеру, ввиду отсутствия средств связи в месте, где произошел несчастный случай. Могут повлиять климатические условия, а также отдаленность расположения предприятия от указанных органов и т.п.

На этапе фиксации несчастного случая на производстве имеют место ошибочные действия работодателя. Зачастую не направляется соответствующее извещение установленной формы (например, ввиду отсутствия службы охраны труда либо отсутствия ответственного лица). Допускаются просрочки направления извещения. Либо работодатели вовсе пытаются скрыть факт несчастного случая, «договориться» с потерпевшим и т.д.

Важен этап формирования специальной комиссии (это делает работодатель), в нее должно входить не менее трех человек.

По результатам расследования оформляется дело о расследовании несчастного случая (которое подлежит хранению у работодателя в течение 45 лет – ст. 230 ТК РФ) из соответствующего состава документов [7, с. 12–29]. В этот перечень входят: приказ о создании комиссии, планы, эскизы, схемы, протоколы опросов, выписки из журналов, экспертные заключения, медицинское заключение, иные документы. Важно составление Акта о несчастном случае на производстве [2].

Как указывает Верховный Суд РФ, если будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел только вследствие небрежного поведения самого пострадавшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора [3]. Тем самым, высшая судебная инстанция подчеркивает необходимость проявлять повышенное внимание к неукоснительному соблюдению конституционного права человека на охрану жизни и здоровья, конституционного права человека на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, обращает особое внимание судов на необходимость установления причин производственного травматизма, а также на способствующие этому условия [9, с. 53–62].

Необходимо несчастный случай на производстве зарегистрировать в журнале регистрации несчастных случаев на производстве (ст. 230.1 ТК РФ).

Ошибочность действий работодателя заключается также в неверной интерпретации произошедшего несчастного случая. Работодатель

обязан направлять в соответствующую государственную инспекцию труда сообщение о последствиях любого несчастного случая, повлекшего временную нетрудоспособность работника и произошедшего на производстве, а также мерах, принятых в целях предупреждения несчастных случаев на производстве [5].

В целом, как показывает практика, сейчас во главу угла при оценке несчастных случаев на производстве большое значение уделяется анализам имеющейся официальной статистической отчетности. Однако, на наш взгляд, такое положение дел должно расцениваться критически, поскольку к примеру, в Отчете о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2017 год указывается, что при 136026 проведенных в 2016 г. проверок выявлено 9261 нарушение по вопросам расследования, оформления и учета несчастных случаев на производстве, а в 2017 г. при 150769 проведенных проверок выявлено 9 511 аналогичных нарушений (102,7 %) [8].

К сожалению, современная статистика не отражает реальную ситуацию в сфере травмоопасности на производстве в целом по стране. Многие сведения попросту утаиваются, не оповещаются контролирующие органы. Развитие всех видов производств в настоящее время связано с травмоопасностью, грядущая в ближайшие десятилетия автоматизация (которая уже повсеместно внедряется) ситуацию во многом в лучшую сторону пока не поправит, так как невозможно ту же роботизацию внедрить во всех отраслях.

По оценке Мирового банка, 70 % всего периода активной жизни в настоящее время зависит от состояния охраны труда на производстве. Этот процент можно было бы сократить путем надлежащего контроля и регулирования охраны труда [4, с. 140–142]. По сути, такой контроль, в силу фискальной направленности деятельности госорганов, направлен на поиск виновных лиц при произошедшем несчастном случае и применение наказания.

Само количество несчастных случаев на производстве, причины, обуславливающие их возникновение, изменение производств, в которых имеется высокий уровень травмоопасности, контролирующие органы и общественность не волнуют. Поэтому и имеет место «ненадлежащее поведение» со стороны работодателей, а система фиксации несчастных случаев принимает латентный характер, когда масса фактов скрывается, и никто не оповещается должным образом.

Соответственно, истинные причины возникновения несчастных случаев так остаются неизвестными для общественности. Опасные производства остаются таковыми в течение десятилетий.

Можно здесь приплюсовать плохую работу служб охраны труда на предприятиях и организациях. Кроме того, часто такие службы (в том числе и сотрудники в этой сфере) попросту отсутствуют. Причины могут быть разные: от экономии средств, до непонимания важности вопроса

работодателями. Также сказывается низкая правовая грамотность самих работников.

Таким образом, тема проблематики оценки и фиксации несчастных случаев на производстве остается весьма важной в трудовом праве. В этой связи необходимо применять различные

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: по сост. на 16 декабря 2019 г. // Российская газета. 2001. № 256.

2. Постановление Минтруда России от 24.10.2002 № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях» // Российская газета. 2002. № 237.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Российская газета. 2018. № 273.

4. *Бухтияров И.В.* Производственный травматизм, как критерий профессионального риска / И.В. Бухтияров, Н.Ф. Измеров, Г.И. Тихонова, А.Н. Чуранова // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5(164).

5. Вопрос-ответ // Онлайн-инспекция.РФ: электронный ресурс. 2018. URL : онлайн-инспекция.рф (дата обращения 05.02.2020).

6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Е.Г. Азарова, М.А. Боcharникова, Т.Ю. Коршунова и др.; Отв. ред. Ю.П. Орловский. 8-е изд., испр., доп. и перераб. М. : КОНТРАКТ, 2019.

7. *Пластинина Н.К.* Фиксация несчастного случая на производстве: от «А» до «Я» // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2012. № 2.

8. Роструд. Надзор и контроль. Соблюдение законодательства о труде. Отчет о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2017 год. URL : <https://www.rostrud.ru/> (дата обращения 15.02. 2020).

9. *Соктоев З.Б.* Нарушение требований охраны труда: о новом Постановлении Пленума // Уголовное право. 2019. № 1.

превентивные меры, которые помогут исправить хоть как-то имеющуюся ситуацию. Так, возможно проведение соответствующих семинаров контролирующими органами (а таковые почти не проводятся), варьировать применение ответственности в зависимости от обстоятельств произошедшего и т.д.

Literature:

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 № 197-FZ: as per art. December 16, 2019 // Russian newspaper. 2001. № 256.

2. Decree of the Ministry of Labor of Russia of October 24, 2002 № 73 «On the approval of the forms of documents necessary for the investigation and registration of industrial accidents, and the provision on the features of the investigation of industrial accidents in individual industries and organizations» // Rossiyskaya Gazeta. 2002. № 237.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2018 № 41 «On judicial practice in criminal cases of violations of labor protection requirements, safety rules when conducting construction or other works or industrial safety requirements of hazardous production facilities» // Russian Newspaper. 2018. № 273.

4. *Bukhtiyarov I.V.* Industrial injuries as a criterion of occupational risk / I.V. Bukhtiyarov, N.F. Izmerov, G.I. Tikhonova, A.N. Churanova // Problems of forecasting. 2017. № 5(164).

5. Question-answer // Online inspection. RF: electronic resource. 2018. URL : online inspection.rf (accessed date 02/05/2020).

6. Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (itemized) / E.G. Azarova, M.A. Bocharnikova, T.Yu. Korshunova and others; open ed. Yu.P. Oryol. 8th ed., Rev., Ext. and reslave. M. : CONTRACT, 2019.

7. *Plastinina N.K.* Fixation of an industrial accident: from «A» to «Z» // Personnel service and personnel management of the enterprise. 2012. № 2.

8. Rostrud. Supervision and control. Compliance with labor law. Report on the work of state labor inspectorates in the constituent entities of the Russian Federation for 2017. URL : <https://www.rostrud.ru/> (accessed date 02.15.2020).

9. *Soktoev Z.B.* Violation of labor protection requirements: on the new Resolution of the Plenum // Criminal law. 2019. № 1.

Пирогов Евгений Юрьевич
адъюнкт кафедры теории
и истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
epirogoff@mail.ru

МЕХАНИЗМ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье с учетом специфики, необходимости и масштабы локального правотворчества в органах внутренних дел установлены функциональные, структурные операционные особенности механизма локального правотворчества в органах внутренних дел, а также определены пути его совершенствования.

Ключевые слова: локальное правотворчество, механизм, стадии, способы, формы локального правотворчества, органы внутренних дел.

С этимологической точки зрения «механизм» представляет собой внутреннее устройство какого-либо агрегата, система его элементов, приводящее их в действие; систему, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности; последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление [1, с. 354]. Верным, с нашей точки зрения, является понимание категории «механизм» применительно к социальным процессам как «интегрированной целостной системы необходимых и достаточных элементов, реализация функциональных, структурных и операционных характеристик которой выражается в факте объективной действительности» [2, с. 127], т.е. в данном случае в правотворческой деятельности. Статико-динамический комплексный подход позволяет рассматривать механизм правотворчества как отражение способов организации и функционирования данной системы. Таким образом, категорию «механизм» следует рассматривать как с позиции статики, так и с позиции динамики, интегрируя данные подходы в общем понимании механизма как внутреннего функционального устройства чего-либо.

Относительно правотворческой деятельности органов внутренних дел наибольшую сложность, на наш взгляд, составляет анализ таких структурных элементов данного механизма, как способы, приемы правотворческой техники, а также его операционная характеристика, т.е. соответствующие правовые средства и процедуры, а также формы правотворчества.

Evgeny Y. Pirogov
Adjunct of the Department
of Theory and History of Law and the State
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
epirogoff@mail.ru

THE MECHANISM OF LOCAL LAW-MAKING OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: FEATURES AND WAYS TO IMPROVE

Annotation. In the article, taking into account the specificity, necessity and scale of local law-making in the internal affairs bodies, the functional, structural operational features of the local law-making mechanism in the internal affairs bodies are established, and ways to improve it are determined.

Keywords: local law-making, mechanism, stages, methods, forms of local law-making, internal affairs bodies.

Основная цель локального правотворчества состоит в обеспечении регулирования и саморегуляции отношений внутри предприятия, учреждения, организации посредством нормативно установленного или инициативного (в рамках закона) создания локальных правовых актов, а его основными функциями являются правообразовательная, регулятивная и управленческая функции.

Бесспорным является то, что механизм правового регулирования социальных отношений как сложная открытая система функционирует на основе диалектического единства управленческих (целенаправленного планомерного рационального формирования и использования субъектами системы соответствующих юридических средств) и самоорганизационных (не- или слабо- управляемого формирования и использования структурных компонентов механизма правового регулирования) процессов. И как верно указывает К.В. Шундилов, «управление и самоорганизация – процессы, свойственные для функционирования механизма правового регулирования в целом, а также его отдельных подсистем. ... Чем более активно в правовом регулировании проявляет себя фактор управления, тем меньше простора остается для развития самоорганизационных процессов, и наоборот. Управление и самоорганизация неотделимы друг от друга и только в своем единстве придают процессу правового регулирования полноценный характер» [3, с. 4]. В то же время, следует учитывать, что самоорганизация, в том числе выражающаяся в правотворчестве, в

деятельности локальных субъектов во многом обусловлена и ограничена их правовым статусом, принципами и структурой органов управления, а также прочими организационно-правовыми факторами, которые влияют на правотворческие функции, полномочия и потенциал данных субъектов.

Будучи жестко зарегламентированными в управленческом плане, ОВД с неизбежностью вынуждены прибегать к децентрализованному регулированию внутриорганизационных общественных отношений. Данная «неизбежность» определяется вовлеченностью ОВД в широкий круг трудовых (при разнообразии категорий лиц, вовлеченных в деятельность ОВД – сотрудников, государственных служащих, работников), экономических и других общественных отношений, непосредственно имеющих место в их внутриорганизационном функционировании. Указанный фактор наряду с необходимостью оперативного управления объективно обуславливают дискрецию должностных лиц в локальном правовом регулировании.

Если субъекты локального уровня (предприятия, учреждения и организации) в целом обладают широкими возможностями самоорганизации, в том числе в плане определения разнообразных процедур локального правотворчества, то ОВД существенно в данном плане ограничены. Это обусловлено, в первую очередь, спецификой деятельности ОВД (как в части сферы деятельности, так и методов ее осуществления), военизированным типом системы МВД и порядком управления ею.

Таким образом, функционально обусловленная возможностью децентрализованного управления самоорганизация реализуется в деятельности ОВД в целом и в локальном правотворчестве в частности на минимальном уровне. Это, в свою очередь, определяет необходимость максимального совершенства организационно-правовой регламентации локального правотворчества ОВД. Правотворчество – юридическая деятельность, которая регламентирована правовыми нормами и осуществляется в определенных правовых рамках и формах [4, с. 345]. Организационно-правовая регламентация локального правотворчества ОВД на сегодня, к сожалению, очень далека от совершенства и соответствия существующим потребностям локального регулирования.

Говоря об операционной характеристике механизма локального правотворчества, прежде всего, следует рассмотреть вопрос стадийности (этапности) процесса локального правотворчества.

Нормотворческие отношения возникают тогда, когда нормотворческой инициативе будет придан официальный характер [5, с. 183]. Именно с момента принятия официального решения о разработке проекта правового акта возникает определенное правоотношение [6, с. 32]. Решение о необходимости принятия того или иного правового акта принимается тогда, когда субъектами правотворчества осознаны сложные взаимо-

отношения и взаимодействие различных факторов [7, с. 581], т.е. осознаны объективные социально-правовые предпосылки (основания) правового регулирования тех или иных общественных отношений и создания в этих целях правовых актов.

Началом правотворческого процесса является формальное закрепление актуализации потребности в правовом регулировании тех или иных отношений, выраженное в юридически оформленном решении уполномоченного субъекта о необходимости принятия соответствующего правового акта [8]. Соответственно, в процесс правотворчества не входят предшествующие правотворческой деятельности действия организационного характера (учет, анализ и обобщение предложений по совершенствованию законодательства, мероприятия по организации правотворческой работы и пр.), создающие предпосылки и способствующие непосредственно правовой работе по созданию правовых актов. Не говоря уже об изучении и анализе общественных явлений, выявлении потребностей в правовом регулировании, зарождении идеи, формировании юридического мотива, возникновении правотворческого замысла и т.п.

Таким образом, обоснованным является выделение следующих стадий (этапов) локального правотворчества ОВД:

- 1) принятие решения (юридически оформленного) о создании правового акта;
- 2) подготовка проекта правового акта;
- 3) принятие правового акта;
- 4) введение правового акта в действие (в случае принятия локального нормативного правового акта, а также коллегиального или совместного локального правового акта).

Принятие решения уполномоченным субъектом локального правотворчества органов внутренних дел о создании правового акта представляет собой соответствующее его официальное решение по данному поводу. Данное решение может быть оформлено в виде соответствующего указания (распоряжения, поручения) субъектам (правовым управлениям (отделам, отделениям, группам), старшим юрисконсультам, юрисконсультам или специально назначенным сотрудникам), ответственным за правовое обеспечение деятельности конкретной подсистемы (органа, организации, подразделения) системы МВД России.

Формальное закрепление актуализации существующей потребности в локальном правовом регулировании тех или иных внутриорганизационных отношений в ОВД может выражаться в:

- 1) нормах законодательства (в широком смысле слова);
- 2) управленческих решениях МВД России (решениях коллегии МВД России, оперативных совещаний при Министре и заместителях Министра; распоряжениях и поручениях Министра и его

заместителей; планах работы МВД России или подразделений МВД России);

3) результатах правовой работы территориальных органов внутренних дел (выявления потребностей в правовой регламентации служебной деятельности ОВД, разработке на основе изучения практики и положительного опыта, поступающих предложений мер по совершенствованию правового обеспечения и т.п.).

Отдельно следует отметить возможность инициативного порядка формирования и принятия решения уполномоченного субъекта о создании локального правового акта. Правотворческая инициатива может выражаться в форме:

- 1) выдвижения инициативных проектов правового акта;
- 2) инициативного предоставления концепции правового акта;
- 3) предложения о разработке и принятии правового акта;
- 4) предложения об изменении или отмене действующего правового акта [9, с. 35].

Анализ же практики ведомственного нормотворчества свидетельствует о том, что субъектами правотворческой инициативы в большинстве случаев выступают структурные подразделения федеральных органов исполнительной власти [5, с. 169].

Реализация стадий правотворчества осуществляется в определенной последовательности в зависимости от формы правотворчества, а также от вида и формы создаваемого правового акта. В каждой стадии реализуется комплекс определенных общественных отношений и материально-технических действий (правотворческих технологий), направленных на создание правового акта [10, с. 56].

Рассматривая особенности операционной характеристики механизма локального правотворчества необходимо учитывать то, что способы локального правотворчества во многом определяются спецификой процесса волеизъявления уполномоченного субъекта и механизма объективации права.

В зависимости от особенностей процесса волеизъявления уполномоченного субъекта и механизма объективации права, для локального правотворчества ОВД свойственны такие способы создания локальных правовых актов:

1) единоначальный – создание локального правового акта единоличным уполномоченным субъектом – начальником (руководителем) подсистемы (органа, организации, подразделения) системы МВД России – Министром, должностным лицом центрального аппарата МВД России, должностным лицом территориального органа (организации и подразделения) внутренних дел (приказ, распоряжение и пр.);

2) коллегиальный – создание локального правового акта совещательным органом – коллегией территориального органа внутренних дел регионального уровня (протокол заседания коллегии);

3) совместный – создание локального правового акта начальником (руководителем) подсистемы (органа, организации, подразделения) системы МВД России с учетом мнения представительного органа трудового коллектива (правила внутреннего распорядка, график отпусков, положение о премировании и пр.);

4) коллективно-договорной – создание правового акта трудовым коллективом (работниками) и работодателем в лице начальника территориального органа (организации) внутренних дел регионального уровня (коллективный договор).

Локальное правотворчество ОВД реализуется в двух формах: нормативной и ненормативной.

Нормативная форма локального правотворчества ОВД, т.е. правотворчество, выражающееся в создании локальных нормативных правовых актов, имеет место в случае создания правовых актов, регулирующих трудовые отношения (в частности штатное расписание; правила внутреннего распорядка; положение о премировании; коллективный договор), а также в случае создания организационных правовых актов, устанавливающих правовой статус и организационные основы деятельности конкретных подсистем органов внутренних дел (в частности положение о структурных подразделениях).

Ненормативная форма локального правотворчества ОВД, т.е. правотворчество, выражающееся в создании локальных ненормативных правовых актов, превалирует в системе локального правотворчества ОВД и имеет место в случае создания различного рода кадровых и распорядительных правовых актов, имеющих преимущественно индивидуальный характер.

Конкретная документарная форма и правовой режим локальных правовых актов определяется прямым нормативным предписанием уполномоченного субъекта вышестоящего уровня, либо обоснованной оперативной необходимостью инициативой субъекта правотворчества.

Что касается конкретных видов (определенной документарной формы) правовых актов, создаваемых в результате локального правотворчества ОВД, то здесь, к сожалению, присущ несистемный подход в ведомственной правовой регламентации данного вида правовой деятельности. Это связано, прежде всего, с отсутствием четкого исчерпывающего перечня правовых актов, издаваемых в системе МВД России, и их дифференциации в соответствии наличием или отсутствием в них нормативных предписаний. В более-менее четко определенный перечень нормативных правовых актов (приказ, устав, положение (имеющее двойное содержание – статутное и организационно-функциональное), инструкция, правила, наставления) вносят неопределенность такие

виды правовых актов, как распоряжение и протокол, а также указание на возможность издания иных видов нормативных правовых актов [11; 12; 13]. Общая формулировка «индивидуальные правовые акты (персонального характера; действие которых исчерпывается однократным применением)» без указания конкретных видов правовых актов и их содержательной характеристики на практике также существенно затрудняет процесс локального правотворчества.

Данная проблема, на наш взгляд, напрямую связана с недостатками правотворческих технологий в ОВД, в том числе в части правового регулирования правотворчества, что выражается в двух аспектах: недостатках правотворческой техники и недостатках профессиональной подготовки лиц, задействованных в данном технологическом процессе.

Несмотря на то, что юридическая техника служит фактором оптимизации и эффективности правотворчества, исследователи отмечают крупный разрыв между теорией юридической техники и практикой правотворчества. Субъекты правотворчества в системе МВД в силу различных причин не всегда надлежащим образом воспринимают и руководствуются рекомендациями правовой науки о возможностях использования тех или иных технико-юридических средств в процессе создания правовых актов [14, с. 115]. Бесспорно, правотворчеством должны заниматься исключительно профессионалы. По этому, одной из актуальных задач является надлежащее кадровое обеспечение процесса локального правотворчества ОВД, как в части укомплектования органов (организаций, подразделений) внутренних дел

Литература:

1. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
2. *Игнатов А.Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 126–132.
3. *Шундигов К.В.* Управление и самоорганизация в механизме локального правотворчества // Академический юридический журнал. 2019. № 1(75). С. 4–11.
4. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : учебник. М. : Омега-Л, 2008.
5. *Арзамасов Ю.Г.* Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2004.
6. *Дрейшев Б.В.* Правотворчество в советском государственном управлении. М. : Юридическая литература, 1977.

соответствующим объективной потребности количеством штатных единиц специалистов по правовой работе, так и в части их надлежащей профессиональной подготовки.

Таким образом, с учетом специфики, необходимости и масштабы локального правотворчества в ОВД, установленных функциональных, структурных и операционных особенностей механизма локального правотворчества ОВД, можем констатировать, что с целью совершенствования данного механизма необходимо:

- 1) принятие единого унифицированного ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего порядок и процедуру осуществления данной деятельности;
- 2) определение четкого перечня и содержательной характеристики правовых актов, издаваемых в системе МВД России, и их дифференциации в соответствии наличием или отсутствием нормативных предписаний;
- 3) четкое определение документальных форм правовых актов в соответствии с уровнями и формами правотворчества ОВД;
- 4) совершенствование методического обеспечения локального правотворчества ОВД, прежде всего, в части правотворческой техники и технологий;
- 5) обеспечение достаточной штатной численности и надлежащей профессиональной подготовки лиц, задействованных в локальном правотворчестве.

Literature:

1. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute V.V. Vinogradov. 4th ed. M. : Azbukovnik, 2000.
2. *Ignatov A.N.* On the categories of «mechanism of criminal behavior», «mechanism of crime» and «mechanism of crime» // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 126–132.
3. *Shundikov K.V.* Management and self-organization in the mechanism of local law-making // Academic Law Journal. 2019. № 1(75). P. 4–11.
4. *Vengerov A.B.* Theory of state and law : textbook. M. : Omega-L, 2008.
5. *Arzamasov Yu.G.* Departmental rule-making process in the Russian Federation : dis. ... doct. jurid. Sciences: 12.00.01. M., 2004.
6. *Dreyshev B.V.* Lawmaking in Soviet public administration. M. : Legal literature, 1977.

7. Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2002.

8. *Пирогов Е.Ю.* Понятие и значение локального правотворчества в системе правового регулирования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 3. С. 387–393.

9. *Арзамасов Ю.Г.* Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1998.

10. *Соловьев А.А.* Правотворческая деятельность органов внутренних дел субъектов Российской Федерации: На материалах ГУВД Московской области : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2003.

11. Приказ МВД России от 17.10.2013 № 850 «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2013 № 30359). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154467/

12. Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

13. Приказ МВД России от 20.06.2012 № 615 (с изм. от 25.08.2018) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=539374#03621885800807372>

14. *Червяков Н.Н.* Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества (На материалах МВД РФ) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2000.

7. Problems of the theory of state and law / ed. M.N. Marchenko. M., 2002.

8. *Pirogov E. Yu.* The concept and significance of local law-making in the system of legal regulation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2019. Vol. 5(71). № 3. P. 387–393.

9. *Arzamasov Yu.G.* Ensuring the rights of a man and a citizen in the rule-making activity of law-enforcement bodies : dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01. M., 1998.

10. *Soloviev A.A.* Law-making activity of internal affairs bodies of the constituent entities of the Russian Federation: Based on materials from the Central Internal Affairs Directorate of the Moscow Region : dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.01. M., 2003.

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 17.10.2013 № 850 «On approval of the Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Registered in the Ministry of Justice of Russia 12.11.2013 № 30359). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154467/

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 27, 2003 № 484 «On approval of the Rules for the preparation of normative legal acts in the central apparatus of the Ministry of Internal Affairs of Russia». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111807/

13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06/20/2012 № 615 (as amended on 08/25/2018) «On approval of the Instructions for clerical work in the internal affairs bodies of the Russian Federation». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=539374#03621885800807372>

14. *Chervyakov N.N.* Problems of improving departmental rulemaking (On the materials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation) : dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.01. M., 2000.

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@ mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
serq1952@mail.ru

К ДИСКУССИИ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена проблеме ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии. Авторы анализируют институт ограничения прав и свобод человека, его сущность и основные принципы, рассматривают различные ограничительные мероприятия, осуществленные в разных странах мира в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса, в том числе, юридическое обоснование ряда ограничений прав и свобод граждан, введенных на территории Российской Федерации. Авторами делается вывод о том, что установленные ограничения являются соразмерными тем целям, ради которых данные ограничительные меры были введены, а также являются пропорциональными возникшей проблеме и законными.

Ключевые слова: международное право, национальное право, конституция, права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод человека и гражданина, правовое регулирование, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, режим повышенной готовности, пандемия.

■ ■ ■

Под ограничением прав и свобод человека и гражданина понимаются установленные федеральными законами в конституционных целях определенные границы, рамки или пределы реализации человеком или гражданином прав и

Mihail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@ mail.ru

Petr S. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of Department of the Theory
and the History of the State and the Law,
Rostov State Economic University
samygin78@yandex.ru

Sergei I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State Economic University
serq1952@mail.ru

TO THE DISCUSSION ON THE RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the problem of restricting human and civil rights and freedoms in the context of a pandemic. The authors analyze the institution of restriction of human rights and freedoms, its essence and basic principles, and consider various restrictive measures implemented in different countries of the world in 2020 in connection with the coronavirus pandemic, including the legal justification for a number of restrictions on the rights and freedoms of citizens imposed on the territory of the Russian Federation. It is concluded that the restrictions imposed are proportionate to the purposes for which these restrictive measures were introduced, as well as proportional to the problem and legitimate.

Keywords: international law, national law, the Constitution, human and civil rights and freedoms, restriction of human and civil rights and freedoms, legal regulation, state of emergency, emergency, high alert, pandemic.

■ ■ ■

свобод, являющиеся соразмерными этим целям. Как следует из данного определения, существуют два основных признака ограничения прав или свобод, в том числе, существование установленного предела человеческой свободы, конкретных

рамки или границ поведения, и наличие определенных целей, на достижение которых направлено данное ограничение. Актуальность исследования ограничения прав обусловлена проблемой правомерности или неправомерности ограничения конкретных прав и свобод, целесообразности и эффективности подобных ограничений применительно к отдельным случаям, а также необходимостью определения четких критериев и пределов данных ограничений. В противном случае, с точки зрения А.А. Подмарева, возможны ошибки в правоприменительной деятельности, а также различные нарушения прав и свобод граждан теми или иными неконституционными ограничениями [1, с. 130]. Как справедливо отмечает А.В. Сим, институт ограничения прав и свобод человека нуждается в обстоятельном изучении с целью определения оптимального баланса между индивидуальными интересами и интересами общественными и государственными [2, с. 56].

Особую актуальность в настоящее время приобретает изучение ограничения прав и свобод человека в условиях пандемии, предполагающей массовое распространение инфекционных заболеваний, затрагивающее различные страны мира. В 2020 г. человечество столкнулось с пандемией коронавируса, сопровождающейся различными ограничениями прав и свобод граждан в тех странах, в которых получило распространение данное заболевание. Данные ограничения неоднозначно оцениваются гражданами данных государств и нередко рассматриваются ими как чрезмерные, не соответствующие степени опасности коронавируса, данных угроз, возникающих в процессе распространения указанного заболевания. Здесь, в первую очередь, необходимо обратиться к нормам международного права, в которых закреплены положения об ограничениях прав и свобод человека и гражданина. Наиболее важным из международных нормативно-правовых актов в сфере прав человека относится Всеобщая декларация прав человека 1948 г. В тексте Декларации, в частности, отмечается, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [3].

Необходимо отметить, что данная норма носит довольно общий характер, и может по этой причине, как считает Р.А. Мюллерсон, «таить в себе угрозу если не злоупотреблений, то, во всяком случае, принятия несоразмерных охраняемому общественному интересу ограничительных мер» [4, с. 86]. При этом следует подчеркнуть, что рассматриваемые нормы можно характеризовать как нормы-принципы или нормы-цели, которые определяют лишь вектор развития правового регулирования в области ограничения прав и свобод граждан в системах внутреннего, национального законодательства. По справедливому замечанию А.А. Умаровой, идеи Декларации должны конкретизироваться в нормативно-правовых актах

отдельных национальных государств, в рамках которых должны быть установлены четкие основания, критерии и конкретные меры ограничения прав и свобод граждан. Следует согласиться с оценкой рассматриваемого положения Всеобщей декларации прав человека, сформулированной Умаровой: в соответствии с выводами данного автора, подобного рода ограничения являются допустимыми в условиях подлинно демократического общества, в рамках которого указанные ограничения используются как крайняя мера, когда другие средства оказываются исчерпанными [5, с. 41].

В другом значимом международном документе, Международном пакте о гражданских и политических правах, допускаются ограничения относительно конкретных прав с установлением пределов их осуществления: речь идет, в частности, о праве на свободу передвижения и свободу выбора местожительства (ст. 12), свободу исповедовать религию или убеждения (ст. 18), праве беспрепятственно придерживаться своих мнений (ст. 19) [6]. В соответствии с Пактом, ограничения данных прав являются допустимыми в строго ограниченных целях, к числу которых относятся охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также, прав и свобод других лиц. В тексте Международного пакта о гражданских и политических правах содержится ряд особых положений об ограничениях прав и свобод, которые выходят за рамки стандартных ограничений и являются допустимыми в чрезвычайных ситуациях, предусматривая принятия особых мер для сохранения жизни граждан. Национальные государства в условиях чрезвычайного положения, характеризующегося угрозой существования нации, могут применять соответствующие меры в такой степени, в какой это диктуется остротой этого положения. Отметим, что в соответствии с международными нормативными актами, принятыми Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), допускаются ограничения прав граждан, в том числе, прав на свободу передвижения, с целью защиты населения в случаях опасности массового распространения инфекционных заболеваний или пандемий (в соответствии с сообщением Генерального директора ВОЗ от 11.03.2020 г., распространение коронавирусной инфекции COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию) [7].

В настоящее время во многих государствах мира введены различные ограничения прав и свобод граждан, связанные с распространением пандемии коронавируса. Так, экстренные меры были осуществлены в большинстве европейских стран, ограничивших свободу граждан на передвижения и свободу собраний в комплексе с отменой традиционных выборных процедур (параллельно при этом осуществляется внедрение абсолютно новых механизмов управления, включая дистанционные голосования в национальных парламентах). В соответствии с оценкой, данной председателем Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) Линосом-Александром Сицилианосом, введенные в мире ограничения на передвижения в связи с пандемией коронавируса, в целом,

являются пропорциональными проблеме и законными, однако, по окончании кризиса они должны быть отменены. Как было отмечено председателем ЕСПЧ, «государства ввели ограничения на свободу передвижения. Учитывая масштабность этого кризиса, такие ограничения имеют законную цель и (...) в большинстве случаев эти ограничения были пропорциональны преследуемой цели, были необходимы и соответствовали основам демократического общества». При этом, как было подчеркнуто Сицилианосом, все ограничения должны носить временный характер и «должны быть отменены после того, как закончится кризис» [8].

Следует отметить, что в настоящее время многие крупные международные деятели высказывают опасения в связи с чрезмерными ограничениями прав и свобод граждан в условиях пандемии коронавируса. Так, о негативных последствиях данной пандемии для прав человека высказалась Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет. По её мнению, правительствам национальных государств следует действовать, руководствуясь принципами справедливости и гуманности в рамках введения тех или иных ограничений прав и свобод граждан в целях сдерживания распространения коронавируса. Так, М. Бачелет высказала обеспокоенность в связи с «принятием в некоторых странах чрезвычайных полномочий, являющихся неограниченными и не предусматривающими их пересмотра». В ряде случаев, в соответствии с замечанием Верховного комиссара по правам человека, «эпидемия используется для оправдания репрессивных перемен в обычном законодательстве» (в качестве примеров таких репрессивных мер М. Бачелет указала имеющиеся случаи наказания журналистов за сообщения о нехватке медицинских масок и иных средств защиты, а также, арест жителей некоторых стран за сообщения о коронавирусе в социальных сетях) [9].

Многими представителями отечественного юридического сообщества также высказываются опасения, связанные с возможными негативными последствиями ограничений прав и свобод российских граждан, вводимых в Российской Федерации в условиях пандемии коронавируса. Так, в соответствии с выводами, сделанными участниками круглого стола «Пандемия коронавируса и соблюдение прав человека», в настоящее время в нашей стране существует угроза того, что «под угрозой борьбы с коронавирусом могут совершаться действия, которые, лишь имитируя активную борьбу с ним, угрожают правам и свободам человека, но не дадут необходимого эффекта в борьбе с этим заболеванием». Участниками данного круглого стола, в частности были выделены следующие ограничения прав и свобод человека в ходе борьбы с пандемией или под предлогом такой борьбы:

– отмена сообщения между странами, сокращение перемещений людей через государственные границы (от себя добавим, что такие ограничения вводятся и в рамках отдельных субъектов Российской Федерации);

– отмена различных массовых, в том числе, и политических мероприятий;

– ограничение свободы передвижения граждан в ходе реализации карантинных мер и режима самоизоляции;

– усиление видеонаблюдения за гражданами, введение цифровых и других пропусков с целью контроля за передвижениями;

– закрытие для посещения гражданами судов, что имеет следствием нарушение принципа гласности судопроизводства и т.д. [10].

Ряд авторитетных российских юристов и правозащитников в настоящее время утверждают, что эти и другие ограничения прав и свобод граждан являются незаконными, противоречат основополагающим конституционным нормам и принципам.

В тексте Конституции Российской Федерации 1993 г. термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина используется несколько раз (речь, в частности идет о статьях 19, 23, 55, 74, 79, 133). Здесь основополагающее значение имеет ч. 3. ст. 55 Конституции в соответствии с которой, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [11]. Данное конституционное положение, в соответствии с замечанием А.А. Подмарева, представляет собой, своего рода, «общую часть» института ограничения прав и свобод человека и гражданина, или определенные условия общего, принципиального характера, на основе которых устанавливаются ограничения различных прав и свобод в федеральных законах [1, с. 131]. Ст. 56 Конституции уточняет, что отдельные ограничения прав и свобод с указанием срока их действия могут устанавливаться в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя [11].

Содержание понятия «чрезвычайное положение» раскрывается в ФКЗ-3 «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г. [12]. В тексте данного закона отмечается, что чрезвычайное положение представляет собой особый правовой режим деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, допускающий отдельные ограничения прав и свобод граждан, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Чрезвычайное положение является временной мерой, которая применяется исключительно в целях обеспечения безопасности граждан (рассматриваемое положение вводится при наличии обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, к числу которых относятся, в том числе, и эпидемии). В соответствии с законодательством о чрезвычайном положении, оно вводится на всей территории РФ или в отдельных ее местностях указом Президента России, а затем передается для утверждения в Совет Федерации. При этом режим

чрезвычайного положения имеет одну характерную особенность, закрепленную в ч. 2 ст. 29.2 ФКЗ-З «О чрезвычайном положении»: «лицам, пострадавшим в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, или в связи с применением мер по устранению таких обстоятельств или ликвидации их последствий, предоставляются жилые помещения, возмещается причиненный материальный ущерб, оказывается содействие в трудоустройстве и предоставляется необходимая помощь на условиях и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации». Можно предположить, что именно данное обстоятельство, связанное с обязанностью государства возмещать материальный ущерб от введения данного режима, выступает в качестве причины отказа главы государства от его введения в связи с пандемией коронавируса (с учетом приостановки деятельности ряда хозяйствующих субъектов, введение чрезвычайного положения на практике означало бы колоссальную финансовую нагрузку на государственный бюджет).

При этом Федеральным собранием РФ были внесены изменения в Закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [13]. Так, действующая редакция данного закона относит к категории чрезвычайных ситуаций «распространения заболеваний, представляющего опасность для окружающих». В соответствии с поправками к Закону о чрезвычайных ситуациях, правительство получило дополнительные полномочия, включающие принятие решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, установлении обязательных для граждан и организаций правил поведения при введении данного режима. В целом, внесенными изменениями была создана возможность для юридического обоснования ряда ограничений прав и свобод граждан, введенных на территории Российской Федерации. Различные ограничительные мероприятия в отдельных регионах страны в настоящее время реализуются на основе Указа Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемио-

логического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [14]. Данный Указ, в частности, предписывает высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации с учетом положений настоящего Указа, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъекте Российской Федерации, обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий.

Введенные на территории Российской Федерации меры, связанные с ограничением прав и свобод граждан в условиях пандемии коронавируса, в целом, на наш взгляд, соответствуют сложившейся сложной ситуации, возникшей вследствие массового распространения указанного заболевания, представляющего объективную опасность и угрозу для населения страны. Установленные ограничения, включающие, в частности, ограничение свободы передвижения, являются соразмерными тем целям, ради которых данные ограничительные меры были введены, а также – пропорциональными возникшей проблеме и законными. Также, очевидно, что в условиях различной санитарно-эпидемиологической обстановки, складывающейся в разных регионах нашей страны, не может быть единого подхода к ограничению прав и свобод человека, введению соответствующих ограничительных мер в отдельных регионах России. При этом рассматриваемые ограничения прав и свобод граждан должны носить временный характер и не рассматриваться в качестве постоянных практик, поскольку это может создавать угрозу для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Также, для того, чтобы избежать нарушения конституционных прав российских граждан, мы считаем необходимым, чтобы каждое из решений о введении подобного рода ограничений сопровождалось гласным заключением надзорного органа (в данном случае, прокуратуры).

Литература:

1. *Подмарев А.А.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Правовая культура. 2011. № 1(10).
2. *Сим А.В.* Проблема ограничения прав и свобод человека // Юридическая техника. 2018. № 2.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805
4. *Мюллерсон Р.А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.
5. *Умарова А.А.* Стандарты ограничений прав и свобод в актах современного международного права // Пробелы в российском законодательстве. 2011 № 2.

Literature:

1. *Podmarev A.A.* Restriction of human and civil rights and freedoms: definition of the constitutional concept // Legal culture. 2011. № 1(10).
2. *Sim A.V.* The Problem of restriction of human rights and freedoms // Legal technique. 2018. № 2.
3. Universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805
4. *Mullerson R.A.* Human rights: ideas, norms, reality. M., 1991.
5. *Umarova A.A.* Standards of restrictions of rights and freedoms in acts of modern international law // Gaps in Russian legislation. 2011. № 2.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531

7) Документ: Информация с сайта Всемирной организации здравоохранения. URL : <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>

8. Ограничения на свободу передвижения из-за пандемии признали законными в ЕСПЧ. URL : <https://www.polit.info/...ogranicheniya-na...peredvizheniya...espch>

9. Комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет выразила обеспокоенность последствиями пандемии для прав человека // Европейский омбудсман. 9 апреля. 2020 г. URL : <https://www.euro-ombudsman.org>

10. *Бабушкин А.* Актуальные проблемы соблюдения прав человека в условиях борьбы с эпидемией. URL : <https://www.7x7-journal.ru/posts/2020/03/27...prav-cheloveka-v>

11. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

12. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении». URL : www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866

13. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ (последняя редакция) URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295

14. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217

6. The international Covenant on civil and political rights (Adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly. URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531

7. Document: Information from the website of the world health organization. URL : <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>

8. Restrictions on freedom of movement due to the pandemic recognized as legal in the ECHR. URL : <https://www.polit.info...ogranicheniya-na...peredvizheniya...espch>

9. UN Commissioner for human rights Michelle Bachelet expressed concern about the impact of the pandemic on human rights // The European Ombudsman. April 9. Two thousand twenty URL : <https://www.euro-ombudsman.org>

10. *Babushkin A.* Actual problems of human rights observance in the fight against the epidemic. URL : <https://www.7x7-journal.ru/posts/2020/03/27...prav-cheloveka-v>

11. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (in the last ed. Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 21.07.2014 № 11-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

12. Federal constitutional law of 30.05.2001 № 3-FKZ (ed. from 03.07.2016) «On the state of emergency». URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866

13. Federal law «On protection of the population and territories from emergency situations of natural and technogenic character» of 21.12.1994 № 68-FZ (last edition). URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295

14. Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 № 239 «On measures to ensure the sanitary and epidemiological welfare of the population on the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)». URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217

Прошин Владимир Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
юридический факультет,
Московский областной университет
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. По мнению автора, основой профилактики преступности является установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, так как данные обстоятельства являются содержательной стороной объекта и предмета профилактики. Установление данных обстоятельств не входит в предмет доказывания по уголовному делу в силу нормативных положений ряда статей Уголовно-процессуального кодекса РФ, поэтому профилактическая работа по предупреждению преступности строится на внутри ведомственном понимании причин и следствия совершения преступлений, так как обстоятельства, способствующие совершению преступлений и положенные в основу профилактической работы, устанавливаются вне процессуальных рамок состязательности.

Ключевые слова: профилактика совершения преступлений, обстоятельства, способствующие совершению преступлений, доказательство, процесс доказывания, процесс установления, предмет доказывания, назначение уголовного судопроизводства, приговор.

■ ■ ■

Успешность и эффективность профилактики совершения отдельных уголовных преступлений во многом обусловлены знанием обстоятельств, способствовавших совершению этих преступлений, так как объектом данной профилактической работы, с нашей точки зрения, как раз и являются обстоятельства, способствующие совершению преступления, а предметом – закономерности формирования этих обстоятельств и закономерности влияния этих обстоятельств на обуславливающее движение лица к событию преступления. Данные обстоятельства задают содержание и направление профилактической работы. В соответствии со ст. 2 закона «О полиции» (№ 3-ФЗ от 07.02.2011 г.) [1] и ст. 2 закона «О прокуратуре Российской Федерации» (№ 2202-1 от 17.01.1992г.) [2] на полицию возложена работа по предупреждению преступности, а на прокуратуру – координация деятельности правоохранительных

Vladimir M. Proshin
Doctor of Jurisprudence,
Associate Professor,
Law Department,
Moscow Regional University
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

PROBLEMS OF THE LEGAL OBLIGATION TO ESTABLISH CIRCUMSTANCES CONDUCTIVE TO THE COMMISSION OF A CRIME, SUCH AS CRIME PREVENTION

■ ■ ■

Annotation. According to the author, the basis of crime prevention is the establishment of circumstances conducive to the commission of crimes, since these circumstances are the substantive side of the object and subject of prevention. The establishment of these circumstances is not included in the subject of evidence in a criminal case by virtue of the regulatory provisions of a number of articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Therefore, preventive work on crime prevention is based on an internal departmental understanding of the causes and consequences of committing crimes, since the circumstances conducive to the commission of crimes and underlying preventive work are established outside the procedural framework of competition.

Keywords: crime prevention, circumstances conducive to the commission of crimes, evidence, process of proof, establishment process, subject of evidence, appointment of criminal proceedings, sentence.

■ ■ ■

органов по борьбе с преступностью. Составной частью вышеуказанных функций является профилактика различных видов преступлений. Чтобы правильно организовать профилактическую работу, необходимо на основе правильного научного понимания объекта и предмета этого вида деятельности осуществить прикладное воплощение сформированного научного знания в этой области в жизнь. Опираясь на вышеприведённое утверждение об объекте и предмете профилактической работы, встаёт обоснованный вопрос о том, кто же должен устанавливать обстоятельства, способствующие совершению преступления, и на ком лежит юридическая ответственность выявления данных обстоятельств?

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предусмотрены частью 1 статьи 73 УПК РФ. В части второй данной статьи (ч. 2

ст. 73 УПК РФ) говорится о том, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствующие совершению преступления» [3].

Таким образом, исходя из буквального толкования вышеприведённых нормативных положений, следует, что обстоятельства, перечисленные в первой части статьи 73 УПК РФ, подлежат именно «доказыванию», а обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, подлежат «выявлению». Значит регламентированный процесс доказывания по собиранию, проверке и оценке доказательств в уголовном деле (раздел III УПК РФ) направлен на доказывание исключительно обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Согласно ст. 299 УПК РФ, установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, не входит в перечень вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора [4], поэтому есть все основания утверждать, что выявление данных обстоятельств не входит в предмет доказывания по уголовному делу. Следовательно, уголовно-процессуальные требования, предъявляемые к доказательствам об относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела, могут к факту выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, не применяться. Тем более, факт установления обстоятельств, способствующих совершению преступления, напрямую не связан с реализацией задач назначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод, предусмотренных ст. 6 УПК РФ [5]. То есть, реализация задач назначения уголовного судопроизводства вполне достижима без установления этих обстоятельств.

Учитывая, что установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, не входит в предмет доказывания по уголовному делу и не увязано с результатом реализации назначения уголовного судопроизводства, вполне логично предположить, что провозглашаемая частью 2

статьи 73 УПК РФ необходимость выявления этих обстоятельств, относится исключительно к деятельности следователя, дознавателя в рамках отправления ведомственной функции профилактики преступности. Но в условиях отсутствия на стороне защиты правовой потребности в выявлении этих обстоятельств, так как их установление практически не затрагивает права и интересы подозреваемых и обвиняемых при производстве по уголовному делу, следует заметить, что устанавливаться следователем они будут вне процессуальных отношений состязательности, и это значительно снижает степень соответствия сведений об этих обстоятельствах качеству достоверности и объективности.

Следует отметить, что документами нормативно установленной формы и содержания по процессуальной фиксации факта наличия обстоятельств в той или иной сфере общественных отношений, способствующих совершению преступления, не существует. Также, отсутствует нормативно-процессуальная регламентация по оценке и использованию выявленных в ходе расследования уголовного дела обстоятельств, способствующих совершению преступления. Следовательно, дальше провозглашения необходимости выявления этих обстоятельств в ч. 2 ст. 73 УПК РФ законодатель не пошёл, сведя тем самым профилактическую работу с преступностью, в основе которой лежит работа с обстоятельствами, способствующими совершению преступления, к декларативному манипулированию результатами внутриведомственной отчётности о профилактике преступности, то есть, всё сведено к обычной профанации.

Таким образом, обязывающего нормативно-регламентированного процесса установления обстоятельств, способствующих совершению преступления в рамках уголовного судопроизводства, не существует, что в значительной степени подрывает полноту и достоверность выявления закономерностей формирования этих обстоятельств и их влияния на обуславливающее движение лица к событию преступления. В итоге, профилактика преступности строится на внутриведомственном понимании причин и следствия совершения тех или иных преступлений.

Литература:

1. Статья 2 федерального закона «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 г.
2. Статья 2 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1-ФЗ от 17.01.1992 г.
3. Статья 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
4. Статья 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
5. Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Literature:

1. Article 2 of the Federal Law «On Police» № 3-FZ of 07/02/2001.
2. Article 2 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» № 2202-1-FZ of 17/01/1992.
3. Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
4. Article 299 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
5. Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Прошин Владимир Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
юридический факультет,
Московский областной университет
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВА УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. При выдвижении версий о мотиве совершения преступления на первоначальном этапе расследования большинства уголовных дел, как правило, носителем мотива совершения расследуемого преступления может являться значительный перечень лиц, входивших в систему деловых, профессиональных, семейных, личных и иных отношений с потерпевшим. И только тщательное криминалистическое исследование и анализа в пространственно-временном масштабе следов процесса зарождения, созревания и проявлений обстоятельств формирования и реализации мотива совершённого преступления позволяет прийти к единственно правильному решению о виновности в совершении расследуемого преступления конкретного лица (или лиц).

Ключевые слова: мотив совершения преступления, проверка и оценка доказательств, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предмет доказывания, криминалистический анализ и исследование, уголовно-процессуальное расследование, криминалистический способ и метод, обстоятельства совершения преступления, правовая определённость, версия.

Криминалистика, выполняя обеспечительную функцию по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (предмет доказывания), должна опираться на правовую определённость всех видов доказательств, которые являются результатом криминалистического изучения и анализа отражательных процессов в ходе уголовно-процессуального расследования каждого уголовного дела, ибо подчиняться правилу оценки доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) [1] для постановки выводов о предмете доказывания могут только доказательства отвечающие качеству правовой определённости. Следовательно, собирать, проверять и оценивать (в соответствии со ст. 85 УПК РФ) [2] сведения об обстоятельствах совершения преступления с помощью криминалистических способов и методов возможно только при правовой определённости предмета

Vladimir M. Proshin
Doctor of Jurisprudence,
Associate Professor,
Law Department,
Moscow Regional University
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

FORENSIC ANALYSIS OF THE FORMATION OF A MOTIVE FOR A CRIMINAL OFFENSE

Annotation. When nominating versions of the motive for committing a crime at the initial stage of the investigation of most criminal cases, as a rule, the carrier of the motive for committing the investigated crime can be a significant list of persons included in the system of business, professional, family, personal and other relations with the victim. And only a thorough forensic investigation and analysis on the extensional and temporal scale of the traces of the process of conceiving, maturation and manifestation of the circumstances of the formation and implementation of the motive for the crime committed allows us to come to the only correct decision on the guilt of the commission of the investigated crime of a specific person (or persons).

Keywords: motive for committing a crime, verification and assessment of evidence, circumstances to be proved in a criminal case, subject of evidence, forensic analysis and research, criminal procedure investigation, forensic means and method, circumstances of the offense, legal certainty, version.

познания, итогом которого является получение доказательств, соответствующих уголовно-процессуальной форме и содержанию.

При этом следует отметить, что одной из самых распространённых ошибок в выдвижении версий в ходе расследования и, как следствие, привлечение невиновных в качестве обвиняемых, применение к ним мер пресечения является необоснованное «притягивание» мотива преступления к косвенным доказательствам участия в его совершении невиновного лица. То есть, в правоприменительной практике следственных органов довольно часто наличие формального мотива в виновном совершении общественно опасного деяния в отношении охраняемого законом объекта посягательства является стартовой чертой направленности основных усилий оперативно-следственных мероприятий на формирование доказательной базы виновности обладателя данного мотива в совершении соответствующего

преступления. Причина данного обстоятельства, на наш взгляд, кроется:

– во-первых, в точечном восприятии сведений о мотиве преступления, вне рамок пространственно-временного информационного комплекса обстоятельств его формирования;

– во-вторых, в игнорировании необходимости установления во времени и пространстве цепи причинно-следственных факторов и обстоятельств формирования мотива преступления во взаимосвязи с обстоятельствами, обуславливающими движение субъекта к событию преступления, с обстоятельствами подготовки механизма совершения преступления и его реализации;

– в-третьих, в отсутствии закреплённого Уголовно-процессуальным кодексом РФ понятия «мотив преступления» и в отсутствии нормативно-правовой регламентации связи мотива преступления с составом преступления, в отсутствии юридического значения его установления для постановки вывода об относимости, допустимости, достоверности и достаточности, собранных по делу доказательств в целях реализации задач уголовного судопроизводства, согласно ст. 6 УПК РФ [3].

Причина субъективно-вольного обращения с мотивом преступления со стороны представителей оперативно-следственных органов заключается в том, что в статье 5 УПК РФ [4] в перечне понятий, используемых Кодексом, понятие мотива преступления не даётся. При этом термин данного понятия, имеющий правовое значение для постановки вывода о доказанности обвиняемого (подсудимого) в совершении инкриминируемого ему преступления, используется в подп. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» [5], в подп. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ «Обвинительное заключение» [6] и в подп. 1 ст. 307 УПК РФ «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора» [7].

Таким образом, получается, что прокурор, следователь, дознаватель, оценивая сведения об обстоятельствах мотива совершения преступления, в соответствии со статьёй 17 УПК РФ [8], по своему внутреннему убеждению и, руководствуясь при этом законом и совестью, не связаны законом в вопросе толкования мотива совершения преступления. При этом ожидание полагания со стороны обвинения в данном вопросе исключительно на совесть вряд ли приведёт к вынесению обоснованного, законного и справедливого приговора согласно требованию статьи 297 УПК РФ [9].

В соответствии с лингвистическим толкованием мотив есть побудительная причина, основание, повод к какому-либо действию, поступку [10]. Учёные-психологи под мотивом понимают динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость [11].

Учитывая, что криминалистика исследует результаты отражательных процессов действий и

поступков человека, в том числе, физиологического и психологического свойства, вполне оправданным будет опираться в вопросах криминалистического исследования и анализа мотива совершения преступления на вышеприведённое толкование данного понятия, поэтому мотив совершения преступления это – не точечный фактор одномоментного существования, рождающий импульс динамического процесса осуществления лицом уголовно-наказуемых действий, а явление психо-физического характера, рождающее побудительное основание к совершению действий по достижению имущественного и нравственного результата, соответствующего моральным установкам и ценностным ориентирам в жизни этого лица.

Следовательно, данное явление имеет временную точку своего рождения, период «созревания» и этап зрелости, когда вектор силы психологического воздействия сформировавшегося мотива подчиняет и руководит волевыми устремлениями лица, обуславливая его движение к событию преступления. При этом следует отметить, что такие криминалистически значимые явления, как содержание мотива совершения преступления, психо-физические и морально-нравственные свойства личности, характер деталей подготовки преступления и механизм его совершения увязаны объективной детерминированностью соответствия интеллектуально-нравственных возможностей и способностей субъекта преступления качеству и результативности его исполнения.

Таким образом, когда отрабатываются версии по кругу подозреваемых, имеющих мотив на совершение расследуемого преступления, необходимо проведение тщательного криминалистического исследования и анализа в пространственно-временном масштабе следов процесса зарождения, созревания и проявлений элементов подчинённости характера и особенностей действий лица сформировавшемуся мотиву. В данном случае, как показывает практика расследования многих уголовных дел, круг подозреваемых начинает сужаться:

– при получении и оценке сведений об объективной возможности и субъективной способности лица руководствоваться мотивом преступления с точки зрения психофизиологических свойств и морально-нравственных качеств личности;

– при установлении сведений об обстоятельствах соответствия процесса созревания мотива преступления обстоятельствам жизнедеятельности лица, формирующим вектор его пространственно-временного движения к событию преступления;

– при установлении сведений об управлении сформировавшегося мотива преступления динамическим процессом подготовки преступления и механизмом совершения преступления;

– при получении и анализе на предмет соответствия сведений о достигнутом имущественном и нравственном результате от преступления мотивационному интересу совершения преступления,

обладателем которого подозреваемый (обвиняемый) возможно является, а также моральным установкам и ценностным ориентирам в жизни этого лица;

– при получении и анализе сведений о причинно-следственной детерминированности действий по сокрытию следов преступления и противодействию расследования содержанием интереса, лежащем в основе мотива преступления.

Следовательно, мотивом совершения преступления является источник психологического влияния на сознательное (логически мыслительный процесс) и подсознательное (интуитивно-чувственный процесс) принятие решений по движению к событию преступления и по его совершению в рамках отдельного фрагмента жизнедеятельности лица. То есть, на определённом отрезке своего существования лицо начинает обуславливать имущественные и морально-нравственные интересы дальнейшей жизни необходимостью совершения действий по реализации сформировавшегося у него мотива, даже если эти действия и приводят к причинению вреда, ущерба охраняемому уголовным законом объекту.

При этом необходимо иметь в виду, что имплантация такого источника криминальной энергии в голову соответствующего лица является не одномоментным актом, а процессом, растянутым во времени. Значит, существуют также обстоятельства, которые родили ростки данного мотива и обстоятельства, обусловившие созревание этого мотива до степени силы, способной подчинить интеллектуально-волевые устремления носителя созревшего плода мотива. Сведения в виде следов отражательных процессов вышеуказанных обстоятельств находят свое отражение во вне, что также должно являться предметом криминалистического изучения и анализа.

Результаты данного анализа дают нам основание утверждать, что у мотива любого преступления есть две стороны: юридическая и психолого-поведенческая. Юридическая сторона заключается в том, что, как было упомянуто выше, сведения о мотиве преступления входят в предмет доказывания по уголовному делу, согласно подп. 2 части 1 статьи 73 УПК РФ, и подлежат доказательному изложению в обвинительном заключении (подп. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ) и в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (подп. 1 ст. 307 УПК РФ).

Психолого-поведенческая сторона мотива преступления состоит в том, что лицо на определённом этапе жизни сталкивается и переживает

Литература:

1. Часть 1 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
2. Статья 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

череду обстоятельств, которые рождают и имплантируют в его голову источник управления (своего рода «чип») мыслительной и интуитивно-чувственной деятельностью в соответствии с интеллектуально-волевой готовностью и морально-нравственной ориентацией носителя этого мотива. Допустить подчинение импульсному действию мотива лицо может только при созревшем соответствии его материальных ожиданий и морально-нравственных ориентиров направлению динамического воздействия сформировавшегося мотива. То есть, интеллектуально-деловые способности, физические возможности и морально-нравственные качества личности, получающей текущие информационные сведения, которые через определённый отрезок времени превращаются в источник руководства действиями, являются социально-психологической почвой формирования мотива, обладающего иницирующей силой воздействия на интеллектуально-волевые устремления лица к совершению преступления.

На любого человека в каждодневной жизни ежесекундно обрушивается из окружающего его мира огромный поток информации по визуальному, аудиальному и кинестетическому (чувственному) каналам восприятия. И только, то лицо позволяет определённым фрагментам поступающей информации превращаться в побудительные мотивы действий в криминальном направлении, сформировавшиеся интересы которого требуют реализации этого мотива. И в данном случае, действуя в направлении заданного побудительным мотивом движения к событию преступления, в зависимости от того состава преступления, которое предстоит совершить, лицо стремится либо обеспечить сохранность своего интереса либо его усилия направлены на достижение необходимого ему интереса, поэтому выводы полного и всестороннего криминалистического изучения и анализа обстоятельств формирования и реализации мотива каждого совершаемого преступления значительно снижают степень возможности следственной ошибки, связанной с привлечением невиновного к уголовной ответственности как обладателя мотива совершения преступления. А анализ данного явления в масштабе обширного перечня совершённых и расследованных преступлений позволяет получить психологический и морально-нравственный срез социальной среды соответствующего региона, что достаточно ярко может оттенять недостатки государственной политики в отдельных социальных группах населения в отдельных субъектах федерации и в рамках всего государства, в целом, в вопросах воспитания, образования, культуры, контроля общественного порядка и профилактики совершения определённых видов преступлений.

Literature:

1. Part 1 of article 88 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
2. Article 85 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

3. Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
4. Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
5. Подпункт 2 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
6. Подпункт 3 части 1 статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
7. Подпункт 1 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
8. Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
9. Статья 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
10. Словарь русского языка : в 4-х т. РАН, Инст-т лингвистич. Исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. Стер. М. : Рус. Яз.; Полиграфресурсы. 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.
11. Интернет: википедия.

3. Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
4. Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
5. Subparagraph 2 of part 1 of article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
6. Subparagraph 3 of part 1 of article 220 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
7. Subparagraph 1 of article 307 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
8. Article 17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
9. Article 297 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.
10. Dictionary of the Russian language: in 4 vol. RAS, institute of linguistic studies / edited by A.P. Evgenieva. 4-th edition. erased. M. : Rus. Yaz.; Polygraph resources. 1999; (electronic version): Fundamental electronic library.
11. Internet: Wikipedia.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ К ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫМ ЛИЦАМ

Аннотация. С учетом того обстоятельства, что применение принудительных мер медицинского характера (далее ПММХ) к психически больным лицам рассматривается в плоскости уголовно-правового принуждения, то критерии их применения как никогда, буквально, должны быть исследованы при совершенствовании действующего законодательства в данной области. Автор предлагает рассматривать критерии применения ПММХ с обязательным принятием во внимание характера совершенного противоправного деяния, степенью его общественной опасности, как для общества, так и для себя. Предлагается воздержаться от применения принудительных медицинских мер за совершение малозначительных проступков или когда совершено уголовно-наказуемое деяние небольшой степени тяжести.

Ключевые слова: медицинские меры, преступное деяние, принудительный характер, уголовно-правовые последствия, критерии применения ПММХ.

Лицо, совершившее противоречащее уголовному законодательству деяние, находящееся в состоянии болезненной психики, в любом случае освобождается от ответственности за содеянное и принудительно помещается в медицинский стационар. Основным критерием применения принудительной меры является заключение соответствующих специалистов-медиков о наличии у лица заболевания, при котором он не мог отдавать отчет своим действиям в момент совершения преступления. Необходимо отметить, что помещается в стационар лицо в условия, в которых оно не может быть опасным как для себя, так и окружающих. В уголовном праве и психиатрии как науки нет единых критериев применения принудительных медицинских мер в отношении больных лиц, совершивших преступление и лиц, у которых психическое расстройство случилось после совершения деяния, несмотря на то, что данные вопросы были предметом научного обсуждения уже во второй половине 19 века.

И.Я. Фойницкий предлагал следующую «систему» помещения душевнобольных преступников:

Andrei A. Savin
Senior teacher of Department
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Aasavin33@mail.ru

COMPULSORY MEDICAL MEASURES: CRITERIA FOR APPLYING TO MENTALLY ILL PERSONS

Annotation. Taking into account that the application of compulsory medical measures (hereinafter referred to as PMMC) to mentally ill persons is considered in the context of criminal law enforcement, the criteria for their application should be studied as never before when improving the current legislation in this area. The author suggests considering the criteria for the application of PMMC with mandatory consideration of the nature of the committed illegal act, the degree of its public danger both to society and to oneself. It is proposed to refrain from applying compulsory medical measures for minor offenses or when a minor criminal offense has been committed.

Keywords: medical measures, a criminal act, forced labor, and criminal legal consequences, criteria for the application of PMH.

1. Помещение лиц в специальные отделения обычных домов для умалишенных, где они бы были ограничены в перемещении и побеге.
2. Сосредоточение больных преступников в специально отведенных для подобных лиц приютах, перевод таких лиц из всех тюрем, в случае, если они уже к определению у них заболевания уже были осуждены.
3. Размещение в специально отведенных помещениях на территории тюрем, если была такая возможность.
4. Устройство особых отделений для психически больных «арестантов» в помещениях для «рестарелых и увечных» с большими помещениями и значительной властью врачебного персонала [1].

В свою очередь, Н.С. Таганцев говорил о мерах государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии невменяемости: «Там, где причины невменяемости

излечимы, устранимы, такой мерой должна быть отдача в дом для умалишенных, а там, где эти состояния оказываются неизлечимыми пороками организма, больные лица помещаться должны в убежища, надежно предохраняющие общество от таких лиц или отдаваться под надежную частную охрану» [2].

В 20-е годы прошлого века учеными также предлагались различные формы лечения душевнобольных преступников в зависимости от тяжести совершенного ими преступления, а именно – амбулаторное или стационарное. Амбулаторное наблюдение планировалось осуществлять на базе медицинских учреждений, как правило, по месту жительства привлекаемого лица, а стационарное - в специальных открытых и закрытых медицинских учреждениях психиатрической направленности, причем, открытое учреждение соответствовало колонии с трудовым режимом, а закрытое больше походило на смесь психиатрической больницы и тюрьмы [3; 4].

В настоящее время судами вопрос о виде принудительной медицинской мере решается по уровню психического состояния лица, совершившего общественно-опасное деяние на момент рассмотрения дела, не особо учитывая, в каком состоянии находилось лицо в момент совершения преступления. Факт вменяемости или ее отсутствия влияют лишь на факт наступления уголовной ответственности, а не на вид принудительного лечения и вида учреждения, куда лицо будет направлено. Очевидно, что при выборе вида ПММХ необходимо принимать во внимание состояние психики привлекаемого лица, вероятность рецидива совершения им противоправных действий. Уголовным законодательством РФ предусмотрены четыре вида принудительных медицинских мер [5]. В свою очередь, принудительные медицинские меры можно разделить на: связанные с изоляцией от общества при нахождении в психиатрическом стационаре определенного типа и не связанные с изоляцией при амбулаторном наблюдении. В настоящее время отсутствует документ, который бы ясно и точно регулировал порядок применения и исполнения принудительных мер медицинского характера, несмотря на очевидную необходимость принятия подобного законодательного акта. При наличии правового вакуума в исследуемом вопросе, некоторые практикующие работники, исполняющие и применяющие ПММХ, до сих пор придерживаются указаний Методического письма Минздрава РФ от 23.07.1999 года № 2510/8236-99-32 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния», несмотря на его отмену в 2001 году.

В соответствии с Федеральным законом «О психиатрической помощи», принудительные медицинские меры осуществляются в государственных психиатрических учреждениях органов здравоохранения. Режим, в котором находятся больные, помещенные в учреждение в добровольном и недобровольном порядке, различаются не сильно, однако, содержит ряд ограничений, таких как:

– закрытый характер отделения, ограничивающий доступ в него;

– возможность прогулок на территории только учреждения и т.д.

Принимая во внимание порядок персонификации и индивидуализации назначаемого режима содержания больному лицу в лечебном учреждении, в зависимости от тяжести совершенного им противоправного деяния, необходимо выделить ряд критериев для назначения медицинского наблюдения и лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа, а именно:

– совершение лицом противоправных действий, хотя по категории и относящихся к тяжким, однако, не посягающих на личность или общество;

– наличие у лица хронического психического заболевания и склонности к рецидивам деяний, нарушениям больничного режима, делающим невозможным проведение медицинских мероприятий в условиях медицинского стационара общего типа;

– наличие психического заболевания, проявившегося уже после совершения противоправного деяния, но до приговора суда, однако, агрессивное поведение и желание которого скрыться ставят под сомнение возможность оказания психиатрической помощи;

– при наличии психического расстройства и применении необходимой медицинской помощи общее состояние больного позволяет говорить о переводе его на принудительное лечение в более мягкие условия;

– ухудшение состояния психически больного лица, несмотря на оказываемые процедуры и необходимость его перевода в условия стационара специализированного типа, т.е., ужесточение условий содержания с увеличением ограничений мер.

Основной контингент, помещенных в психиатрический стационар лиц, характеризуется особой общественной опасностью по причине частых повторений совершения преступных деяний, в том числе, относящихся к категории тяжких. Такое понятие как «особая опасность» в отечественном уголовном праве отсутствует, оно не раскрыто, в связи с чем, рядом ученых рассматривается как: «большая угроза совершения лицом общественно-опасного деяния, представляющее повышенную общественную опасность» [6]. Содержание психически больных в стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением носит характер постоянного контроля, в том числе, с помощью специальных мер безопасности. Их содержание связано с определенными трудностями и в целях недопущения совершения противоправных деяний или побегов, охрана и надзор осуществляются соответствующими службами, что не является целью данной статьи.

Подводя итог вышесказанному, в целях неукоснительного соблюдения прав граждан, необходимо учесть, что основанием применения ПММХ в

отношении психически больных может являться только совершение им общественно опасного деяния или преступления, посягающего на общественную безопасность. ПММХ по своему содержанию относятся к мерам безопасности уголовно-правового характера, а по законодательной форме – к иным мерам уголовно-правового характера, и поскольку уголовная ответственность реализуется путем уголовно-правового принуждения, то и формой ее реализации будут

Литература:

1. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М. : Добросвет. 2000. Городец, 2000. С. 403.
2. *Таганцев И.Я.* Русское уголовное право. Лекции. Общая часть : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 177.
3. В Нижне-Ингашском районе п. Пойма-Тины Красноярского края в 1937 году открылась психиатрическая колония на 700 коек, где наряду с обычными психически больными содержались лица, находящиеся на принудительном лечении.
4. *Введенский Н.И.* Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение / Н.И. Введенский, Д.А. Аменицкий, Е.А. Лисянская, М.З. Каплинский, А.М. Раппопорт; Под ред. П.Б. Ганнушкина. М., 1929. С. 8, 22.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Ст. 99 // СПС Консультант плюс.
6. *Улицкий С.Я.* Проблемы принудительных мер медицинского характера. Учебное пособие по уголовному праву и уголовному процессу. Владивосток, 1977. С. 7.

принудительные медицинские меры, применяемые к больным.

Критериями же применения ПММХ должны в обязательном порядке являться: общее состояние психики лица, которое есть совокупность характера психического расстройства и степени общественной опасности и характера совершенного преступления или общественно опасного деяния.

Literature:

1. *Foinitsky I.J.* The Doctrine of punishment in connection with turnoverin. M. : Dobrosvet. 2000. Gorodets, 2000. P. 403.
2. *Tagantsev I.Ya.* Russian criminal law. Lectures. Common part : in 2 t. M. : 1994. T. 1. P. 177.
3. In 1937, a psychiatric colony with 700 beds was opened in the Nizhneingashsky district of the Poymotiny settlement of the Krasnoyarsk territory, where along with ordinary mentally ill people, persons under compulsory treatment were kept.
4. *Vvedenskiy N.I.* Mentally Ill offenders and forced treatment / N.I. Vvedenskiy, D.A. Amenitsky, E.A. Lisyanskaya, M.Z. Kaplinsky, A.M. Rappoport; edited by P.B. Gannushkin. M., 1929. P. 8, 22.
5. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 18.02.2020) PT. 99 // ATP Consultant plus.
6. *Ulitky S.Y.* Problems of compulsory measures of a medical nature. Textbook on criminal law and criminal procedure. Vladivostok, 1977. P. 7.

Саидов Заурбек Асланбекович

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Чеченский государственный университет
z.saidov@chesu.ru

Бидова Бэла Бертовна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
bela_007@bk.ru

**АНАЛИЗ ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Аннотация. В статье исследуется правовой механизм обеспечения национальных интересов и тем самым, обеспечение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Проводится анализ содержания элементов системы обеспечения национальных интересов. Предмет обеспечения национальных интересов и формирования национальной безопасности охватывает практически весь спектр общественных отношений, включая политику, экономику, социальную политику, информационную сферу, культуру. Механизм обеспечения национальных интересов нуждается в правовой поддержке, что требует серьезного внимания всех ветвей власти. Автор приходит к выводу, что функционирование механизма обеспечения реализации национальных интересов в Российской Федерации должно основываться на конституционных ценностях. Его правовая формулировка отвечает особой значимости прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, целостности и сбалансированности интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, баланс интересов, механизм, субъект обеспечения национальных интересов, метод обеспечения национальных интересов, личность, общество, государство.

Н епоследовательность и противоречивость процесса трансформации разных сфер жизнедеятельности всеобщего мира создала немало двусмысленностей, неясностей и неоднозначностей в составлении стратегии общенациональных интересов РФ. Определенные объективные и субъективные аспекты, влияющие на ход создания данной концепции, мы уже рассмотрели.

Zaurbek A. Saidov

Doctor of Law Sciences,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Chechen State University
z.saidov@chesu.ru

Bela B. Bidova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Manager of Department
Criminal Law and Criminology,
Chechen State University
bela_007@bk.ru

**ANALYSIS OF THE LEGAL
MECHANISM FOR ENSURING
NATIONAL INTERESTS**

Annotation. The article examines the legal mechanism for ensuring national interests and thus ensuring the state of protection of individuals, society and the state from internal and external threats. The content of elements of the system of ensuring national interests is analyzed. The subject of ensuring national interests and forming national security covers almost the entire spectrum of public relations, including politics, Economics, social policy, the information sphere, and culture. The mechanism for ensuring national interests needs legal support, which requires serious attention from all branches of government. The author concludes that the functioning of the mechanism for ensuring the implementation of national interests in the Russian Federation should be based on constitutional values. Its legal wording corresponds to the special significance of human rights and freedoms, civil peace and harmony, integrity and balance of interests of the individual, society and the state.

Keywords: national interests, national security, balance of interests, mechanism, subject of ensuring national interests, method of ensuring national interests, personality, society, state.

Среди объективных аспектов можно выделить геополитическое положение державы, уровень развития экономики и социальной политики и пр. К перечню субъективных аспектов причисляются распространенные мнения, понимания и рассуждения людей, которые принимают решения об общенациональных интересах державы, то есть «свойственная этому социуму система ценностей» [1, с. 19].

Предмет образования общенациональных интересов и формирования национальной безопасности охватывает почти весь спектр социальных отношений, среди прочего политику, экономику, социальную политику, информационную сферу, культуру и пр. Нуждаясь в правовом подкреплении, он привлек к себе серьезное внимание всех ветвей государственной власти.

Проведем анализ сущностного аспекта процесса правового обеспечения механизма национальной безопасности и, тем самым, интересов всей нации. Сначала обсудим закон «О безопасности» 1992 г. [2], принятый 5 марта 1992 г. и утративший свою силу 29 декабря 2010 г. Этот закон был первым среди подобных законопроектов нашего государства, чем и привлекает к себе наше внимание.

В нем была зафиксирована правовая база обеспечения безопасности гражданина, социума и страны, намечена структура безопасности и ее функциональная часть, определена закономерность формирования и составление бюджета госорганов, гарантирующих безопасность, а также установлен порядок контроля и надзора за адекватностью их действий текущим законам. Этот акт был первым узаконенным документом, оформившим и провозгласившим полностью новое представление о проблеме безопасности в нашей стране [3, с. 96]. Исходя из этого, будет нелишним уделить внимание содержащемуся в нем смыслу, чтобы можно было сделать правильные умозаключения по итогам этой работы.

Что касается структуры указанного акта, то она содержала короткую вводную часть, описывающую предполагаемую функцию принимаемого закона, и 5 разделов, состоящих из 22 статей.

Первый раздел содержит дефиниции понятий «безопасность», «угроза безопасности», «самые существенные интересы». В нем также коснулись темы объектов и субъектов обеспечения состояния защищенности, форм угроз, порядка действий и нормативной базы гарантирования безопасности с упором на придерживаемость прав и свобод личности при обеспечении безопасности.

В следующем разделе приведена структура безопасности РФ с обозначением ее главных составляющих и функциональной части, разграничением компетенций государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, дифференциацией сил и инструментов гарантирования безопасности, детерминированием ключевых направлений работы госорганов и администратий.

В третьем разделе был утвержден статус Совета безопасности РФ, установлена его численность и контингент, принцип укомплектования, определен ряд ключевых задач, процедура принятия решений, а также, образованы межведомственные комиссии, определены их задачи и задачи механизма данного органа.

В четвертом разделе шла речь о бюджете претворяемых в жизнь мероприятий, связанных с обеспечением безопасности.

Пятый раздел был посвящен предмету контролирования работы государственных органов, обеспечивающих безопасность.

Просмотрев содержание, значение и функцию этого акта в аппарате обеспечения национальной безопасности, можно заключить следующее:

Статья первая закона отразила ранее не определенные на уровне объединения общих принципов познания с понятийно-категориальным аппаратом науки понятия. А именно:

– «безопасность», трактуемую как «состояние защищенности истинных интересов гражданина, социума и страны от опасностей, исходящих извне или существующих внутри державы»;

– главные интересы (жизненно важные), трактуемые как «комплекс потребностей, реализация которых неминуемо обеспечит бытие и возможность позитивного развития человека, социума и страны»;

– угроза безопасности, описываемая как «совместность условий и обстоятельств, обуславливающих опасность истинным интересам гражданина, социума, державы».

2. В документе первый раз со времени распада Советского Союза была сделана попытка:

– переосмысления и дополнения бытующего понятия «государственная безопасность» приятием интересов человека и социума;

– «закрепления совсем нового для нашего государства концептуального видения проблемы безопасности, проявившегося в завершении абсолютного пренебрежения интересами человека и социума, во всяком случае, на уровне норм» [4, с. 39].

3. В рассматриваемом документе в статье 3 были разделены опасности на внутренние и внешние.

4. В законе определены фундаментальные правила достижения безопасности, остающиеся актуальными и в нынешнее время: законность; выдерживание паритетности интересов первостепенной важности гражданина, социума, страны; совместная ответственность человека, социума и страны по отношению к достижению состояния защищенности; включение в международные структуры безопасности.

Следовательно, в первые десять лет создания отечественной правовой структуры и обновленного аппарата обеспечения национальной безопасности страны данный документ утвердил целостную совместность понятий, свел к минимуму разночтения в установлении безопасности и инструментов (методов) ее достижения.

При этом акт только наметил главные пути обеспечения безопасности, упустив из виду множество нюансов, с течением времени ставших принципиально важными недочетами, обусловившими потребность в трансформации правовой

основы аппарата обеспечения национальной безопасности.

Среди заявленных пробелов наиболее существенными есть:

а) неконкретность определения категории «безопасность» с отсутствием качественных характеристик, способных указать на защищенность или незащищенность того, или иного объекта;

б) внешнее (показное) свойство нескольких положений акта, их неадекватность относительно существующим реалиям.

Но, все же, роль и функция этого акта в правовой регуляции механизма обеспечения национальной безопасности довольно значительна. Он сделал первый, но существенный взнос в построение его фундамента.

На сегодняшний день правовую базу аппарата обеспечения национальной безопасности в России образует, главным образом, Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [5], заменивший прежде означенный, «отживший свое» однотипный закон 1992 года.

Заново утвержденный закон зафиксировал основные положения, задачи, правила и сущность работы (по сути, сам аппарат) по достижению состояния защищенности внутри страны и за ее пределами.

Первая глава вновь принятого закона посвящена главным позициям и содержанию работы по достижению состояния защищенности, политике государства в этой отрасли, раскрытию нормативных основ обеспечения безопасности и целей межгосударственного взаимодействия.

Во второй главе определяются компетенции Президента РФ, палат Федерального Собрания, Правительства, федеральных органов исполнительной власти в части достижения безопасности, а также предназначение и роль в этом органов власти субъектов РФ и местных администраций.

Третья глава устанавливает ключевые задачи и функциональную составляющую Совета Безопасности, его численность, контингент и координацию действий.

Практическим путем было установлено, что новый закон также несовершенно и наделен множеством значительных изъянов:

– неимением конкретной и однозначной дефиниции категории «безопасность», а также ее разновидностей и показателей обеспечения;

– отсутствием единства мнений, как среди положений акта, так и во взаимосвязи с иными правовыми актами. Например, новый закон в ст. 14 безусловно ограничил компетенции Совета Безопасности, отнял у него возможность разработки предложений Президенту РФ относительно введения, пролонгации и аннулирования военного положения;

– не очень разумной и точкой зрения законодателя, утвердившего в изучаемой отрасли федеральный закон. Логичнее было бы принять федеральный конституционный закон, поскольку в ч. 1 ст. 76 Конституции РФ установлено, что федеральные конституционные законы закрепляются по предметам ведения РФ, к которым, в соответствии с п. «м» ст. 71 Конституции РФ, относится и безопасность.

Помимо этого, разумеется, федеральные конституционные законы устанавливают базисные, основополагающие установки, требующие своего дальнейшего улучшения посредством принятия федеральных законов и прочих правовых документов с более низкой юридической силой. А новый закон «О безопасности» именно и является тем документом, который закрепляет базисные установки достижения национальной безопасности, устанавливает миропонимание ее обеспечения, детерминирует общие для всей структуры обеспечения национальной безопасности задачи, наделяет компетенциями высшие органы власти в этой части. Выходит, что он является базой для дальнейшего утверждения прочих федеральных законов, координирующих полномочия тех или иных субъектов, гарантирующих общенациональную безопасность страны.

Возможно, в последующем будут устранены указанные недочеты. В этом можно убедиться, узнав об имеющихся для этого реальных условиях.

Ныне существующую нормативную базу аппарата обеспечения национальной безопасности и, тем самым, общих для всей нации интересов, можно как бы дифференцировать на несколько главных групп:

1. Федеральные законы, сопряженные с данной сферой.
2. Правовые акты исполнительной власти.
3. Ведомственные подзаконные акты: приказы ФСБ, указы Президента, принятые в совокупности с другими министерствами и службами.

Также особое значение в правовой базе рассматриваемого аппарата имеют, программы, концепции, доктрины, стратегии, которые являются системой де-юре, воспринимаемых в стране воззрений и по этой причине оцениваемых как уставочные.

Создание следующей (применяемой сегодня) редакции Стратегии является завершающей стадией продолжительного труда исследователей, научных деятелей, специалистов. Начали они свою работу еще в 1993 году. Именно в это время в юридической литературе был замечен термин «национальная безопасность». На протяжении трех лет велась определенная работа, результатом которой в 1996 году стала презентация обстоятельной характеристики данного термина. Впервые она была продекларирована в Послании Президента РФ по национальной безопасности от 13 июня 1996 г. Знаменательно, что осуществлялись и узаконивались стремления, изложенные в этом акте, на протяжении целого десятилетия [6, с. 704].

Пограничные линии национальной безопасности нашей страны были отражены в трех концепциях внешней политики России – 1993, 2000 и 2013 гг., а также, в двух концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг.

В.И. Лутовинов заверяет, что это поэтапно протекающий процесс [7, с. 52]. На первоначальной фазе, как он думает (небезосновательно), можно видеть переоценку произошедших событий и стойкое понимание невозможности дальнейшего поддержания всеобщего заблуждения, что после развала Советского Союза страна избавилась от оппонентов и врагов. Наступает прозрение касательно того, что помимо уже существующих внутренних угроз, несмотря на добровольное отречение от усиленно строившегося ранее социализма и коммунизма, приплюсовываются новые внешние угрозы.

Второй этап ознаменовался расширением возможностей страны в политике, экономике, военной сфере, стремительностью эволюционирования государства и методичным упрочением на этой базе безопасности нашей державы. С концептуальной точки зрения, в это время произошел всплеск значимых мирозерцательных позиций в области национальной безопасности РФ.

Литература:

1. Романова О.Ю. Становление концепций национальных интересов в современном политическом процессе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2000. 29 с.
2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Российская газета от 6 мая 1992 г. № 103 (утратил силу).
3. Бидова Б.Б. Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск : АНО ДПОН «УЦ «Магистр», 2018. 236 с.
4. Беляева Г.С. К вопросу о некоторых направлениях оптимизации механизма обеспечения национальной безопасности в России / Г.С. Беляева, В.П. Беляев // Национальная безопасность. Nota Bene, 2018. № 5. С. 37–46.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1. Ст. 2.
6. Саидов З.А. Национальные интересы России в современной геополитической реальности / З.А. Саидов, Б.Б. Бидова // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 703–705.
7. Лутовинов В.И. Стратегии национальной безопасности в современной России. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 156 с.
8. Лопата П.П. Глобализм. Главные угрозы международной стабильности и национальной безопасности России (политологический анализ). М. : СГА, 2007. 231 с.

В этот временной период времени Россией было сделано предложение о построении обновленной «структуры мировой безопасности», в основу которой должен быть заложен «осмысленный рациональный паритет интересов всей совокупности субъектов мирового сообщества» [8, с. 101].

На данном этапе наша страна облекла в определенную форму ряд приоритетных угроз всему человечеству, мировой и региональной безопасности, основываясь на всеохватном исследовании их первоисточников и объективных проявлений. Причем, круг выявленных угроз не ограничивался лишь террористической тематикой. Россия неуклонно придерживалась курса на создание «противоположного существующему аспекта глобализации в виде функционирования стран и народностей, которые стремятся к объединению на основе демократических принципов, свободного выражения и реализации своей позиции, паритетных и справедливых отношений, а также, равноправной возможности пользоваться благами и продуктами глобализации без ограничения в пользу привилегированных стран». Такой противоположный существующему аспект глобализации на данный момент можно представить в виде кооперации трех стран: России, Индии и Китая.

Literature:

1. Romanova O.Yu. Formation of concepts of national interests in the modern political process of Russia : autoref. dis. ... cand. it is watered, Sciences. N. Novgorod, 2000. 29 p.
2. Law of the Russian Federation of March 5, 1992 № 2446-1 «on security» // Rossiyskaya Gazeta of may 6, 1992. № 103 (expire).
3. Bidova B.B. Ensuring Russia's national interests in the context of the national security strategy. Kislovodsk : ANO DPON UC «Magister», 2018. 236 p.
4. Belyaeva G.S. On the question of some directions of optimization of the mechanism for ensuring national security in Russia / G.S. Belyaeva, V.P. Belyaev // national security. Nota Bene, 2018. № 5. P. 37–46.
5. Federal law of December 28, 2010 № 390-FZ «On security» (in the current version) // Collection of legislation of the Russian Federation of January 3, 2011. № 1. Art. 2.
6. Saidov Z.A. National interests of Russia in modern geopolitical reality / Z.A. Saidov, B.B. Bidova // Financial economy. 2018. № 7. P. 703–705.
7. Lutovinov V.I. National Security Strategies in Modern Russia. M. : YNI-TI-DANA, Law and Law, 2003. 156 p.
8. Shovel P.P. Globalizm. The main threats to Russia's international stability and national security (political science). M. : SGA, 2007. 231 p.

Соколова Татьяна Леонидовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний
taniavol@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР В 1918–1920-х гг. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Актуальность исследования определена научной и практической значимостью возрастающей роли профессионального образования и формирования его правовых основ в современном российском обществе. В статье рассмотрен комплекс нормативно-правовых актов, заложивших основу системы среднего профессионального образования в первое десятилетие советской власти. В 1918–1920-х гг. в развитии правового регулирования в сфере среднего профессионального образования автором выделены следующие тенденции: поиск социалистических форм подготовки квалифицированных специалистов, централизация руководства профессиональным обучением, создание новой системы образования, базирующейся на основе положения о неразрывности связи профессионального образования с жизнью и практикой строительства социализма.

Ключевые слова: профессиональное образование, правовое регулирование, реформа, учебное заведение, социалистическое государство, РСФСР.

Данная статья является продолжением исследования, которое было опубликовано в журнале «Юридическое образование и наука» в 2019 г. в № 2.

После прихода к власти в октябре 1917 г. большевикам необходимо было перестроить систему профессионального образования и обеспечить связь образования с новыми политическими и хозяйственными задачами, стоящими перед государством. С ноября 1917 до начала 1918 г. происходит создание нового аппарата управления образованием, и вырабатываются основные направления развития образования, в том числе и профессионального. В качестве первоочередных задач выдвигались: достижение в кратчайший срок всеобщей грамотности, введение всеобщего, обязательного и бесплатного обучения через организацию единой для всех граждан

Tatyana L. Sokolova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics
Federal Penitentiary Service
taniavol@yandex.ru

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN THE RSFSR IN THE 1918–1920s. (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Annotation. The relevance of the study is determined by the scientific and practical significance of the growing role of vocational education and the formation of its legal foundations in modern Russian society. The article discusses a set of legal acts that laid the foundation for the system of secondary vocational education in the first decade of Soviet power. The author identified the following trends in the development of legal regulation in the field of secondary vocational education in the 1918–1920s.: the search for socialist forms of training qualified specialists, the centralization of vocational training management, the creation of a new education system based on the provision on the inextricability of the connection between vocational education and the life and practice of building socialism.

Keywords: professional education, legal regulation, reform, educational institution, socialist state, RSFSR.

светской школы, подготовка учительских кадров, обеспечение учащимся возможности перехода в высшее учебное заведение.

1 и 9 ноября 1917 г. были опубликованы декреты «О народном просвещении» и «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» [2, с. 59–60]. Государственная комиссия по просвещению была создана с целью координации и контроля деятельности учебных учреждений. Рабочим органом Государственной комиссии по просвещению являлся Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос).

Также в ноябре 1917 г. был принят Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, упразднивший все сословия, чины и связанные с ними привилегии и ограничения. Во исполнение Декрета ликвидировались привилегированные

учебные заведения (кадетские корпуса, гимназии и реальные училища, институты благородных девиц и другие), отменялись формы и учебные знаки всех учебных заведений, подчеркивавшие сословное неравенство учащихся, а также все привилегии, связанные с образовательным цензом. Всем окончившим учебные заведения выдавалось единое свидетельство об усвоении предметов и выполнении учебной программы.

Постановлением Наркомпроса от 20 января 1918 г. должности попечителей учебных округов, главных и окружных инспекторов, директоров и инспекторов народных училищ упразднились. Все делопроизводство передавалось отделам народного образования при местных советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [5]. Организационные формы управления народным образованием закрепило принятое Совнаркомом РСФСР 26 июня 1918 г. положение «Об организации дела народного образования в Российской республике», которое сохраняло общее руководство народным образованием за Государственной комиссией по просвещению во главе с Наркомом. К ведению Государственной комиссии относились: выработка общего для республики плана организации народного образования и установление общих его принципов; объединение просветительной работы на местах; составление общегосударственной сметы и распределение средств, назначаемых на общегосударственные просветительные нужды [3, с. 56–58]. Руководить народным просвещением на местах должны были исполкомы местных Советов через свои отделы народного образования. Основные пункты положения «Об организации дела народного образования в Российской республике» получили организационное закрепление в Конституции РСФСР 1918 г. Дальнейшее развитие органов по руководству народным образованием проходило в общем плане устранения сепаратизма и усиления централизации государственного аппарата. Все руководство основными областями культурного строительства сосредоточилось в Наркомпросе РСФСР, состоявшем из четырех главных управлений: социального воспитания, политических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), внешкольного образования и Государственное издательство. В 1921 г. Главпрофобр, был преобразован в Управление профессионального образования. Местными органами народного образования оставались губернские и уездные отделы народного образования. В целом, к началу 1920-х годов организационная работа в сфере образования, в том числе и профессионального, была закончена.

Профессионально-техническое образование строилось на следующих принципах: классовый подход сочетание профессионального образования с общеобразовательным, взаимосвязь всех ступеней образования. Согласно Постановлению «О преобразовании технических школ в единую трудовую школу» от 30 октября 1918 г. все виды ремесленных и технических школ были преобразованы в общеобразовательные школы I и II ступени, что привело к почти полной ликвидации профессиональных учебных заведений, созданных в России до революции, и потере преподава-

тельских кадров [1, с. 6]. В январе 1920 г. Наркомпрос принял «Декларацию о профессионально-техническом образовании в РСФСР». В документе отмечалась необходимость развития профессиональных школ различных типов, школьного и внешкольного профессионального образования молодежи и взрослых, укрепления материально-технической базы учебных заведений. В конце апреля 1920 г. Главпрофобр были утверждены типы профтехнических заведений, программы которых предусматривали преемственность, обеспечивавшую возможность достижения образования от профессионально-технических курсов до Высшего технического училища.

В июле 1920 г. в РСФСР была введена революционная мера – учебная профессионально-техническая повинность. В соответствии с декретом «Об учебной профессионально-технической повинности» [4, с. 26], все работающие в возрасте от 18 до 40 лет подлежали обязательной профессионально-технической подготовке и переподготовке на краткосрочных курсах (за исключением лиц, имевших подготовку не ниже бывших ремесленных училищ или обучавшихся в технических учебных заведениях). Курсы для рабочих, занятых в производстве, содержались за счет этих предприятий. Во время обучения рабочий день сокращался до шести часов при сохранении заработной платы.

В 1920 г. было утверждено «Положение о профессионально-технических школах», в 1921 – положения о заводском ученичестве в металлообрабатывающей промышленности, о школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), в 1924 – новое положение о школах ФЗУ. В 1920-е гг. Главпрофобр был разработан примерный учебный план: для школ ФЗУ 60–65 % учебного времени отводилось на производственное и 35–40% на теоретическое обучение. Объединяя общее, профессиональное и политическое образование подростков, сочетая обучение с производительным трудом, школы ФЗУ стали новым, социалистическим типом профессиональных учебных заведений для рабочей молодежи.

В основу профессионально-технического образования был положен классовый подход. Так, согласно Инструкции о порядке приема в практические институты, техникумы и профтехшколы Москвы и Московской губернии, утвержденной Президиумом Коллегии Главпрофобра 5 мая 1922 г., в первую очередь шли дети детдомов, подростки, работавшие в производстве, учащиеся школ фабрично-заводского ученичества, дети школьных работников, члены РКП (б) или комсомола, члены профсоюза, бывшие красноармейцы-фронтовики или их дети и, наконец, все прочие лица с предпочтением лицам пролетарского происхождения. Примерно так же проходил прием в профессиональные учебные заведения по всей стране.

Для регулирования среднетехнического образования в июне 1921 г. было принято Положение о техникумах. Им предусматривалась широкая сеть техникумов на основе семилетнего общего образования и открытия подготовительных отделений, доводящих учащихся до второй ступени.

Техникум создавался как специальное учебное заведение, имеющее целью сообщение специальных технических знаний в определенной области лицам, прошедшим не менее 2-х летнее обучение в школе II-й ступени. Все техникумы находились в непосредственном ведении Главного Комитета профессионально-технического образования.

В целом, 1918–1920 гг. – это период поисков наиболее рациональных форм профессионально-технического образования, установления соотношения общего и профессионального образования, становление системы профессионально-технического образования.

Большое значение Советская власть уделяла подготовке и переподготовке педагогических кадров. В июне 1919 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР о преобразовании учительских семинарий в институты народного образования, в которые принимались юноши и девушки не моложе 16 лет. В июне 1921 г. Главпрофобр принял новую структуру педагогических учебных заведений. Основными типами педагогических учебных заведений стали учительские краткосрочные курсы, педагогические техникумы, педагогические институты народного образования, педагогические факультеты при университетах. Реорганизация учебных педагогических заведений в 1921 г. была связана с общей перестройкой всей системы народного образования, в результате которой временно основным типом школы вместо

девятилетки стала школа-семилетка. На базе этих школ должны были работать педагогические техникумы. Их задачей ставилась подготовка учителей для школ I ступени в связи с реализацией намеченного в перспективе перехода к всеобщему обязательному начальному обучению и ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В августе 1921 г. Главпрофобр утвердил Устав и учебные планы педтехникумов, которые возникли из постоянных педагогических курсов, преобразованных, в свою очередь, из учительских семинарий.

В 1918–1920-х гг. советское правительство реформировало старую и создавало новую систему профессионального образования. Правительство за рассматриваемый период издало несколько десятков различных положений, декретов, и постановлений. В целом, политика большевиков в области профессионального образования была направлена на поиск новых, социалистических форм подготовки квалифицированных специалистов, централизацию руководства делом профессионального обучения и создание новой системы профессионального образования. Становление системы профессионально-технического образования в рассматриваемый период происходило на основе положения о ведущей и направляющей роли партии в развитии профессионально-технического образования и о неразрывности связи профтехобразования с жизнью и практикой строительства социализма.

Литература:

1. *Алексеева Т.Г.* Становление системы среднего и начального профессионально-технического образования в период 1917–1928 гг. : автореферат дис. ... к.п.н. 13.00.01. Ульяновск, 2005. 190 с.
2. Декреты Советской власти: [сборник] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР ; [редакционная комиссия: Г.Д. Обичкин и др.]. Т. I. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. 650 с.
3. Декреты Советской власти: [сборник] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР ; [редакционная комиссия: Г.Д. Обичкин и др.]. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. 560 с.
4. Декреты Советской власти. Июнь – июль 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М. : Политиздат, 1978. Т. IX. 460 с.
5. Постановление Наркомпроса РСФСР от 20.01.1918 «Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ, и губернских дирекций и инспекций. URL : <http://lawru.info/dok/1918/01/20/n1206253.htm> (дата обращения 16.03. 2020).

Literature:

1. *Alekseeva T.G.* Formation of the system of secondary and primary vocational education in the period 1917-1928 : abstract of dis. ... Ph.D. 13.00.01. Ulyanovsk, 2005. 190 p.
2. Decrees of the Soviet government: [collection] / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, Institute of History of the USSR Academy of Sciences; [editorial committee: G.D. Obichkin et al.]. T.I. October 25, 1917 – March 16, 1918. M. : State Publishing House of Political Literature, 1957. 650 p.
3. Decrees of the Soviet government: [collection] / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, Institute of History of the USSR Academy of Sciences; [editorial committee: G.D. Obichkin et al.]. T. II. March 17 – July 10, 1918 M. : State Publishing House of Political Literature, 1959. 560 p.
4. Decrees of the Soviet government. June – July 1920 / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR. M. : Politizdat, 1978. T. IX. 460 p.
5. Resolution of the People's Commissariat of the RSFSR of 01.20.1918 «On the abolition of the posts of directors, inspectors of public schools, and provincial directorates and inspections». URL : <http://lawru.info/dok/1918/01/20/n1206253.htm> (accessed March 16, 2020).

Терехова Валентина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры финансового права,
Российский государственный
гуманитарный университет
wsamoilova@mail.ru

Valentina V. Terekhova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Financial Law Department,
Russian State University for the Humanities
wsamoilova@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СООТВЕТСТВИИ С ДЕЙСТВУЮЩИМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE MAIN METHODS
OF LEGAL REGULATION
OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS
IN ACCORDANCE WITH
THE CURRENT LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассмотрены основные положения правового регулирования деятельности микрофинансовых организаций (далее – МФО) по российскому и зарубежному законодательству. Автор раскрывает вопрос финансового риска при реализации деятельности микрофинансовых организаций, являющегося ключевым положением в деятельности любой финансовой организации. При этом автор указывает на различие правового регулирования деятельности кредитных и микрофинансовых организаций как в России, так и в зарубежных странах.

Annotation. The article considers the main provisions of legal regulation of microfinance organizations (hereinafter referred to as MFOs) under Russian and foreign legislation. The author reveals the issue of financial risk in the implementation of the activities of microfinance organizations, which is a key position in the activities of any financial organization. At the same time, the author points out the difference in the legal regulation of credit and microfinance organizations both in Russia and in foreign countries.

Ключевые слова: микрофинансовая организация, пруденциальное регулирование, Базельский комитет, микрокредитный институт, микрозайм.

Keywords: microfinance organization, prudential regulation, Basel Committee, microcredit Institute, micro-loan.

На сегодняшний день основными нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность микрофинансовых организаций, являются: Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [6]; Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Основные положения двух законов приведены ниже в таблице 1.

Нормативные положения Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» направлены на формирование системы правового регулирования микрофинансовой деятельности, осуществляемой некоммерческими и коммерческими организациями в форме хозяйственных обществ, за исключением кредитных организаций и потребительских кооперативов, деятельность которых регулируется специальными законами, что создает равные условия для осуществления предпринимательской деятельности на отечественном финансовом рынке и формирует правовые условия для его дальнейшего развития [5].

Социальная направленность является важной отличительной чертой микрофинансовых организаций от иных организаций, которые занимаются аналогичной деятельностью. Большинство клиентов микрофинансовых организаций являются безработные, или же те граждане, у которых по тем или иным причинам нет возможности обратиться к классическим банковским услугам. Таким образом, данная категория может оформить договор микрозайма с целью развития своего дела, повысить квалификацию работников, приобрести необходимое оборудование.

В связи с тем, что у микрофинансовой деятельности есть свои риски, которые влияют на состояние финансовой системы в стране, то, она должна отвечать отдельным регуляторным положениям, помимо общих требований, в соответствии с которыми регистрируется и ведется деятельность юридического лица.

Для того чтобы говорить о регулировании микрофинансовой деятельности, сначала разберем

сам термин «регулирование» и что оно собой представляет.

Регулирование – приятные органами исполнительной (нормы) и законодательной (законы) власти обязательные правила, которые регламентируют поведение физических и юридических лиц.

Среди регулирования деятельности микрофинансовых организаций разделяют пруденциальное и непруденциальное регулирование [1].

Пруденциальное регулирование на сегодняшний день более актуально, более того, оно является более разработанным в юридической науке.

Пруденциальное регулирование – один из видов регулирования банковской деятельности. Главной задачей этого регулирования является обеспечение надежности функционирования банков, а также защита интересов и прав вкладчиков.

Два основных закона регулируют рынок микрофинансирования в РФ		
	ФЗ N151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»	ФЗ N353-ФЗ «О потребительском займе»
Дата принятия	02.07.2010 (ред. 21.12.2013)	21.12.2013
Дата вступления в силу	04.01.2011	01.07.2014
Права и обязанности МФО	<ul style="list-style-type: none"> МФО обязаны сообщать открытые сведения о ЮЛ в государственном реестре МФО могут осуществлять контроль за целевым использованием займа, привлекать средства (за исключением средств от физических лиц) МФО не могут выдавать займы в иностранной валюте и на сумму выше 1 млн. рублей, вести профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг и взимать штраф с заемщика за ранний возврат средств Заемщику гарантируется получение полной и достоверной информации об условиях и порядке заключения договора, а также соблюдение тайны об операциях 	<ul style="list-style-type: none"> МФО обязаны вести стандартную форму договора, включающую общие и индивидуальные условия Максимальная сумма займа – не более 4/3 среднерыночной стоимости потребительского займа, рассчитанной Банком России ежеквартально МФО обязаны передавать данные о заемщиках в НБКИ* Заемщик имеет право на получение полной бесплатной информации об условиях предоставления и возврата займа
Результат	<ul style="list-style-type: none"> Создание правового поля для деятельности МФО Создание гос. реестра Появление официальной статистики по рынку 	<ul style="list-style-type: none"> Усиление дисциплины на рынке Снижение максимальной доходности и вероятности дефолтов Усиление защиты прав заемщиков
* Национальное бюро кредитных историй		
Источник: ФЗ N151-ФЗ, ФЗ N353-ФЗ, рейтинговое агентство «Эксперт РА», анализ компании MCG		

Анализируя корень слова пруденциальный, можно увидеть, что оно вытекает из английского слова Prudent, которое в переводе означает разумный, осторожный. Главная задача пруденциальных норм банковской деятельности сводится к тому, чтобы снизить банковские риски и оснастить кредитные организации финансовой устойчивостью.

Более того, в литературе часто отмечают, что пруденциальное регулирование ставит своей целью, в первую очередь, обеспечить стабильное функционирование банковской системы государства, а также защищать права и интересы граждан. Указанную выше цель достигают следующим способом: обязательным является государственная регистрация банков и лицензирование банковской деятельности; устанавливаются экономические нормативы функционирования банков; помимо этого, существует банковский надзор, применение санкций (мер воздействия) выступает главным инструментом со стороны государства [2].

Как было выявлено ранее, микрофинансовая деятельность существенно отличается от кредитной деятельности. Этот факт позволяет

поставить вопрос если не о принципиальных различиях, то, по крайней мере, о существенных особенностях регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций по сравнению с банковским регулированием.

Если говорить о международном опыте регулирования микрофинансовой деятельности, то основополагающие принципы впервые были изложены в документах, принятом CGAP [3] (Consultative Group to Assist the Poor (Консультативная группа помощи малообеспеченному населению при Всемирном банке) в 2003 году «Согласованные нормы микрофинансирования: руководящие принципы регулирования и надзора в секторе микрофинансирования».

Несколько лет назад этот документ был перевыпущен. Актуальное название этого документа на сегодняшний день трактуется, как «Руководство по регулированию и надзору в секторе микрофинансирования. Консенсусные руководящие принципы» (далее – Руководство по регулированию).

Необходимо отметить, что вышеуказанный документ не является нормативно-правовым актом, а всего лишь представляет собой разнообразные

подходы к регулированию деятельности микрофинансовых организаций на международной арене.

На протяжении всей истории деятельности микрофинансовых организаций, постоянно разрабатывались новые механизмы регулирования их деятельности. В конечном итоге, в 2010 году Базельским комитетом по банковскому надзору был выпущен документ, который назывался «Микрофинансовая деятельность и основные принципы эффективного надзора». Он включил в себя основные принципы, в соответствии с которыми и регулируется деятельность микрофинансовых организаций [4]. Эти принципы состоят из 25 положений.

В 2016 году в свет вышел еще один документ, под названием «Руководство по применению Основных принципов эффективного банковского надзора к регулированию и надзору организаций, имеющих отношение к финансовой доступности». Некоторые выше обозначенные принципы были включены в этот документ в том числе.

Помимо вышеуказанных разработанных принципов, Базельский комитет по банковскому надзору выявил три группы микрофинансовых институтов:

1. Банки: институты, имеющие лицензии на размещение депозитов населения и подлежащие надзору в том смысле, как это определяется основополагающими принципами.

В 2009 году было проведено исследование, целью которого являлся сбор информации о тех методах регулирования и надзора микрофинансования, которые применялись на практике в своей деятельности финансовыми институтами различных типов и рассмотрения вопроса о том, каким образом и в каком объеме основополагающие принципы следует применять в сфере надзора и регулирования микрофинансования, действующие на тот промежуток времени. Данное исследование было проведено координационной группой по микрофинансованию.

Участниками этого исследования являлись пятьдесят два органа надзора, в том числе и участники Базельского комитета и также другие страны, которые не входили в его состав. Двадцать семь органов власти прислали ответы на исследование: четырнадцать из них входят в состав комитета, а не входят тринадцать. Так, тридцать две страны приняли участие в данном исследовании, в числе которые четырнадцать стран являлись государства с низким или средним уровнем дохода, а с высоким – девять стран. Ответы прислали органы власти стран Латинской Америки/Карибского бассейна, Азии, Африки, Восточной Европы/Центральной Азии и развитых/промышленных стран.

Делая вывод вышеуказанного исследования, можно выявить, что банками являются те институты, которые трактуются классическим определением банков. Таким образом, есть определенное количество стран с высоким уровнем дохода,

которые относят кооперативы и микрофинансовые банки к категории «банков», по причине того, что пруденциальный режим аналогичен режиму, действующему в отношении банков.

Подводя итог, стоит отметить, что фактически во всех странах участие банков в институте микрофинансования существенно различается. Многие коммерческие банки занимаются предоставлением микрозаймов, и это говорит о том, что идет рост конкуренции. В других странах это может означать то, что большая часть розничного рынка относится к категории с низким уровнем дохода.

2. Другие сберегательные институты (Other Deposit Taking Institutions, ODTIs, далее – ДСИ): они представляют собой такие институты, которые могут привлекать денежные средства извне, при этом они не попадают под такое регулирование, что и банки.

К другим сберегательным институтам обычно относят финансовые кооперативы. Их регулирование осуществляет иначе, чем регулирование банков. Несмотря на то, что сбережения самых участников финансовых кооперативов для целей отчета Базельского Комитета Банковского Надзора рассматриваются в качестве «депозитов» (в оригинале – deposits), в некоторых случаях, в зависимости от особенностей национального законодательства, эти средства могут исключаться из правового определения «депозитов» (в данной аспекте корректнее было бы даже говорить не сбережения или депозиты, а привлеченные денежные средства).

3. Микрокредитные институты: те организации, у которых существует предел при оформлении займов, более того, таким организациям запрещается привлекать денежные средства извне.

Под микрокредитными институтами понимаются те организации, которые выдают денежные средства на основании договора микрозайма населению, у которого низкий уровень дохода. Более того, такие компании не имеют права и разрешения привлекать иные сбережения.

В большинстве стран ярко выражены отличительные черты между потребительским кредитованием и микрокредитованием, применяя в отношении каждого определенные правила пруденциального регулирования.

Как пример, можно привести Францию. Существует такой законопроект, который подразумевает под собой право выдавать потребительские займы микрокредитными институтами. Такие учреждения особенно подвержены различным режимам надзора, включающих в себя как простую регистрацию, так и пруденциальный надзор. Такие учреждения могут существовать в различных организационных формах, в том числе коммерческих и некоммерческих. К коммерческим можно отнести акционерные компании или общества с ограниченной ответственностью, а некоммерческие – это, в основном, различные фонды и ассоциации.

Таким образом, ссылаясь на Базельский комитет банковского надзора, можно сказать, что он оставил след на классификацию для российских микрофинансовых организаций. В эту классификацию входят: кредитные кооперативы; микрокредитные банки; специальные микрокредитные институты (ломбарды); микрофинансовые организации, которые имеют право привлекать вложения со стороны физических и юридических лиц; микрокредитные организации, не привлекающие денежные средства извне; специальные микрокредитные институты.

Сделав анализ вышеуказанной информации, стоит отметить, что на данный момент нет каких-либо международных актов, которые бы регулировали микрофинансовую деятельность. Но, тем не менее, указанные выше документы играют немаловажную роль, потому как они являются в своем роде рекомендацией к осуществлению микрофинансовой деятельности.

Таким образом, пруденциальное и непруденциальное регулирование может требовать микрофинансовая организация.

Два эти метода регулирования имеют разницу. Далее, рассмотрим это подробнее.

Если говорить о цели пруденциального регулирования, то стоит отметить, что здесь, в первую очередь стоит защита стабильности финансовой системы, которая заключается в том, чтобы значительно уменьшить те ситуации, когда несостоятельность одной финансовой организации может повлечь за собой несостоятельность других. Также стоит отметить, что одной из главных задач такого метода регулирования является защита прав и интересов вкладчиков. Это что касается цели пруденциального регулирования. Теперь рассмотрим цель непруденциального регулирования. Она заключается в большей степени на ведение бизнеса, нежели на защиту финансовой стабильности.

В том случае, если нет никакой опасности для надежности вкладов, финансовые организации малы и имеют локальный характер, то пруденциальное регулирование не является подходящей мерой регулирования.

К сфере действия непруденциального регулирования относятся: защита потребителей, предупреждение мошенничества и финансовых преступлений и так далее. То есть из этого можно сделать вывод о том, что главной целью является управление индивидуальными рисками, что является абсолютной противоположностью пруденциального регулирования.

Нормы непруденциального регулирования отвечают следующим критериям: они могут распространяться только на финансовые организации, полностью исключая регулирование иных юридических лиц. Затем, эти нормы регулируют исключительно основную деятельность финансовых организаций, осуществление которой требует получение специального статуса. Как пример – микрофинансовая деятельность микрофинансовых

организаций. И, наконец, в-третьих, основная цель правового регулирования должна быть отлична от обеспечения финансовой стабильности и регулирования системного риска. Это и дает прав ограничивать пруденциальное регулирование от непруденциального.

Проанализировав научную литературу, можно сделать вывод, что существует три ситуации, когда следует применять нормы пруденциального регулирования.

Во-первых, если такая финансовая организация влияет на экономическое равновесие или же на стабильность на рынке финансов.

Во-вторых, если деятельность (или прекращение деятельности) одной организации зависит от деятельности второй.

В-третьих, необходимость защиты интересов вкладчиков. Здесь имеется в виду не защита прав потребителей. Речь идет о создании таких условий, которые бы гарантировали исполнение обязательств перед вкладчиками, то есть финансовая устойчивость организации.

Необходимо подчеркнуть, что, если вдруг одна микрофинансовая организация обанкротится, то на других микрофинансовых организациях этот никак не отразится, как минимум, по причине того, что имеются ограничения по минимальной сумме.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что в тех случаях, когда микрофинансовая деятельность осуществляется за счет средств юридического лица или его учредителей – она не нуждается в пруденциальном регулировании, так как выдача займов не сопровождается какими-либо рисками.

Если же есть привлечение денежных средств извне от физических и юридических лиц, то здесь уже необходимо пруденциальное регулирование. Если говорить об объекте пруденциального регулирования, то она представляет собой деятельность микрофинансовых организаций, которые осуществляют микрофинансовую деятельность за счет средств, привлеченных от юридических и физических лиц. Как правило, микрофинансовые организации и являются субъектами данного регулирования.

Если речь идет о пруденциальных требованиях к деятельности микрофинансовых организаций, то здесь нужно учитывать подходы к регулированию банковской деятельности, поскольку у данных видов деятельности есть общие риски. Регулирование двух видов деятельности ни в коем случае не может быть схожим, так как у микрофинансовой деятельности есть свои особенности.

В юридической науке принято выделять два критерия, которые регулируют деятельность банков по отношению к микрофинансовой деятельности.

Во-первых, свести к минимуму тот риск, который влечет за собой микрофинансовая деятельность.

Во-вторых, строгость регулирования должна быть обоснована. Она должна соответствовать вероятности и последствиям наступления рискообrazующего события или действия.

Ранее были указаны Основные принципы. Так вот указанный второй критерий входит в компетенцию одного из этих принципов, который базируется на рискоориентированном подходе.

Данный подход под собой подразумевает, что регулирование деятельности микрофинансовых организаций должен быть прямо пропорционален объему рисков, как от микрофинансовая в широком смысле, так и от каждой существующей на текущем финансовом рынке микрофинансовых организаций отдельно.

Обобщая эти критерии, необходимо сделать вывод о том, что пруденциальное регулирование

будет актуально для той микрофинансовой организации, которая влечет за собой и своей деятельностью риски для состояния экономики.

Если же применять меры пруденциального регулирования к микрофинансовой деятельности без разбора, то, это уже выходит банковская деятельность.

Проанализировав более подробно непруденциальное регулирование, можно отметить, что на сегодняшний день существует огромное количество целей, для решения которых пруденциальное регулирование не нужно вовсе. Так, непруденциальное регулирование под собой подразумевает: предупреждение мошенничества и финансовых преступлений, защиту интересов потребителей, содействие формированию и деятельности микрокредитных учреждений, создание служб кредитной информации.

Литература:

1. *Гузнов А.Г.* Организации финансового рынка и финансово-правовые механизмы урегулирования их несостоятельности : монография / А.Г. Гузнов, Т.Э. Рождественская. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2016.
2. *Ерпылева Н.Ю.* Современное валютное регулирование в российском банковском праве // Законодательство и экономика. 2011. № 12. С. 21.
3. Официальный сайт Consultative Group to Assist the Poor. URL : <http://www.cgap.org> (дата обращения 20.02.2020).
4. Микрофинансовая деятельность и основные принципы эффективного надзора» (англ. Microfinance activities and the Core Principles for Effective Banking Supervision). URL : <http://www.bis.org/publ/bcbs175.pdf> (дата обращения 24.03.2020).
5. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3435.
6. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

Literature:

1. *Guznov A.G.* Financial market Organizations and financial and legal mechanisms for resolving their insolvency : monograph / A.G. Guznov, T.E. Rozhdestvenskaya M. : NORM, INFRA-M, 2016.
2. *Erpyleva N.Yu.* Modern currency regulation in Russian banking law // Legislation and Economics. 2011. № 12. P. 21.
3. The official website of Consultative Group to Assist the Poor. URL : <http://www.cgap.org> (accessed: 20.02.2020).
4. Microfinance activities and the Core Principles for Effective Banking Supervision). URL : <http://www.bis.org/publ/bcbs175.pdf> (accessed 24.03.2020).
5. Federal law of 02.07.2010 № 151-FZ «On microfinance activities and microfinance organizations» // Sz RF. 2010. № 27. Art. 3435.
6. Federal law of 21.12.2013 № 353-FZ «on consumer credit (loan)» // Sz RF. 2013. № 51. Art. 6673.

Шамне Атон Николаевич
магистрант,
Волгоградский
государственный университет
antonsg@gmail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается феномен миграции в этическо-правовом и собственно правовом аспектах. Описаны существующие подходы к решению активно обсуждаемых в сфере миграции вопросов открытых/закрытых границ, наличия у человека универсального права на миграцию. Выделены основные проблемы в области отечественного и западно-европейского миграционного права. Обоснована целесообразность международного обмена опытом, как в области теории, так и в сфере миграционного законодательства.

Ключевые слова: миграция, право на миграцию, права человека, открытые/закрытые границы, миграционная политика.

Миграционные перемещения людей можно наблюдать во все времена, они являются неотъемлемой частью истории человечества. Понятие «миграция» рассматривается представителями различных областей научного знания. Можно выделить демографические, экономические, правовые, социологические и другие аспекты изучения феномена миграции.

В трудах отечественных ученых феномен миграции осмысливается, прежде всего, с позиций социологии, права, а также, в рамках философии истории, культуры. В рамках правового аспекта обсуждаются вопросы миграционного законодательства [1], отдельно рассматриваются вопросы регулирования трудовой миграции [2]. При этом выдвигается ряд предложений по усовершенствованию законодательной базы в сфере миграционного права [1]. Дискуссионная проблема осмысления феномена миграции с этическо-правовых позиций практически не находит отражения в работах российских ученых в отличие от зарубежной правовой и философской мысли.

Так, в США и, особенно, в странах Западной Европы активно ведутся дискуссии, в которых обсуждается проблема глобальности/неглобальности права на миграцию и ее соотношение с правом государств на суверенитет. Центром этих дискуссий является Германия, что вполне объяснимо, ведь Германия считается очень привлекательной страной для миграции.

Anton N. Shamne
Master student
Volgograd State University
antonsg@gmail.com

CERTAIN PROBLEMS IN SPHERE OF IMMIGRATION LAW AT THE CURRENT STAGE OF ITS DEVELOPMENT

Annotation. The author reveals the phenomenon of migration in its ethical and legal aspects. The researcher describes the existing approaches to solving the issues of open/closed borders that are actively discussed in the field of migration, as well as the existence of a universal human right to migration. The author highlights the main problems in the field of domestic and Western European immigration law. The results of the research prove the expediency of international experience exchange in the field of theory as well as in the field of immigration legislation.

Keywords: migration, right to migration, human rights, open/closed borders, immigration policy.

В рамках этическо-правового аспекта миграции дискуссии ведутся по нескольким направлениям. Хотя следует заметить, что ряд ученых, придерживаясь одного направления исследования, может высказывать и противоположные точки зрения. Представители первого направления в большей степени придерживаются позиции открытых границ, наиболее полно данная концепция представлена в работах Франка Дитриха [3]. Права человека рассматриваются как определенные моральные ценности, и, в этом смысле, они считаются универсальными и фундаментальными. Данные взгляды обосновываются существующими юридическими нормами. В частности, приводится такое право, как свобода передвижения, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека (ст. 13), а также, в Конституциях ряда государств. Отельные ученые – сторонники открытых границ – рассматривают европейское гражданство с глобальной точки зрения как «феодалную привилегию», которая «приобретается» вместе с рождением, а миграцию – как возможность (но не единственную) избавиться от каких-либо привилегий и недостатков в связи с местом, где кто-либо родился случайно. Исходя из этого, критикуется положение об ограничении прав человека на свободу передвижения, высказываемое сторонниками закрытых границ [4, с. 166].

Представители второго направления – противники позиции открытых границ – апеллируют к

праву народа на самоопределение, ссылаясь на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 1). В данном случае, миграция рассматривается как некая «аномалия» в системе однородных (культурно и этнически) национальных государств и даже, в определенных случаях, как фактор ускорения нарастания глобального неравенства. Так, К. Отт считает, что миграция не может рассматриваться как глобальное всеобъемлющее право человека, поскольку она лишь является порождением определенного кризиса в существующем мировом экономическом порядке и не приносит пользы принимающему сообществу; следовательно, право на миграцию необходимо ограничить [5]. Взгляды ученого во многом обусловлены случившимся в 2015 г. в Западной Европе явлением, которое получило название «кризис беженцев».

Отдельные ученые занимают промежуточную позицию в дискуссии об открытых/закрытых границах и праве на миграцию. Так, профессор Института политических наук им. Отто Сура Свободного университета г. Берлина Бернд Ладвиг считает, что свобода передвижения в глобальном смысле – это некая справедливость, которая позволяет человеку улучшить условия своей жизни, следовательно, она может трактоваться как фундаментальное право человека, поскольку защищает его основные свободы. Однако ученый высказывает также точку зрения о том, что при определенных условиях миграция должна быть ограничена на законодательном уровне. К таким условиям относится угроза миграции политическому порядку принимающего государства, либо вообще угроза утраты специфического характера национального государства [6]. Другой немецкий ученый А. Касзее в своих работах говорит о том, что право на миграцию можно рассматривать как некое право требования. Отсюда следует, что государства не обязаны содействовать миграции, но они не могут и закрывать свои границы. Аналогично К. Отту, высказываются мысли об ограничении миграции, в данном случае, по мнению А. Касзее, условием ограничения является реальная опасность нарушения государственного порядка. Собственно, право на миграцию может быть признано универсальным только по отношению к лицам, которые просят убежища [7].

В рамках рассматриваемой проблемы, права на миграцию, с одной стороны, и права национального государства на суверенитет, с другой, следует отдельно остановиться на понятии открытых границ. Огромную роль в развитии современного общества играет глобализация, а также, развитие интернет-технологий. В этом смысле понятие «пространство» становится очень растяжимой величиной и понятие «граница» действительно приближается к открытым. Однако в действительности невозможно говорить об открытых границах абстрактно, вообще. Даже, если предположить, что когда-нибудь это станет возможным, этому должен предшествовать длительный организационный этап, в рамках которого необходимо будет провести целый ряд реформ, прежде всего, в законодательной, социальной сферах, что требует большой работы со стороны принимающих государств.

Таким образом, этико-правой аспект изучения миграции носит дискуссионный характер и представлен, прежде всего, в зарубежном миграционно-правовом дискурсе.

В рамках собственно правового аспекта миграции в отечественной юриспруденции обсуждается, прежде всего, несовершенство миграционного законодательства, слабая разработанность понятийного аппарата [3].

В трудах западно-европейских ученых при обсуждении миграции с собственно правовых позиций большее внимание уделяется проблеме фактической реализации норм международного права в области прав человека на примере прав мигрантов в конкретном государстве. Ученые отмечают, что нормы международного права в данном случае носят формальный характер и зачастую вступают в противоречие с местным законодательством [8]. Помимо этого, критике подвергаются фрагментация и различного рода несоответствия между полномочиями и действиями различных органов власти (государственных, транснациональных, правозащитных) в современном европейском миграционном праве; применение незаконных, с точки зрения международного права, мер, направленных против мигрантов, например, операции по их возвращению, отклонение ходатайств о предоставлении убежища и др. В данном случае позиция ученых основывается на признании прав человека (и, в частности, прав мигрантов) в качестве индивидуальных, неотъемлемых, а также, в качестве обязательных договоров между государствами, которые имеют верх над государственным суверенитетом. Обсуждается также ряд теоретических вопросов, в частности, обращается внимание на отсутствие точной дефиниции важного для миграционно-правового дискурса понятия «безопасное место» [8]. Таким образом, труды западно-европейских ученых в рамках данного аспекта изучения миграции в большей степени характеризуются критической направленностью.

Итак, как свидетельствует проведенный обзор научной литературы, феномен миграции изучается с различных сторон. В зарубежном миграционном праве, на наш взгляд, рассуждения ученых носят, зачастую, слишком теоретизированный характер. Но, тем не менее, разработка теоретических вопросов очень важна, поскольку научная теория в области миграционного права играет важнейшую роль: она является инструментом для оспаривания и совершенствования существующей миграционной политики.

В этом плане, в отечественном миграционном праве также следует разрабатывать направление изучения понятия «право на миграцию» в рамках прав человека, поскольку миграция в современный период развития общества – это нарастающее явление и России как демократическому государству рано или поздно придется обратить более пристальное внимание на диалог «права человека (право на миграцию) – права государства».

Таким образом, в области теории существует определенный опыт изучения феномена

миграции. Что касается практики, то здесь, по мнению и отечественных, и зарубежных ученых, еще многое требует совершенствования.

В российском миграционном праве программным документом является Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 г.; в целом, ученые указывают на определенную степень разобщенности действующих в данной сфере нормативно-правовых актов [3]. Возможно, следует обратить внимание на опыт Германии, где имеющиеся документы в сфере миграции были объединены в так называемый «Migrationspaket» – законодательный «пакет» в сфере миграции (принят в начале 2020 г.). И хотя немецкие ученые-правоведы критикуют существующее законодательство, тем не менее, такое объединение всех

Литература:

1. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. № 3(255). С. 5–16.
2. Ивахнюк И.В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // Век глобализации. 2011. № 2. С. 109–125.
3. Dietrich F. Ethik der Migration. Suhrkamp Verlag AG Berlin. 2017. 262 p.
4. Carens J. Ein Plädoyer für offene Grenzen // Ethik der Migration. Berlin. 2017. P. 166–211.
5. Ott K. Zuwanderung und Moral. Stuttgart. 2016. 94 p.
6. Ladwig B. Offene Grenzen als Gebot der Gerechtigkeit? // Migration und Ethik. Münster. 2012. P. 67–88.
7. Cassee A. Globale Bewegungsfreiheit. Ein philosophisches Plädoyer für offene Grenzen. Suhrkamp Verlag AG Berlin. 2016. 282 p.
8. Buckel S. Welcome to Europe. Die Grenzen des europäischen Migrationsrechtes. Bielefeld. 2013. 372 p.

законодательных актов в рамках одного «пакета» позволяет более четко отслеживать вносимые изменения, данные законы становятся «более прозрачными» как по горизонтали, так и по вертикали.

Подводя итог, отметим следующее. Поскольку миграция – явление мировое, миграционное право должно развиваться не только внутри государства, но и во взаимодействии с миграционным правом зарубежных государств, как в области теории, так и практики. Обмен опытом позволит более отчетливо увидеть плюсы и минусы отечественного законодательства в сфере миграции и, возможно, определить наиболее эффективные пути развития миграционной политики.

Literature:

1. Andrichenko L.V. Migration legislation in the system of Russian legislation // Journal of Russian Law. 2018. №3 (255). P. 5–16.
2. Ivahnyuk I.V. Labor Migration Management: The Controversial Lessons of the Global Crisis // The Century of Globalization. 2011. № 2. P. 109–125.
3. Dietrich F. Ethik der Migration. Suhrkamp Verlag AG Berlin. 2017. 262 p.
4. Carens J. Ein Plädoyer für offene Grenzen // Ethik der Migration. Berlin. 2017. P. 166–211.
5. Ott K. Zuwanderung und Moral. Stuttgart. 2016. 94 p.
6. Ladwig B. Offene Grenzen als Gebot der Gerechtigkeit? // Migration und Ethik. Münster. 2012. P. 67–88.
7. Cassee A. Globale Bewegungsfreiheit. Ein philosophisches Plädoyer für offene Grenzen. Suhrkamp Verlag AG Berlin. 2016. 282 p.
8. Buckel S. Welcome to Europe. Die Grenzen des europäischen Migrationsrechtes. Bielefeld. 2013. 372 p.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский
государственный университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ,
РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ПРАВОВОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ МАЛОЛЕТНИХ
И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. Как известно, местом жительства малолетних граждан признается место жительства их законных представителей. Местом жительства несовершеннолетних граждан также может быть место жительства их законных представителей, однако, ГК РФ в ст. 20 не закрепляет обязательность проживания несовершеннолетних с законными представителями. Тема, обозначенная в названии статьи, представляется достаточно актуальной на данном этапе развития общества, поскольку гражданское право, как и любая другая отрасль права, имеет некоторые пробелы и несоответствия в законодательстве. Институт правосубъектности малолетних и несовершеннолетних не является исключением.

Ключевые слова: малолетние и несовершеннолетние граждане, место жительства, законный представитель, мелкая бытовая сделка, завещательная правоспособность.

Первой проблемой, существующей в данной сфере, является определение места жительства несовершеннолетнего. Как нам известно, местом жительства малолетних граждан признается место жительства их законных представителей. Местом жительства несовершеннолетних граждан также может быть место жительства их законных представителей, однако, ГК РФ в ст. 20 не закрепляет обязательность проживания несовершеннолетних с законными предста-

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
Public Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Legal Institute Federal Service
Executions of Punishments of Russia
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of Financial Law
and Customs Activity,
Vladimir State University
of a name Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigorievich Stestovs
Milena.555@mail.ru

**ACTUAL PROBLEMS
IN THE LEGISLATIVE SPHERE
REGULATING THE LEGAL STATUS
OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND WAYS
TO SOLVE THEM**

Annotation. As you know, the residence of young citizens is recognized as the residence of their legal representatives. The residence of minor citizens may also be the residence of their legal representatives, however, the Russian Central Committee in Art. 20 does not enshrine the obligation for minors to live with legal representatives. The Topic indicated in the title of the article is quite relevant at this stage of development of society, since civil law, like any other branch of law, has some gaps and inconsistencies in the legislation. The institution of legal personality of minors is no exception.

Keywords: minors, place of residence, legal representative, small household transaction, testamentary legal capacity.

вителями. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что гражданское законодательство допускает возможность раздельного проживания несовершеннолетнего по достижении 14 лет.

Однако в соответствии со ст. 36 ГК РФ, предусматривается возможность раздельного проживания несовершеннолетнего с законным представителем (в данном случае попечителя) допускается лишь с 16-тилетнего возраста. Следова-

тельно, мы можем заметить несоответствие в ст. 20 и 36 Гражданского Кодекса РФ.

Более того, Семейный Кодекс Российской Федерации вообще не предусматривает раздельного проживания несовершеннолетнего и его законного представителя. Ст. 54 СК РФ закрепляет, что ребенком признается лицо, не достигшее 18 лет [1]. Далее закрепляется, что каждый ребенок имеет право на совместное проживание с родителями. То есть, как мы можем заметить, нормы СК РФ вступают в противоречие с нормами ГК РФ.

На наш взгляд, данную проблему можно разрешить следующим путем. Необходимо привести все нормы, указанные в ГК РФ к единому возрасту. Нельзя не согласиться с Букшиной С. В., которая предлагает наделить правом выбора места жительства несовершеннолетних, начиная с 16 лет. До достижения этого возраста местом жительства несовершеннолетнего будет считаться место жительства его законных представителей [2]. Кроме того, на раздельное проживание несовершеннолетнего с 16 лет также будет необходимо письменное согласие законного представителя. Также стоит сказать о том, что, по общему правилу, местом жительства лица, не достигшего возраста 18 лет, признается место жительства его законных представителей. Такие изменения в ст. 20 ГК РФ позволят избежать коллизий.

Также, одной из проблем является отсутствие единого легального определения «мелкой бытовой сделки». Не вызывает сомнений, что мелкой является та сделка, которая совершена на незначительную сумму. Однако неясно, какая сумма признается незначительной. Легальное определение позволило бы избежать неясности в толковании. Возможным определением, которое позволило бы раскрыть сущность мелкой бытовой сделки, по нашему мнению можно считать следующее: мелкая бытовая сделка – сделка, которая направлена на удовлетворение личных бытовых потребностей несовершеннолетнего или малолетнего, исполняемая по общему правилу в момент ее совершения и являющаяся незначительной по сумме [3].

Не менее важной проблемой, о которой ведутся дискуссии между учеными, является отсутствие завещательной правоспособности несовершеннолетних. Гражданское законодательство закрепляет за указанной категорией лиц лишь возможность наследовать имущество. Однако в современном мире достаточно часто происходят ситуации, когда несовершеннолетние имеют имущество и не хотят, чтобы оно попало нежелательным наследникам после их смерти. Возникает вопрос: как защитить несовершеннолетних наследодателей от такого перехода их имущества?

Ст. 1118 ГК РФ закрепляет, что завещать имущество имеет право только гражданин, обладающий на момент составления завещания полной дееспособностью. Несовершеннолетние не являются полностью дееспособными, и, следовательно, лишаются возможности распорядиться своим имуществом, даже тем, чем они вправе

распоряжаться самостоятельно по ст. 26 ГК РФ [4].

Часть ученых высказывается относительно введения возможности несовершеннолетним составлять завещание. Они обосновывают это тем, что, если закон разрешает несовершеннолетним распоряжаться своими доходами, стипендией, заработком самостоятельно, то и возможность завещать такие средства у них должна быть [5]. То есть, в данном случае возможность завещать рассматривается в качестве одного из вариантов свободного распоряжения своим имуществом. Другие ученые не согласны с такой позицией и высказываются против введения завещательной правоспособности несовершеннолетних. Они исходят из того, что завещание требует не только возрастной зрелости, но и социальной и интеллектуальной. Однако, эмансипированные граждане вправе составлять завещание, так как признаются полностью дееспособными. Но, например, вступление в брак не всегда означает интеллектуальную или иную зрелость. То есть, на практике выходит, что одни получают такую возможность и могут не осознавать последствий составленного завещания, а другие, хоть и осознанно подходят к этому, не имеют возможности составить завещание в силу возрастных ограничений [6].

На наш взгляд существуют 2 пути решения. Во-первых, предоставление несовершеннолетним при определенных обстоятельствах (например, при тяжелой болезни) права на составление завещания, но тогда появится необходимость в определении имущества, которое сможет завещать несовершеннолетний.

Вторым возможным вариантом является возможность составления завещания от имени лица, не достигшего 18 лет, его законным представителем. Но в таком случае произойдет противоречие с нормами ГК РФ, так как составление завещание через представителя невозможно. В данном случае появиться необходимость либо исключить данный пункт из Гражданского Кодекса РФ, либо добавлять оговорку относительно возможности законным представителям составлять завещание от имени несовершеннолетнего или малолетнего.

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что на сегодняшний день существует немало неразрешенных проблем в области правосубъектности малолетних и несовершеннолетних. В некоторых вопросах, как, например, наследственная правоспособность несовершеннолетних, ученые занимают две противоположные позиции. Следовательно, данные вопросы до сих пор вызывают дискуссии. Указанные проблемы порождают неясность в толковании норм Гражданского права. Более того, некоторые нормы входят в противоречие друг с другом. На наш взгляд, необходимо вносить изменения в действующее законодательство о правосубъектности лиц, не достигших 18 лет, так как разрешение данных проблем позволит избежать дальнейших коллизий при применении норм гражданского законодательства.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. *Бухина С.В.* Правосубъектность несовершеннолетних: необходимость реформирования гражданского законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 64–68.
3. *Чернякова С.А.* Недействительность сделок по незаконному субъектному составу и ее последствия по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.
4. *Плотников А.В.* Проблемные аспекты защиты прав несовершеннолетних в условиях развития современного общества / А.В. Плотников, Г.Ф. Чекомарёв // Вестник МИЭП. 2016. № 3(24). С. 108–113.
5. *Чернобровкин Н.С.* Некоторые вопросы правосубъектности несовершеннолетнего при составлении завещания / Н.С. Чернобровкин, Г.Ф. Чекомарёв // Вестник МИЭП. 2016. № 3(24). С. 84–87.
6. *Рабец А.М.* Еще раз о наследственной правосубъектности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 1(42). С. 114–121.

Literature:

1. Family code of the Russian Federation from 29.12.1995 № 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16.
2. *Bukhina S.V.* The legal Personality of minors: the need for reform of the civil legislation // Actual problems of Russian law. 2015. № 5. P. 64–68.
3. *Chernyakova S.A.* Invalidity of transactions on illegal subject composition and its consequences under Russian civil law : autoref. dis. ... cand. the faculty of law. sciences'. M., 2006. 25 p.
4. *Plotnikov A.V.* Problematic aspects of the protection of minors in conditions of development of modern society / A.V. Plotnikov, G.F. Chekmarev // Bulletin of the MIEP. 2016. № 3(24). P. 108–113.
5. *Chernobrovkin N.S.* Some questions of legal personality of a minor when making a will / N.S. Chernobrovkin, G.F. Chekmarev // Vestnik MIEP. 2016. № 3 (24). С. 84–87.
6. *Rabec A.M.* Once again about the hereditary capacity of minors in the Russian Federation // Herald of Omsk state University. Series. Right. 2015. № 1(42). P. 114–121.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Бадмаев Очир Михайлович
студент,
факультет финансовых рынков
им. профессора В.С. Геращенко,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Badmaev.Ochir923@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ МСФО В РОССИЙСКОЙ УЧЕТНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Глобализация экономики, вынуждает российские предприятия идти на унификацию отчетной документации, без чего не возможно не только эффективное привлечение инвестиций, но и подчас затруднено освоение зарубежных рынков. Формирование финансовой отчетности российскими компаниями в соответствии с Международными стандартами дает предприятиям целый ряд преимуществ, однако внедрению международных стандартов финансовой отчетности в современных российских экономических реалиях сопряжено с рядом трудностей.

Настоящая статья анализирует основные преимущества и проблемы, которые получают российские юридические лица при составлении отчетности согласно принятым Международным стандартам.

Ключевые слова: МСФО, бухгалтерский учет, отчетность, перспективы, проблемы, состояние.

Внедрение в российскую практику международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) является приоритетным направлением системной трансформации национального бухгалтерского учета. В частности, с 2004 года согласно требованиям Российского Центробанка все кредитные организации обязаны составлять отчетность по стандартам МСФО, а с 2011 года данные нормативы были одобрены для большинства экономических субъектов – резидентов Российской Федерации.

Действие МФСО на территории России узаконено постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2011 г. № 107, утвердившим «Положение о признании Международных стандартов финансовой отчетности», а также Федеральным законом № 208-ФЗ от 27 июля 2010 г. «О консолидированной финансовой отчетности».

Согласно упомянутым документам, применение МФСО обязательно лишь в случае формирования консолидированной финансовой отчетности, а в качестве обязанности предоставление консолидированной финансовой отчетности в формате МСФО возложено на кредитные, страховые и иные организации, ценные бумаги которых допущены к обращению на организованных торгах [1]. Иными словами, за большинством российских

Ochir M. Badmaev
Student,
Faculty of the Financial markets
named after Professor V.S. Gerashchenko,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Badmaev.Ochir923@yandex.ru

IFRS ISSUES IN RUSSIAN ACCOUNTING PRACTICE

Annotation. Globalization of economy, forces the Russian enterprises to go for standardization of reporting documentation without what not only effective attraction of investments is not possible, but also development of the foreign markets is sometimes complicated. Formation of financial statements by the Russian companies according to the International standards gives to the enterprises a number of advantages, however to introduction of International Financial Reporting Standards in modern Russian economic realities is accompanied by a number of difficulties.

The present article analyzes the main advantages and problems which are got by the Russian legal entities by drawing up the reporting according to the adopted International standards.

Keywords: IFRS, accounting, reporting, prospects, problems, status.

юридических лиц сохраняется обязанность предоставлять бухгалтерскую отчетность по внутрироссийским стандартам Положения по ведению бухгалтерского учета и отчетности (ПБУ).

Необходимо отметить, что вносимые в данный документ изменения, постепенно сближают его требования с требованиями нормативов МСФО. В частности, ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» практически полностью идентичны содержанию МСФО 37 «Резервы, условные обязательства и условные активы».

Постепенное приближение нормативов российских ПБУ к аналогичным требованиям МСФО является необходимым условием преобразования системы отечественного бухгалтерского учета в систему, отвечающую Международным стандартам, а также концепции развития бухгалтерского учета и отчетности на среднесрочную перспективу [2].

Безусловно, разработка и внедрение национальных стандартов соответствующих основным нормативам МСФО позволит не только повысить качество бухгалтерских данных, но и обеспечит сопоставимость бухгалтерской отчетности, выполненной по российским стандартам с бухгалтерс-

кими данными иностранных экономических субъектов, что необходимо для обеспечения эффективного взаимодействия с ними.

В настоящее время в России действуют 24 Положения по бухгалтерскому учету, большинство из которых имеет существенные отличия от отчетности МСФО. Тем не менее, посредством внесения изменений данные стандарты пытаются приблизить к международным [3].

Как показывает анализ правовой базы, основные отличия российской системы бухгалтерского учета от МСФО на сегодняшний день заключаются в следующих принципиальных моментах:

- 1) Переход от концепции исторической стоимости к концепции справедливой стоимости, поскольку отображающая в себе информацию о финансовом положении компании справедливая стоимость, является более информативным показателем.
- 2) Приоритет баланса по сравнению с отчетом о финансовых результатах, поскольку балансовые показатели позволяют определить рост капитала компании в целом.
- 3) Замена концепции права собственности концепцией контроля права собственности (бенефициарности).
- 4) Переход от отражения имущества к признанию ресурсов, от брутто оценок к нетто оценкам,

Литература:

1. *Лаврова Л.О.* Проблемы реализации принципов МСФО в положениях по бухгалтерскому учету (ПБУ) и в российской учетной практике // Матрица научного познания. 2019. № 4. С. 115–119.
2. Концепция бухгалтерского учёта в рыночной экономике России. Одобрена Методологическим советом по бухгалтерскому учёту при Минфине РФ и Президентским советом ИПБ России 29 декабря 1997 г.
3. Государственная программа перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учёта и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики (утв. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 октября 1992 г. № 3708-1).

т.к. наиболее приемлемой оценкой ресурсов является все же оценка после очищения от регулирующих статей, поскольку в данном случае отображается выгода от них.

Именно перечисленные отличия МСФО от российских стандартов не реализованы до конца. Кроме того, ряд основополагающих принципов российской концепции бухгалтерского учета, зачастую не находят отражение в практической деятельности. В частности российский бухгалтер отражает хозяйственную операцию в учете только при наличии подтверждающего первичного документа, хотя принцип начисления требует признания расходов в том периоде, в котором они произведены.

Таким образом, можно констатировать, что до настоящего времени предпринимаемые попытки пока не привели к унификации российских национальных стандартов бухгалтерского учета к международным. Существенные искажения сохраняются и в части оценки активов и обязательств. В российской практике применяется метод исторической стоимости, а МСФО – оценки по справедливой стоимости.

Иными словами, международные стандарты финансовой отчетности сегодня по-прежнему остаются основным ориентиром дальнейшей трансформации национальной системы бухгалтерского учета.

Literature:

1. *Lavrov L.O.* Problems of Implementation of IFRS Principles in Accounting Regulations (PBU) and in Russian Accounting Practice // Matrix of Scientific Knowledge. 2019. № 4. P. 115–119.
2. Accounting concept in the Russian market economy. Approved by the Methodological Board on Accounting under the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Presidential Council of the Russian Federal Tax Service on December 29, 1997.
3. The state program of transition of the Russian Federation to the system of accounting and statistics adopted in international practice in accordance with the requirements of the development of the market economy (Ed. Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation № 3708-1 of 23 October 1992).

Баляев Наран Джангарович
студент,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
balyaev1003@gmail.com

ВНУТРЕННИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Система государственного финансового контроля отражает развитие государства в целом, так как включает в себя лучшие знания. Государственный финансовый контроль в связи с этим постоянно изменяется, что мы можем увидеть в истории его развития. Последние изменения законодательства в сфере государственного финансового контроля призваны решить задачи, стоявшие перед этой системой в последнее время. Необходимо установить, какие изменения по влекнут за собой нововведения. Развитие системы не должно останавливаться. Проблемы, выделенные в статье, выражают подтверждают необходимость дальнейшего прогресса государственного финансового контроля.

Ключевые слова: внутренний государственный финансовый контроль, федеральное казначейство, изменения, проблемы.

Введение. Российская система государственного финансового контроля постоянно переживает определенные изменения в связи с развитием, изменением общественных отношений, технологической оснащенности общества. Внутренний государственный финансовый контроль так же претерпевает изменения, последние из которых мы можем наблюдать в новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации. Государственный финансовый контроль – хорошо изученная тема, по которой было написано множество научных статей.

Цель данного исследования – оценить последние изменения в области внутреннего государственного финансового контроля и выявить направления для дальнейшего развития данной системы.

Основная часть. История внутреннего государственного финансового контроля позволяет нам говорить о том, что данный вид контроля претерпел множество изменений за время своего существования. Начало ему было положено в «Русской правде». Тогда русский князь осуществлял контроль и учёт денежных потоков. Российская система контроля и учёта считалась отстающей в то время на пару веков от европейских примеров. XIX век является периодом реорганизацией внутреннего государственного финансового контроля. Была изменена система исполни-

Naran D. Balyaev
Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
balyaev1003@gmail.com

INTERNAL STATE FINANCIAL CONTROL: THE NEED FOR DEVELOPMENT

Annotation. The system of public financial control reflects the development of the state as a whole, as it includes the best knowledge. In this regard, public financial control is constantly changing, which we can see in the history of its development. Recent changes in legislation in the field of public financial control are designed to solve the problems faced by this system in recent times. It is necessary to establish what changes entail innovations. System development should not stop. The problems highlighted in the article express support the need for further progress in public financial control.

Keywords: Inner public financial control, federal treasury department, changes, problems.

тельных органов власти, появилась функция государственного контролёра. Во второй половине XIX века развивался бухгалтерский учёт, а систематизация бухгалтерского учёта и его развитие стали функцией внутреннего государственного финансового контроля. В дальнейшем важные изменения происходили в XX веке: на передний план вышел внешний контроль с его результативностью, эффективностью, а внутренний контроль существовал как его часть. В рамках системы централизованного управления экономикой развит был внутривоздушный контроль, представленный контролем на уровне организаций, и важную роль играли главные бухгалтеры. 90-е годы прошлого столетия сильно изменили сферу государственного финансового контроля. Главная черта того периода – становление системы внутреннего государственного финансового контроля в соответствии с требованиями рыночной экономики. И несмотря на то, что наша система контроля отставала от Европейских стран, на данный момент можно говорить о том, что контроль достиг хороших темпов развития, и дальнейший прогресс не должен отставать от общемировых тенденций [10]. Изменения в этой сфере происходят и по сей день, что мы можем отследить в законодательстве. Так, значительные изменения произошли в Бюджетном кодексе Российской Федерации

Основы внутреннего государственного финансового контроля (далее – ГФК) заложены в одном из основополагающих федеральных законов государства – №145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998. Раздел 9 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) «Государственный (муниципальный) финансовый контроль» раскрывает информацию о видах, объектах, методах осуществления государственного (муниципального) финансового контроля (далее – Г(М)ФК) а также о полномочиях органов Г(М)ФК и других вопросах [2].

БК РФ не является неизменной структурой, и изменения в него могут вноситься по несколько раз за один год. На данный момент действующей версией является редакция №109, и уже 01.01.2020 года в действие вступит редакция №110, а сам БК РФ действует с 31 июля 1998 года. Изменения, безусловно, затрагивают многие аспекты БК РФ, не исключением в данной ситуации стал и Г(М)ФК. Буквально год назад Раздел 9, посвящённый Г(М)ФК выглядел в некоторых отрезках существенно иначе.

Если идти по порядку, то первым изменением является новая трактовка Г(М)ФК в статье 265 БК РФ. В предыдущей версии Г(М)ФК осуществлялся «в целях обеспечения соблюдения бюджетного законодательства и НПА, регулирующих бюджетные правоотношения». Причинами изменений стали ограниченность контроля только за бюджетным законодательством, а также то, что термин «нормативные правовые акты» не охватывает муниципальные правовые акты и распорядительные акты Правительства РФ. В новой трактовке Г(М)ФК осуществляется для обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, актов, связанных с публичными нормативными обязательствами и иными выплатами физическим лицам, условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров о предоставлении средств из бюджета.

Статья 266.1 посвящена объектам Г(М)ФК. В данной статье исключен первый абзац пункта 2 и добавлен пункт 2.1. Пункт 2.1. призван решить недостаток предыдущих версий БК РФ, в которых не были разграничены полномочия по Г(М)ФК в отношении межбюджетных трансфертов. Теперь данные полномочия чётко разграничены, и для каждого контрольного органа определены конкретные объекты и предметы контроля при осуществлении Г(М)ФК в отношении межбюджетных трансфертов.

Изменён статус такой операции как санкционирование операций. До действующей редакции санкционирование операций упоминалось в БК РФ в нескольких местах в разных ролях: в статье 219 санкционирование операций является одной из процедур в рамках исполнения бюджета по расходам, в статье 267.1 санкционирование операций определено как метод Г(М)ФК. В действующей редакции данная операция исключена из методов Г(М)ФК. Данное изменение обуславливает собой следующее: утратила силу статья 269.1 БК РФ, посвящённая полномочиям органов

внутреннего Г(М)ФК по осуществлению внутреннего Г(М)ФК при санкционировании операций.

В связи с изменением перечня актов, для обеспечения соблюдения которых осуществляется Г(М)ФК, изменению и уточнению подверглись статьи 268.1 и 269.2, посвящённые полномочиям органов Г(М)ФК по осуществлению контроля. Органы внутреннего Г(М)ФК получили полномочия по контролю в сфере закупок. Также в статье 269.2 дополнен пункт 2 абзацами следующего характера: органы Г(М)ФК могут получать необходимый постоянный доступ к государственным и муниципальным информационным системам, а также органами Г(М)ФК направляются в суд иски о признании осуществлённых закупок товаров, работ, услуг недействительными.

Изменения произошли и в части, посвящённой представлениям и предписаниям органов Г(М)ФК – статья 270.2 БК РФ. В старой редакции БК РФ были следующие недостатки, обусловившие изменения:

– представления и предписания имеют схожее содержание, в том числе и требования по возврату средств в бюджет

– нет возможности последовательного изменения объектом контроля требований органов контроля.

В новой редакции представления и предписания чётко разграничены: представление – устранение бюджетного нарушения и (или) его причин и условий, предписание – возмещение ущерба публично-правовому образованию.

Также нужно отметить, что теперь предоставлена возможность последовательного выполнения требования органов контроля: сначала устраняется нарушение, если не устраняется, то возмещение ущерба.

Органу внутреннего Г(М)ФК в данном направлении дана возможность однократного продления срока исполнения представления при обращении объекта контроля.

Следующим изменением, заслуживающим внимания, является изменение понятия «бюджетное нарушение». В новой редакции данный термин раскрывается другим способом. БК РФ относит к бюджетным нарушениям все нарушения, которые оказывают негативное влияние на составление, исполнение бюджетов и ведение учёта и отчётности, совершаемые участниками бюджетного процесса, заказчиками, в том числе нарушения процедур планирования закупок и исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Такое изменение было обусловлено необходимостью единых подходов к оформлению представлений, предписаний органами Г(М)ФК вне зависимости от видов нарушений, влекущих неправомерные расходы организаций бюджетной сферы, в том числе нарушения процедур планирования закупок и исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Следующее изменение вступит в силу с 1 июля 2020 года. В соответствии с ним внутренний

государственный, муниципальный финансовый контроль будет осуществляться в соответствии с федеральными стандартами, утвержденными Правительством Российской Федерации.

В случаях, предусмотренных федеральными стандартами, органы внутреннего государственного, муниципального финансового контроля могут издавать ведомственные правовые акты (стандарты).

Сделано это в целях создания единых подходов к организации и проведению проверок на территории всей Российской Федерации, как это было сделано в прошлом году по проверкам в сфере закупок[5].

Изменения в области ГФК не перестанут происходить и в ближайшее время. Развитие общества, соответственно, и развитие системы государственных финансов обуславливает новые аспекты деятельности для субъектов ГФК. Так, например, раньше полномочия по Г(М)ФК в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд обходили стороной сферу внутреннего Г(М)ФК. На этом не заканчиваются необходимые реформы: полноценно не решены вопросы дублирования контрольной деятельности органов ГФК, взаимодействия их с ведомственными системами ВФА[6].

Деятельность органов ГФК и ведомственных структур ВФА должна быть направлена на взаимодействие. Это позволит построить системную работу органов контроля, в которой они смогут в большей степени опираться на результаты, полученные в ходе реализации ВФА в объекте контроля. Изначально именно этими структурами должны проводиться мероприятия по предупреждению негативных событий.

Так же в вопросах внутреннего Г(М)ФК можно выделить и другой недостаток: недостаточно эффективная система предварительного контроля [7].

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (редакция № 97 от 25.12.2018, недействующая).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (редакция № 109 от 27.12.2018, действует с 01.01.2020).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (редакция № 110 от 27.12.2019, вступит в действие 01.07.2020).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
5. *Северюхин А.А.* Основные изменения законодательства в сфере государственного (муниципального) финансового контроля. Министерство финансов Удмуртской области. 2019.

Если не брать во внимание сферу закупок, то можно сказать о том, что большинство контрольных мероприятий относятся к последующему контролю. Таким образом, органы Г(М)ФК проверяют уже прошедшие, завершённые периоды. Такой формат организации Г(М)ФК приводит к тому, что выявляются нарушения несвоевременно. Проблема в том, что устранить последствия таких нарушений или сами нарушения очень затруднительно.

Технологическое развитие общества обуславливает введение в повседневную жизнь финансовых операций, в которых человек не принимает участие. С данным вопросом сейчас связаны основные размышления в области информационной безопасности. Для финансового контроля эксперты выделяют несколько тенденций развития в соответствии с нынешним временем: искусственный интеллект, кибербезопасность и BigData (огромные массивы данных, обрабатываемые программными инструментами и инновационными системами управления базами данных).

Цифровизация обуславливает новые задачи перед внутренним ГФК, например, обеспечение взаимодействия в полной степени в электронном формате. Это приведет к совершенствованию системы благодаря устранению барьеров между органом и объектом контроля [8].

Заключение. Государственный финансовый контроль – одна из наиболее развивающихся сфер государства. Так, например, Федеральное казначейство и Счётная палата во многих проявлениях считаются передовыми организациями, к уровню оснащённости которых должны стремиться остальные органы контроля. Изменения происходят довольно часто, и из данной статьи мы видим, что многие из них могут решать серьёзные вопросы как в области методологического обеспечения деятельности, так и с точки зрения разделения сфер контроля. Несмотря на это, система ГФК должна развиваться постоянно, и выделенные недостатки подтверждают это.

Literature:

1. The budget code of the Russian Federation of July 31, 1998 № 145-ФЗ (version № 97 of December 25, 2018, invalid).
2. The budget code of the Russian Federation of July 31, 1998 № 145-ФЗ (version № 109 of December 27, 2018, valid from 01.01.2020).
3. The budget code of the Russian Federation of July 31, 1998 № 145-ФЗ (version № 110 of December 27, 2019, will enter into force on July 1, 2020).
4. Code of the Russian Federation on administrative offenses of December 30, 2001 № 195-ФЗ.
5. *Severyukhin A.A.* Major changes in legislation in the field of state (municipal) financial control. Ministry of Finance of the Udmurt Region. 2019.

6. *Николаенко Е.С.* Правовые основы осуществления внутреннего государственного финансового контроля // Право, история, педагогика и современность. 2020. С. 103–108
7. *Якушина Т.А.* Повышение эффективности внутреннего государственного финансового контроля как фактор оптимизации бюджетной политики государства // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 23. С. 41–49
8. *Расчесова Е.В.* Внутренний государственный финансовый контроль в условиях цифровизации экономики / Е.В. Расчесова, С.Ю. Сивакова // Управление региональным развитием: проблемы, возможности, перспективы развития. 2018. С. 434–439
9. *Дик. Е.П.* Сущность внешнего и внутреннего государственного финансового контроля в России // Эффективное государственное управление и аудит эффективности. 2019. С. 125–134
10. *Любарец Е.В.* Развитие внутреннего финансового контроля в России // ActualScience. 2016. № 11. С. 346–347.
6. *Nikolaenko E.S.* The legal basis for the implementation of internal state financial control // Law, history, pedagogy and modernity. 2020. P. 103–108
7. *Yakushina T.A.* Improving the effectiveness of internal state financial control as a factor in optimizing the state budget policy // State and municipal management in the XXI century: theory, methodology, practice. 2016. № 23. P. 41–49
8. *Raschesova E.V.* Internal state financial control in the context of the digitalization of the economy / E.V. Raschesova, S.Yu. Sivakova // Regional development management: problems, opportunities, development prospects. 2018. P. 434–439
9. *Dick. E.P.* The essence of external and internal state financial control in Russia // Effective public administration and performance audit. 2019. P. 125–134
10. *Lyubarets E.V.* Development of internal financial control in Russia // ActualScience. 2016. № 11. P. 346–347.

Волков Максим Александрович
студент 3 курса аспирантуры,
направление бухгалтерского учёта
и статистики,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
volkovma1994@yandex.ru

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ВЕЛИЧИНЫ ОПТИМАЛЬНОЙ ДОЛГОВОЙ НАГРУЗКИ КОМПАНИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются концептуальные и методические аспекты анализа долговой нагрузки компании. В частности, была рассмотрена существующая классификация подходов к расчёту показателя оптимальной долговой нагрузки, дана сравнительная характеристика, выделены преимущества и недостатки каждой группы подходов. На основе имеющегося методического инструментария, а также, с учётом имеющейся практики использования отдельных подходов в отрасли, была предложена методика расчёта фундаментального значения показателя «Долг/ЕБИТДА», даны рекомендации по интеграции техник имитационного моделирования для целей дальнейшего уточнения оптимальной и максимальной долговой нагрузки.

Ключевые слова: долговая нагрузка, оптимальная долговая нагрузка, Долг/ЕБИТДА, модель оптимальной долговой нагрузки, кредитные ковенанты.

Показатель оптимальной долговой нагрузки компании является одной из ключевых категорий, используемых инвестиционными, кредитными и финансовыми аналитиками. Данный показатель весьма популярен в сделках слияний-поглощений, в том числе, в тех сделках, которые предполагают использование финансового рычага для финансирования приобретения компаний (англ. «Leveraged buyouts», «LBO») [8]. Величина потенциальной долговой нагрузки также используется кредитными аналитиками в процессе определения кредитного лимита на потенциального заёмщика, проработки условий кредитного продукта, определения параметров реструктуризации обязательств, либо в процессе установления и анализа кредитных ковенант. Помимо корпоративных клиентов, показатель долговой нагрузки также был введен в 2019 году для оценки физических лиц при выдаче потребительских кредитов [7].

Целью настоящей работы является анализ существующих подходов к оценке долговой нагрузки компании, а также – предложение аналитической модели расчета оптимальной и максимальной долговой нагрузки компании.

Maksim A. Volkov
Student of 3 years of Postgraduate studies,
Direction of Accounting and Statistics,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
volkovma1994@yandex.ru

ANALYTICAL MODEL OF COMPANY DEBT CAPACITY EVALUATION

Annotation. Current article reviews existing concepts and methods of optimal debt capacity evaluation. In particular, a number of existing approaches has been examined, key pros and cons of each approach has been outlined. By utilizing existing approaches and by making additional amendments, a calculation method of fundamental value for Debt/EBITDA ratio has been introduced. Also, imitation modeling techniques has been proposed to be applied in order to better account for existing risk while evaluation debt capacity.

Keywords: debt capacity, optimal debt capacity, Debt/EBITDA, fundamental Debt/EBITDA, credit ratios.

Существует значительное количество подходов к оценке величины оптимальной (и максимальной) долговой нагрузки, которые можно классифицировать в две группы, исходя из критерия оптимальности [5]:

1. Подходы, где критерий оптимальности – максимизация стоимости бизнеса [2].
2. Подходы, где критерием оптимальности является минимизация риска банкротства [4].

В зависимости от концептуальной основы подхода – теории статического компромисса (англ. «Static trade-off theory») или теории скорректированной приведенной стоимости (англ. «Adjusted present value»), первая группа подходов ставит целью минимизацию показателя средневзвешенной стоимости капитала (англ. «Weighted average cost of capital», «WACC») с тем, чтобы максимизировать совокупную фундаментальную стоимость бизнеса (англ. «Enterprise value», «EV»). Уровень долговых обязательств, при котором достигается данная цель, является оптимальным. Безусловно, указанные подходы являются фундаментально верными с точки зрения цели организации – максимизации стоимости.

Подходы, направленные на максимизацию фундаментальной стоимости бизнеса, зачастую используются с целью определения долгосрочной оптимальной величины финансового рычага («D/E»). Так, в краткосрочной перспективе, компания может отклоняться от оптимального соотношения D/E, что может быть обусловлено потребностью финансирования каких-либо единоразовых затрат (капитальных затрат, проектных работ, резкого дефицита оборотного капитала) и дефицитом собственных средств у акционера или участника. Кроме того, кредитор заинтересован в возвратности кредита, а не в максимизации стоимости бизнеса заёмщика, что обуславливает слабую популярность данной группы методов среди кредитных аналитиков.

Ввиду указанных причин, а также, ввиду низкого уровня интеграции управления, ориентированного на прирост стоимости [6], зачастую используются подходы, ориентированные на минимизацию риска дефолта. Данная группа подходов предполагает минимизацию риска дефолта, то есть событие, в результате которого заёмщик будет не в состоянии выполнить платеж по обслуживанию основного долга или процентов. В рамках данного подхода выделяют методы волатильности EBIT и модель анализа EBIT-EPS [5]. Концептуальная основа данных методов заключается в сопоставлении показателя EBIT с требуемой для обслуживания кредитного обязательства суммой, а также, в предпосылке нормального распределения показателя EBIT и определении уровня доверия, расчёта оптимальной долговой нагрузки.

К преимуществам данного метода следует отнести соответствие краткосрочным целям, а также, гибкость, с точки зрения возможности корректировки уровня доверия и, таким образом, поиск не оптимального, а максимального уровня долговой нагрузки. К недостаткам данной группы можно отнести предпосылку нормального распределения тех или иных показателей, а также, зачастую, использование метрик, отличных от денежного потока. К примеру, в методе волатильности EBIT в качестве оптимизационной функции используется следующее:

$$EBIT_t < DP_t \quad (1)$$

где DP_t – процентные платежи и часть основного долга, подлежащая уплате в период t .

Следует отметить, что операционная прибыль не является источником обслуживания долга. Источником обслуживания долга является показатель **денежного потока**, доступного для обслуживания долга («CFADS»). Посредством корректировки данной модели, представляется возможным построить функцию, наиболее полно отвечающую цели избежания события дефолта.

$$CFADS_t = EBIT_t + DA_t - Tax_t - NWC\ change_t - Capex_t + CR_t \quad (2)$$

где DA_t – начисленная амортизация за период t ,

Tax_t – налог на прибыль за период t ,

$NWC\ change_t$ – изменение ЧПК за период t ,

$Capex_t$ – капитальные затраты за период t ,

CR_t – сальдо денежных средств на начало за вычетом необходимого резерва денежных средств на конец периода t .

Показатели CFADS и FCFF (свободный денежный поток, доступный для кредиторов и акционеров) могут использоваться взаимозаменяемо в случае, если остаток и требуемый резерв денежных средств равен 0.

В данной связи предпосылка о нормальном распределении компонент показателя CFADS может быть скорректирована посредством уточнения формы и параметров распределения компонент. В целом, данный подход приведет к невозможности применения функциональной формы (6), указанной в [4], однако, точность и глубина анализа значительно возрастет. При использовании предлагаемых корректировок целесообразно прибегнуть к инструментам имитационного моделирования, которые позволяют оценить величину максимальной долговой нагрузки при различных сценариях.

На практике широко распространены методы, предполагающие использование нормативных значений ковенант для расчёта допустимой долговой нагрузки. В зависимости от вида бизнеса и объема залоговой массы, рассчитываются показатели «Долг/EBITDA», «DSCR» (отношение EBITDA к величине процентов и сумме платежей по основному долгу), «ICR» (отношение EBIT к величине процентов) и иные. При этом используются среднеотраслевые значения данных показателей для сопоставимых компаний.

Для расчёта фундаментально-обоснованных значений указанных индикаторов можно использовать одну из указанных функций для оптимизации: максимизацию стоимости бизнеса для выявления долгосрочного оптимального/максимального уровня долга, либо минимизацию риска дефолта для выявления краткосрочного оптимального/максимального уровня долга.

Далее приведен пример функциональной формы расчёта фундаментально-обоснованного значения показателя «Долг/EBITDA».

Максимальный уровень долговой нагрузки в краткосрочном периоде – это такое соотношение «Долг/EBITDA», при котором риск дефолта находится на максимально-приемлемом уровне. То есть, вероятность того, что денежный поток, доступный для обслуживания долга (формула 2), будет больше или равен платежу по процентам и основному долгу, должна быть выше заданного уровня надежности (по аналогии с методом волатильности EBIT).

Величина платежа по обслуживанию долга является производной величиной от параметров кредитного продукта, к которым можно отнести параметры срочности (дюрация и срок кредитного продукта), платности (процентная ставка и комиссии)

и возвратности (установленный график обслуживания долга). При этом параметры кредитного продукта, как правило, учитывают бизнес-модель и, как следствие, величину свободного денежного потока заёмщика.

Для целей настоящего исследования была принята предпосылка, что денежный поток, доступный для обслуживания бизнеса, нормализован: его значение представляет собой одинаковую величину из года в год. При этом рост денежного потока может быть отдельно задан величиной g . Данная предпосылка соответствует большинству бизнес-моделей, которая предполагает принцип непрерывности деятельности. Исключения могут составлять компании, предполагающие выполнение каких-либо проектов (строительство объектов, выполнение контрактных работ, разработка месторождения и т.д.).

С точки зрения графика обслуживания долга, с учётом нормализованного значения денежного потока, была принята предпосылка об аннуитетном графике платежей. В случае, если денежный поток крайне волатилен или, если речь идет о проектном финансировании, для расчёта оптимальной долговой нагрузки и графика обслуживания долга целесообразен подход «Cash-sweep» [1].

Согласно формуле аннуитетного платежа:

$$A = K * S \quad (3)$$

где A – сумма аннуитетного платежа, S – сумма долга, K – коэффициент аннуитета.

В свою очередь,

$$K = \frac{i*(1+i)^n}{(1+i)^n - 1} \quad (4)$$

Заменив сумму аннуитетного платежа на FCFF, сумма кредита, при которой денежных средств заёмщика будет достаточно для обслуживания, будет рассчитываться по формуле:

$$S = \frac{(1+i)^n - 1}{i*(1+i)^n} * FCFF \quad (5)$$

Заменим показатель FCFF показателем EBITDA, а также введем параметры, отражающие риск изменения того или иного показателя:

$$S = \frac{(1+i)^n - 1}{i*(1+i)^n} * EBITDA * V_{EBITDA} * O * K_{EBITDA \text{ to } FCFF} * V_k \quad (6)$$

где $K_{EBITDA \text{ to } FCFF}$ – коэффициент конверсии показателя EBITDA в показатель FCFF, широко используемый в сфере инвестиционного анализа и оценки,

V_{EBITDA} – мультипликатор, отражающий требуемый уровень надежности показателя EBITDA,

V_k – мультипликатор, отражающий требуемый уровень надежности показателя

$$K_{EBITDA \text{ to } FCFF},$$

O – коэффициент оптимальности, отражающий долю денежного потока, направляемую на обслуживание долга.

Мультипликаторы, отражающие уровень надежности, отражают множитель значения показателя, произведения с которым соответствует требуемому уровню надежности. К примеру, если в случае нормального распределения показателя EBITDA наиболее вероятное значение равно 100 у.е. и с вероятностью 5 % значение EBITDA будет 95 и менее, значение мультипликатора равно 0,95. Значение мультипликатора будет зависеть от вида и параметров распределения величин. На практике, в отсутствие допущения о нормальном распределении, поиск данных мультипликаторов возможен посредством имитационного моделирования.

Коэффициент O отражает критерий, обеспечивающий оптимальную долговую нагрузку с точки зрения возможности максимизации стоимости компании. В случае, если для целей поддержания оптимальной структуры капитала с точки зрения максимизации стоимости, не все 100 % денежного потока должны направляться в обслуживание долга, коэффициент оптимальности примет значение меньше 1.

Для получения функциональной формулы показателя «Долг/EBITDA», разделим обе части уравнения на показатель EBITDA:

$$\frac{\text{Долг}}{EBITDA} = \frac{(1+i)^n - 1}{i*(1+i)^n} * K_{EBITDA \text{ to } FCFF} \quad (7)$$

Или, с учётом факторов-поправок на риск:

$$\frac{\text{Долг}}{EBITDA} = \frac{(1+i)^n - 1}{i*(1+i)^n} * K_{EBITDA \text{ to } FCFF} * V_{EBITDA} * O * V_k \quad (8)$$

Предположим, что процентная ставка по кредитному продукту равна не менее 10%, срок кредитного продукта – 7 лет, а коэффициент конверсии EBITDA в FCFF равен 0,75, график погашения кредита – ежегодный аннуитетный. В таком случае фундаментальное значение показателя Долг/EBITDA равно:

$$\frac{\text{Долг}}{EBITDA} = \frac{(1+10\%)^7 - 1}{10\%*(1+10\%)^7} * 0,75 = 3,65 \quad (9)$$

При комбинировании указанного подхода с инструментарием имитационного моделирования, возможно более точное моделирование отклонений в показателе EBITDA и $K_{EBITDA \text{ to } FCFF}$, что позволит определить диапазон, а не дискретное значение оптимальной и максимальной долговой нагрузки.

В настоящей работе был предложен подход к расчёту фундаментального значения показателя Долг/ЕБИТДА, позволяющий совместить подходы, основанные на концепции максимизации стоимости бизнеса, а также подходы, основанные на минимизации риска дефолта. Предложенный подход может также предполагать этап имитацион-

ного моделирования для более полноценного анализа возможных рисков и консервативной оценки долговой нагрузки. Подход может быть использован как в целях кредитного анализа, так и при анализе сделок LBO для обоснования инвестиционных и финансовых решений.

Литература:

1. *Волков М.А.* Аналитическая модель оптимального графика обслуживания долга // *Инновации и инвестиции*. 2020. №1. С. 310–316.
2. *Дамодаран А.* Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов / Асват Дамодаран. М. : Альпина Паблицер, 2014. 1320 с.
3. *Ефимова О.В.* Интеграция аспектов устойчивого развития в процесс обоснования инвестиционных решений // *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. № 1(472). С. 48–65.
4. *Задорожная А.Н.* Оптимальная долговая нагрузка: сравнение модели WACC и метода волатильности ЕБИТ // *Инновационная экономика и общество*. 2014. № 4(6). С. 45–54.
5. *Задорожная А.Н.* Порядок определения долговой нагрузки компании // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2014. № 48(234). С. 39–50.
6. *Когденко В.Г.* Управление стоимостью компании / В.Г. Когденко, М.В. Мельник. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 447 с.
7. Российских заёмщиков стали оценивать по долговой нагрузке. URL : <https://www.rbc.ru/finances/01/10/2019/5d91fbb89a794726403485af> (дата обращения 20.01.2020).
8. *Brinkhuis S.* What Drives Leverage in Leveraged Buyouts? An Analysis of European LBOs' Capital Structure / S. Brinkhuis, W.D. Maeseneire. Wiley, 2009. P. 48.
9. *Stowe J.D.* CFA Level 2 Curriculum (Book 3: Corporate finance)/J.D. Stowe, J.R. Gagne, R. Agarwal, P. Drake, A. Kobor, G. Noronha, G.H. Troughton. Charlottesville, USA : Wiley, 2015. P. 310.

Literature:

1. *Volkov M.A.* Analytical model of optimal debt service schedule // *Innovacii i investicii*. 2020. № 1. P. 310–316.
2. *Damodaran A.* Investment valuation / Aswath Damodaran. M. : Alpina Publisher, 2014. 1320 p.
3. *Efimova O.V.* Integrating the aspects of sustainable development into the investment decision validation process // *Economic analysis: Theory and Practice*. 2018. № 1(472). P. 48–65.
4. *Zadorozhnaya A.N.* Optimal leverage: the comparison of WACC model and EBIT volatility method // *Innovative economy and society*. 2014. № 4(6). P. 45–54.
5. *Zadorozhnaya A.N.* Procedure for determining company's debt load // *Financial Analytics: Science and Experience*. 2014. № 48(234). P. 39–50.
6. *Kogdenko V.G.* Company value management / V.G. Kogdenko, M.V. Melnik. M. : Unity-Dana, 2018. P. 447.
7. Rossiyskih zaemshikov stali ocenivat po dolgovoy nagruzke. URL : <https://www.rbc.ru/finances/01/10/2019/5d91fbb89a794726403485af> (date of the address 20.01.2020).
8. *Brinkhuis S.* What Drives Leverage in Leveraged Buyouts? An Analysis of European LBOs' Capital Structure / S. Brinkhuis, W.D. Maeseneire. Wiley, 2009. P. 48.
9. *Stowe J.D.* CFA Level 2 Curriculum (Book 3: Corporate finance)/J.D. Stowe, J.R. Gagne, R. Agarwal, P. Drake, A. Kobor, G. Noronha, G.H. Troughton. Charlottesville, USA : Wiley, 2015. P. 310.

Галстян Диана Гагиковна
факультет финансы и кредит,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
galstyan.diana97@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Аннотация. Финансовое планирование и прогнозирование играют немаловажную роль в управлении государственными финансами. Одной из целей является обеспечение финансовыми ресурсами процесса воспроизводства на всех уровнях государства и его субъектов при реализации социальных и экономических задач. В статье рассмотрены вопросы финансового планирования и прогнозирования параметров федерального бюджета. Проведен сравнительный анализ фактических и плановых параметров федерального бюджета. Приведено макроэкономическое объяснение расхождений данных показателей. По результатам проведенных мною экономического анализа и официальных публикаций Министерства финансов о планировании и исполнении бюджета, показана роль финансового планирования и прогнозирования в управлении государственными и муниципальными финансами. Выявлены проблемы планирования бюджета.

Ключевые слова: федеральный бюджет, государственные финансы, финансовое планирование, финансовое прогнозирование.

Финансовое планирование и прогнозирование выполняют функции определения объема доходов, поступления, накоплений на уровне государства и его субъектов; определения объема использования финансовых ресурсов; определения эффективного и сбалансированного использования финансовых ресурсов; обеспечения финансовой устойчивости бюджетов всех уровней, предприятий; создания финансовых резервов для непредвиденных случаев [3]. Стоит разграничивать финансовое планирование и финансовое прогнозирование. Так, финансовое планирование представляет собой особую сферу плановой деятельности, обусловленная планомерным управлением финансовыми ресурсами. Разработка федерального бюджета необходима для решения социальных и экономических задач с минимальными финансовыми затратами. Также это должно осуществляться согласно нормам установленным законодательством России. Финансовое планирование составляется на 3 года: первый год – составление бюджета, второй и третий год – плановый период, который является неким индикатором реальных результатов,

Diana G. Galstyan
Faculty Finance and Credit
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
galstyan.diana97@gmail.com

SOME PROBLEMS OF FEDERAL BUDGET PLANNING

Annotation. Financial planning and forecasting plays an important role in public Finance management. One of the goals is to provide financial resources for the reproduction process at all levels of the state and its subjects in the implementation of social and economic tasks. The article deals with the issues of financial planning and forecasting of the Federal budget parameters. A comparative analysis of the actual and planned parameters of the Federal budget is carried out. The paper provides a macroeconomic explanation for the discrepancies in these indicators. Based on the results of my economic analysis and official publications of the Ministry of Finance on budget planning and execution, the role of financial planning and forecasting in the management of state and municipal finances is shown. Problems of budget planning were identified.

Keywords: federal budget, public finances, financial planning, financial forecasting.

заранее заявленной финансово-экономической политики [1].

А финансовое прогнозирование представляет собой исследование конкретных направлений развития государственных и муниципальных финансов. Финансовое прогнозирование позволяет выявить общую картину состояния финансовых ресурсов и потребности в них в долгосрочном периоде, также альтернативные пути для осуществления финансово-экономической деятельности и представляет собой первооснову для финансового планирования. Итак, планирование – это стратегия государства в финансовой системе, которая касается глобальных целей, в то время как прогнозирование является тактикой и решает прикладные задачи [4].

Как видно из вышеперечисленного, грамотное планирование и прогнозирование важно для устойчивого функционирования финансовой системы. На сегодняшний день существует множество документов, регулирующих финансовое планирование и прогнозирование (например,

«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ). Но тем не менее, системе финансового планирования и прогнозирования не хватает логической завершенности. Так, например, бюджетные отношения, и в частности, финансовое планирование и прогнозирование, регулируются законами, в которых наблюдается противоречие. В частности, после проведения реформы межбюджетных отношений, в бюджетном законодательстве наблюдается расхождение, то есть практика закрепления расходных обязательств за уровнем бюджетной системы требованиями Бюджетного кодекса РФ. Если проанализировать статью 85 Бюджетного Кодекса РФ, в котором говорится о том, что расходные обязательства РФ возникает только тогда, когда принимается закон или нормативно-правовой акт, и взять во внимание Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, который устанавливает расходные обязательства многих субъектов РФ. И тут возникает проблема в правильной трактовке данных положений.

Покажем на основе анализа плановых и фактических параметров федерального бюджета за 2019 год, влияние финансового планирования и прогнозирования на управление государственными и муниципальными финансами.

Плановые показатели параметров федерального бюджета на 2019 год: прогнозируемый общий объем доходов – 14844810911,9 тыс. рублей, общий объем расходов федерального бюджета – 15986976437,9 тыс. рублей, дефицит федерального бюджета –1142165526,0 тыс. рублей, верхний предел государственного внутреннего долга – 23788386,1 тыс. рублей, верхний предел государственного внешнего долга – 53,6 млрд долларов США [2].

Исполнение расходов федерального бюджета за первые 3 квартала 2019 года составило 12,05 трлн руб., или 62,9 % к уточненной бюджетной росписи, по сообщению от 11 октября Минфина, что является самым низким показателем расходования бюджетных средств с 2008 года. По данным Минфина профицит федерального бюджета в январе – сентябре составил 2,99 трлн руб., или 2,8 % прогнозного ВВП на 2019 год, по причине относительно низкого расходования, важно отметить, что данные без учета дополнительных нефтегазовых доходов (от превышения цены нефти \$41,6/барр.), которые составили 2,26 трлн руб. за 3 квартала, бюджет оставался профицитным.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.02.2016).
2. Федеральный закон от 05.12.17 № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 гг.».
3. *Куцури Г.Н.* Формирование параметров федерального бюджета с использованием

По оценкам Банка России «в первом полугодии бюджетная политика оказала сдерживающее влияние на динамику экономической активности», что отчасти было связано с более медленной, чем ожидалось, реализацией нацпроектов. Можно отметить, что после завершения периода бюджетной консолидации в 2018 году правительство с 2019 года уже перешло к «стимулирующей» бюджетной политике. По оценке Минфина, профицит бюджета по итогам 2019 года составит 0,6 % ВВП, а не 1,7 % ВВП, как ожидалось ранее.

По оценке Росстата, объем ВВП России за 2019 год, по первой оценке, составил в текущих ценах 109361,5 миллиарда рублей, индекс физического объема ВВП относительно 2018 года составил 101,3 %, индекс-дефлятор ВВП за 2019 год по отношению к ценам 2018 года составил 103,4 %.

Как видно из сравнения для сокращения доходов федерального бюджета необходимо точное финансовое планирование и прогнозирование, которое поможет в дальнейшем рационально и эффективно использовать финансовые ресурсы бюджетов. При правильном планировании финансовая система обеспечивается бесперебойным финансированием всех статей расходов.

Итак, управление государственными и муниципальными финансами – важный процесс, который представляет собой целенаправленное воздействие на финансовые отношения для выполнения главных функций государства. Финансовое планирование и прогнозирование, как одни из методов управления государственными и муниципальными финансами органами государственной власти и органами местного самоуправления, помогают оценить состав, объем и структуру финансовых ресурсов, и построить правильную финансовую политику, чтобы рационально и эффективно использовать имеющиеся ресурсы.

Также планирование и прогнозирование позволяют формировать, распределять, перераспределять финансовые ресурсы для устойчивой работы финансовой системы, и для эффективного решения социальных и экономических проблем. Таким образом, органы государственной власти и местного самоуправления воздействуют на государственные и муниципальные финансы, на финансово-экономические процессы, и в целом на микроэкономику и макроэкономику. Пути решения проблем планирования: усовершенствования правовой базы, уменьшение зависимости от внешних факторов.

Literature:

1. Budget code of the Russian Federation from 31.07.1998 №145-FZ (ed. From 15.02.2016).
2. Federal law № 362-FZ of 05.12.17 «On the Federal budget for 2018 and the planning period of 2019 and 2020».
3. *Kutsuri G.N.* Formation of parameters of the Federal budget using special methods to increase its

специальных методов повышения его устойчивости / Г.Н. Куцури, А.А. Левдонский // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-2 (69-2). С. 871–876.

4. *Подойницына А.Г.* Повышение эффективности механизмов управления средствами федерального бюджета // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 1. С. 60–65.

stability / G.N. Kutsuri, A.A. Levdonsky // Economics and entrepreneurship. 2016. № 4-2(69-2). P. 871–876.

4. *Podoynitsyna A.G.* Improving the effectiveness of mechanisms for managing Federal budget funds // Economy. Taxes. Pravo. 2015. № 1. P. 60–65.

Епифанов Иван Николаевич

магистр,
аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
(Финансовый университет),
департамент учета анализа и аудита
epifanov.in@mail.ru

Ivan N. Epifanov

Master,
Graduate student,
Financial University
at the Government
Russian Federation
(Financial university),
Department of Analysis and Audit Accounting
epifanov.in@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ
В КОНСОЛИДИРОВАННОЙ
ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ
ОБЪЕДИНЕНИЯ БИЗНЕСА**

**REFLECTED IN THE CONSOLIDATED
FINANCIAL STATEMENTS
BUSINESS COMBINATIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются современные требования к определению структуры интегрированной группы компаний. Финансовая отчетность этих компаний подлежит консолидации. Особое внимание уделяется использованию информации из консолидированной финансовой отчетности для усиления налогового контроля. Консолидированная финансовая отчетность дает возможность не только осуществлять налоговый контроль, но и анализировать финансовое положение, его изменения и результаты работы группы.

Annotation. The article considers modern requirements for determining the structure of an integrated group of companies. The financial statements of these companies are subject to consolidation. Special attention is paid to the use of information from consolidated financial statements to strengthen tax control. The consolidated financial statements make it possible not only to exercise tax control, but also to analyze the financial position, its changes and the results of the group's operations.

Ключевые слова: международные стандарты финансовой отчетности, консолидированная отчетность, контроль, власть над компанией, контролируемая компания, комбинированная отчетность, налоговый контроль.

Keywords: international financial reporting standards, consolidated reporting, control, power over the company, controlled company, combined reporting, tax control.

Интеграция компаний является принципиальным фактором развития современной экономики. В главном это соединено с желанием получить от деятельности встроенной группы компаний общий итог, который превышает сумму итогов некоторых компаний до их слияния.

находящейся в офшоре, то часть дохода (может быть, большая ее часть) быть может выведена из Российской Федерации в принципе.

Научная новизна изучаемой темы состоит в том, что анализируемые эталоны дают новое определение контроля, которое принято для всех типов компаний.

А также, отчетность субъектов, которые владеют денежной и налоговой отчетностью, даёт возможность одновременно перенести центр формирования дохода для задач налогообложения в одну из компаний группы, что влечет за собой утрату доходов в местные и главные бюджеты, являющиеся иными предприятиями группы.

Создаются условия для понижения издержек производства, транзакционных издержек, увеличения качества продукции и т.д. Но, когда компании находятся под общим контролем и потому взаимосвязаны в финансовом, но одновременно являются самостоятельными организациями, можно понизить общую налоговую нагрузку на интегрированную группу методом определенных манипуляций с трансфертными ценами, перераспределением издержек и иными мерами, которые не всегда находятся в правовом поле.

Если вы готовите организованную финансовую отчетность этой встроенной группы, изучая ее как единое юридическое лицо, а компании в составе группы-как ее структурные отделения, то информация по данной отчетности быть может применена не лишь для изучения денежного положения, его изменений и итогов работы группы, но и для налогового контроля.

Если с этой целью употребляются компании группы, зарегистрированные в организации,

Федеральным законом от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения

цен для целей налогообложения» [2] в Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) введены ст. 105.1–105.25 [1], которые определяют порядок контроля трансфертных цен. Для работников Федеральной налоговой службы мониторинг трансфертного ценообразования является среди наиболее трудозатратных направлений работы, в связи с тем, что «верификаторы должны учесть огромное количество принципиальных финансовых характеристик для беспристрастной оценки ситуации» [1].

Внедрение организованной финансовой отчетности для задач налогового контроля позволит снизить трудность этих задач за счет уменьшения размера подборки. Трудность отражения объединенного бизнеса в организованной финансовой отчетности является относительно новой, и методологическое обеспечение ее формирования сейчас очевидно недостаточно. В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» [3] такая отчетность должна составляться в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО).

Вопросы составления организованной денежной отчетности занимают достойное место в системе МСФО. Главными, по нашему мнению, являются МСФО (IFRS) 3 «Объединение бизнеса», МСФО (IAS) 27 «Консолидированная и отдельная финансовая отчетность», МСФО (IAS) 28 «Инвестиции в ассоциированные предприятия», МСФО (IAS) 31 «Участие в совместном предпринимательстве». Кроме того, используется для указанных целей разъяснение ПКИ 12 (SIC 12) «Консолидация – компании специального назначения» [4].

В этих документах изложены принципы и требования к тому, как объединение бизнеса отражается в организованной финансовой отчетности, в том числе [7].

Более принципиальным вопросом при подготовке организованной денежной отчетности является определение периметра консолидации. При консолидации компаний одним из критериев консолидации является наличие контроля в отношениях меж ними. В согласовании с общепринятыми нормами, если компания держит под контролем какие-либо остальные компании, она обязана включать данные обо всех подконтрольных компаниях в свою организованную отчетность.

На данный момент определение периметра консолидации является трудной и неразрешимой неувязкой для Российской Федерации. В критериях высочайшего уровня коррупции существует огромное количество компаний, создаваемых только в целях уклонения от уплаты налоговых платежей.

Изучение рассмотренных судами споров, которые связаны с получением безосновательных налоговых льгот, указывает, что в последние несколько лет в Российской Федерации их число возрастает. Почти все налогоплательщики употребляют разные схемы понижения налоговых

платежей в бюджет. Часто подобные схемы укладываются в рамки гражданского и налогового законодательства. Головная организация встроеной группы старательно прячется от взгляда, что она держится под контролем компаниями, предназначенными для понижения налогообложения. Но недавние деяния Минфина России разрешают возлагать надежды, что если периметр консолидации, определенный аудитором при проверке организованной денежной отчетности, не совпадает с периметром консолидации, определенным отчитывающейся компанией, то отчитывающейся компании придется обосновывать отсутствие контроля над подобными и иными компаниями, не входящими в состав группы, но определенным аудитором как контролируемые.

В соответствии с МСФО (IAS) 27 «Консолидированная и отдельная финансовая отчетность» организованная финансовая отчетность – это финансовая отчетность группы, которая состоит из одной головной организации и всех ее взаимосвязанных компаний. Но на практике нередко возникают случаи, когда индивид держит под контролем несколько компаний, а эти компании, со своей стороны, являются материнскими компаниями по отношению к своим подконтрольным компаниям, т.е. на верхнем уровне группы (в плане контроля) находятся не одна, а несколько компаний, которые не контролируются ни одной из компаний группы [6].

В МСФО для малых и средних предприятий (МСФО для МСП) определено понятие «комбинированная отчетность». Такая отчетность, в согласовании с реальным эталоном, представляет из себя организованную финансовую отчетность нескольких компаний, подконтрольных одним физическим лицом либо находящимся под общим контролем нескольких физлиц, которые соединены вместе, тесными отношениями.

Эти компании являются «сестринскими компаниями», и при составлении сводной отчетности их активы, обязанности и показатели работы соединяются вместе с ликвидацией внутригрупповых связей, аналогично составлению организованной отчетности. Главное отличие комбинированного процесса отчетности состоит в том, что капитал группы взаимосвязанных компаний в этом случае определяется как сумма капитала группы компаний. В текущее время составление сводной отчетности не регулируется общепринятыми нормами. Но практика и анализа ряда финансистов разрешают прийти к выводу, что законность, техническая необходимость и важность комбинированной отчетности не вызывают сомнений [5].

Компании, которые осуществляют разные виды работ, имеют разные системы оценки собственных финансов и денежного положения. При консолидации счетов этих компаний генерируются отчетные данные, которые не могут быть применены для данных задач. Стандартное изучение отчетных форм с данными, приобретенными в итоге консолидации, не обеспечивает нужного отражения настоящей картины деятельности группы и является не актуальным. Консолидированная финансовая отчетность также обязана

содержать сегментные данные, которые позволяют оценить характер и финансовые результаты разных видов работ группы, а также принимать аргументированные по сегментам и группе в целом. Таким образом, необходима разработка и

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.01.2020).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» от 18.07.2011 № 227-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный закон «О консолидированной финансовой отчетности» от 27.07.2010 № 208-ФЗ (последняя редакция).
4. *Медведева Т.М.* Новые правила раскрытия консолидированной финансовой отчетности // «Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения». 2016. № 8. С. 1–15.
5. *Плотников В.С.* Бизнес-учет как катализатор информации для бизнес-модели объединения бизнеса / В.С. Плотников, О.В. Плотникова // *Международный бухгалтерский учет*. 2015. С. 36–47.
6. *Плотников В.С.* Анализ теоретических основ концепции консолидированной финансовой отчетности / В.С. Плотников, О.В. Плотникова // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 11. С. 90–101.
7. *Сергушкина А.Г.* Сводная и консолидированная финансовая отчетность: проблемы и особенности ее составления / А.Г. Сергушкина, О.А. Буракова // *Сборник статей Международной научно-практической конференции*. 2018. С. 25–28.

введение новых ужесточающих норм отражения консолидированной финансовой отчетности, которая не позволит утаивать свою финансовую отчетность объединенным компаниям.

Literature:

1. Tax code of the Russian Federation (part one) from 31.07.1998 № 146-FZ (ed. from 28.01.2020).
2. Federal law «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with improving the principles of determining prices for tax purposes» dated 18.07.2011 № 227-FZ (last version).
3. Federal law «On consolidated financial statements» dated 27.07.2010 № 208-FZ (latest version).
4. *Medvedeva T.M.* New rules for disclosure of consolidated financial statements // «Current issues of accounting and taxation». 2016. № 8. С. 1–15.
5. *Plotnikov V.S.* Business accounting as a catalyst for information for the business model of business combination / V.S. Plotnikov, O.V. Plotnikova // *international accounting*. 2015. P. 36–47.
6. *Plotnikov V.S.* Analysis of the theoretical foundations of the concept of consolidated financial statements / V.S. Plotnikov, O.V. Plotnikova // *Economic analysis: theory and practice*. 2016. № 11. P. 90–101.
7. *Sergushkina A.G.* Summary and consolidated financial statements: problems and features of its preparation / A.G. Sergushkina, O.A. Burlakova // *Collection of articles of the International scientific and practical conference*. 2018. P. 25–28.

Казибекова Наида Аликулиевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Казибеков Ислам Муъминович

аспирант 4 года обучения,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Гереев Махач Магомедович

аспирант 4 года обучения,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ
УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА**

Аннотация. Авторы в статье рассматривают проблему устойчивого развития Республики Дагестан, отмечая, что добиться желаемого результата возможно лишь тогда, когда будут использованы все преимущества, особенности и факторы развития региональной экономической системы. В этой связи предлагается разработать стратегию устойчивого развития региона, основной целью которой должно стать создание благоприятных условий для улучшения социально-экономических показателей Республики Дагестан. В тоже время, авторы выделяют целый ряд факторов, которые отрицательно сказываются на устойчивом развитии региона, ими также отмечается, чтобы добиться положительных изменений можно, лишь устранив имеющиеся диспропорции, сократив уровень коррупции и «теневой экономики».

Ключевые слова: устойчивое развитие, управление, экономический механизм, развитие, экономика региона.

Главной задачей региональной экономики является обеспечение устойчивого экономического развития. Разработка проблем экономической устойчивости, сбалансированного экономического роста в настоящее время ведется довольно активно.

Словосочетание «устойчивое развитие» вошло в обиход, хотя до сих пор не существует его единой трактовки. Наиболее широко используемое определение было дано Мировой комиссией по

Naida A. Kazibekova

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Islam M. Kazibekov

Postgraduate student 4 years of study,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Makhach M. Gereev

Postgraduate student 4 years of study,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

**ECONOMIC MECHANISM
FOR MANAGING SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE REGION**

Annotation. The authors in the article consider the problem of sustainable development of the Republic of Dagestan, noting that achieving the desired result is possible only when all the advantages, features and development factors of the regional economic system are used. In this regard, it is proposed to develop a strategy for the sustainable development of the region, whose main goal should be to create favorable conditions for improving the socio-economic indicators of the Republic of Dagestan. At the same time, the authors highlight a number of factors that adversely affect the sustainable development of the region, they also note that positive changes can be achieved only by eliminating the existing imbalances, reducing the level of corruption and the «shadow economy».

Keywords: sustainable development, management, economic mechanism, development, regional economy.

окружающей среде и развитию в 1987 г.: «Устойчивое развитие – это развитие, соответствующее потребностям настоящего без ущерба, будущим поколениям» или: «процесс, который удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Теория устойчивого развития всё в больше находит отклик и применение в российской науке и практике.

Стратегия устойчивого развития базируется на принятом глобальным экологическим форумом в Рио-де-Жанейро (1992) документе «Программа действий. Повестка дня на XXI век». Применительно к регионам данная концепция обсуждалась на конференции по развитию городов Habitat II в Стамбуле (1996).

Сам по себе, термин «устойчивое развитие» весьма относителен. На эту неопределенность термина указывает В. Левашов: «Концепция устойчивого развития допускает различные трактовки и нуждается в дальнейшем совершенствовании, в особенности по вопросу о путях ее воплощения в жизнь» [4].

Понятия «устойчивое развитие региона» и «экология городской среды», имевшие первоначально узкую трактовку как мероприятия по охране природы, приобрели более широкое значение, охватывающее экономические, социальные и культурно-исторические аспекты. Приходит понимание того, что экологические проблемы естественным образом связаны с проблемами регенерации городской среды, сохранением и возрождением культурных традиций, развитием социальной и транспортной инфраструктуры.

Следует отметить, что существуют два рода устойчивости. Устойчивостью первого рода называют свойство системы вновь возвращаться в исходное состояние после выхода из состояния равновесия. Такой вид устойчивости соответствует статическому равновесию. Естественно предположить, что отклонения могут быть так велики, что система разрушится и ее новым состоянием будет энтропийное равновесие. В это состояние система приходит за счет разрушения структуры. Если этого не происходит, мы имеем случай равновесия, когда структура сохраняется, несмотря на имеющиеся возмущения.

Устойчивость второго рода имеет место тогда, когда после выхода системы из состояния равновесия она приходит в колебания вблизи нового равновесного состояния. Такой вид устойчивости соответствует динамическому равновесию, при котором возмущающие воздействия подавляются с помощью внутренней перестройки структуры и нового роста [6].

Исследования показали, что способность экономики региона сохранять устойчивость структуры и функции при внешних возмущениях не безгранична. Если условия внешней среды выходят за те границы, в которых система с данной структурой устойчиво функционирует, то в начале, обычно, наступает нарушение основных функций, а при более интенсивных возмущающих воздействиях происходят структурные изменения, представляющие непосредственную опасность для самого существования системы. Следовательно, для системы существует область устойчивости. Положение границ этой области меняется с эволюцией системы. Любое действие по изменению системы влияет на положение и размеры области устойчивости. В результате, становится почти невозможно определить положение этих границ и, следовательно, быть уверенным, что система все еще находится в области устойчивости.

Как показывает практика, шансы на выживание выше у тех систем, которые способны компенсировать возмущение:

- 1) в большем числе их разновидностей;
- 2) в более широких границах изменения каждого возмущения;
- 3) более оперативно во времени [2].

Для экономической системы региона, развивающейся эффективно в плане устойчивого развития, предъявляемые требования являются необходимыми, но не в полной мере отражающими всю совокупность проблемы.

Для того, чтобы достичь желаемого результата, непременно нужно использовать все особенности, условия и факторы развития региональной экономической системы. Основу системы управления составляет механизм, максимально приближающий к наилучшему результату все элементы экономики региона.

Экономика региона рассматривается нами как результат организационных преобразований, сменяющих одно ее состояние равновесия другим. Таким образом, рассмотрение ее как системы позволяет не только расширить знания об этом уникальном явлении, но и существенно обогатить и разнообразить методологический инструментарий исследования их.

В современной науке существуют различные трактовки, такие как экономический механизм, экономико-правовой механизм и др. Такое разнообразие обусловлено выбором объектов исследования, описанием функционирования которых привело к появлению терминов «механизм управления», «механизм устойчивого развития», «механизм стратегического планирования» и др.

Изучением понятий, связанных с экономическим и хозяйственным механизмом региона, занимались многие ученые. Одним из первых советских ученых-экономистов, исследующих хозяйственный механизм, был академик Абалкин Л.И., который дал следующее определение хозяйственного механизма: «способ организации общественного производства с присущими ему формами и методами, экономическими стимулами и правовыми нормами» [1]. В своих трудах он неоднократно рассматривал проблемы собственности и хозяйственного механизма, определяя его как взаимодействие систем с использованием различных форм, способов и методов эффективного воздействия на экономику.

Основу хозяйственного механизма составляет вопрос о собственности, именно от форм собственности зависит формируемый хозяйственный механизм, который следует рассматривать как единую систему, имеющую вертикальные и горизонтальные связи. Деятельность элементов хозяйственного механизма напрямую зависит от поставленных цели и задач, способов их осуществления, планирования, определения стимулов, рычагов воздействия и реализации намеченных программ.

Обобщающее определение приводится в «Современном экономическом словаре», где под хозяйственным механизмом понимается «совокупность процессов, организационных структур, форм и методов управления, а также правовых норм, при помощи которых осуществляются экономические законы и процессы воспроизводства» [7].

В экономической научной, специальной литературе очень часто встречается наряду с хозяйственным механизмом, такое понятие, как «экономический механизм», который имеет довольно обширный ракурс применения, когда речь идет о механизме управления, регулирования, функционирования или развития. Это свидетельствует не только о значимости данного понятия, но и практической востребованностью при определении наилучших вариантов управления экономикой региона с учетом природных, географических, экономических, социальных и экологических условий.

Для обеспечения устойчивого развития региона необходима государственная поддержка, обеспечивающая создание благоприятных условий для распространения инноваций, на поддержку конкурентоспособных предприятий и отраслей промышленности, рациональное природопользование и развитие социальной сферы. Финансовая поддержка такой деятельности со стороны государства должна быть разумной и сопровождаться последующими социально-экономическими или экологическими эффектами. В этой связи необходимо разработать стратегию устойчивого развития региона, основной целью которой должно стать создание благоприятных условий для улучшения социально-экономических показателей Республики Дагестан.

Следовательно, первоочередными задачами в решении данной проблемы являются:

1. Обеспечение взаимодействия общества, человека и природы.
2. Создание нормативно-правовой базы реализации стратегии перехода к устойчивому развитию.
3. Определить механизмы государственного регулирования процессов перехода к устойчивому развитию региона.
4. Активизировать инвестиционную деятельность в регионе.
5. Обеспечить развитие инновационных и экологически чистых технологий в регионе.

Мы считаем, что в результате устойчивого развития удастся преодолеть структурные преобразования в региональной экономике, устранить внутрирегиональные диспропорции, добиться стабилизации социальной и экономической обстановки, что будет способствовать формированию институтов гражданского общества.

Следующим этапом необходимо добиться:

- 1) снижения уровня коррупции и уменьшения масштабов «теневой» экономики;
- 2) улучшения инвестиционного и делового климата;
- 3) сокращения дотационности регионального бюджета и перехода к финансированию за счет собственных средств;
- 4) повышения эффективности использования материалов и ресурсов;
- 5) установления взаимовыгодных отношений с другими регионами и странами;
- 6) дальнейшего развития рыночной инфраструктуры;
- 7) увеличения уровня и качества жизни населения;
- 8) обеспечения личной и общественной безопасности;
- 9) улучшения качества социальных услуг, оказываемых населению;
- 10) обеспечения экологической безопасности;
- 11) создания стимулов для экономического роста.

Однако устойчивому развитию Республики Дагестан мешают негативные явления, наблюдаемые в экономике региона.

Во-первых, перекоп отраслевой структуры в части увеличения доли топливно-энергетического комплекса; слабое развитие такой важной отрасли, как машиностроение.

Во-вторых, недостаточное использование возможностей применения механизма прямых и косвенных межрегиональных связей также отрицательно сказывается на экономике региона.

В-третьих, слабое применение косвенных методов государственного регулирования.

В-четвертых, практически во всех отраслях наблюдается высокая изношенность основных производственных фондов, а отсюда, и низкая фондоотдача, что отражается на объемах выпуска продукции и его конкурентоспособности.

Считаем, что разрешению этих проблем могут послужить следующие факторы:

1. Наличие достаточного количества природных ресурсов, позволяющих осуществить увеличение производства с учетом всех экологических требований.
2. Наличие свободной рабочей силы, может способствовать использованию имеющихся собственных трудовых ресурсов и квалифицированных специалистов при расширении производства.

3. Имеющиеся в достаточных объемах мощности для переработки природных ресурсов и производства конкурентоспособной продукции;

Литература:

1. *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм общественных формаций. М. : «Мысль», 1986. 269 с.

2. *Алиев М.А.* Экономическое развитие субъектов федерации и региональная политика / М.А. Алиев, Г.К. Акавова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 82–87.

3. *Алиев М.А.* Организационно-экономические основы развития сельских муниципальных образований Республики Дагестан // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (32). С. 97–101.

4. *Левашов В.К.* О социальной сущности концепции устойчивого развития. Социологические исследования. 1997. № 4. С. 7.

5. *Моришима М.* Равновесие, устойчивость, рост. Многоотраслевой анализ. М., 1972

6. *Чичерин А.Е.* Основные направления повышения эффективности государственного управления экономикой региона // Московский экономический журнал. 2019. № 9. С. 28.

7. *Цапиева О.К.* Приоритеты социальной государственной политики региона в условиях перехода к устойчивому развитию / О.К. Цапиева, З.З. Абдуллаева, Н.А. Казибекова // Вопросы структуризации экономики. 2008. № 2. С. 188–194.

8. *Braun. Annette* Economic determinants of Internal Migration Flows in Russia During Transition. William Davidson Working Paper. 1997. № 89.

9. *Bryson I.* Applying private sector planning in the public sector: Strategic planning: threats and opportunities for planners / I. Bryson, W. Roering. Washington, DS : Planning Press (APA), 1988. P. 15.

10. *Hoefsloot A.M.* Successful examples of participatory regional planning at the meso-level / A.M. Hoefsloot, L.M. Berg. Wageningen, 1992.

11. *Gichiev N.S.* Foreign trade and economic growth: regional projection // The Second International Conference on Eurasian scientific development Proceedings of the Conference. 2014. P. 357–368.

12. *Kast F.E.* Organization and Management (a systems approach) / F.E. Kast, J. Rosenzweig. New-York, 1970.

4. Наличие платежеспособного спроса на производимую в республике продукцию в других регионах России и за рубежом.

Literature:

1. *Abalkin L.I.* The economic mechanism of social formations. M. : «Thought», 1986. 269 p.

2. *Aliiev M.A.* Economic development of the subjects of the federation and regional policy / M.A. Aliiev, G.K. Akavova // Regional problems of economic transformation. 2019. № 1. P. 82–87.

3. *Aliiev M.A.* Organizational and economic foundations of the development of rural municipalities of the Republic of Dagestan // Izvestiya DGPU. Social and human sciences. 2015. № 3(32). P. 97–101.

4. *Levashov V.K.* On the social essence of the concept of sustainable development. Sociological research. 1997. № 4. P. 7.

5. *Morishima M.* Equilibrium, stability, growth. Diversified analysis. M., 1972

6. *Chicherin A.E.* The main directions of increasing the efficiency of public administration of the region's economy // Moscow Economic Journal. 2019. № 9. P. 28.

7. *Tsapieva O.K.* Priorities of the region's social state policy in the context of the transition to sustainable development / O.K. Tsapieva, Z.Z. Abdullaeva, N.A. Kazibekova // Issues of structuring the economy. 2008. № 2. P. 188–194.

8. *Braun. Annette* Economic determinants of Internal Migration Flows in Russia During Transition. William Davidson Working Paper. 1997. № 89.

9. *Bryson I.* Applying private sector planning in the public sector: Strategic planning: threats and opportunities for planners / I. Bryson, W. Roering. Washington, DS : Planning Press (APA), 1988. P. 15.

10. *Hoefsloot A.M.* Successful examples of participatory regional planning at the meso-level / A.M. Hoefsloot, L.M. Berg. Wageningen, 1992.

11. *Gichiev N.S.* Foreign trade and economic growth: regional projection // The Second International Conference on Eurasian scientific development Proceedings of the Conference. 2014. P. 357–368.

12. *Kast F.E.* Organization and Management (a systems approach) / F.E. Kast, J. Rosenzweig. New-York, 1970.

Копысов Антон Олегович
аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
Anton.kopysov93@gmail.com

Предложения по совершенствованию модели профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в РФ

Аннотация. В статье автор выдвигает свои предложения по совершенствованию модели профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации. На сегодняшний день особо остро стоит вопрос увеличения количества трудовых ресурсов для наиболее динамичного развития экономики России. Одним из возможных источников могут выступить лица с ограниченными возможностями, показатель занятости которых в Российской Федерации является одним из самых низких в европейских странах. Однако без нормально функционирующей системы профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации крайне проблематично решение вопросов недостатка трудовых ресурсов за счет внутренних источников. На январь 2020 года по данным федеральной службы государственной статистики Российской Федерации насчитывалось более 11,9 млн лиц с ограниченными возможностями, около 3,5 млн человек из которых находятся в трудоспособном возрасте и всего около 1,4 млн имеют постоянное место работы. Такие показатели свидетельствуют о недостаточной эффективности существующей системы профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями. Опираясь на опыт развитых стран, автор предлагает возможные варианты развития текущей системы с тем, чтобы она стала наиболее эффективной.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями, система профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями, корпоративное налогообложение, взносы во внебюджетные фонды.

Для успешного развития экономики Российской Федерации необходимы либо качественные (повышение производительности труда), либо количественные (увеличение численности трудоспособного населения) изменения. Для осуществления качественных изменений на данный момент у российской экономики

Anton O. Kopysov
Graduate student,
Moscow Financial
and Industrial «Sinergiya» University
Anton.kopysov93@gmail.com

SUGGESTIONS FOR IMPROVEMENT OF MODEL OF PROFESSIONAL EDUCATION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the article, the author proposes improvements of existing system of professional education of persons with disabilities in Russian Federation. Today, the issue of increasing the number of labor resources for the most dynamic development of the Russian economy is particularly acute. Persons with disabilities may act like one of the possible sources of labor resources. Russian Federation has one of the lowest employment rates of persons with disabilities among European countries. However, it's rather problematic trying to increase number of internal labor resources in Russian Federation without a proper system of professional education of persons with disabilities. Per Federal State Statistics Service of the Russian Federation data in January of 2020 there were over 11.9 million of persons with disabilities in Russian Federation, around 3.5 million out of which were employable and only 1.4 million were employed. Such numbers suggest that current system of professional education of persons with disabilities is not efficient enough. Based on the experience of developed countries author is suggesting possible improvement options to make current system more efficient.

Keywords: persons with disabilities, system of professional education of persons with disabilities, corporate taxation, contributions to extrabudgetary funds.

нет необходимых ресурсов, особенно при условиях западных санкций и низких ценах на энергоносители. Остаются количественные меры. Первым способом привлечения дополнительных трудовых ресурсов является миграция. Однако она чревата повышением социальной напряженности, что в текущих условиях опасно для

Российской Федерации. Также такие трудовые ресурсы не отличаются «лояльностью»: большинство трудовых мигрантов приезжают в Россию, поскольку уровень заработной платы выше, чем в их родных странах. Однако при снижении курса рубля по отношению к доллару США ситуация может измениться и мигрантам может стать невыгодно приезжать на заработки в Россию. Вторым способом привлечения дополнительных трудовых ресурсов является привлечение внутренних ресурсов, которые на данный момент не заняты в экономике по тем или иным причинам. Одной из таких групп являются лица с ограниченными возможностями.

По данным Федеральной службы государственной статистики на январь 2020 года в Российской Федерации 11,9 миллионов лиц с ограниченными возможностями. Когда речь идет о лицах с ограниченными возможностями нельзя напрямую заявлять, что все 11,9 миллионов можно привлечь к труду, поскольку значительная часть из них либо старше трудоспособного возраста, либо имеют полные противопоказания к труду. Если рассматривать только тех, кто может потенциально пополнить ряды рабочей силы в Российской

Федерации, то таких 3,7 миллиона человек. Из этого числа только 41,4 % имеют постоянное трудоустройство. Если сравнивать данные показатели с развитыми странами, получится удручающая картина: в России показатели занятости лиц с ограниченными возможностями почти в 2 раза хуже. При этом показатели занятости здорового населения сопоставимы с ведущими западными странами. Поскольку при данных показателях занятости в Евросоюзе наблюдается недостаток рабочей силы, аналогичный показатель занятости в Российской Федерации свидетельствует о возможности вовлечения дополнительных трудовых ресурсов в экономику России.

Если предположить, что при общей численности трудоспособных инвалидов в России в 3,7 миллиона человек, уровень занятости был бы на уровне Великобритании, это позволило бы привлечь дополнительно 1,5–2 миллиона человек в качестве дополнительной рабочей силы (около 3 % от всех занятых в экономике на сегодняшний день). Однако современная модель профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями является недостаточно эффективной.

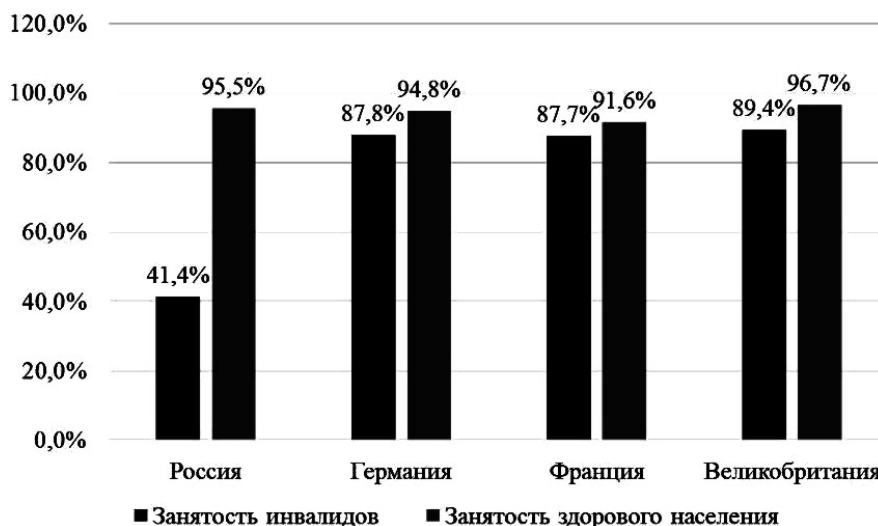

Рисунок 1 – Сравнение показателей занятости инвалидов и здорового населения в России и развитых странах

Подходя к разработке модели профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации необходимо помнить о том, что модель должна включать в себя две системы: образование и трудоустройство. В каждой из этих систем на текущий момент есть несколько ключевых проблем, решение которых позволит модели работать максимально эффективно. Помимо этого необходимо проследить, как работает текущая модель, пошагово ее проанализировать и, по возможности, внести необходимые предложения по оптимизации. Не лишним также будет проанализировать зарубежный опыт в интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество и экономику, чтобы использовать лучшие мировые практики в Российской Федерации.

В 2019 году Комитет гражданских инициатив выпустил доклад о людях с ограниченными

возможностями, в рамках которого в частности был проанализирован опыт Германии и Финляндии в вопросе интеграции инвалидов в общество и экономику. Основные положения доклада можно сформулировать следующим образом:

1. В странах западной Европы действуют различные программы занятости и образования лиц с ограниченными возможностями, которые финансируются за счет муниципальных и региональных бюджетов.
2. Помимо этого существует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих равноправие инвалидов при устройстве на работу или поступлении в образовательные учреждения.
3. В Финляндии введена процентная оценка уровня инвалидности граждан в зависимости от

степени потери трудоспособности, где 100% потери соответствует 1-й группе инвалидности в Российской Федерации. В зависимости от оценки уровня инвалидности муниципальные органы власти разрабатывают индивидуальные программы адаптации и интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество.

Основываясь на международном опыте можно сформировать следующие рекомендации для системы профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации:

1. Передать полномочия по отслеживанию социального положения инвалидов на региональный и муниципальный уровень. Эта мера позволит сконцентрировать внимание на большем количестве лиц с ограниченными возможностями, а также разработать индивидуальный подход для реабилитации, образования и трудоустройства для каждого.

2. Изменить оценку степени инвалидности на систему, аналогичную финской. Оценка потери трудоспособности в процентах поможет лучше определить сферы, в которых человек с инвалидностью сможет трудиться наиболее эффективно, а также подобрать индивидуальную программу реабилитации. Помимо этого, статистика с процентной разбивкой поможет федеральному центру понять, какие регионы и муниципалитеты нуждаются в дополнительном финансировании.

Далее необходимо проанализировать возможности улучшения системы образования инвалидов в России. Основными проблемами системы образования лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации являются:

- Недостаточный уровень финансирования образовательных программ;
- Недостаточный уровень доступности дистанционного образования;
- Недостаточное количество лиц с ограниченными возможностями обучающихся по программам среднего профессионального и высшего образования.

Проблемы необходимо решать отталкиваясь от данных статистики по степени инвалидности детей по регионам и муниципалитетам Российской Федерации. Правительству Российской Федерации следует разработать адресные бюджетные программы, которые будут направлены на устранение проблем недофинансирования образовательных учреждений по регионам и муниципалитетам. Поскольку одной из важнейших функций образовательных учреждений (помимо собственно образования) является обучение социальному взаимодействию с другими людьми, крайне необходимо обеспечить условия для обучения максимального количества детей-инвалидов в общеобразовательных школах, колледжах и Вузах.

Часть детей с ограниченными возможностями не сможет обучаться на общих основаниях. Для

таких случаев должны работать программы дистанционного образования. Одним из возможных вариантов дистанционного обучения может выступить объединение учеников из различных муниципальных образований внутри региона в одну или несколько виртуальных школ, колледжей и ВУЗов, в которых все занятия будут дистанционно вести преподаватели с необходимой квалификацией. Нужно также подчеркнуть, что обеспечение обучающихся техническими средствами для дистанционного обучения (ноутбуки, планшеты, подключение к сети Интернет) должно быть осуществлено за счет муниципальных и региональных бюджетов. Предложенные меры должны помочь обеспечить большинство детей с ограниченными возможностями в Российской Федерации необходимым уровнем образования, который позволит им в дальнейшем влиться в общество и экономическую активность без дополнительных барьеров. Помимо всего прочего, для детей с инвалидностью возможно проводить тесты по профориентации для более эффективной интеграции таких детей в общество.

Следующей должна быть система трудоустройства лиц с ограниченными возможностями. Система обладает следующими проблемами:

1. Система трудоустройства не предусматривает достаточных стимулов для работодателей при приеме на работу лиц с ограниченными возможностями.

2. В связи с этим наблюдается ограниченное количество лиц с ограниченными возможностями, которые могут воспользоваться помощью с трудоустройством в текущих условиях.

3. Помимо этого примерно половине потенциальных сотрудников необходимы специальные условия труда, на которые не соглашается большинство работодателей (специальное рабочее место, удаленная работа, работа неполный рабочий день и т.д.), что ведет к тому, что значительная часть лиц с ограниченными возможностями не может устроиться на работу.

Как видно выше, большая часть проблем может быть решена, если создать условия, при которых выгода работодателей от найма сотрудников с инвалидностью будет превышать затраты на обеспечение специальных условий труда для таких сотрудников. Чтобы добиться такого результата, необходимо переработать льготы для работодателей при найме сотрудников с ограниченными возможностями. На сегодняшний день квоты в 25 % фонда оплаты труда и 50 % численности сотрудников являются непосильными для большинства работодателей. Тем более, что даже при соблюдении таких жестких условий потенциальный работодатель получит льготы по имущественному и земельному налогам, которые не имеют такого значительного влияния на финансовые результаты компаний.

В качестве мер стимулирования работодателей нанимать лиц с ограниченными возможностями можно рассмотреть следующее:

1. Снизить лимит по выплатам социальных отчислений во внебюджетные фонды (Пенсионный фонд и Фонд Социального Страхования) на 50 % по сравнению с лимитом для здоровых сотрудников. Эта мера позволит работодателям сэкономить на социальных отчислениях во внебюджетные фонды и улучшить свои финансовые показатели.

2. Позволить заранее учесть все расходы по обустройству рабочего места для сотрудника с ограниченными возможностями в качестве расходов, уменьшающих базу по налогу на прибыль организаций. В настоящий момент при покупке основных средств (как компьютер и специальная мебель) в качестве расходов, уменьшающих налоговую базу, принимается размер годовых амортизационных платежей за данные основные средства. Предлагается сразу признавать всю сумму амортизационных платежей в качестве расходов, уменьшающих налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. Данное правило поможет работодателям обустроить специальное рабочее место для сотрудника с ограниченными возможностями без лишней нагрузки на финансы компании.

3. За каждые 5 % сотрудников (до 25 %), имеющих ограниченные возможности, ввести льготы по налогу на прибыль организаций. Предполагается, что за каждые 5 % сотрудников с инвалидностью ставка по налогу на прибыль будет снижаться на 1 % до 15 % при доле сотрудников с ограниченными возможностями в 25 % и выше. Аналогичные меры стоит разработать для индивидуальных предпринимателей и организаций, работающих по упрощенной системе налогообложения. Однако для целей расчета величины льготы для работодателей будет приниматься среднесписочная численность сотрудников за год.

Комплекс подобных мер создаст необходимый стимул для работодателей создавать рабочие места для людей с ограниченными возможностями, поскольку за найм таких сотрудников будут предусмотрены значительные льготы. Однако не стоит забывать о другой стороне системы трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, а именно о центрах занятости, которые должны помогать людям с инвалидностью найти подходящую вакансию.

На данный момент система работает недостаточно эффективно, поскольку среди вакансий, доступных на портале Российского реестра инвалидов, крайне низкое количество вакансий, предполагающих удаленную работу, а также вакансий с требованием наличия высшего или среднего профессионального образования. Возможным реше-

Литература:

1. Данные Федеральной службы государственной статистики РФ. URL : <https://www.gks.ru/>
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020).

нием данной проблемы может стать передача сведений о лица с ограниченными возможностями из федерального реестра в органы власти муниципальных образований и регионов Российской Федерации. Как и в случае с образованием, муниципальные и региональные органы обладают более полной информацией о состоянии лиц с ограниченными возможностями на своей территории.

Подводя итоги, для улучшения существующей модели профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации можно дать следующие рекомендации:

1. Рекомендации для системы в целом:

- а) передача полномочий по содействию лицам с инвалидностью на региональный и муниципальный уровень;
- б) изменение оценки степени инвалидности с текущей на оценку в процентах от нормального уровня трудоспособности.

2. Рекомендации для системы образования:

- а) разработка адресных бюджетных программ для устранения проблем недофинансирования образовательных учреждений;
- б) обеспечение комфортного доступа максимального количества детей с инвалидностью к образовательным учреждениям всех уровней;
- в) при невозможности обеспечить доступ детей с инвалидностью к образовательным учреждениям, создать программы дистанционного образования на базе образовательных учреждений всех уровней.

3. Рекомендации для системы трудоустройства:

- а) разработка системы льгот для работодателей при приеме на работу лиц с ограниченными возможностями, включающую в себя комплекс мер по снижению уровня отчислений во внебюджетные фонды, снижению налогооблагаемой базы по налогу на прибыль, а также снижению ставки налога на прибыль при достижении определенных параметров занятости лиц с ограниченными возможностями;
- б) разработка органами власти муниципальных образований и регионов Российской Федерации индивидуальных программ трудоустройства для лиц с ограниченными возможностями, включающие в себя помощь в поиске подходящих вакансий, в том числе дистанционных в другом регионе страны.

Literature:

1. Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <https://www.gks.ru/>
2. Federal Law № 181-ФЗ dated 24.11.1995 (ed. 02.12.2019) «On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation» (amended and supplemented in force from 01.01.2020).

3. Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

4. Налоговый кодекс Российской Федерации Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ.

3. Federal Law No. 476-FZ of 29 December 2017 «On Amendments to the Law of the Russian Federation» On Employment in the Russian Federation».

4. Tax Code of the Russian Federation Part Two of the Tax Code of the Russian Federation dated August 5, 2000 № 117-FZ.

Коркоценко Марина Николаевна
кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Краснодарское высшее
военное авиационное училище летчиков
mariakrasnodar@mail.ru

Жизненный цикл использования авиационной техники в мирное и военное время

Аннотация. В современной геополитической ситуации, в экономическом пространстве, социальной среде в мире существует множество тревожных сигналов – индикаторов развития, развернутых дорожных карт и приоритетных задач. В статье уделено внимание проблеме использования контрактов полного жизненного цикла продукции военного назначения в связи с существующей экономической ситуацией, геополитикой, обострением локальных военных конфликтов, проблемами предприятий оборонно-промышленного комплекса. Определено содержание экономических процессов, этапов жизненного цикла авиационной техники на микро, макро и мезоуровнях экономики.

Ключевые слова: контракты полного жизненного цикла, продукция военного назначения, авиационная техника, экономические процессы, предприятия, государственный оборонный заказ, Вооруженные Силы, безопасность государства.

В современной геополитической ситуации, в экономическом пространстве, в социальной среде в мире, да и в РФ, в частности, существует множество тревожных сигналов – индикаторов развития, развернутых дорожных карт и приоритетных задач. В сфере национальной безопасности для адекватного ответа на существующие внешние высокотехнологичные угрозы проводится политика сдерживания.

Военные конфликты и боевые действия последнего времени поднимают на первое место вопрос эффективного экономического обеспечения боевого применения имеющихся на вооружении страны образцов военной техники.

Быстрое и эффективное реагирование на новые угрозы возможно, благодаря перевооружению, модернизации военной техники, финансово-экономическому обоснованию применения новых образцов техники, производственно-технологическому развитию предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Тесное взаимо-

Marina N. Korkotsenko
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Humanitarian
and Social and Economic disciplines,
Krasnodar Highest
Military Aviation School of Pilots
mariakrasnodar@mail.ru

USE LIFE CYCLE AIRCRAFT IN PEACETIME AND WARTIME

Annotation. In today's geopolitical situation, in the economic space, in the social environment in the world there are many warning signs - indicators of development, deployed road maps and priorities. The article focuses on the problem of using contracts for the full life cycle of military products in connection with the current economic situation, geopolitics, aggravation of local military conflicts, problems of enterprises of the military-industrial complex. The content of the economic processes of the stages of the life cycle of aviation technology at the micro, macro and mesoscale levels of the economy is determined.

Keywords: full-life contracts, military products, aircraft, economic processes, enterprises, state defense order, Armed Forces, state security.

действие исполнителя и заказчика возможно в рамках государственно-частного партнерства по контрактам полного жизненного цикла продукции военного назначения [1]. Хотя экономика направляет имеющиеся объективные экономические возможности на поддержание и усовершенствование вооружения и военной техники, этим создается будущая экономическая мощь и потенциал общества.

Совершенствование перспективных образцов продукции военного назначения дает ощутимый толчок не только Вооруженным Силам, но и тем секторам и сферам экономики, которые заняты в реализации государственного оборонного заказа (ГОЗ).

Ярким примером функционирования данных жизненных циклов в военной сфере в мирное время и в условиях локальных военных конфликтов выступают вооружение и военная техника ВКС РФ, особо востребованные в последнее время. Следует обратить внимание на место и роль

жизненных циклов в экономических процессах в нашей стране.

В экономической области знаний жизненный цикл рассматривается в микроэкономике как воспроизводственный процесс техники, необходимой для удовлетворения военных потребностей ВВС. В макроэкономике – это кругооборот субъектов экономики, средств и предметов труда, обеспечивающих удовлетворение общественных потребностей в безопасности. На мезоуровне – это демонстрация межотраслевых связей гражданского и военного секторов экономики, обеспечивающих удовлетворение военно-экономических и гражданских потребностей и обеспечение мобилизационной работы в период максимального военного напряжения. Поэтому жизненный цикл авиационной техники – это комплекс процессов, начиная с разработки технического задания до его эксплуатации и утилизации.

В настоящее время специалисты из различных областей и сфер экономики исследуют понятия, этапы, проблемы управления полным жизненным циклом как продукции гражданского, так и военного назначения (А.В. Бойкова, М.И. Розно, В.М. Краев, М.В. Силуянова, А.И. Тихонов, В.Д. Маянский, В.М. Буренок и др.).

Существенные особенности действующих контрактов заключаются в особенной роли предприятий ОПК, которые теперь отвечают не только за производство, но и за средний и капитальный ремонт военной техники, что уменьшает периоды простоя, повышая техническую готовность парка воздушных судов и минимизируя риски невыполнения планов ГОЗ. Кроме того, сокращается количество посредников между заказчиком и предприятиями-изготовителями, что точно определяет стоимость контрактов и цену эксплуатации каждого находящегося на вооружении серийного образца авиационной техники. Таким образом, авиационные комплексы выполняют предназначенные им функции и обеспечивают обороноспособность и безопасность государства.

Модель жизненного цикла продукции военного назначения (авиационной техники в частности) регламентируется рядом стандартов, рекомендаций и требований.

Разработан и утвержден Национальный стандарт РФ (ГОСТ Р 56135-2014), определяющий особенности управления жизненным циклом продукции военного назначения, действуют Методические рекомендации ВВС РФ, регламентирующие летную и техническую эксплуатацию (обслуживание и ремонт) летательных аппаратов военного назначения. Государственные военные стандарты (ГОСТ РВ 0015-707-2010 и ГОСТ РВ 0101-001-2007) обеспечивают условия, правила и направления использования агрегатов, технических систем, зданий и сооружений, монтажных систем, обеспечивающих эксплуатацию и обслуживание военной техники.

Процесс разработки, производства, поставки на вооружение, эксплуатации и технического обслуживания (ТО), ремонта и утилизации

авиационной техники сопровождается организационно-управленческими операциями, финансово-экономическими расчетами эффективности применения данных типов продукции военного назначения [2, п. 4.2.2].

В рамках осуществления военно-экономического процесса жизненный цикл авиационной техники представляет собой не только последовательность этапов, процессов и механизмов выполнения операций, но и систему взаимосвязанной деятельности экономических агентов (субъектов экономики), таких как предприятий ОПК и гражданского сектора, федеральных и региональных органов исполнительной власти, служб материально-технического обеспечения и инженерно-авиационных служб Вооруженных сил, авиационных частей, военнослужащих и гражданского персонала. При этом в реализации жизненного цикла принимают участие все предприятия ОПК, имеющие достаточные производственные возможности для выполнения соответствующего заказа. В пределах одного жизненного цикла исполнителями могут выступать несколько предприятий или организаций.

Таким образом, универсальная модель жизненного цикла авиационного комплекса может быть представлена последовательными процессами исследования и обоснования нового проекта, разработки идей вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), проектирования, производства и эксплуатации продукции военного назначения, утилизации и воспроизводства элементов объекта жизненного цикла (средств производства и предметов труда, конечной военной продукции) в соответствии с военно-экономическими потребностями [2, п. 4.2.4]. Государственная программа вооружения определяет направления реализации государственного оборонного заказа на все указанные выше виды работ головными исполнителями.

Одним из ключевых аргументов реализации именно таких контрактов стала проверка боеготовности, которая с 2014 г. регулярно проводится в Вооруженных силах. Подобные проверки на первоначальных этапах современного реформирования повседневной деятельности войск выявили средний процент исправности авиационной техники. Как результат – низкая боеготовность отдельных подразделений ВС [3].

В условиях финансово-экономического кризиса и ужесточения контроля за бюджетными расходами, повышенное внимание уделяется стоимости расходов на создание новых образцов военной техники, расходам на эксплуатацию и обслуживание. Учитывая, что стоимость и структура ЖЦ зависят от типа продукции военного назначения, проблемы реализации государственного оборонного заказа вышли на первое место, так как имеют ключевое значение в обеспечении обороноспособности государства.

Положительный эффект реализации контрактов полного жизненного цикла достигается, благодаря государственно частному партнерству. Предприятия ОПК выходят на производственные

мощности, достигая предельные возможности реализации работ, рентабельности производства, высокой фондоотдачи и производительности. Имея достаточно стабильные заказы государства, у них появляется возможность проводить модернизацию основных фондов и инновационное развитие, как военного, так и гражданского секторов экономики. Повышается эффективность военно-экономической деятельности государства, а ответственность за капитальный и средний ремонт возлагается на оборонные предприятия, деятельность которых теперь контролируется военно-промышленной комиссией. Министерство обороны снимает с себя не свойственную ему задачу ремонтного обслуживания вооружения и военной техники, оставляя за собой проведение текущего ремонта, пред и пост полетные работы.

Жизненный цикл воздушного судна характеризуется процессами последовательного изменения состояния самолета и состоит из взаимосвязанных и взаимозависимых стадий разной продолжительности и стоимости, имея определенную цель и результат [4, с. 41].

Во-первых, определяется необходимость и целесообразность задания по проектированию образца авиационной техники.

Во-вторых, выполняются конструкторские работы, моделирование и технологическая отработка аванпроекта, производство и испытание опытного образца с учетом возможности его боевого применения и экономической целесообразности.

В-третьих, серийное производство после испытаний пилотного образца, его поставку в войска и эксплуатационные испытания.

В-четвертых, летная и техническая эксплуатация авиационной техники в процессе выполнения учебных и боевых задач частями ВКС РФ.

В-пятых, выполнение капитальных ремонтных работ на заводах-производителе.

Если рассматривать современные образцы военной техники как авиационные комплексы, то жизненный цикл предполагает не только действия,

Литература:

1. Военно-промышленная конференция «Актуальные вопросы развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации». URL : <http://arsenal-otechestva.ru/article/192-voenno-promyshlennaya-konferentsiya> (дата обращения 12.02.2020).
2. Национальный стандарт РФ «Управление жизненным циклом продукции военного назначения» ГОСТ Р 56135-2014, п. 4.2.2.
3. Федун Д. Контракты жизненного цикла. URL : <https://vpk-news.ru/articles/15223>. (дата обращения 23.03.2020).

связанные с восстановлением функционирования летательного аппарата. Это – еще и разработка, производство и эксплуатация средств наземного обслуживания, а также, строительство аэродромов, устранение физического и морального износа основных фондов авиационных частей, авиаремонтных заводов, предприятий оборонно-промышленного комплекса, реализация государственных программ развития отраслей и секторов народного хозяйства, затрагивающих профессиональную область деятельности военных авиационных специалистов.

В-шестых, в результате полного физического и морального износа осуществление утилизации при наличии необходимого числа действующей техники и достаточных средств для осуществления данного процесса.

Следовательно, совершая полный жизненный цикл, военная авиационная техника участвует в воспроизводственном процессе. При этом возможна ее модернизация со сменой модификации типов воздушных судов, поэтому реализация контрактов полного жизненного цикла продукции военного назначения способствует развитию военного и гражданского секторов экономики.

Таким образом, экономические процессы, сопровождающие все рассмотренные этапы жизненного цикла продукции военного назначения, включают в себя:

- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;
- производство опытных и серийных образцов ВВСТ;
- организационно-управленческие решения;
- анализ экономических показателей и финансовых результатов;
- подготовку квалифицированных специалистов соответствующих сфер и отраслей, а также специалистов, эксплуатирующих производимую технику;
- воспроизводственные процессы и развитие инфраструктурного сектора.

Literature:

1. Military-industrial conference «Actual issues of the development of the military-industrial complex of the Russian Federation». URL : <http://arsenal-otechestva.ru/article/192-voenno-promyshlennaya-konferentsiya> (date of the address 12.02.2020).
2. The national standard of the Russian Federation «Life Cycle Management for Military Products» GOST R 56135-2014, paragraph 4.2.2.
3. Fedunov D. Life cycle contracts. URL : <https://vpk-news.ru/articles/15223>. (date of the address 03/23/2020).

4. *Сабина А.Л.* Структура жизненного цикла продукции военного назначения как фактор повышения уровня ее конкурентоспособности // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 5. С. 40–47.

4. *Sabinina A.L.* The structure of the life cycle of military products as a factor in increasing its competitiveness // Economic analysis: theory and practice. 2004. № 5. P. 40–47.

Кравцова Алина Владимировна
соискатель кафедры экономики
и предпринимательства,
Российский государственный
социальный университет
Alina.Kotova.92@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. Российские консалтинговые компании, в условиях постоянного изменения и развития российской и мировой экономики, испытывают потребность в повышении конкурентоспособности своих услуг. Выявление особенностей ведения конкурентной борьбы, формирование спроса на продукцию и исследования процессов ценообразования на рынке консалтинговых услуг требуют использования специфических инструментов, в частности разработки механизма развития конкуренции на рынке консалтинга. Представленный механизм показывает взаимосвязь субъектов рынка консалтинга и позволяет выработать необходимые действия для дальнейшего развития рынка.

Ключевые слова: консалтинг, консалтинговые услуги, регулирование конкуренции, ИТ-консалтинг, конкуренция, конкурентоспособность.

Начало экономического кризиса, сокращение числа проектов, значительное уменьшение числа запросов на новые проекты – все это заставляет консалтинговые компании сильнее обратить внимание на конкуренцию на рынке. Разработанный механизм конкуренции на рынке консалтинга представлен в виде схемы, которая показывает связи и направления воздействия субъектов конкуренции, оказывающих совокупное влияние на рост конкуренции на рынке консалтинга (рис. 1).

Развитие конкуренции рынка консалтинга, согласно предложенному механизму должно основываться на применении четырех этапов анализа и регулирования рынка:

- Этап 1. Государственная поддержка приоритетных проектов в сфере консалтинга.
- Этап 2. Проведение профессиональных форумов/выставок
- Этап 3. Проведение открытых тендеров на реализацию проектов

Alina V. Kravtsova
Applicant for the Department
of Economics and Entrepreneurship,
Russian State Social University
Alina.Kotova.92@gmail.com

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR REGULATING COMPETITION IN THE CONSULTING SERVICES MARKET

Annotation. Russian consulting companies, in the conditions of constant change and development of the Russian and world economy, need to increase the competitiveness of their services. Economic relations in modern conditions of limited resources need to solve the key problems of their effective distribution and use in order to maximize the profit received as a result of any type of economic activity in the national economy. Consulting services are an extremely important element of the market infrastructure, as they allow us to diagnose problem situations in a timely manner, develop recommendations based on professional diagnostics of enterprises, and improve the efficiency and competitiveness of enterprises that are clients of consulting companies in the Russian and international markets.

Keywords: consulting, consulting services, competition regulation, IT- consulting, competition, competitiveness.

- Этап 4. Анализ конкурентоспособности консалтинговой услуги

Государственная поддержка приоритетных видов консалтинговых проектов может заключаться как в информационной поддержке, так и в денежном стимулировании таком как, к примеру, снижение налоговой нагрузки, реализации приоритетных проектов. Так как клиенты консалтинговых компаний скорее готовы инвестировать деньги только в те проекты которые уже были успешны в других компаниях и, в сложившихся экономических условиях, не готовы рисковать и инвестировать в неопробованные технологии, государство, за счет сокращения стоимости уникальных консалтинговых проектов может значительно увеличить число экспериментальных внедрений и, тем самым повысить информатизацию и диджитализацию компаний – потребителей консалтинговых услуг [1]. Определение ежегодного списка приоритетных технологий для внедрения позволит стимулировать не только деятельность консалтинговых компаний, но и развить продукцию отечественных ИТ-компаний, производителей программного обеспечения.

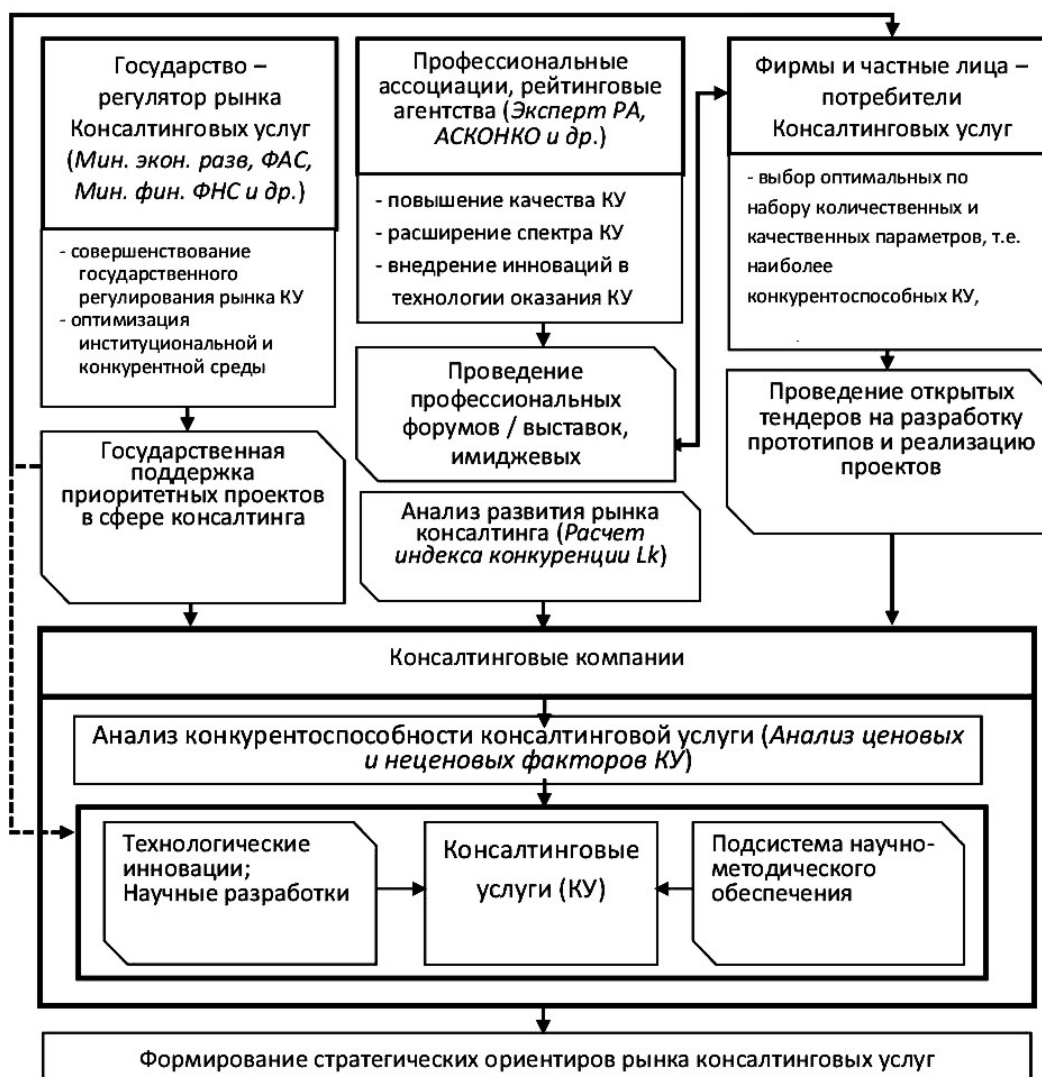

Рисунок 1. – Организационно-экономический механизм регулирования конкуренции на рынке консалтинга (разработано автором)

Проведение ежегодных форумов/выставок достижений консалтинговой сферы необходимо проводить ежегодно для повышения информированности компаний клиентов о возможностях современной ИТ-сферы [2], а так же результатов деятельности ИТ-компаний. Ежегодно в России реализуется значительное количество уникальных консалтинговых проектов которые могут за короткий срок, особенно в сфере Диджитал, значительно сократить издержки компаний-клиентов и/или повысить прибыль. Так как отсутствует единая информационная площадка на которой консалтинговые компании, а так же компании клиенты могли бы обмениваться достижениями за год, общая информированность о возможных консалтинговых проектах не покрывает спрос на такого вида услуги. И, как следствие, объем рынка консалтинговых услуг ниже чем спрос на реализацию проектов. В отсутствии единой информационной площадки так же снижается доверие к продукту консалтинговых компаний [3], компании клиенты вынуждены точно направлять сотрудников на информационные поездки в компании той же сферы для того чтобы убедиться в эффективности результатов консалтинговых проектов. Единая информационная площадка позволит повысить

сократить барьер между консалтинговыми компаниями и их клиентами и позволит все большему числу компаний узнавать о возможностях развития собственного бизнеса.

Проведение открытых тендеров на реализацию проектов подразумевает конкурентную борьбу между консалтинговыми компаниями основанную на качестве предоставляемой услуги. Проведенный в рамках диссертации анализ показал, что характеристика комфортности и производительности консалтинговой услуги оказывают значительное влияние на ее стоимость и, как следствие, являются наиболее важными при выборе той или иной услуги. Для тех консалтинговых проектов, в которых возможно применения метода прототипирования проведение открытых тендеров на реализацию проектов необходимо для возможности оценки характеристик консалтинговой услуги до ее приобретения. Проведение тендеров с возможностью прототипирования так же позволит повысить доверие к консалтинговым компаниям, которые только начинают свое развитие и не могут устанавливать такую же низкую цену на свои услуги, как крупные консалтинговые компании.

Анализ конкурентоспособности консалтинговой услуги состоит не только из оценки характеристик консалтинговой услуги предприятия, но и в анализе способов развития услуги, а именно в оценке возможности покупки ИТ-стартапов, информационных технологий, патентов для оказания уникальных консалтинговых услуг. Принятие решения о реализации собственных образовательных

Литература:

1. *Зобова А.Ю.* Российский рынок консалтинговых услуг: характеристика и тенденции развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4(107).
2. *Сурма И.В.* Внутренний и внешний консалтинг делят рынок – тенденции развития современного рынка консалтинговых услуг // Государственное управление. 2011. № 27.
3. *Филатов В.В.* Управленческое консультирование: менеджмент-консалтинг / В.В. Филатов, А.Е. Алексеев. Курск : Изд-во Университетская книга, 2017.
4. *Котова А.В.* Процессный подход к построению этапов оказания консалтинговых услуг в направлении системной интеграции // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. статей V междун. научно-практ. Конференции (Пенза, 13 декабря 2016). Пенза : Наука и Просвещение, 2016.

программ [4] или участия в государственных программах подготовки кадров для предприятий консалтинговой сферы. Оценка характеристик консалтинговой услуги, таких как экономичность, доверие, производительность и комфортность позволит сформировать справедливую цену на услугу конкретной консалтинговой компании и более успешно конкурировать на рынке.

Literature:

1. *Zobova A. Yu.* Russian market of consulting services: characteristics and development trends // Eurasian legal journal. 2017. № 4(107).
2. *Surma I. V.* Internal and external consulting divide the market-trends in the development of the modern market of consulting services // State management. 2011. № 27.
3. *Filatov V. V.* Management consulting: management consulting / V. V. Filatov, A. E. Alekseev. Kursk : University book Publishing house, 2017.
4. *Kotova A. V.* Process approach to the construction of stages of providing consulting services in the direction of system integration // Topical issues of law, Economics and management: collection of articles V Intern. scientific practice. Conferences (Penza, December 13, 2016). Penza : Science and Education, 2016.

Полбицына Лилия Галимулловна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления,
Уральский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
l-polbitsyna@mail.ru

Liliya G. Polbitsyna

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Economics
and Management,
Ural Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and State
Services under the President
of the Russian Federation
l-polbitsyna@mail.ru

**ПРАКТИКА ЗАКУПОК У СУБЪЕКТОВ
МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ
И МУНИЦИПАЛЬНОМ ЗАКАЗЕ
КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

**PRACTICE OF PURCHASING
FROM SMALL BUSINESSES IN STATE
AND MUNICIPAL ORDERS
AS A RESOURCE
FOR THE DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN ECONOMY**

Аннотация. В современном мире государство является крупнейшим заказчиком и потребителем продукции целого ряда сфер деятельности, что позволяет превращать спрос государства на товары, работы, услуги в мощный инструмент регулирования экономики, оказывающий влияние на ее динамику и структуру. В статье рассматривается роль субъектов малого и среднего предпринимательства в России, в целом, преимущества, которые законодательно предоставлены участникам в государственных и муниципальных закупках, проблемы и решения их участия.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, субъекты малого и среднего бизнеса, государственные и муниципальные закупки, субъекты малого предпринимательства, поддержка субъектов малого предпринимательства.

В современном мире государство является крупнейшим заказчиком и потребителем продукции целого ряда сфер деятельности, что позволяет превращать спрос государства на товары, работы, услуги в мощный инструмент регулирования экономики, оказывающий влияние на ее динамику и структуру.

Наиболее продвинутым механизмом поддержки экономической и социальной стабильности в стране являются государственные и муниципальные закупки. Российское законодательство о государственных закупках, а именно, действующий Федеральный закон от 05.04.2013 г. 44-ФЗ «О контрактной системе закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее Федеральный закон № 44-ФЗ), Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами

Annotation. In today's world, the state is the largest customer and consumer of products of a number of spheres of activity, which allows to turn the demand of the state for goods, works, services into a powerful tool for regulating the economy, affecting its dynamics and structure. The article examines the role of small and medium-sized businesses in Russia as a whole, the advantages that are legally provided to participants in state and municipal procurement, the problems and solutions of their participation.

Keywords: socially oriented non-profit organizations, small and medium-sized businesses, state and municipal procurement, small business entities, support for small businesses.

юридических лиц», предоставляет льготы для участия малого предпринимательства и социально-ориентированных негосударственных организаций в государственных и муниципальных закупках.

23 октября 2018 г. Президент РФ В.В. Путин выступил на бизнес-форуме общественной организации предпринимателей «Опора России», где отметил, что «в 2018 г. объем закупок у субъектов малого предпринимательства составит более 3 трлн руб. В предстоящий период «Корпорации МСП» совместно с бизнесом предстоит взять новую высоту – довести к 2024 г. объем закупок до 5 трлн руб.» [5], поэтому актуальность данной темы обосновывает необходимость проведения анализа привлечения субъектов малого бизнеса в государственные закупки как одного из важнейших механизмов развития и поддержки малого

предпринимательства в современной России. В настоящее время количество малого и среднего

бизнеса в Свердловской области выглядит следующим образом.

Таблица 1

Данные реестра субъектов малого и среднего предпринимательства по Свердловской области (март 2020) [13]

Всего	Юридические лица			Индивидуальные предприниматели		
	Микро	Малое	Среднее	Микро	Малое	Среднее
203256	87188	6 642	557	107840	1019	10

Исходя из ст. 3 ч. 1 п. 4 Федерального закона № 44-ФЗ, участниками закупок являются любые юридические лица или любые физические лица, в том числе, индивидуальные предприниматели. Для всех участников, согласно Конституции Российской Федерации, создаются одинаковые условия, не ограничивающие конкуренцию. В отношении участников закупки, являющихся субъектами малого предпринимательства (далее СМП) или социально ориентированными некоммерческими организациями (далее СОНО), действует следующий подход. Согласно ст. 30 настоящего закона, заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства, а также социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем 15 % от совокупного годового объема закупок. Причем перечень товаров, работ, услуг для СМП или СОНО не предусматривается, как это было во времена действия Федерального закона РФ от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Ныне действующий закон № 44-ФЗ позволяет выполнить данную норму двумя способами. Первый способ предполагает проведение конкурентных процедур, а именно открытого конкурса в электронной форме, конкурса с ограниченным участием в электронной форме, двухэтапного конкурса в электронной форме, электронного аукциона, запроса котировок в электронной форме, запроса предложений в электронной форме только для субъектов малого предпринимательства с начальной максимальной ценой контракта, не превышающей 20 млн рублей. Сразу возникает вопрос об ограничении НМЦК, почему только 20 млн рублей? Разве у нас нет организаций малого бизнеса, которые способны выполнить заказ на большую цену контракта?

По второму варианту выполнения нормы по СМП, СОНО заказчик может выбрать и провести такие же конкурентные способы закупок товаров, работ, услуг на общих основаниях для всех участников закупки, но победитель обязан привлечь субподряд из числа СМП, СОНО. В этом случае ограничений по цене контракта закон не предусматривает.

Таблица 2

Основные показатели по заключенным контрактам за период 2015–2018 гг. по Свердловской области [2]

Показатель	Годы			
	2015	2016	2017	2018
Количество контрактов	80807	78922	85818	85673
Сумма контрактов, млрд руб.	109,27	96,95	148,32	140,6
Количество контрактов с СМП	46456	47956	53612	57328
Сумма контрактов с СМП, млрд руб.	37,72	39,72	51,8	62,06

Исходя из таблицы 2, в 2018 г. общее количество извещений, размещенных с преимуществами для СМП и СОНО, составило 899 820, что на 12,1 % больше чем в аналогичном отчетном периоде 2017 г. (802670) и составило 39,6 % от общего количества размещенных заказчиками извещений. Основное количество закупок у СМП, СОНО осуществляется путем проведения электронных аукционов. Доля таких закупок составляет 82,1 % от общего количества извещений, размещенных с преимуществами для СМП и СОНО (738864). Общий объем извещений, размещенных с преимуществами для СМП и СОНО составил 791,3 млрд рублей, что на 22,9 % больше, чем в отчетном периоде 2017 г. (643,68 млрд рублей). Средняя цена извещения, размещенного с преимуществами для СМП и СОНО в отчетном периоде 2018 года составила 879,3 тыс. рублей, что на 9,6 % выше, чем в аналогичном периоде 2017 г. (801,9 тыс. рублей).

В отчетном периоде по итогам осуществления закупок с преимуществами для СМП и СОНО было заключено 1,22 млн контрактов общим объемом 1,41 трлн рублей. Средняя цена контракта, заключенного с СМП, СОНО, по итогам отчетного периода увеличилась на 51 % относительно показателя 2017 г. (760,07 тыс. рублей) и составила порядка 1,15 млн рублей [7]. Косвенным доказательством увеличения доли участия СМП в госзакупках является и постоянно растущее количество выданных банковских гарантий для подачи заявок и обеспечения исполнения контракта. Но, несмотря на увеличение количества извещений, рост общего объема извещений, увеличение средней цены извещения и наличия явных преференций, большая часть субъектов малого бизнеса характеризуется нежеланием принимать участие в госзакупках из-за сложившегося представления о непрозрачности системы, сильной конкуренции с более крупными поставщиками.

Это создает определенные трудности для всех заказчиков, работающих по 44-ФЗ.

Причины могут быть заложены самим законодательством. Во-первых, Федеральный закон № 44-ФЗ почему-то ограничился только субъектами малого предпринимательства, тогда как Федеральный закон № 223-ФЗ охватывает субъекты, как малого, так и среднего бизнеса, что значительно расширяет круг участников закупок, но он не охватывает социально ориентированные некоммерческие организации. Во-вторых, переход на способы закупок в электронной форме, что стало обязательным для всех заказчиков с 1 января 2019 г., для субъектов малого предпринимательства стал очередным финансовым бременем. Уровень образования, зачастую, не позволяет самостоятельно разобраться во всех тонкостях проведения процедур по-новому, поэтому становится необходимым обучение на курсах повышения квалификации. В третьих, финансовое бремя распространяется и на участие в самой процедуре – отсутствие преференций в качестве обеспечения заявки, иногда – отсутствие аванса. В четвертых, на эффективность закупок с участием СМП влияет объект закупки. Так, большую экономию заказчики могут получить от закупок промышленного производства, чем от закупки строительных работ, поэтому заказчиком необходимо тщательно проводить маркетинговый анализ товаров, работ, услуг, которые могут быть поставлены, выполнены, оказаны субъектами малого предпринимательства.

В настоящее время Федеральный закон № 44-ФЗ расширяет льготы для субъектов малого предпринимательства, такие, как:

– оплата по контракту заказчиком должна быть произведена в срок, не превышающий 15 рабочих дней со дня подписания акта приемки товаров,

Литература:

1. Доклад Министерства экономического развития РФ «О достигнутых результатах по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности, развитию малого и среднего бизнеса и поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы». 2017. URL : <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depmb/201728124> (дата обращения 10.03.2020).
2. Единая информационная система в сфере закупок. Официальный сайт. URL : <http://zakupki.gov.ru> (дата обращения 02.03.2020).
3. *Кашин Д.В.* Эффективность механизма поддержки малого и среднего бизнеса в системе государственных закупок Российской Федерации. Вестник Санкт-Петербургского университета / Д.В. Кашин, Е.В. Шадрин // Менеджмент. 2019. № 18(1). С. 94–114. URL : <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2019.104>
4. *Локота О.В.* Контрактная система. Управление государственными и муниципальными

работ, услуг, тогда как для всех остальных поставщиков этот срок не превышает 30 календарных дней;

– плата победителя оператору электронной площадки за участие в процедуре. Для СМП, СОНО - до 1 % от НМЦК, но не более 2 тыс.рублей, тогда как для всех остальных участников, ставших победителями, – 1 % от НМЦК, но не более 5 тыс. рублей без НДС;

– размер обеспечения исполнения контракта устанавливается от цены контракта (в общем случае – от НМЦК), но не меньше чем размер аванса (если предусмотрен);

– участник освобождается от предоставления обеспечения исполнения контракта в случае предоставления таким участником закупки трех контрактов, исполненных без применения к такому участнику неустоек. И сумма цен таких контрактов должна составлять не менее начальной максимальной цены контракта, указанной в извещении об осуществлении закупки;

– срок возврата обеспечения исполнения контракта заказчиком не должен превышать 15 дней с даты исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом.

Для того, чтобы участников среди СМП было больше, необходимо на законодательном уровне ввести преференцию в отношении обеспечения заявок для данной группы участников, снять ограничения по начальной максимальной цене контракта. Таким образом, на примере государственного заказа можно сделать вывод о том что постепенно государство выстраивает платформу поддержки малого и среднего предпринимательства в России.

Literature:

1. Report of the Ministry of economic development of the Russian Federation «On the results achieved in improving the business environment, developing small and medium-sized businesses and supporting individual entrepreneurial initiatives». 2017. URL : <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depmb/201728124> (date of the address 10.03.2020).
2. Unified information system in the field of procurement. Official site. URL: <http://zakupki.gov.ru> (date of the address 02.03.2020).
3. *Kashin D.V.* Effectiveness of the mechanism for supporting small and medium-sized businesses in the public procurement system of the Russian Federation. Bulletin of Saint Petersburg University / D.V. Kashin, E.V.Shadrina // Management 2019. № 18(1). С. 94–114. URL : <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2019.104>
4. *Lokota O.V.* Contract system. Management of state and municipal procurement : textbook / O.V.

закупками : учебник / О.В. Локота, Е.А. Попова, Е.М. Медякова, А.И. Морозова. Ростов-н/Д. : ООО Альтаир, 2016.

5. *Матышева В.В.* Государственные закупки – инструмент поддержки малого предпринимательства в России // Молодой ученый. 2018. № 49. С. 370–373. URL : <https://moluch.ru/archive/235/54477/> (дата обращения 02.03.2020).

6. *Таланцев В.И.* Контрактная система и ее роль в поддержке малого предпринимательства // Интернет-журнал Науковедение. 2017. № 6(43). С. 94–96

7. Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL : <https://www.minfin.ru/ru/performance/contracts/purchases/> (дата обращения 21.11.2018).

8. Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц. Постановление Правительства РФ № 1352 от 11 декабря 2014 г. (с изменениями и дополнениями от 15.11.2017).

9. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // «Российская газета». 12.04.2013. № 80.

10. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

11. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

12. *Черных С.И.* Контрактная система закупок в российской экономике: перспективы и ограничения развития / С.И. Черных, С.С.Шувалов. М. : ИЭ РАН, 2014. С. 45.

13. Единый реестр субъектов малого и среднего бизнеса. URL : <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения 18.03.2020).

Lokota, E.A. Popova, E.M. Medyakova, A.I. Morozova. Rostov-n/D. : ALTAIR LLC, 2016.

5. *Malysheva V.* Public procurement – a tool of support of small entrepreneurship in Russia // the Young scientist. 2018. № 49. P. 370–373. URL : <https://moluch.ru/archive/235/54477/> (date of the address 02.03.2020).

6. *Talantsev V.I.* Contract system and its role in supporting small business // Internet journal of science. 2017. № 6(43). P. 94–96

7. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL : <https://www.minfin.ru/ru/performance/contracts/purchases/> (date of the address 21.11.2018)

8. On the specifics of participation of small and medium-sized businesses in the procurement of goods, works, and services by certain types of legal entities Decree of the Government of the Russian Federation № 1352 of December 11, 2014 (as amended on 15.11.2017).

9. Federal law of 05.04.2013 № 44-FZ «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs» // «Rossiyskaya Gazeta». 12.04.2013. № 80.

10. Federal law № 223-FZ of July 18, 2011 «On purchases of goods, works and services by certain types of legal entities».

11. Federal law № 209-FZ of July 24, 2007 «On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation».

12. *Chernykh S.I.* Contract procurement system in the Russian economy: prospects and limitations of development / S.I. Chernykh, S.S. Shuvalov. M. : IE RAS, 2014. P. 45.

13. Unified register of small and medium-sized businesses. URL : <https://rmsp.nalog.ru> (date of the address 18.03.2020).

Семин Дмитрий Юрьевич
студент факультета налогов
и налогообложения,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
fasemin@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности возмещения налога на добавленную стоимость при проведении экспортных операций, обусловлена необходимость своевременного, корректного и правомерного обложения налоговой ставкой 0 процентов по налогу на добавленную стоимость экспортных операций. Появление различных «схем» ухода от ответственности за неправомерное возмещение таких сумм требует усиления контроля государственных органов по надзору за механизмом возмещения НДС, поскольку проблемы налогообложения внешнеэкономической деятельности входят в ряд ключевых, которые оказывают непосредственное влияние на процессы развития международных торговых отношений страны.

Ключевые слова: НДС, экспорт, декларация, товары, счёт-фактура, ставка НДС, контрагент, аванс.

Проводимые в Российской Федерации экономические реформы обусловили необходимость радикальных изменений в механизме регулирования государственной внешнеторговой деятельности, которое осуществляется посредством применения экономического и административного методов управления внешнеторговой деятельностью в соответствии с действующим российским законодательством.

Общеизвестно, что в странах с рыночной экономикой налоги являются важнейшей составляющей доходной части бюджета. В связи с тем, что одной из ключевых проблем, возникающих в рамках проводимых в настоящее время в России преобразований, является вопрос о дальнейшем совершенствовании системы государственного регулирования экспортно-импортных операций, и, в первую очередь, налогового регулирования, то основной задачей государственных органов является поиск такого варианта налоговой системы, которая будет оптимально сочетать в себе интересы государства и налогоплательщиков. Этим предопределяется важность совершенствования налоговой системы государства и анализа результатов ее деятельности.

Dmitrii Yu. Semin
Student of faculty of Taxes
and Taxation,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
fasemin@yandex.ru

FEATURES OF VALUE ADDED TAX REIMBURSEMENT IN THE COURSE OF EXPORT OPERATIONS

Annotation. The article deals with the specifics of value-added tax reimbursement in the course of export operations. The necessity of timely, correct and lawful taxation at the 0 percent tax rate for value-added tax on export operations is determined. The emergence of various «schemes» to avoid liability for improper compensation of such amounts requires strengthening the control of state bodies to oversee the VAT refund mechanism, since the problems of taxation of foreign economic activity are among the key ones that directly affect the development of international trade relations of the country.

Keywords: VAT, export, declaration, goods, invoice, the VAT's rate, contractor, advance.

Основными налоговыми инструментами, регулирующими внешнеэкономическую деятельность, являются:

- 1) применение налоговой ставки 0 процентов по НДС и акцизов для национальных экспортеров;
- 2) обложение НДС и акцизами товаров и услуг, ввозимых на территорию страны;
- 3) обложение НДС электронной коммерции;
- 4) борьба с незаконным выводом облагаемой прибыли через оффшоры.

Как видно, существует достаточно определенный перечень налоговых инструментов, которые играют важную роль в осуществлении внешнеэкономической деятельности. Данные инструменты можно разделить на две составляющие: инструменты по обложению НДС косвенными налогами внешнеторговых операций, и инструменты обложения НДС прибыли организаций и доходов физических лиц, полученных от источников за рубежом.

Изучая судебную практику, на сегодняшний день можно выделить следующие проблемы, возникающие при возмещении налогоплательщиком «экспортного» НДС:

Во-первых, проблема «собственных», правовых позиций налоговых органов относительно порядка возмещения, выражающиеся, в отдельных случаях, в определенном способе толкования норм налогового законодательства. Из анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что налоговые органы приводят разнообразные доводы, порой не предусмотренные НК РФ, для отказа требований в отношении применения налоговых вычетов с уплаченных сумм НДС.

Во-вторых, проблема приоритета судебной практики в сфере возмещения «экспортного» НДС. Как видно из вышеперечисленных примеров, большее количество спорных вопросов разрешаются судебными органами. Приоритетное значение занимают определения Конституционного суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, востребованность и актуальность которых очевидна, поскольку споры, связанные с данным вопросом, занимают значительную роль в общем числе судебных споров.

В-третьих, проблемы администрирования НДС, связанные с трудностями взимания НДС и борьбой с неправомерным возмещением «экспорт-

ного» НДС из бюджета. Незаконное возмещение «экспортного» НДС ведет к существенным потерям бюджета страны. Использование различных схем ухода от налогообложения, сложность администрирования дают возможность налогоплательщикам неправомерно возмещать НДС.

В целом же, проблема несовершенства законодательства является первостепенной, из которой вытекают следующие. В настоящее время органы власти совместно с Федеральной налоговой службой, используя накопленный опыт, разрабатывают такие нормативные акты и поправки к ним, которые позволят не допускать необоснованного возмещения «экспортного» НДС. Таким образом, только совместные действия ФТС и ФНС, правоохранительных органов, направленные на выявление и пресечение незаконного возмещения НДС по экспортным операциям, помогут исключить неправомерность данного действия из предпринимательской деятельности.

Проанализируем фактические результаты осуществления внешнеэкономической деятельности за последние несколько лет в таблице 1.

Таблица 1

Товарная структура экспорта в РФ за 2015–2018 гг.

	2015	2016	2017	2018	Абсолютный темп прироста 2018 г. к 2015 г.
	Млн долл. США	Млн долл. США	Млн долл. США	Млн долл. США	
Экспорт – всего	343512	285652	357767	450500	106988
в том числе:					
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	16215	17075	20699	24900	8685
минеральные продукты	219167	169145	216184	292000	72833
продукция химической промышленности, каучук	25405	20819	23972	27400	1995
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	311	264	287	300	-11
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9845	9807	11775	13900	4055
текстиль, текстильные изделия и обувь	873	918	1105	1200	327
металлы, драгоценные камни и изделия из них	40760	37558	48121	54600	13840
машины, оборудование	25422	24548	28283	29100	3678
и транспортные средства	5513	5517	7342	7100	1587
прочие товары					

Как видно из таблицы 1, наибольший удельный вес на протяжении всего периода занимает экспорт минеральных продуктов, таких как сырая нефть, нефтепродуктов, природного газа. Увеличение объемов и рост мировых цен привел к такому значительному увеличению показателей. Аналогичная ситуация и с реализацией черных и цветных металлов и изделий из них, а также, поставок рафинированной меди и необработанных медных сплавов, что привело к значительному увеличению рассматриваемых показателей.

Рассмотрим общий объем экспорта в структуре внешнеторгового оборота за 2015–2018 гг., представленный в таблице 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сумма экспорта превышает долю импорта в общем объеме внешнеторгового оборота за 2010 и

2014–2018 гг. Также, следует отметить, как негативно повлияли мировые санкции 2014 года на объем экспорта из РФ. Однако сложившаяся политическая ситуация спустя 2 года начала оказывать положительное влияние как на экспорт, так и на внутреннее производство в стране. Были рассмотрены и внесены в законодательство множественные поправки в отношении сельскохозяйственной продукции, а также, ряда других отраслей, что позволило в дальнейшем расширяться внутреннему рынку страны как по производству отечественных товаров, так и по реализации таких товаров в режиме экспорта, что увеличило конкурентоспособность отечественных продуктов по сравнению с теми, что представлены на зарубежном рынке.

Проанализируем прогноз суммы НДС к возмещению на период 2019–2023 гг. в таблице 3.

Таблица 2

Доля экспорта в объеме внешнеторгового оборота

Показатель	2010	2014	2015	2016	2017	2018	Абсолютный темп прироста 2018 г. к 2015 г.
Объем экспорта, млрд. долл. США	393	497	344	286	358	450	106
Внешнеторговый оборот, млрд. долл. США	638	805	534	473	591	693	159
Доля экспорта в объеме внешнеторгового оборота, %	62	62	64	60	61	65	–

Таблица 3

Динамика налоговых вычетов НДС при документальном подтверждении применения налоговой ставки 0 процентов за 2014–2018 гг.

Год	Сумма налоговых вычетов по операциям по реализации товаров (работ, услуг), обоснованность применения налоговой ставки 0 процентов, по которым документально подтверждена, с учетом сумм налога, ранее принятых к вычету и подлежащих восстановлению, млрд руб.	Абсолютный прирост, млрд руб.		Темп роста, %	Темп прироста, %	Абсолютное значение 1 % прироста, млрд руб.
		цепной	базисный	цепной	цепной	цепной
2014	1557	–	–	–	–	–
2015	1756	198	198	113	13	16
2016	1878	122	320	107	7	18
2017	1876	–2	318	100	0	19
2018	2116	241	559	113	13	19

На основании рассчитанных выше данных, базисный абсолютный темп прироста показывает, что каждый год, по отношению к базисному году, в цепном показателе нельзя наблюдать стабильную динамику роста. Как упоминалось выше, возможными причинами спада могут быть санкции со стороны зарубежных стран, а также – ужесточение налоговых органов к проверке документов и выявлению различных противоправных «схем» возмещения налога из бюджета. В процентном соотношении наибольший цепной и базисный темп роста и прироста наблюдается в 2018 году – 113 % и 13 % соответственно.

Далее рассмотрим такие обобщающие показатели, как средние показатели в рядах динамики.

сумма налога к возмещению имеет тенденцию к увеличению, однако,

Средний абсолютный прирост равен 139 млрд руб. Исходя из рассчитанного среднего значения абсолютного прироста, можно предположить, что сумма НДС к возмещению из бюджета каждый год увеличивалась на 139 млрд руб. Средний темп роста за выбранные годы составил 106 %. Ему соответствует средний темп прироста в размере 6 %. Данный показатель означает, что, в среднем, каждый год возмещение НДС из бюджета увеличивается на 6 %. В свою очередь, среднее значение ежегодно поступающей суммы налога в бюджет составляет 1836 млрд руб.

Таблица 4

Расчетные данные для определения параметров и выровненных теоретических значений (t)

Год	ti	yi	ti ²	yiti
2014	–2	1557	4	–3115
2015	–1	1756	1	–1756
2016	0	1878	0	–
2017	1	1876	1	1876
2018	2	2116	4	4233
Итого		9183	10	1238

Коэффициент регрессии a_1 показывает, что при увеличении периода на единицу, значение суммы НДС к возмещению в среднем увеличится на 124 млрд руб. Уравнение, описывающее линию развития данного динамического ряда примет вид:

$$t = 1836 + 124t.$$

Для того, чтобы определить, как будут выглядеть поступления в бюджет в ближайшие 5 лет, воспользуемся методами экстраполяции. Рассчитанные данные представлены в таблице 5.

Годовые прогнозные значения сумм НДС к возмещению на 2019-2023 гг.

Год	Прогноз на основе			ti
	Среднего абсолютного прироста, млрд руб.	Среднего темпа роста, млрд руб.	Аналитического выравнивания, млрд руб.	
2019	2256	2250	2209	3
2020	2395	2392	2333	4
2021	2534	2544	2457	5
2022	2673	2705	2581	6
2023	2812	2876	2705	7

Данный прогноз сделан в рамках действующего законодательства о налогообложении ВЭД, однако, следует предположить, что своевременное

и точечное совершенствование налогового законодательства позволит увидеть суммы значительно больше представленных.

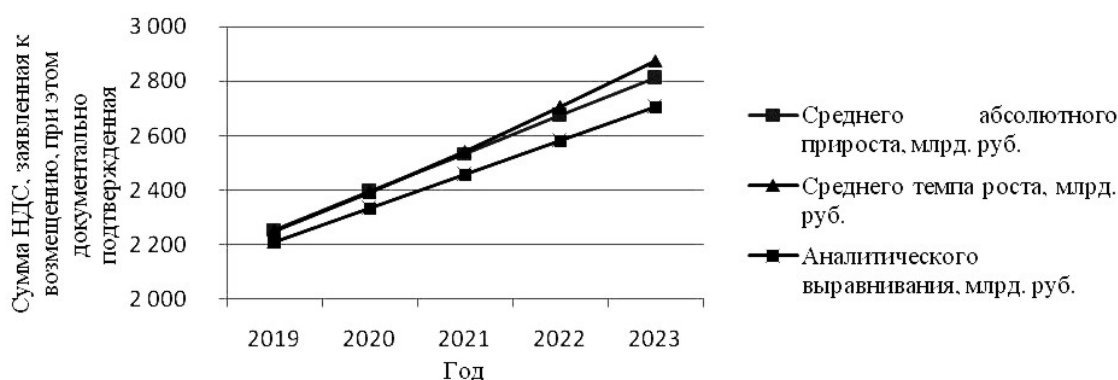

Рисунок 1 – Годовые прогнозируемые значения сумм НДС за 2019–2023 гг.

В последние годы в экономической литературе рассматривались различные предложения по совершенствованию механизма по удержания налога с целью повышения эффективности налогового контроля:

- 1) отмена возмещения НДС из бюджета;
- 2) введение механизма электронных счетов-фактур;
- 3) введение системы регистрации налогоплательщиков НДС;
- 4) введение специальных «НДС-счетов»;
- 5) упорядочивание и упрощение процедуры получения возмещения НДС в условиях применения налоговой ставки 0 процентов.

Рассмотрим, как данные предложения реализованы в настоящее время.

Частичная отмена возмещения НДС из бюджета применяется, например, в Китае, а также ряде некоторых стран. В России был предложен вариант с отменой возмещения НДС по преобладающим сырьевым статьям экспорта, таким как нефть, различные виды металлов, газ, при условии существенного сокращения (в 1,5–2 раза) размера возмещения НДС по товарам, не пользующихся спросом. При этом невозмещаемую сумму НДС – налогоплательщикам-экспортерам следует включать в затраты производства и обращения, и вести раздельный учет. Однако введение такой меры не позволит решить более значимую

проблему неправомерности зачетов «входного» НДС при реализации товаров и услуг внутри страны.

Электронные счета-фактуры были введены и последние годы активно используются крупными организациями, однако, как отмечалось выше, их введение не обеспечит полную прозрачность осуществляемых операций по экспорту, а также, не приведет к исчезновению различных схем по возмещению НДС с использованием фирм-однодневок.

Аналогичный результат следует ожидать от функционирования специальной системы регистрации налогоплательщиков. Подобный сервис уже введен Федеральной налоговой службой – «Прозрачный бизнес». В данной системе в открытых источниках отображается информация об основных экономических показателях налогоплательщиков, а также на основании определенных критериев формируется рейтинг добросовестных налогоплательщиков. Однако регистрация в качестве налогоплательщика не гарантирует государству, что предприятие не будет осуществлять деятельность в качестве фирмы-«однодневки», и, получив, от покупателя сумму НДС, своевременно уплатит ее в бюджет.

При введении специальных счетов предполагается уполномочить банки на их ведение. То есть, зачисленный на такой счет «входной» НДС будет задерживаться и аккумулироваться, тем самым, при наступлении момента налогоплательщик сможет возместить необходимые суммы НДС при подтверждении налоговой ставки 0 процентов из

данной суммы. По мнению многих ученых, данный метод также не позволит решить проблему непропорционального возмещения НДС. С другой стороны, срок возмещения «экспортного» НДС может значительно сократиться. Фактически, можно будет ввести заявительный порядок возмещения НДС для всех без исключения налогоплательщиков с последующим контролем налоговых органов. При этом не потребуется прибегать к таким обеспечительным мерам, как банковская гарантия или залог имущества налогового комплекса. К тому же, государство сможет, без последствий для наполняемости бюджета, снизить ставку НДС до 15–16 %.

Считается, что снижение налоговых ставок благоприятно отражается:

- 1) на трудовой и деловой активности;
- 2) на увеличении объема выпускаемой продукции, повышении производительности труда;
- 3) на уровне инфляции и цен;
- 4) на соотношении «теневой» и легальной экономики.

Как говорилось ранее, одним из предложений по развитию механизма возмещения «экспортного» НДС будет служить сокращение подтверждаемой документации в отношении экспорта при применении налоговой ставки 0 процентов. Поскольку представляемые документы должны подтверждать факт экспорта товаров с таможенной территории РФ, то наличие контракта с иностранным покупателем не может служить доказательством отсутствия факта экспорта. Похожее мнение находят место в отношении поступления выручки от иностранного лица. В свою очередь, существующие технологии, используемые в банковской сфере, позволяют имитировать как зачисление, так и списание денежных средств на счета даже при отсутствии фактического перемещения товаров.

В некоторых странах документы, подтверждающие факт экспорта товаров или услуг, представляются не в том налоговом периоде, когда возникла необходимость возмещения налога, а по итогам каждого квартала, за который были представлены требования о возмещении или 1 раз в год.

Существуют также различные методы оценки рисков уклонения от налогообложения, применяемые исключительно налоговыми органами. В виду определенного ограничения доступа к данным методам государство может сократить потери бюджета. Особое место занимает налоговый мониторинг. Считается, что повышение эффективности проведения камеральных проверок и анализа используемых «схем» осуществления внешнеэкономической деятельности позволят усовершенствовать накопление информационно-аналитической информации в отношении налогоплательщиков.

В экономической литературе учеными высказываются различные предложения по исследуемой

проблематике. В частности, предлагается ввести в Налоговый Кодекс положение, согласно которому любая сделка или схема, не имеющая никакого экономического смысла, кроме уменьшения налоговых обязательств перед государством, должна быть признана уклонением от уплаты налога со всеми вытекающими последствиями. Возможен и другой, более рациональный, но одновременно и достаточно сложно реализуемый вариант: прописать в части 1 НК РФ все возможные схемы, которые признаются Налоговым Кодексом как уклонение от уплаты налога. Любые другие, не включенные в НК РФ, виды сделок и схем до их практического применения должны быть согласованы с налоговыми органами. В противном случае они также относятся к категории уклонения от уплаты налогов. Это сделает более прозрачными отношения между государством и налогоплательщиком. Вместе с тем, целесообразнее было бы распространить на подобные схемы примерные порядок и условия заключения соглашения налогоплательщика с налоговым органом. Подобные положения имеют место в налоговом законодательстве ряда экономически развитых стран. В частности, во Франции, США, Швеции, Израиле такие проблемы решаются через процедуру, так называемого, фискального рескрипта, когда налогоплательщик до заключения определенной сделки может направить в соответствующие органы запрос о правомерности операции, которую он намеревается совершить в будущем.

В развивающейся рыночной экономике нельзя обойтись без анализа и частичного применения накопленного теоретического и практического зарубежного опыта в целях совершенствования управления механизма макроэкономики. Необходимо кардинально ужесточить контроль по использованию «экспортного» НДС в качестве незаконного средства обращения.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что необходимо:

- 1) во-первых, законодательное закрепление порядка применения налоговой ставки 0 процентов, а также, законодательное закрепление в качестве правонарушения – деяние по непропорциональному факту возмещения «экспортного» НДС;
- 2) во-вторых, комплексное взаимодействие ФТС и ФНС, правоохранительных органов на основе общей информационно-аналитической базы на локальном и международном уровнях;
- 3) в-третьих, применение накопленного опыта зарубежных стран.

Известно, что контроль – важнейшая составляющая по обеспечению своевременного исполнения установленных обязательств. Снижение налоговой ставки, сокращение перечня подтверждающих документов, введение новых мер по обеспечению поступления средств в бюджет не обходится без ужесточения контроля за уплатой налогов. Введение данных мер позволит способствовать сокращению злоупотребления пробелами налогового законодательства со стороны

налогоплательщиков, что и является главной целью государственных органов в сфере налоговой политики.

Важно отметить, что все рассмотренные и предложенные меры по решению вопроса о

Литература:

1. *Абрамов В.Л.* Реализация экономических интересов России при взаимодействии со странами Азии и ближнего востока в условиях новых вызовов и возможностей сотрудничества. М., 2018. 327 с.
2. *Гончаренко Л.И.* Налоговое администрирование и контроль : учебник / Л.И. Гончаренко; Под ред. д-ра экон. наук, проф. Л.И. Гончаренко. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2019. 448 с.
3. *Дегтярева О.И.* Управление внешнеэкономической деятельностью в РФ в условиях интеграции в рамках ЕАЭС : учебное пособие / О.И. Дегтярева, Е.С. Ратушняк, А.В. Шевелева; Под ред. О.И. Дегтяревой. М. : Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 368 с.
4. *Лермонтов Ю.М.* Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров по налогу на добавленную стоимость за январь-июнь 2006 года // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL : <http://www.consultant.ru/>
5. *Малис Н.И.* Налоговый учет и отчетность: учебник и практикум для СПО / Н.И. Малис, Л.П. Грундел, А.С. Зинягина; Под ред. Н.И. Малис. М. : Издательство Юрайт, 2017. 341 с. Серия: Профессиональное образование.
6. *Пансков В.Г.* Налоги и налогообложение 6-е изд., пер. и доп. Учебник и практикум для среднего профессионального образования. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 436 с.
7. *Поляков А.В.* Общая теория права : учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. 2-е изд. СПб. : СПбГУ, 2015. 472 с.
8. *Романов Б.А.* НДС: прямой метод исчисления : монография. М. : ИЦ РИОР, 2017. 115 с.

неправомерном возмещении «экспортного» НДС необходимо осуществлять в тесном и комплексном взаимодействии друг с другом для дальнейшего обеспечения полноты прозрачности рассматриваемых операций.

Literature:

1. *Abramov V.L.* Implementation of Russia's economic interests in interaction with the countries of Asia and the middle East in the context of new challenges and opportunities for cooperation. M., 2018. 327 p.
2. *Goncharenko L.I.* Tax administration and control: the textbook / L.I. Goncharenko; under the editorship of the Dr. Ekon. Sciences, Professor L.I. Goncharenko. M. : master : INFRA-M, 2019. 448 p.
3. *Degtyareva O.I.* Management of foreign economic activity in the Russian Federation in the context of integration within the EEU : textbook / O.I. Degtyareva, E.S. Ratushnyak, A.V. Sheveleva; Ed. about A.I. Degtyareva. M. : Master, SIC infra-m, 2017. 368 p.
4. *Lermontov Yu.M.* Review of the practice of consideration by Federal arbitration courts of districts of disputes on value added tax for January-June 2006. // reference legal system ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru/>
5. *Malis N.I.* Tax accounting and reporting: textbook and workshop for SPO / N.I. Malis, L.P. Grundel, A.S. Zinyagina; edited by N.I. Malis. M. : yuraytPublishing house, 2017. 341 p. Series: professional education.
6. *Pankov W.G.* Taxes and taxation 6th ed. lane and add. Tutorial and workshop for secondary vocational education. 6th ed., pererab. and add. M. : yurayt Publishing house, 2019. 436 p.
7. *Polyakov A.V.* General theory of law : textbook / A.V. Polyakov, E.V. Timoshina. 2nd ed. SPb. : SPBU, 2015. 472 p.
8. *Romanov B.A.* VAT: direct method of calculation : monograph. M. : IC RIOR, 2017. 115 p.

Шишкина Дарья Федоровна

студентка кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
darya.sh1818@gmail.com

Савина Валерия Алексеевна

студентка кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
lerasavina68@gmail.com

Красов Иван Сергеевич

студент кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
ivan.krasov.00@bk.ru

Усов Михаил Александрович

студент кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
usov.99@bk.ru

**Роль материальной мотивации
в достижении экономической
эффективности организаций**

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме влияния материальной мотивации сотрудников на производительность труда и экономическую эффективность организаций. В настоящее время все больше эмпирических исследований указывают на недовольство или безразличие сотрудников к своей работе, что неизбежно сказывается на результатах деятельности организаций. Мотивирование персонала является одной из ключевых проблем менеджмента, и выявление причин недовольства и безразличия сотрудников является приоритетной задачей современного руководителя. В статье отмечается, что мотивация сотрудников является важным условием для достижения высокой производительности труда. Материальные потребности являются базовыми потребностями, вокруг которых выстраивается фундамент мотивационного комплекса.

В данной статье рассмотрены взаимосвязи между материальными поощрениями и качественной производительностью труда, а также, приведены альтернативные способы мотивирования персонала. Выявлены основные мотивирующие факторы, входящие в число таких способов. В статье представлены и проанализированы позиции различных авторов и сделаны выводы по результатам исследования.

Ключевые слова: мотивация, материальная мотивация, персонал, менеджмент.

Dar'ya F. Shishkina

Student of Department of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
darya.sh1818@gmail.com

Valeriya A. Savina

Student of Department of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
lerasavina68@gmail.com

Ivan S. Krasov

Student of Department of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
ivan.krasov.00@bk.ru

Mikhail A. Usov

Student of Department of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
usov.99@bk.ru

**THE ROLE OF MATERIAL MOTIVATION
IN ACHIEVING ECONOMIC EFFICIENCY
OF ORGANIZATIONS**

Annotation. The article is devoted to the current problem of the influence of material motivation of employees on labor productivity and economic efficiency of organizations. Currently, more and more empirical studies indicate that employees are dissatisfied or indifferent to their work, which inevitably affects the results of organizations. Personnel motivation is one of the key problems of management, and identifying the causes of dissatisfaction and indifference of employees is a priority for the modern leader. The article notes that employee motivation is an important condition for achieving high labor productivity. Material needs are basic needs around which the foundation of the motivational complex is built.

This article discusses the relationship between material incentives and quality productivity, as well as provides alternative ways of motivating staff. The main motivating factors that are among such methods are identified. The article presents and analyzes the positions of various authors and draws conclusions from the study.

Keywords: motivation, material motivation, personnel, management.

Экономическая эффективность организаций неразрывно связана с производительностью труда их сотрудников. Повышению производительности труда способствует наличие действенных систем мотивации персонала. Мотивирование сотрудников является одной из главных задач, стоящих перед современными менеджерами, так как мотивированный персонал является залогом успешно выполненной работы.

В числе множества мотивирующих факторов не последнее место занимают и материальные поощрения, способные удовлетворить большинство ведущих потребностей человека. Такая универсальность обеспечивает привлекательность материальных поощрений для употребления в сфере мотивационных технологий на долгие годы вперед.

Залогом успешного развития и роста конкурентоспособности компании является высокий уровень экономической эффективности труда. Качественный уровень эффективности труда находится в прямой зависимости от мотивации сотрудников организации. Повышение мотивации сотрудников является приоритетной задачей руководителя, именно с ее помощью оказывается воздействие на персонал организации. На сегодняшний день самым распространенным методом мотивирования является материальное стимулирование.

Интерес к данной теме можно наблюдать у многих авторов. С точки зрения Салихова А.А. и Абдрахимовой Р.Г. Наличие эффективной системы мотивации трудовой деятельности персонала повышает производительность труда, уменьшает текучесть кадров, ведет к успеху и процветанию организации. Мотивация является следствием неудовлетворенных потребностей, и у каждого человека есть мотивация, поскольку нет ни одного полностью удовлетворенного человека. В повседневной практике материальная мотивация является основой, базисом на котором выстроена вся система мотивации [7, с. 188].

Интересна позиция И.А. Родионовой, изложенная в статье «Повышение экономической эффективности труда работников на основе совершенствования системы мотивации». Автор отмечает, что человек трудится лишь в том случае, если он получает субъективно значимое вознаграждение, преимущественно денежное. Более выгодное предложение конкурентов или обнаруженная несправедливость в оплате труда становятся демотивирующими факторами, провоцирующими низкую работоспособность, низкую эффективность или нацеленность на смену места работы [6, с. 70].

С точки зрения А.Л. Никишиной и Ю.М. Соболевой, материальная мотивация подходит практически всем сотрудникам, а следовательно, является одним из самых простых способов стимулирования деятельности персонала. В современных условиях российской экономики целесообразно использовать методы мотивирования персонала, принятые на вооружение зарубежными компаниями. К ним относится участие в прибылях

и акционерном капитале, подарки сотрудникам, путевки, бонусы [5, с. 105]. В свою очередь, В.В. Абрамова считает, что при разработке современных мотивационных методик основная проблема состоит в нахождении правильного соотношения материального и нематериального мотивирования сотрудников. При злоупотреблении материальной мотивацией человека становится сложно мотивировать работать лучше. В число альтернативных методов мотивирования работников входят такие факторы, как:

- возможность карьерного роста сотрудников;
- учет не только деловых, но и личных интересов работников;
- постановка четких целей и задач;
- предоставление сотрудникам позитивных примеров поведения.

Сбалансированная система стимулирования труда позволяет не только повысить эффективность работы сотрудников, но и добиться существенного снижения издержек, а также, максимально реализовать потенциал каждого отдельно взятого сотрудника [1, с. 463].

Проведя анализ экономической литературы, можно сделать вывод о том, что экономическая эффективность труда находится в прямой зависимости не только от квалификации и уровня ответственности работника, но и от его мотивированности в выполнении поставленных перед ним задач. На сегодняшний день существует множество мотивационных факторов, оказывающих влияние на экономическую эффективность труда сотрудников организаций, важное место среди которых, помимо множества других аспектов, занимает уровень заработной платы.

Проанализировав точки зрения разных авторов касательно темы исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Материальная мотивация сотрудников – важный фактор, влияющий на экономическую эффективность организаций.
2. Высокая заработная плата является наиболее примитивным, но не всегда доступным инструментом мотивирования персонала.
3. Заработная плата должна быть правильно связана с результатами трудовой деятельности. Это может достигаться путем введения рейтинговой формы поощрения.

Не возникает сомнений в том, что мотивация сотрудников имеет важную роль в достижении высокой производительности труда. Мотивационная составляющая должна быть, в первую очередь, выражена в удовлетворении материальных потребностей персонала. Тем не менее, основа высокой заинтересованности сотрудников в достижении высоких результатов заключается в правильном сочетании материальных и нематериальных мотивирующих факторов.

Литература:

1. *Абрамова В.В.* Мотивация персонала как элемент системы стратегического управления предприятием // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. № 12. С. 463–465.
2. *Головенкова Ю.Н.* Материальные потребности как основа мотивации / Ю.Н. Головенкова, Н.Д. Борщик // Научный вестник Крыма. 2016. № 3(3).
3. *Гордеева В.Е.* Мотивация персонала в организациях // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 4-1. С. 217–222.
4. *Евплова Е.В.* К вопросу о материальной и нематериальной мотивации // Перспективы науки и образования. 2013. С. 104–108.
5. *Никишина А.Л.* К вопросу об инновационных методах материальной мотивации / А.Л. Никишина, Ю.М. Соболева // Карельский научный журнал. 2018. № 2(23). С. 105–108.
6. *Родионова И.А.* Повышение экономической эффективности труда работников на основе совершенствования системы мотивации // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 5(21). С. 70–73.
7. *Салихов А.А.* Мотивация персонала / А.А. Салихов, Р.Г. Абдрахимова // Символ науки. 2016. № 5-1. С. 188–190.
8. *Шапиро С.А.* Механизм формирования эффективной материальной мотивации персонала // Путеводитель предпринимателя. 2011. № 6. С. 275.

Literature:

1. *Abramova V.V.* Personnel motivation as an element of the enterprise strategic management system // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2016. № 12. P. 463–465.
2. *Golovenkova Yu.N.* Material needs as the basis of motivation / Yu.N. Golovenkova, N.D. Borshchik // Scientific Bulletin of the Crimea. 2016. № 3(3).
3. *Gordeeva V.E.* Motivation of personnel in organizations // Economics and management: analysis of trends and development prospects. 2013. № 4-1. P. 217–222.
4. *Evplova E.V.* On the question of material and non-material motivation // Perspectives of science and education. 2013. P.104–108.
5. *Nikishina A.L.* On the issue of innovative methods of material motivation / A.L. Nikishina, Yu.M. Soboleva // Karelian scientific journal. 2018. № 2(23). P. 105–108.
6. *Rodionova I.A.* Improving the economic efficiency of workers' labor on the basis of improving the motivation system // Problems of Economics and management. 2013. № 5(21). P. 70–73.
7. *Salikhov A.A.* Personnel Motivation / A.A. Salikhov, R.G. Abdrakhimova // Symbol of science. 2016. № 5-1. P. 188–190.
8. *Shapiro S.A.* Mechanism of formation of effective material motivation of personnel // Entrepreneur's guide. 2011. № 6. P. 275.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.04.2020
Подписано в печать 24.04.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 44

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)